Новая Земля

Орсон Скотт Кард

Красноязий Пророк

Сказание о Мастере Эване

Краснокожий пророк
Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. Краснокожий пророк. (Сказание о Мастере Элвине-2)
Глава 1. РВАЧ
Глава 2. ТАКУМСЕ
Глава 3. ДЕ МОРЕПА
Глава 4. ЛОЛЛА-ВОССИКИ
Глава 5. ПРОРОК
Глава 6. БОЧОНОК С ПОРОХОМ
Глава 7. ПЛЕННИКИ
Глава 8. ПРИХВОСТЕНЬ КРАСНОКОЖИХ
Глава 9. ОЗЕРО МИЗОГАН
Глава 10. ИСПЫТАНИЕ
Глава 11. КРАСНОКОЖИЙ МАЛЬЧИК
Глава 12. ПУШКИ
Глава 13. ВОСЬМИЛИКИЙ ХОЛМ
Глава 14. ТИППИ-КАНОЭ
Глава 15. ОДИН ЧЕЛОВЕК, ДВЕ ДУШИ
Глава 16. ЛАФАЙЕТ
Глава 17. СТАНОК БЕККИ
Глава 18. ДЕТРОЙТ
Глава 19. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

ГЛОССАРИЙ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Аннотация

Нелегок выбор между Тьмой и Светом. Наполеон Бонапарт, возглавивший экспансию Франции в Америку, объявляет войну Соединенным Штатам. Однако у каждого своя война, и юный Элвин, которого ждет звание Мастера, отправляется в поход против сил мрака, которые грозят разрушить наш мир.

Орсон Скотт Кард
Краснокожий пророк
(Сказание о Мастере Элвине-2)

Глава 1
РВАЧ

Давно прошли те дни, когда вниз по Гайо спускались целые армады лодок-плоскодонок, а ведь именно так добирались сюда первые пионеры, везли с собой семьи, всевозможные инструменты, скарб, семена и пару-другую поросят на развод. А теперь, того и гляди, из леса посыплются огненные стрелы — и потом к французам в Детройте заявится какое-нибудь племя краснокожих со связкой полуобгоревших скальпов на продажу.

Но Рвач Палмер подобными проблемами не заботился. Уж его-то судно, доверху заставленное бочонками, узнает всякий краснокожий. В большинстве тех бочонков мелодично плескалось виски — сладкая музыка для этих варваров-краснокожих. Однако внутри огромной кучи драгоценных сосудов, справленных руками умельца-бондаря, скрывалась одна бочка, в которой ничего не плескалось. Ее доверху заполнял порох, от которого отходил бикфордов шнур.

Ну и зачем Рвачу был этот порох? А вот зачем. Предположим, плывет себе баржа по течению,

матросы шестами отталкиваются от отмели, чтобы обогнуть излучину, и вдруг, откуда ни возьмись, вываливается с полдюжины каноэ, битком набитых раскрашенными в воинственные цвета краснокожими из племени кикипу. Или на берегу загорается огромный костер, вокруг которого радостно пляшут дьяволы-шони, размахивая занимающимися огнем стрелами и натягивая луки.

Так вот, здравомыслящие люди в подобных случаях начинают молиться, вступают в драку и благополучно прощаются с жизнями. Но только не Рвач. Он встает посреди лодки, берет в одну руку факел, а в другую — фитиль и орет что есть мочи:

— Взрывай виски! Взрывай виски!

Ну да, большинство краснокожих вообще не разумеют по-английски, зато все они прекрасно знают, что значит «взрывай» и что такое «виски». Поэтому, вместо того чтобы окатить баржу Рвача дождем из огненных стрел или, выпрыгнув из каноэ, наброситься на моряков, краснокожие мигом сворачивают в сторону, прижимаясь к противоположному берегу и обходя плоскодонку с драгоценным грузом. Кое-кто кричит:

— Карфаген-Сити!

Рвач орет в ответ:

— Верно!

И каноэ дружно устремляются вниз по Гайо, направляясь к городу, в котором вскоре начнется продажа огненной воды.

Для парней, что стояли на баграх, путешествие вниз по реке было первым плаванием в жизни, они, конечно же, не знали того, что было известно Рвачу, и потому чуть в штаны не наложили, когда заметили натягивающих луки краснокожих. А когда Рвач поднес факел к фитилю, так они вообще за борт кинулись прыгать. Рвач все животики со смеху надорвал.

— Вы, парни, похоже, ничегошеньки не смыслите в краснокожих и огненной воде, — промолвил он. — У них разрыв сердца случится, если хоть одна капля из этих бочонков прольется в Гайо. Да они собственную мамашу убьют не задумавшись, если она сдуру встанет между ними и заветным бочонком, но нас они пальцем не тронут, видя, что, стоит им неправильно посмотреть в мою сторону, я тут же подорву порох.

Перешептываясь в сторонке друг с другом, работники могли сколько угодно гадать, действительно ли Рвач готов взорвать и баржу, и команду, и себя самого, но самое интересное

заключалось в том, что Рвач без малейших раздумий запалил бы порох. Мыслитель из него был никудышный, размышления о смерти, загробной жизни и прочие философские вопросы никогда его не беспокоили, но про себя он уже решил раз и навсегда: когда ему все-таки придется умереть, он умрет не один. Кроме того, он поклялся, что тот, кто его убьет, от его смерти ничегошеньки не получит. Тем более какой-то там трусливый алкаш краснокожий с ножом для снятия скальпов.

И все-таки не это было главным секретом Рвача Палмера. На самом деле Рвачу вообще не нужен был факел, как не нужен был фитиль. По правде говоря, тот бикфордов шнур даже близко к пороховому бочонку не лежал — Рвачу не хотелось, чтобы какой-нибудь идиот случайно рванул его судно. Нет, если уж нужда поднесет нож к горлу, Рвач просто сядет и чуточку подумает о заветном бочонке. Глазом не успеешь моргнуть, как порох нагреется, может, даже легким дымком потянет, а потом бум! — и ничего не останется.

Верно, верно. Старина Рвач был «факелом». А, ну да, многие твердят, будто бы людей-факелов в природе не существует, а доказывают это простым вопросом: «Ну вот вы, к примеру, встречали ли когда-нибудь человека-факела или, может

быть, знаете кого-то, кто встречал?» Только никакое это не доказательство. Потому что, будучи факелом, вряд ли вы станете кричать на каждом углу о своих способностях. Все равно вас никто не наймет — чтоб зажечь огонь, легче взять кремень и железку или воспользоваться алхимическими спичками. Нет, ваша служба может потребоваться только тому, кто намеревается подпалить что-нибудь с большого расстояния, а такое может понадобиться только человеку, который вознамерился развести *плохой* огонь, чтобы навредить кому-нибудь, сжечь здание, взорвать что-нибудь. Так что если вы захотите исполнить такого сорта работенку, сомневаюсь, что вы станете вешать себе на грудь табличку «Факел ищет клиентов».

Но это еще не самое плохое. Хуже будет, когда по округе пойдет молва, что вы действительно умеете разжигать огонь на расстоянии. Вот тогда начнется — самый ничтожный пожар будут валить на вас. Допустим, чей-нибудь сыночек решает тайком покурить трубку в сарае и сарай сгорает дотла — неужели мальчишка скажет: «Да, па, это я натворил»? Никогда он такого не скажет, он свалит вину на ближнего своего: «Пап, должно быть, огонь зажег какой-нибудь факел!», и все побегут искать вас, козла отпущения, обита-

ющего по соседству. Нет, Рвач дураком не был. Он никогда никому не говорил, что может разжигать пламя без всяких кремней и спичек.

Хотя существовала еще одна причина, почему Рвач крайне редко прибегал к своим способностям. Правда, причина эта таилась так глубоко, что даже сам Рвач не осознавал ее. Дело все в том, что огонь пугал его. Рвач страшно его боялся. Встречаются люди, которые боятся воды и все равно идут в море; другие боятся смерти, но сами же нанимаются рыть могилы; а третьи страшатся Бога — и этот страх гонит их проповедовать. Пуще всего на свете Рвач боялся огня, и все-таки пламя притягивало его к себе — желудок сводило от ужаса, но он шел к нему. Когда ему приходилось разводить костер самому, он отнекивался, откладывал, выдумывал всякие причины, почему ему не нужно этого делать. Рвач обладал даром, но дар этот не приносил ему счастья, поскольку Рвач с огромной неохотой прибегал к своему искусству.

И все-таки он бы сделал это. Взорвал бы порох, себя, своих работников и все виски — но не позволил бы краснокожим завладеть драгоценной жидкостью. Может, Рвач и боится огня, но он пересилит свой страх, если как следует разозлится.

Как замечательно, что краснокожие слишком

любят огненную воду, а поэтому не рискуют даже одной-единственной каплей. Никакое каноэ не приблизится к барже, ни одна стрела не воткнется и не задрожит в бочонке, так что Рвач и его бочки, бочечки, бочоночки, кувшинчики мирно доплывут прямиком до Карфаген-Сити — да уж, ну и имечко подобрал губернатор Гаррисон для какой-то жалкой крепости, окруженной частоколом, выстроенной там, где река Малая Май-Амми впадает в Гайо. И гарнизон-то был целых сто солдат, подумать только! Но Билл Гаррисон относился к тому типу людей, которые сначала дают имя, а потом жилы из подчиненных рвут, чтобы городок соответствовал названию. И действительно, вокруг крепости уже виднелось по меньшей мере пять — десять дымовых труб, а это означало, что Карфаген-Сити вот-вот распрощается со званием деревни.

Радостные вопли он заслышал еще до того, как показалась пристань, — должно быть, краснокожие только и делали, что сидели на берегу реки, поджидая везущую огненную воду лодку. Для Рвача не было секретом, что на этот раз они с особенным нетерпением дожидаются его — немало денежек перекочевало из его рук в жадные лапы поставщиков виски в форте Детройт, чтобы

никто не пользовался его каналом, пока бедный Карфаген-Сити не высохнет, как бычья сиська. Пришлось, конечно, подождать, но вот наконец Рвач появился, и баржа его везет больше спиртного, чем когда-либо. На этот раз он получит достойную цену, все шкуры с них сдерет.

Губернатор Гаррисон, наверное, как гусь, тщеславен, раз посмел назваться губернатором, сам себя выбрав и не посоветовавшись ни с кем, однако этот человек знает свое дело. Гвардия его, облаченная в ладно сидящие мундиры, выстроилась в прямую линеечку прямо перед пристанью, держа мушкеты наготове, чтоб пальнуть в первого же краснокожего, который посмеет хоть шаг к берегу сделать. И это не формальность, потому что Рвач сам видел, как хочется краснокожим добраться до огненной воды. Конечно, они не прыгали на месте, как нетерпеливые дети, но стояли затаив дыхание, стояли и ели жадными глазами приближающуюся баржу, стояли у всех на виду, сверкая полуголыми телами, и плевать им было, что творится вокруг. Смирненько так стояли, готовые гнуть спины и пресмыкаться, просить и вымаливать: «Пожалуйста, мистер Рвач, один бочонок за тридцать оленьих шкур, пожалуйста». О, как сладко это звучит, как же-

ланно: «Пожалуйста, мистер Рвач, одну чашечку виски за эти десять ондатровых шкурок».

— Эге-ге-ге-гей! — заорал во всю глотку Рвач.

Парни на баграх посмотрели на него как на ненормального, они-то ведь не знали, никогда не видели, какими раньше были эти краснокожие, до того, как губернатор Гаррисон открыл здесь свой магазинчик. Они, бывало, взглядом бледнолицего не удостаивали, приходилось на карачках забираться в их жуткие вигвамы, исходить кашлем до полусмерти от едкого дыма, но сидеть, обмениваясь знаками и болтая на их мумбе-юмбе, пока не получишь разрешение на торговлю. Были времена, когда краснокожие встречали баржу с луками и копьями в руках, и ты обмирал, еле дыша и гадая, то ли снимут с тебя скальп, то ли решат, что лучше поторговаться.

Больше такого не было. Теперь они руку не смеют поднять на белого человека. Теперь их языки до коленей свисают, как у собак, в ожидании желанной огненной воды. Они будут пить, пить, пить, пить, пить и *эге-ге-ге-гей*! Так и издохнут, захлебнувшись виски, а лучшего исхода не придумать, никогда не придумать. Хороший краснокожий — мертвый краснокожий, всегда говаривал Рвач. Дела у них с Биллом Гаррисоном

налажены, так что теперь краснокожие будут, как мухи, дохнуть от виски — да еще приплачивать за подобный исход.

Поэтому Рвач был счастлив донельзя, когда его баржа наконец пришвартовалась к пристани Карфаген-Сити. И хотите верьте, хотите нет, сержант честь ему отдал! Помнится, маршалы Соединенных Штатов совсем иначе обращались с ним, презрительно меряя взглядами, будто перед ними нечистоты, соскобленные с сиденья в отхожем месте. Здесь же, в новой стране, к вольным парням типа Рвача относились как к настоящим джентльменам, и Рвач против этого ничего не имел. Пускай всякие там пионеры-первопроходцы с толстыми уродливыми женами и волосатыми отпрысками валят деревья, пашут землю, растят кукурузу и кур, влача жалкое существование. Такая судьба Рвача не устраивает. Он придет позже, когда поля зазеленеют, когда поднимется урожай и дома выстроятся рядками на ровных, вымощенных камнем улицах, и, заплатив деньги, купит самый большой дом в городе. Даже банкир будет уступать ему дорогу, прыгая в грязь, лишь бы уважить Рвача, и мэр будет обращаться к нему как к истинному лорду — если к тому времени Рвач сам не решит стать мэром.

Вот что сулила отданная сержантом честь, когда он ступил на берег. Она говорила о его будущем.

— Мы все разгрузим, мистер Рвач, — обратился к нему сержант.

— Да у меня целая команда лодырей, — махнул рукой Рвач, — поэтому давайте не будем зря гонять ваших парней, тем более что за ними нужен глаз да глаз. Впрочем, я предполагаю, что где-то на барже затерялся один бочонок доброго пшеничного виски, который почему-то никто не сосчитал. Так что, могу поспорить, пропажи бочонка никто не заметит.

— Мы будем сама осторожность, сэр, — ответил сержант, расплываясь в широкой улыбке и показывая все зубы до единого.

По его довольной роже Рвач понял, что по меньшей мере половину бочонка сержант вознамерился присвоить себе. Если он совсем дурак, то распродаст свою долю по стопочке краснокожим. Однако на половине бочонка виски не очень-то наживешься. Нет, если у сержанта в голове имеются хоть какие-то мозги, он *поделится* своим виски с офицерами, которые могут посодействовать в его продвижении по службе. И вскоре сержант уже не будет встречать подплывающие к

городу баржи, нет, сэр, а поселится в офицерских квартирах, на боку у него будет качаться добрая стальная шпага, а в спальне его будет поджидать красавица жена.

Рвач не стал делиться своими мыслями с сержантом. Потому что из своего жизненного опыта давно вынес одну истину: если человеку надо указывать, что делать, у него все равно не хватит ума гладко обстряпать дельце. А если он и сам может справиться, то чего какой-то торговец спиртным должен лезть в его дела?

— Губернатор Гаррисон хотел встретиться с вами, — сказал сержант.

— А я очень хочу встретиться с ним, — ответил Рвач. — Но сперва я должен принять ванну, побриться и надеть что-нибудь чистое.

— Губернатор сказал, вы можете остановиться в старом особняке.

— Где-где? — удивился Рвач. Гаррисон построил себе особняк всего четыре года назад. Лишь одна причина могла заставить Билла съехать оттуда и спешно строить новое жилище. — Так что ж, губернатор Билл переехал и взял себе новую жену?

— Именно, — кивнул сержант. — Красавицу, пальчики оближешь. Представьте, ей всего пятнадцать! Правда, она родом с Манхэттена,

поэтому по-английски не очень-то говорит… Одним словом, речь ее не слишком смахивает на английскую.

Это Рвача ни капельки не встревожило. Он отлично говорил по-голландски, после английского это был его второй родной язык — во всяком случае язык шони он знал куда хуже. Дня не пройдет, как он будет по-дружески болтать с женой Билла Гаррисона. Он даже подумал, а почему бы не… но нет, нет, связь с замужней женщиной к добру не приведет. Рвач всегда был не прочь, однако он прекрасно знал — на эту дорожку сворачивать не стоит, ничего хорошего из этого не выйдет. Кроме того, сдались ему белые бабы, когда вокруг столько мучимых жаждой скво.

Интересно, куда Билл Гаррисон, обзаведшийся новой женой, дел своих детей? Рвач никак не мог припомнить, сколько мальчишкам сейчас лет, но наверняка они уже достаточно повзрослели, чтобы дикая жизнь влекла их. Хотя у Рвача было некое странное ощущение, что лучше бы юношам остаться в Филадельфии, у своей тетки. Не потому, что жизнь в глуши чревата опасностями, а потому, что им лучше держаться подальше от своего отца. Рвач ничего не имел против Билла Гаррисона, только вряд ли губернатора можно

было назвать идеальным кандидатом на воспитание детей — даже своих собственных.

У ворот крепости Рвач остановился. А, очень миленько. Рядом с обычными оберегами и амулетами, которые должны, по идее, защищать городок от врагов, пожаров и прочих бедствий, губернатор Билл приколотил новую табличку длиной аж с ворота. Большими буквами на ней было написано: «КАРФАГЕН-СИТИ» и дальше, буквами поменьше: «Столица Воббского штата».

Такое мог придумать только старина Билл. Скорее всего он счел, что табличка эта окажется посильнее всяких оберегов. Например, Рвач, будучи факелом, знал, что оберег от пожара не остановит его, разве что рядом с магическим знаком будет чуточку *труднее* развести огонь. Но если он подпалит здание немного дальше, оберег благополучно сгорит вместе со всеми домами. Однако в этой табличке, называющей Воббскую долину штатом, а Карфаген — ее столицей, содержалась сила пореальнее, сила, которая могла управлять человеческой мыслью. Если долго твердить одно и то же, люди постепенно начнут думать, что так оно и есть на самом деле, и очень скоро *все так и станет*. Нет, ну конечно, глупости всякие типа «Сегодня ночью луна оста-

новится в небе и повернет обратно» лучше не говорить, потому что для этого сама луна должна услышать ваши слова. Но если пару-другую раз сказать: «Эту девчонку поиметь ничего не стоит» или «Этот мужик — наглый ворюга», — можно не беспокоиться, поверит вам человек, которого вы имели в виду, или нет, — *все остальные* поверят вам и будут относиться к этим людям так, будто вы сказали чистую правду. Поэтому Рвач сразу раскусил намерения Гаррисона, ведь чем больше людей увидят табличку, провозглашающую Карфаген столицей штата, тем больше вероятность, что когда-нибудь так оно и будет.

Хотя на самом деле Рвача не особенно волновало, станет губернатором Гаррисон, основав столицу в Карфаген-Сити, или тот набожный чистюля Армор Уивер, что поселился на севере, там, где Типпи-Каноэ впадает в Воббскую реку. Во втором случае столицей станет Церковь Вигора, ну и что? Пускай эти двое дерутся друг с другом; кто бы из них ни победил, Рвач все равно станет богатым человеком и будет жить как ему вздумается. Либо так, либо весь этот городок заполыхает, как один большой факел. Если Рвач потерпит окончательное и бесповоротное поражение, он уж позаботится о том, чтобы остальные

тоже ничего не выгадали. Очутившись в самом безвыходном положении, человек-факел всегда успеет поквитаться — по мнению Рвача, это единственное достоинство дара разжигать огонь на расстоянии.

Впрочем, было еще одно преимущество — Рвач мог подогревать воду в ванне, когда захочет, так что кое-где дар приходился очень кстати. О, как хорошо покинуть наконец опостылевшую реку и вернуться к цивилизованной жизни. Одежда, ожидающая его, была чисто выстирана, а какое наслаждение испытал Рвач, сбрив колючую щетину, вам не описать. Это не говоря уже о том, что скво, купавшая его, так жаждала заработать лишнюю кружку огненной воды, что, если б Гаррисон не послал за ним солдата, забарабанившего в дверь и попросившего поспешить, Рвач мог бы получить первую прибыль со своих товаров. Но ему пришлось вытереться и одеться.

Скво жадными глазами пожирала направившегося к двери Рвача.

— Ты вернуться? — спросила она.

— Куда ж я денусь, — усмехнулся он. — И принесу с собой маленький бочоночек.

— До того как падать ночь. Лучше, — сказала она.

— Ну, может, до этого, может, после, — пожал плечами он. — Какая разница?

— После темноты краснокожие, как я, за стены форта.

— С ума сойти, — пробормотал Рвач. — Ну, попробую вернуться до темноты. Но если не получится, я тебя запомню. Может, лицо и забуду, но руки — никогда. Купание вышло замечательным.

Она улыбнулась, по ее лицу расползлась гротескная пародия на улыбку. По идее, краснокожие должны были давным-давно вымереть — размножишься тут, если невесты сплошные уродины. Хотя если закрыть глаза, сойдет и скво — на ту пору, пока не вернешься к настоящим женщинам.

Оказалось, Гаррисон занимался не только строительством нового особняка — к крепости добавился целый квартал, поэтому теперь форт занимал вдвое большую площадь, чем когда-то. Кроме того, к частоколу, окружающему крепость, пристроили широкий парапет, огибающий форт по всему периметру. Гаррисон готовился к войне. Рвач забеспокоился. В военное время торговля спиртным идет не больно-то шибко. Краснокожие, идущие в битву, это не те изгои, что сшиваются здесь, надеясь разжиться глотком

виски. За последние годы Рвач повидал слишком много пьяниц-краснокожих, поэтому совершенно позабыл, что существуют и другие, куда более опасные дикари. Тут он заметил пушку. Нет, даже две пушки. Плохи дела, ой, плохи.

Вопреки ожиданиям, кабинет Гаррисона располагался не в новом особняке. Он находился совсем в другом, таком же новом здании, специально построенном под штаб гарнизона. Окна в юго-западном углу ярко светились, стало быть, именно там и обосновался Гаррисон. Рвач заметил, что, кроме привычных солдат, стоящих на вахте, и разбирающихся с бумажной работой офицеров, в здании штаба обитают несколько краснокожих — обычно они либо лежали на полу, либо сидели по углам. Прирученные краснокожие Гаррисона — он всегда держал под рукой парочку одомашненных дикарей.

Однако сегодня краснокожих было больше, чем обычно. Одного из них Рвач узнал — это был Лолла-Воссики, одноглазый дикарь из племени шони. Этот краснокожий постоянно был пьян так, что лыка не вязал, однако почему-то он еще не загнулся. Даже его сородичи краснокожие смеялись и издевались над ним: Лолла-Воссики дошел до ручки, он жить без огненной воды не

мог.

Но смешнее всего то, что именно Гаррисон в свое время застрелил отца этого дикаря, примерно лет пятнадцать назад, прямо на глазах у Лолла-Воссики, когда тот еще был маленьким зверенышем. Гаррисон несколько раз рассказывал эту историю при Лолла-Воссики, и одноглазый пьяница лишь кивал, смеялся да корчил рожи, в общем, вел себя так, словно совершенно не имел ни мозгов, ни человеческого достоинства, — самый низкий, самый презренный краснокожий, что Рвач когда-либо видел. Пока Лолла-Воссики поили виски, ему было ровным счетом плевать на месть за убитого отца. Нет, Рвач ни капли не удивился, увидев Лолла-Воссики лежащим на полу у дверей кабинета Гаррисона, — каждый раз, когда створка открывалась, она больно била дикаря по заду. Невероятно, но факт: хоть в Карфаген-Сити вот уже как четыре месяца не завозилось спиртное, Лолла-Воссики был в стельку пьян. Он заметил входящего Рвача, приподнялся на локте, приветственно махнул рукой и беззвучно завалился обратно на пол: Платок, который он повязывал поверх отсутствующего глаза, сбился, и из-под него зияла пустая глазница с впалыми веками. Рвачу показалось, что пустота, темне-

ющая вместо глаза, уставилась прямо на него. Это ему не понравилось. Он вообще недолюбливал Лолла-Воссики. Гаррисон обожал окружать себя грязными, опустившимися существами — наверное, сравнивая себя с ними, он выглядит благородным, замечательным человеком, — но сам Рвач не любил встречаться взглядом с этими жалкими представителями человеческой расы. Ну почему Лолла-Воссики еще не сдох?

Собравшись было дернуть за дверную ручку, Рвач поднял глаза и вдруг увидел перед собой еще одного краснокожего. Самое смешное, он сперва принял его за каким-то образом поднявшегося на ноги Лолла-Воссики — настолько похожи были эти дикари. Правда, у этого Лолла-Воссики оба глаза были целы, и держался он весьма трезво. Краснокожий, должно быть, был добрых шесть футов ростом от пят до скальпа; голова гладко выбрита, за исключением хвостика на затылке; на одежде ни пятнышка. Прислонившись к стене, он ждал. И стоял *прямо*, как солдат по команде «смирно», не обращая на Рвача никакого внимания. Взгляд его был устремлен в пространство. Но Рвач сразу понял, что этот парень видит *все и вся*, пусть даже зрачки его не двигаются. Давненько Рвач не встречал краснокожего, который бы вы-

глядел так, как этот. Дикарь был сам лед.

Опасен, очень опасен, неужели Гаррисон стал настолько небрежен, что позволил подобному краснокожему обретаться в центре штаба? Похоже, этот обладающий королевскими манерами дикарь своими могучими руками без труда согнет лук, вытесанный из шестилетнего дуба. От вида Лолла-Воссики Рвача затошнило. Но этот краснокожий, как две капли воды походивший на Лолла-Воссики, был его полной противоположностью. При виде его Рвачу мигом расхотелось блевать, наоборот, он взбесился — своей гордостью и достоинством дикарь мог состязаться с белым человеком. Куда там, белый человек по сравнению с ним ничтожество. Именно так краснокожий и выглядел — будто, по его мнению, он намного выше каких-то там бледнолицых.

Рвач вдруг понял, что так и не потянул за ручку двери. Застыв на месте, он таращился на краснокожего. Давно ли он так стоит? Нельзя показывать людям, что один вид этого дикаря смутил его. Рвач дернул дверь на себя и шагнул за порог.

Но заводить разговор о краснокожем он не стал — зачем? Ничего хорошего не выйдет, если Гаррисон узнает, что какой-то гордец шони испугал

и разозлил Рвача. Губернатор Билл восседал за большим старым столом, как Господь на своем троне, и Рвач осознал, что порядок вещей в крепости несколько поменялся. Не то чтобы форт разросся — во много раз возросло тщеславие Билла Гаррисона. Так что если Рвач хочет извлечь из местной торговли хоть какую-нибудь прибыль, он должен опустить губернатора Билла на ступеньку-другую, чтобы общаться с ним на равных, а не как торговец с губернатором.

— Видел твои пушки, — начал Рвач, даже не позаботившись поздороваться. — На кого артиллерию готовишь? На французов из Детройта, на испанцев из Флориды или на краснокожих?

— Какая разница, кто покупает скальпы? Снимают-то их краснокожие, — ответствовал Гаррисон. — Присаживайся, Рвач, расслабься. При закрытых дверях церемоний можно не разводить.

О да, губернатор Билл обожал играть в игры, настоящий политик. Заставь человека почувствовать, что делаешь ему огромное одолжение, позволяя сидеть в своем присутствии, а прежде чем обчистить его карманы, издевайся над ним, чтобы он не ощутил себя настоящим подонком. «Что ж, — подумал Рвач, — у меня тоже имеются

кое-какие игрушки. Посмотрим, кто кого».

Рвач сел и закинул ноги прямо на стол губернатора Билла. Достав из кармана плитку табаку, он целиком сунул ее за щеку. Билл аж поморщился. Верный знак, что новая жена успела отучить его от некоторых чисто мужских привычек.

— Хочешь кусочек? — предложил Рвач.

Прошла добрая минута, прежде чем Гаррисон показал, что в принципе не отказался бы.

— Не, я бросил жевать табак, — грубо ответил он.

Ага, значит, Гаррисон еще скучает по привычкам мелкого лавочника. Хорошая новость для Рвача. У него появился рычаг, которым можно поубавить спеси губернатору.

— Слышал, ты приобрел новую подстилку из Манхэттена? — как ни в чем не бывало поинтересовался Рвач.

Сработало. Лицо Гаррисона залилось яркой краской.

— Я женился на *леди* из Нью-Амстердама, — процедил он. Тихо и холодно.

Но Рвача его реакция ни капельки не взволновала — ее-то он и добивался.

— *Жена*! — изумился Рвач. — Диво дивное! Прошу прощения, губернатор, но это вовсе не то,

что я слышал. Ты просто обязан простить меня, я руководствовался тем, что говорят… что слухи говорят.

— Слухи? — переспросил Гаррисон.

— Да нет, не волнуйся ты. Ты ж знаешь солдатские байки. Увы, мне не стоило их слушать. Ты столько лет свято хранил память о первой жене, и будь я тебе настоящим другом, то сразу понял бы, что женщина, которую ты возьмешь себе в дом, будет настоящей леди, настоящей верной женой.

— Я хочу знать, — почти по слогам вымолвил Гаррисон, — кто посмел утверждать противоположное?

— Брось ты, Билл, ну почесали языки солдаты, да и ладно. Я не хочу, чтобы кто-то влетел в неприятности из-за того, что не умеет держать рот на замке. Побойся Бога, Билл, прибыла целая баржа спиртного! Ты ж не станешь винить солдат в том, что они говорят, когда на уме у них одно виски. Не будешь, так что держи кусок табака и запомни, твои парни без ума от тебя.

Гаррисон отломил от протянутой табачной плитки добрый ломоть и запихал его за щеку.

— Ничего, Рвач, за них-то я не волнуюсь…

Но Рвач знал, что на самом деле волнуется и даже очень. Гаррисон так разозлился, что сплю-

нуть нормально не смог, промахнувшись мимо плевательницы. Плевательница, как подметил Рвач, сверкала первозданной чистотой. Неужели здесь никто, кроме Рвача, и табак не жует?

— А ты остепенился, — ухмыльнулся Рвач. — Не хватает кружевных занавесок для полного счастья.

— Они у меня дома висят, — ответил Гаррисон.

— И на полочках расставлены маленькие фарфоровые вазочки?

— Рвач, у тебя ум как у змеи и рот как у свиньи.

— Поэтому-то, Билл, ты меня и любишь. Потому что у тебя свинячий умишко и змеиное жало в пасти.

— Вот именно. И постарайся этого не забывать, — сказал Гаррисон. — Задержи у себя в головенке, потому что я могу укусить, больно укусить, и в жале у меня содержится яд. Вспомни об этом, когда попытаешься надуть меня еще раз.

— Надуть?! — вскричал Рвач. — Да что ты такое несешь, Билл Гаррисон?! Как смеешь обвинять меня в подобном?!

— Я обвиняю тебя в том, что ты специально подстроил, чтобы целых четыре весенних месяца к нам сюда не поставляли спиртное. Мне

пришлось повесить трех краснокожих, которые посмели забраться в военный склад. Мои солдаты начали разбегаться!

— Я? Я подстроил? Я спешил сюда, делал все, что мог, чтобы доставить груз как можно быстрее!

Гаррисон продолжал улыбаться.

Рвач сохранял на роже выражение оскорбленной невинности — оно ему удавалось лучше всего, но отчасти его действительно незаслуженно обидели. Если б у какого другого торговца виски имелось хоть полголовы на плечах, он бы нашел способ спуститься вниз по реке, и Рвач ничего бы ему не сделал. Разве Рвач виноват? Так получилось, что он оказался самым хитрющим, самым зловредным, низким пронырой в деле, которое никогда не терпело чистюль да и мозгов особых не требовало.

Гаррисон сдался первым. Показная обида Рвача продержалась дольше, чем его улыбка, — хотя Рвач с самого начала не сомневался в исходе этой дуэли.

— Вот что, Рвач, — наконец вымолвил Гаррисон.

— Может, тебе лучше звать меня мистером Улиссом Палмером, — предложил Рвач. — Только *друзья* зовут меня Рвач.

Но Гаррисон не взял приманку. Он не пустился в уверения о вечной и неослабевающей дружбе.

— Вот что, *мистер* Палмер, — сказал Гаррисон, — ты знаешь и я знаю, что к дружбе это не имеет ни малейшего отношения. Ты хочешь разбогатеть, я хочу стать губернатором целого штата. Мне, чтобы занять эту должность, нужно твое виски, а тебе, чтобы разбогатеть, понадобится моя протекция. Но на этот раз ты зашел слишком далеко. Можешь брать монополию в свои руки, мне все равно, но если не будешь поставлять мне виски в срок, я воспользуюсь услугами другого торговца.

— Понятно, губернатор Гаррисон, иными словами, тебе пришлось изрядно понервничать. Попробую исправить свою оплошность. Что, если ты получишь целых шесть бочонков наилучшего виски?...

Но, похоже, у Гаррисона было не то настроение, чтобы соглашаться на взятку.

— Ты забываешь, мистер Палмер, стоит мне захотеть, я заберу *все* виски.

Гаррисон умел грубить, но и Рвач владел этим умением, правда, он наловчился говорить подобные вещи с улыбкой на лице.

— Мистер губернатор, завладеть всем виски

получится только *один раз*. Но после этого кто будет иметь с тобой дело?

Гаррисон разразился громким хохотом:

— Да любой торговец, Рвач Палмер, и тебе это известно!

Рвач умел проигрывать. Он тоже расхохотался, присоединившись к Гаррисону.

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — крикнул Гаррисон и одновременно махнул Рвачу — можешь, мол, сидеть.

В кабинет вошел солдат и, отдав честь, отрапортовал:

— Мистер Эндрю Джексон[1] хочет встретиться с вами, сэр. По его словам, он прибыл из Теннизи.

— Долгохонько пришлось мне бегать за ним, — нахмурился Гаррисон. — Но я рад встрече с ним, рад донельзя, введите его, введите.

Эндрю Джексон. Должно быть, тот самый законник, которого еще кличут мистер Гикори[2]. В те времена, когда Рвач торговал в Теннизи, Ги-

---

[1] Примечания: 1

Джексон Эндрю (1767-1845) — американский военный и политический деятель, генерал; известность приобрел во время англо-американской войны 1812-1814 гг., командуя операциями против индейских племен криков; с 1829 по 1837 год занимал должность президента Соединенных Штатов

[2] Примечания: 2

гикори — другое название «американский орех»; ценная древесная порода, растущая в основном в Северной Америке

кори Джексон слыл настоящим сельским парнем — убил человека на дуэли, наставил фингалов нескольким ребятам, заработал себе имя на том, что всегда держал свое слово. Кроме того, ходили слухи, якобы женщина, на которой он был женат, в прошлом имела другого мужа и муж тот был жив-живехонек и поныне[3]. В этом-то и заключалось различие между Гикори и Рвачом — Рвач бы непременно позаботился о том, чтобы муж был мертв и давным-давно похоронен. Так что Рвач ничуть не удивился, что Джексон стал крупным делягой и теперь проворачивает свои дела не только в Теннизи, но и в Карфаген-Сити.

Перешагнув через порог, Джексон, напыщенный и выпрямившийся, будто шомпол проглотил, обвел пылающими глазами комнату. После чего, подойдя к столу, протянул руку губернатору Гаррисону. Даже назвал его *мистером* Гаррисоном. Что означало, либо законник полный дурак, либо

---

[3] Примечания: 3

Джексон и в самом деле был незаконно женат на Рэйчел Робардс, которая была не разведена; суд Вирджинии лишь разрешил ей подать прошение о разводе, которое не было подано; странно, что Эндрю Джексон, опытный юрист, не знал, что подобные прошения суды удовлетворяют весьма неохотно; как бы то ни было, спустя два года незаконной совместной жизни (а адюльтер в те времена карался очень и очень жестоко) с Джексоном прошение Рэйчел Робардс о разводе с предыдущим мужем было наконец удовлетворено и Эндрю Джексон снова справил свадьбу — на этот раз законную

не понимает, что он нужен Гаррисону ничуть не меньше, чем Гаррисон — ему.

— Слишком много у вас здесь краснокожих, — сказал Джексон. — А от этого одноглазого пьяницы у вас под дверью любого стошнит.

— Ну, — пожал плечами Гаррисон, — я держу его как домашнее животное. Мой собственный прирученный краснокожий.

— Лолла-Воссики, — помог Рвач.

Вообще, конечно, его помощь никому не требовалась. Ему просто не понравилось, что Джексон не обратил на него внимания, а Гаррисон и не позаботился представить его.

Джексон повернулся:

— Что вы сказали?

— Лолла-Воссики, — повторил Рвач.

— Так зовут этого одноглазого краснокожего, — объяснил Гаррисон.

Джексон смерил Рвача холодным взглядом.

— Я спрашиваю имя лошади, только когда собираюсь ездить на ней, — процедил он.

— Меня зовут Рвач Палмер, — произнес Рвач. И протянул руку.

Но Джексон ее как бы не заметил.

— Вас зовут Улисс Барсук, — сказал Джексон, — и в Нэшвилле вы некогда задолжали немногим

больше десяти фунтов. Теперь, когда Аппалачи перешли на денежное обращение Соединенных Штатов, ваш долг составляет двести двадцать долларов золотом. Я выкупил эти долги, и так случилось, что захватил с собой все бумаги. Услышал, что вы торгуете в этих местах виски, и подумал, что смогу поместить вас под арест.

Рвачу даже на ум не могло прийти, что Джексон обладает такой памятью, и уж тем более он не ожидал, что у законника хватит сволочизма выкупать долги, долги семилетней давности, о которых нынче, наверное, никто и не помнит. Но Джексон, подтверждая свои слова, вытащил из бумажника долговое обязательство и разложил его на столе перед губернатором Гаррисоном.

— Я премного благодарен вам, что вы успели задержать этого человека до моего приезда, — продолжал Джексон, — и рад сообщить, что, согласно законам штата Аппалачи, официальному лицу, задержавшему преступника, полагается до десяти процентов от изъятой суммы.

Гаррисон откинулся на спинку кресла и довольно ухмыльнулся:

— М-да, Рвач, ты лучше садись, и давайте познакомимся поближе. Хотя, может, это вовсе не обязательно, поскольку мистер Джексон, судя по

всему, знает тебя куда лучше, чем я.

— О, с Улиссом Барсуком я знаком давно, — кивнул Джексон. — Он относится к тому типу жуликов и проходимцев, который нам пришлось изгнать из Теннизи, прежде чем начать постепенно присоединяться к цивилизации. И надеюсь, вы вскоре также избавитесь от всякого жулья, поскольку хотите подать прошение о присоединении Воббской долины к Соединенным Штатам.

— Ну это еще вилами по воде писано, — заметил Гаррисон. — Ведь мы можем попробовать прожить собственными силами.

— Если уж у Аппалачей это не получилось, а у нас президентом был сам Том Джефферсон, вряд ли у вас здесь выйдет лучше.

— Все возможно, — согласился Гаррисон, — но, может быть, мы затеваем нечто такое, на что у Тома Джефферсона силенок не хватило. И, может, нам как раз нужны такие люди, как Рвач.

— Солдаты вам нужны, — поморщился Джексон. — А не контрабандисты всякие.

Гаррисон покачал головой:

— Вы, мистер Джексон, заставляете меня перейти непосредственно к обсуждению интересующего нас вопроса, и я догадываюсь, почему на

встречу со мной народ Теннизи послал именно вас. Что ж, давайте поговорим о том, что интересует нас больше всего. У нас здесь имеется та же самая проблема, что и у вас, и проблема эта может быть выражена одним-единственным словом — краснокожие.

— Именно поэтому я был сбит с толку, увидев, что вы позволяете пьяным краснокожим шататься по вашему штабу. Они должны жить к западу от Миссипи, это ясно как день. Мы не добьемся мира и не придем к цивилизации, пока не изгоним со своих земель дикарей. А поскольку Аппалачи и Соединенные Штаты одинаково считают, что с краснокожими следует обращаться как с человеческими существами, мы должны разрешить эту проблему *прежде*, чем вступим в Союз. Все очень просто.

— Ну вот, — развел руками Гаррисон, — мы уже друг с другом согласны.

— Тогда почему ваш штаб полон краснокожих, прямо как улица Независимости в Вашингтон-Сити? Там у них черрики клерками работают, их правительственные учреждения даже в Аппалачах имеются, в самой столице краснокожие занимают должности, которые должен занимать белый человек, а тут я приезжаю к вам и вижу —

вас тоже со всех сторон окружают краснокожие.

— Остыньте, мистер Джексон, остыньте. Разве король не держит черных у себя во дворце в Вирджинии?

— Его черные — это рабы. Всем известно, что рабами краснокожие быть не могут. Они слишком глупы, чтобы исполнять какую-либо работу.

— Почему бы вам не устроиться поудобнее вон в том кресле, мистер Джексон, и я объясню свою позицию с несколько иной точки зрения, продемонстрировав вам двух характерных представителей шони. Сядьте.

Джексон поднял кресло и перенес его в противоположный от Рвача угол комнаты. Какая-то непонятная тревога зародилась внутри Рвача — что-то зловещее проявилось в действиях Джексона. Люди типа Джексона всегда очень горды, очень честны, но Рвач знал, не существует на свете честных людей, есть только те, которые еще не куплены, которые еще не вляпались в какие-нибудь неприятности, — или у них кишка тонка, чтобы протянуть руку и взять все, что захочется. Вот к чему сводятся все человеческие достоинства, которые Рвач наблюдал в своей жизни. Но Джексон продолжал баламутить воду и призывать Билла Гаррисона арестовать его! Подумать

только, какой-то чужак из Теннизи приезжает сюда и начинает размахивать долговым обязательством, подписанным судом Аппалачей. Да в Воббской долине эта бумажка имеет не больше силы, чем если бы она была подписана самим королем Эфиопским. Ладно, мистер Джексон, до дома путь далек, посмотрим, не случится ли с вами по дороге какой-либо несчастной случайности.

«Нет, нет и нет, — тут же одернул себя Рвач. — В этом мире сведение счетов ни к чему хорошему не приводит. Так ты только останешься позади. Лучшая месть — это разбогатеть и заставить их называть тебя „сэр», только таким образом можно поквитаться с этими парнями. И никаких засад. Заработав репутацию человека, который наносит удар из-за угла, ты обеспечишь себе верный конец, Рвач Палмер».

Поэтому Рвач сидел и улыбался. Гаррисон вызвал своего адъютанта.

— Почему бы нам не пригласить сюда Лолла-Воссики? Да, кстати, скажи его брату, что он тоже может войти.

Брат Лолла-Воссики… Не иначе, тот наглый краснокожий, что стоял у стенки. Вот ведь забавно, никогда не подумаешь, что два яблока с

одной яблони могут настолько отличаться друг от друга.

Виляя хвостом, вошел Лолла-Воссики. Он улыбался, переводил глаза с одного белого на другого, гадая, что им понадобилось и как услужить, заработав в награду стопочку виски. На его лице было написано желание, неутолимая жажда, хотя он уже был так пьян, что на ногах еле-еле держался. Или он столько виски выхлебал за свою жизнь, что и трезвым стоять прямо не может? Рвач размышлял, но вскоре ответ сам пришел к нему. Гаррисон потянулся к бюро, стоящему позади стола, достал бутылку и чашку. Лолла-Воссики жадно следил, как коричневая жидкость, булькая, течет в чашку; единственный глаз так горел, что казалось, будто краснокожий хмелеет от одного вида спиртного. Тем не менее Лолла-Воссики даже с места не стронулся. Гаррисон протянул руку и поставил чашку на стол рядом с краснокожим, но тот продолжал стоять неподвижно. Улыбался, смотрел то на чашку, то на Гаррисона, ждал и снова ждал.

Гаррисон повернулся к Джексону и довольно ухмыльнулся.

— Пожалуй, мистер Джексон, Лолла-Воссики самый цивилизованный краснокожий во

всей Воббской долине. Он никогда не посмеет взять то, что ему не принадлежит. Он никогда не заговорит, если к нему не обратились. Он беспрекословно повинуется и исполняет все мои приказания. Все, что ему надо взамен, это маленькая чашечка огненной воды. Причем виски необязательно должно быть лучших сортов. Сойдет и кукурузное, даже плохой испанский ром и тот сгодится, правда, Лолла-Воссики?

— Истинно правда, ваше превосходительство, — ответил Лолла-Воссики.

Его речь была на диво четкая и ясная — для краснокожего. В особенности для в стельку пьяного краснокожего.

Рвач заметил, что Джексон с явным отвращением изучает одноглазого дикаря. Затем взгляд законника из Теннизи скользнул на дверь, где стоял высокий, сильный, наглый краснокожий. Рвач с удовольствием отметил, как перекосилось лицо Джексона. Отвращение стерлось, на смену пришел гнев. Гнев и… да, страх. О, оказывается, вы не столь бесстрашны, мистер Джексон? Вам известно, кто у Лолла-Воссики в братьях. Он враг вам, мне, каждому белому человеку, надеющемуся отнять у дикарей землю. Этот чванливый краснокожий не задумываясь вонзит свой то-

магавк в ваш череп и медленно, наслаждаясь, снимет скальп. Только он не станет продавать его французам, мистер Джексон, он оставит сувенир себе, подарит своим детишкам и скажет: «Вот это хороший бледнолицый. Этот бледнолицый никогда не нарушал свое слово. И вот как вам следует поступать с бледнолицыми». Рвач знал это, Гаррисон знал это, и Джексон знал это. Молодой краснокожий самец, стоящий у двери, олицетворял саму смерть. Этот дикарь вынуждал белых людей жить к востоку от гор, заставлял ютиться в переполненных городках, где законники, профессора и прочие напыщенные ничтожества встречались на каждом шагу, мешая вдохнуть воздух полной грудью. Такие, например, как Джексон. Рвач фыркнул, подумав об этом. Джексон в точности олицетворял людей, от которых нормальный человек бежал на запад. «Далеко ли мне придется уйти, прежде чем проклятые законники потеряют мой след, оставшись далеко позади?»

— Вижу, вы заметили Такумсе. Это старший брат Лолла-Воссики и мой очень, очень близкий друг. Я знаком с этим пареньком с тех самых пор, как умер его отец. Посмотрите, как он вымахал, каким мужчиной стал!

Если Такумсе и заметил, что над ним насмехаются, то виду не подал. Из сидящих в комнате он не видел никого. Вместо этого он смотрел в окно, прорубленное в стене сразу за спиной губернатора. Но старину Рвача ему не обмануть. Рвач понял, что он здесь делает, и догадывался, что именно Такумсе сейчас ощущает. Эти краснокожие, семья для них была настоящей святыней. Такумсе тайком приглядывал за своим братом, и, если Лолла-Воссики был слишком пьян, чтобы ощущать какой-либо стыд, это всего лишь означало, что полную меру позора принимает на себя Такумсе.

— Такумсе, — обратился к нему Гаррисон. — Видишь, я налил тебе выпить. Давай садись, выпей, и мы поговорим.

Услышав слова Гаррисона, Лолла-Воссики аж окостенел. Значит, выпивка предназначалась не ему? Но Такумсе и глазом не повел, ни единым жестом не показал, что слышал Гаррисона.

— Видите? — повернулся Гаррисон к Джексону. — Такумсе не хватает воспитания даже для того, чтобы присесть и опрокинуть с друзьями за компанию стопочку-другую. Зато его младший брат вполне культурный человек. Правда, Лолли? Извини, дружище, для тебя у меня кресла нет, но

ты можешь сесть на пол, вот сюда, под мой стол, у моих ног, и выпить этот ром.

— Вы само совершенство, — все так же отчетливо, ясно произнес Лолла-Воссики.

К превеликому изумлению Рвача, одноглазый краснокожий не стал сразу хвататься за чашку. Вместо этого он осторожно подошел к столу — каждый ровный шаг давался ему с огромным трудом — и зажал чашку в слегка дрожащих пальцах. Затем он опустился перед столом Гаррисона на колени и, осторожно удерживая чашку, уселся на пол, скрестив ноги.

Но сидел он перед столом, а не под ним, на что не преминул указать Гаррисон.

— Мне хотелось бы, чтобы ты сидел под столом, — сказал губернатор. — Ты окажешь мне огромную услугу, если уважишь мою просьбу.

Лолла-Воссики согнулся чуть ли не пополам и, ерзая задом, заполз под стол. В таком положении пить крайне неудобно, поскольку голову не поднять, не говоря уже о том, чтобы полностью осушить чашку. Однако Лолла-Воссики умудрился-таки выпить спиртное — по глоточку, раскачиваясь из стороны в сторону.

За все это время Такумсе не произнес ни слова. Даже не показал, что видел унижение брата.

«О, — подумал Рвач, — что за огонь пылает в сердце этого парня! Гаррисон рискует, очень рискует. Мало того, что Лолла-Воссики ему родной брат, так он же наверняка знает, что Гаррисон пристрелил их отца, когда краснокожие в девяностых восстали и генерал Уэйн[4] сражался с французами. Подобное человек не забывает, тем более краснокожий, а Гаррисон еще удумал проверять его, испытывая собственную судьбу».

— Ну, — сказал Гаррисон, — теперь, когда все удобно устроились, почему бы и тебе, Такумсе, не сесть и не рассказать нам, зачем ты пришел?

Такумсе садиться не стал. Как не стал закрывать дверь и проходить в кабинет.

— Я говорю от имени шони, каскаскио, пиорава, виннебаго.

— Ладно тебе, Такумсе, ты ж сам знаешь, что даже всех шони представлять не можешь, не говоря уже об остальных.

— Это племена, которые подписали договор генерала Уэйна, — продолжал Такумсе, как будто слова Гаррисона пролетели мимо его ушей. — До-

---

[4] Примечания: 4

Уэйн Энтони — герой американской войны за независимость, друг Франклина и Вашингтона; начав служить обыкновенным солдатом, быстро дослужился до генерала; вследствие своей блестящей, непредсказуемой тактики заработал прозвище Безумный Энтони

говор говорит, бледнолицые не продают виски краснокожим.

— Верно, — кивнул Гаррисон. — И мы строго следуем букве договора.

Такумсе, не удостоив Рвача и взглядом, поднял руку и указал на торговца. Рвачу показалось, будто Такумсе и в самом деле коснулся его пальцем. Однако это его не разозлило, скорее напугало до чертиков. Он слышал, некоторые краснокожие умеют налагать такие сильные заклятия приманивания, что никакой оберег не защитит. Сам побежишь в леса, где тебя разрежут на кусочки — просто ради того, чтобы услышать твои вопли. Вот о чем подумал Рвач, когда почувствовал ненависть, скрывающуюся в жесте Такумсе.

— Почему ты указываешь на моего старого друга Рвача Палмера? — поинтересовался Гаррисон.

— Похоже, сегодня у меня выдался неудачный денек. Все желают мне зла, — сказал Рвач, натужно усмехнувшись. Только это не помогло избавиться от страха.

— Он привез баржу виски, — пояснил Такумсе.

— Ну, он много разного привез, — пожал плечами Гаррисон. — Но если среди его товаров имеется виски, оно будет передано маркитанту в форте. Ни капли спиртного не будет продано

краснокожим, можешь быть уверен. Мы следуем каждой букве договора, Такумсе, хотя вы, краснокожие, в последнее время не больно-то его придерживаетесь. Видишь ли, друг мой, дошло до того, что баржи боятся в одиночку спускаться вниз по Гайо, а если это и дальше будет продолжаться, думаю, армии придется предпринять некоторые действия.

— Сожжете деревню? — спросил Такумсе. — Перестреляете наших детей? Наших стариков? Наших женщин?

— Откуда ты набрался подобной пакости? — удивился Гаррисон.

В голосе губернатора прозвучала нескрываемая обида, хотя, насколько было известно Рвачу, Такумсе описал вполне типичную военную операцию.

Рвач решил вступить в беседу:

— Вы, краснокожие, сжигаете беззащитных фермеров в хижинах и пионеров на лодках. Так ответь мне, почему ты считаешь, что мы не имеем права трогать ваши деревни?

Такумсе по-прежнему отказывался смотреть на него.

— Английский закон говорит: убить человека, который ворует твою землю, хорошо. Убить че-

ловека, чтобы украсть его землю, плохо. Убивая бледнолицых фермеров, мы делаем хорошо. Убивая краснокожих, которые живут здесь тысячу лет, вы делаете плохо. Договор говорит оставаться к востоку от реки Май-Амми, но они не остаются, и вы им помогаете.

— Мистеру Палмеру никто слова не давал, — сказал Гаррисон. — Но как бы вы, дикари, ни обращались с нашим народом, пусть вы пытаете мужчин, насилуете женщин, уводите в рабство детей, мы отказываемся идти войной на беззащитных. Мы цивилизованные люди, поэтому ведем себя цивилизованно.

— Этот человек будет продавать виски краснокожим. Они будут валяться в грязи, как черви. Он даст виски нашим женщинам. Они станут слабыми, как истекающий кровью олень, будут исполнять все, что он потребует.

— Если он это сделает, мы арестуем его, — возразил Гаррисон. — Учиним допрос и накажем за преступление закона.

— Если он это сделает, ты *не* арестуешь его, — сказал Такумсе. — Ты поделишь шкуры с ним. Будешь защищать его.

— Ты смеешь называть меня лжецом?! — нахмурился Гаррисон.

— Ты не лги, — ответил Такумсе.

— Такумсе, старина, если ты и дальше подобным образом будешь разговаривать с белым человеком, в один прекрасный день кто-нибудь рассердится и снесет тебе из ружья голову.

— Но я знаю, ты арестуешь его. Знаю, ты допросишь его и накажешь за преступление закона.

Такумсе произнес это без тени улыбки, но Рвач довольно долго торговал с краснокожими, поэтому научился понимать их шутки.

Гаррисон мрачно кивнул. Рвач вдруг догадался, что губернатор шутки не понял. Он, наверное, подумал, что Такумсе и вправду верит в то, что говорит. Впрочем, нет, Гаррисон знал, что он и Такумсе лгут друг другу. Рвач неожиданно подумал, что, когда обе стороны лгут и знают о том, что лгут, это все равно что говорить друг другу правду.

Но Джексон-то, простота, действительно поверил во все происходящее, обхохотаться да и только.

— Верно, — сказал теннизийский законник. — Закон есть то, что отличает цивилизованного человека от дикаря. Краснокожие просто недостаточно образованны, поэтому, если вы не желаете подчиняться законам белого человека, вам луч-

ше будет уступить.

В первый раз Такумсе посмотрел одному из присутствующих в кабинете бледнолицых в глаза. Он холодно воззрился на Джексона и произнес:

— Эти люди лжецы. Они знают правду, но то, что они говорят, ложь. Ты не лжец. Ты веришь в то, что говоришь.

Джексон хмуро кивнул. Он сидел так напыщенно, так благородно, такой у него был богоугодный вид, что Рвач не выдержал и нагрел-таки сиденье кресла под Джексоном — самую малость, просто чтобы Джексон поерзал на заднице. Это несколько поубавило законнику спеси. Но Джексон продолжал гнуть свое:

— Я верю в то, что говорю, потому что говорю чистую правду.

— Ты говоришь то, во что веришь. Но это все же неправда. Как твое имя?

— Эндрю Джексон.

Такумсе кивнул:

— Гикори.

Лицо Джексона удивленно вытянулось — законнику немало польстило, что Такумсе слышал о нем.

— Да, так меня иногда называют.

— Синий Мундир говорит, Гикори — хороший

человек.

Джексон никак не мог понять, что же сиденье под ним вдруг так раскалилось, но терпеть жжение было выше его сил. Он подскочил на месте и на пару шагов отступил от кресла, подергивая ногами, чтобы чуточку остудить пылающий зад. Но говорил он, будто по-прежнему олицетворял все достоинство этого мира:

— Я рад, что Синий Мундир так считает. Если я не ошибаюсь, он вождь теннизийских шони?

— Иногда, — ответил Такумсе.

— Что значит «иногда»? — не понял Гаррисон. — Либо он вождь, либо нет.

— Когда говорит честно, он вождь, — объяснил Такумсе.

— Что ж, я рад был услышать, что он доверяет мне, — произнес Джексон.

Но улыбка у него вышла несколько кривоватой, потому что Рвач в данную минуту был занят тем, что нагревал у него под ногами пол. Теперь бедняге Гикори никуда не деться, если, конечно, он не умеет летать. Рвач не собирался долго пытать его. Так, самую малость, пока Джексон не запрыгает на месте — пусть потом законник объясняет, с чего он вдруг решил потанцевать перед молодым воином из племени шони и губернатором Уилья-

мом Генри Гаррисоном.

Однако козни Рвача были сорваны, потому что сидевший под столом Лолла-Воссики неожиданно клюнул носом и, упав, выкатился на середину комнаты. По лицу его расползалась идиотская улыбка, а глаза его были закрыты.

— Синий Мундир! — вскричал он.

Рвач отметил, что выпивка все-таки подпортила ему произношение.

— Гикори! — проорал одноглазый краснокожий.

— Ты мой враг, — сказал Такумсе, начисто игнорируя своего брата.

— Ты ошибаешься, — мягко произнес Гаррисон. — Я тебе друг. Твой враг живет к северу отсюда, в городе Церкви Вигора. Твой враг — этот предатель Армор Уивер.

— Армор Уивер не продает виски краснокожим.

— Я тоже не продаю, — возразил Гаррисон. — Но он делает карты, зарисовывая страну, которая простирается к западу от Воббской реки. Он может поделить ее на части и выгодно продать, после того как уничтожит всех краснокожих.

Такумсе не удостоил внимания жалкие попытки Гаррисона обратить его ненависть против

живущего на севере соперника губернатора.

— Я пришел предупредить тебя, — промолвил Такумсе.

— Предупредить меня? — изумился Гаррисон. — Ты, шони, не имеющий права голоса, ты *предупреждаешь* меня, предупреждаешь прямо здесь, в моей крепости, где сотня солдат, стоит мне слово сказать, пристрелят тебя на месте?

— Следуй договору, — сказал Такумсе.

— Мы *следуем* договору! Это вы все время нарушаете его!

— Следуй договору, — повторил Такумсе.

— Не то что? — поинтересовался Джексон.

— Не то краснокожие, что живут к западу от гор, объединятся и разрежут вас на кусочки.

Гаррисон закинул голову и разразился заливистым хохотом. Лицо Такумсе осталось невозмутимым.

— Краснокожие объединятся? — заходился Гаррисон. — Что, и Лолли пойдет с вами? Даже мой ручной шони, мой домашний краснокожий, даже *он*?

Такумсе наконец повернул голову к брату, который храпел на полу.

— Солнце всходит каждый день, бледнолицый. Мы его приручили? Дождь все время падает на

землю. Мы его приручили?

— Ты, конечно, извини, Такумсе, но этот одноглазый пьяница повинуется мне ничуть не хуже моей лошади.

— О да, — кивнул Такумсе. — Надень седло. Обуздай. Садись и поезжай. Посмотрим, куда ручной краснокожий привезет тебя. Не туда, куда ты хочешь попасть.

— Куда ж еще? — оборвал его Гаррисон. — Так что не забывай, твой брат всегда находится у меня под рукой. Если ты, мальчик мой, станешь вести себя плохо, я арестую его как заговорщика и подвешу на высоком суку.

Такумсе улыбнулся, губы его превратились в узкую ниточку.

— Это ты так думаешь. Лолла-Воссики так думает. Но его слепой глаз прозреет прежде, чем ты успеешь наложить на Лолла-Воссики свою руку.

Сказав это, Такумсе развернулся и покинул комнату. Тихо, спокойно, ни на кого не сердясь и не позаботившись прикрыть за собой дверь. Он двигался с грацией дикого животного, очень опасного зверя. Однажды в горах Рвачу довелось столкнуться с кугуаром. Вот кого напомнил ему Такумсе. Огромную кошку-убийцу.

Адъютант Гаррисона закрыл дверь.

Гаррисон повернулся к Джексону и улыбнулся.

— Видели? — спросил он.

— Что же я должен был увидеть, мистер Гаррисон?

— Вам нужно растолковать все по буквам, мистер Джексон?

— Я законник. Мне нравится, когда мне растолковывают значение каждой буковки. Попробуйте, если у вас получится.

— А я так даже читать не умею, — бодро возвестил Рвач.

— Ты и рот держать закрытым не умеешь, — огрызнулся Гаррисон. — Хорошо, Джексон, я объясню. Вы и ваши парни с Теннизи, вы все толкуете о том, как бы изгнать краснокожих на запад от Миссипи. Предположим, получится это у вас. И что вы будете делать дальше? Расставите своих солдат по всей реке, охраняя ее день и ночь? Они все равно переправятся через нее, когда захотят, нападут на ваши деревни, будут грабить, пытать и убивать.

— Я не дурак, — кивнул Джексон. — Война обещает стать кровавой, но когда мы загоним их за реку, они будут сломлены. А воины типа Такумсе — они будут либо мертвы, либо опозорены.

— Думаете? Только в той кровавой войне, ко-

торую вы помянули, погибнет множество белых парней, белых женщин и детей. У меня есть идея получше. Эти краснокожие присасываются к бутылке с виски крепче, чем бычок к титьке матери-коровы. Два года назад к востоку от реки Май-Амми обитало более тысячи пианкашоу. Затем они познакомились с виски. Они забросили работу, перестали есть, ослабели настолько, что первая же болячка, заглянувшая в те края, вымела их начисто. Перекосила всех до единого. Если сейчас где и остался живой пианкашоу, мне об этом ничего не известно. То же самое произошло на севере с чиппива, впрочем, на этот раз ответственность лежит на французских торговцах. Знаете, что лучше всего в виски? Оно убивает краснокожих, а белые парни все живехоньки.

Джексон медленно выпрямился.

— Похоже, — сказал он, — по приезде домой мне нужно будет принять по меньшей мере ванны три. И то я вряд ли толком отмоюсь.

Рвач с огромным удовольствием отметил, что теперь Гаррисон разозлился по-настоящему. Он вскочил с кресла и так заорал на Джексона, что кресло под Рвачом заходило из стороны в сторону.

— Ты кончай здесь нос передо мной задирать,

лицемер вшивый! Ты не меньше меня желаешь им смерти! Чем мы отличаемся друг от друга?!

Джексон задержался у порога и с отвращением окинул губернатора взглядом:

— Убийца, мистер Гаррисон, *отравитель* не способен увидеть разницы между собой и солдатом. Зато солдат ее видит.

В отличие от Такумсе Джексон не отказал себе в удовольствии громко хлопнуть дверью.

Гаррисон опустился обратно в кресло.

— Рвач, честно признаюсь, мне не особо понравился этот парень.

— Забудь, — успокоил Рвач. — Он на твоей стороне.

Гаррисон медленно расплылся в улыбке:

— Знаю. И когда дело дойдет до войны, мы все будем сражаться бок о бок. За исключением разве что того прихвостня краснокожих, который поселился в Церкви Вигора.

— Куда он денется? — пожал плечами Рвач. — Как только начнется война, краснокожие перестанут отличать одного бледнолицего от другого. Так что его люди будут погибать наравне с нашими. И тогда Армор Уивер тоже вступит в бой.

— Ну да, но если б Джексон и Уивер так же, как и мы, принялись травить своих краснокожих

виски, войны бы не было вовсе.

Рвач сплюнул в плевательницу. Попал.

— Этот краснокожий, Такумсе…

— Что такое? — поглядел на него Гаррисон.

— Он меня беспокоит.

— Но не меня, — фыркнул Гаррисон. — У меня на полу валяется его брат. Такумсе не посмеет ничего сделать.

— Когда он ткнул в меня пальцем, я почувствовал его прикосновение, хоть он стоял в другом конце комнаты. Может, он обладает способностями к волшебству? Умеет людей приманивать? Или управлять ими на расстоянии? Мне кажется, он опасен.

— Рвач, ты ж не веришь во всякие обереги, а? Ты образованный, здравомыслящий человек, я думал, тебя подобные предрассудки не волнуют.

— Волнуют, как, впрочем, и тебя, Билл Гаррисон. Перевертыш тебе говорил, достаточно ли тверда эта земля, чтобы строить на ней форт, а когда твоя первая жена рожала, ты вызывал светлячка, чтобы посмотреть, правильно ли малыш лежит в утробе.

— Предупреждаю, — нахмурился Гаррисон, — мою жену не трожь.

— Какую именно, Билл? Тепленькую или ту,

что уже остыть успела?

В ответ Гаррисон разразился долгой вереницей проклятий. Рвач слушал и наслаждался — о, как он был доволен! Да уж, в умении разогреть человека ему не откажешь, причем куда веселее подогревать человеческую злость, потому что *пламени* от нее не бывает, зато идут клубы пара, раскаленным воздухом так и веет.

Рвач милостиво позволил старине Биллу Гаррисону повопить минутку-другую. Затем улыбнулся и поднял руки, демонстрируя, что сдается.

— Билл, ты ж знаешь, ничего дурного я не имел в виду. Я и не подозревал, что ты последнее время стал таким обидчивым. Я-то посчитал, что мы оба знаем, откуда берутся дети, как они туда попадают и как появляются на свет, и твои бабы в этом смысле ничем не отличаются от моих. Когда она лежит на кровати и вопит как оглашенная, поневоле побежишь за повивальной бабкой, которая и сон сумеет набросить, и боль отвести, а когда ребенок не выходит, зовешь светлячка, чтобы он сказал, как там малыш. Поэтому выслушай меня, Билл Гаррисон. Этот Такумсе, он обладает каким-то даром, живет в нем какая-то сила. Он не тот, за кого себя выдает.

— Да неужто, Рвач? Может, ты прав, а может,

и нет. Только он сказал, что слепой глаз Лолла-Воссики прозреет прежде, чем я успею наложить на этого дикаря лапы, так что вскоре мне представится возможность доказать ему, что он вовсе не такой могущественный провидец, каким себя мнит.

— Кстати, об одноглазом, по-моему, от него начинает дурно попахивать.

Гаррисон срочно вызвал своего адъютанта:

— Пришлите сюда капрала Уизерса и четырех солдат. Немедленно.

Военная дисциплина, которую поддерживал Гаррисон, поражала. И тридцати секунд не прошло, а солдаты уже вбежали в кабинет. Капрал Уизерс отдал честь и отрапортовал:

— Генерал Гаррисон, отряд по вашему приказанию явился.

— Прикажите трем солдатам оттащить это животное в конюшню.

Капрал Уизерс тут же повиновался, задержавшись ровно на секунду, чтобы ответить:

— Так точно, генерал Гаррисон.

Генерал Гаррисон. Рвач улыбнулся. Он-то знал, что в последней войне с французами Гаррисон служил под командованием генерала Уэйна и выше должности полковника не поднялся. Генерал.

Губернатор. Какая напыщенность…

Но Гаррисон снова обратился к Уизерсу, посматривая теперь на Рвача:

— А сейчас вы и рядовой Дики арестуете мистера Палмера и посадите его за решетку.

— Арестуют? Меня? — заорал Рвач. — Что ты мелешь?!

— Обычно он с собой носит оружие, поэтому вам следует тщательно обыскать его, — продолжал Гаррисон. — Я предлагаю раздеть его прямо здесь, прежде чем посадить за решетку, и отправить в тюрьму голышом. Не хотелось бы, чтобы этот скользкий типчик удрал ненароком.

— За что ты меня арестовываешь?!

— У нас имеется ордер на твой арест по обвинению в неуплате долгов, — объяснил Гаррисон. — Кроме того, ты обвиняешься в продаже виски краснокожим. Естественно, нам придется конфисковать все твои товары — в частности, те подозрительные бочонки, что мои солдаты таскали весь день в крепость, — и продать их, чтобы оплатить твой долг. Выручив с их продажи достаточную сумму, мы освободим тебя от несправедливых обвинений в спаивании краснокожих, после чего отпустим на свободу.

Произнеся эту тираду, Гаррисон вышел из

кабинета. Рвач дергался, плевался, поминал жену Гаррисона и мать, но рядовой Дики крепко держал в руках свой мушкет, а на конце того мушкета сидел добрый штык, поэтому Рвачу ничего не оставалось делать, кроме как раздеться и позволить себя обыскать. Только это ничего не изменило, и он снова принялся ругаться, пока голышом под надзором Уизерса маршировал через весь форт. Ему даже одеяла не дали, заперев в одну из кладовых. Кладовая была наполовину заполнена пустыми бочонками, оставшимися с *последнего* привоза виски.

Дожидаясь суда, Рвач просидел взаперти ровно два дня. Впервые в его сердце зародилось желание убить. Можете быть уверены, он придумал массу способов отомстить. Сначала он решил подпалить кружевные занавески в доме Гаррисона, потом — поджечь амбар, где хранилось виски. Но лучше всего вообще весь форт спалить. Какой резон быть факелом, если не можешь использовать свой дар, чтобы поквитаться с тем, кто сначала притворяется твоим другом, а потом заключает тебя в тюрьму?

Но форт поджигать он не стал, потому что надо быть круглым идиотом, чтобы устроить здесь пожар. Рвач знал, что, если одно из зданий внут-

ри крепости загорится, меньше чем за полчаса пламя перекинется и на противоположный конец форта. Все тогда кинутся спасать своих жен, детей, порох, виски и не вспомнят о каком-то торговце, запертом в одной из кладовых. Рвачу совсем не хотелось сгореть заживо в пожаре, который он сам же и устроил, — что ж это будет за месть такая? Он успеет поджечь пару-другую домов, когда ему на шею накинут петлю, но рисковать собственной шкурой, чтобы поквитаться с предателем, он не собирался.

Однако главной причиной того, что Рвач так и не совершил поджог, был не страх, а чисто деловой расчет. Гаррисон хотел продемонстрировать, что ему не нравятся махинации Рвача, который специально задержал груз виски, чтобы заломить цену повыше. Гаррисон показывал ему, что он обладает реальной силой, а Рвач — всего лишь деньгами. Что ж, пусть поиграется в великого и могучего губернатора. Только Рвачу тоже кое-что известно. Он знал, что когда-нибудь Воббская долина подаст петицию в филадельфийский конгресс с просьбой принять ее в Соединенные Штаты. И тогда некий Уильям Генри Гаррисон душу продаст ради того, чтобы стать губернатором штата. А Рвач достаточно выборов повидал, пока

торговал в Сасквахеннии, Пенсильвании и Аппалачах, и успел узнать, что немного ты голосов наберешь, если не будешь раздавать направо-налево звонкие серебряные доллары. У Рвача эти серебряные доллары будут. Когда придет время, он может раздать свои денежки голосующим за Гаррисона — и опять-таки может не раздать. Просто так, возьмет и не даст денег. Поможет другому человеку обосноваться в губернаторском особняке, когда Карфаген превратится в настоящий город, а Воббская долина — в полноправный штат. Тогда Гаррисон на всю оставшуюся жизнь запомнит, чем это чревато — бросать нужных людей за решетку. Он зубами будет скрежетать от гнева при виде того, как люди типа Рвача отнимают у него заветную власть.

Вот какими мыслями развлекался Рвач, коротая в запертой кладовке два долгих дня и две темные ночи.

Затем его вытащили, одели и приволокли в суд — небритого, грязного, с торчащими в разные стороны волосами и в мятой-перемятой одежде. Судьей выступал генерал Гаррисон, члены жюри были одеты в мундиры, а защиту представлял — Эндрю Джексон! Очевидно, губернатор Билл хотел позлить Рвача, хотел, чтобы тот начал

протестовать, но Рвач тоже не вчера родился. Он знал наперед, что замышляет Гаррисон, поэтому ругаться не стал — выгоды это не принесло бы. Сев на скамью, он выпрямился и решил побыстрее покончить с представлением.

Суд занял несколько минут.

Рвач с непоколебимым лицом выслушал свидетельство молодого лейтенанта, заверившего, что все виски Рвача было продано маркитанту в точности по той же цене, что и в прошлый раз. Согласно официальным бумагам, Рвач ни на пенни не нажился, заставив Карфаген-Сити ждать новой поставки целых четыре месяца. «Что ж, — подумал Рвач, — справедливо, Гаррисон хочет продемонстрировать мне, как должны делаться дела». Поэтому он ни словом не возразил. Гаррисон, облачившись в судебную мантию, веселился от души. «Ничего, радуйся жизни, — думал Рвач. — Все равно меня не разозлишь».

Однако это ему все-таки удалось. Из суммы вычли двести двадцать долларов и прямо на суде передали Эндрю Джексону. Отсчитали одиннадцать золотых двадцатидолларовых монет. Рвач чуть не корчился от боли, видя, как блестящий металл исчезает в лапах Джексона. Тут он не выдержал. Правда, голос ему удалось обуздать.

— По-моему, это явное нарушение, — абсолютно спокойно заявил он, — когда истец выступает в роли защиты.

— Он выступает твоим адвокатом не по обвинению в неуплате долгов, — растолковал его честь судья Гаррисон. — Он защищает тебя по обвинению в продаже спиртного краснокожим.

Затем Гаррисон улыбнулся и стукнул молотком, показывая, что вопрос закрыт.

Слушание дела о поставке виски в Карфаген-Сити отняло совсем немного времени. Джексон представил суду те же документы и расписки в получении, доказывая, что все до единого бочонки с виски были проданы маркитанту в форте Карфаген и ни капли спиртного не ушло краснокожим.

— Хотя должен отметить, — в конце заявил Джексон, — что количества виски, указанного в данных документах, хватит на три года содержания армии раз в десять больше местного гарнизона.

— Наши солдаты не прочь выпить, а пьют они много, — ответил судья Гаррисон. — Могу поспорить, уже через шесть месяцев этого спиртного не будет. Но краснокожим мы не дадим ни капли, мистер Джексон, можете не сомневаться!

Затем он отклонил все обвинения, выдвинутые против Рвача Палмера, он же Улисс Барсук.

— Пусть это послужит вам уроком, мистер Палмер, — нравоучительным тоном изрек Гаррисон. — Справедливость на границе быстра на расправу. Не забывайте оплачивать свои долги. И никогда не замышляйте зло.

— Да, разумеется, — бодренько отозвался Рвач.

Гаррисон хорошенько его покатал, но все в результате закончилось благополучно. Конечно, потерянные двести двадцать долларов немало беспокоили его, как и два проведенных в тюрьме дня, но Гаррисон вовсе не хотел надувать Рвача. Джексон не знал одного маленького фактика, о котором почему-то никто не счел должным упомянуть, — так случилось, что, согласно контракту, Рвач Палмер являлся официальным маркитантом располагающейся на Воббской территории армии Соединенных Штатов. Документы, доказывающие, что он не продавал виски краснокожим, на самом деле показывали, что он продал спиртное самому себе, да еще с прибылью. Теперь Джексон отправится домой, а Рвач займет место в магазинчике маркитанта, распродавая краснокожим огненную воду по самым неимоверным ценам, делясь прибылью с губернатором

Биллом и с радостью отмечая, что дикари мрут как мухи. Гаррисон сыграл злую шутку над Рвачом, это верно, но зато как он разыграл Гикори!

Рвач не преминул отметиться на пристани, когда Джексона переправляли на другой берег Гайо. Как оказалось, законника сопровождали два неимоверно здоровых горца с винтовками на плечах — ни больше ни меньше. Рвач взял на заметку, что один из них выглядит как краснокожий-полукровка, вероятно, помесь черрики и белого человека, — Рвач немало повидал таких типчиков в Аппалачах, там белые мужчины на самом деле *женились* на скво, как будто те были настоящими женщинами. Причем на обеих винтовках горцев стояло клеймо «Эли Уитни», которое означало, что ружья были сделаны в штате Ирраква, где некий парень по имени Уитни открыл целую фабрику, выпускающую винтовки с такой скоростью, что цены на них сразу покатились вниз. Но самое интересное в этой истории было то, что работали на его фабрике одни *женщины*, скво *из Ирраквы*, хотите верьте, хотите нет. Джексон сколько угодно мог распространяться насчет того, что краснокожих надо изгнать на запад от Миссипи, — поздно, слишком поздно. На его дуги встал Бен Франклин, позволив племени

ирраква основать на севере собственный штат, и к нему присоединился Том Джефферсон, который только ухудшил положение — во время войны за независимость против владычества короля он подарил черрики право называться полноправными гражданами и голосовать. Начни обращаться с краснокожими как со свободными людьми, и они тут же возомнят, будто обладают теми же правами, что и белый человек. Как тут сохранить порядок в обществе, если творится *такое*? А потом черные станут протестовать против рабства… Оглянуться не успеешь, как будешь сидеть в баре, в каком-нибудь салуне, и слева от тебя развалится *краснокожий*, а справа — *черный*. Нет, это же ненормально, неестественно.

Вот Джексон, к примеру, считает, что спасет белых людей от краснокожих, если будет путешествовать в компании с полукровкой и с винтовками, сделанными руками дикарей. Но хуже всего то, что в мешочке, привязанном к седлу Джексона, позвякивают одиннадцать золотых монеток, монет, которые по справедливости принадлежат Рвачу Палмеру. При мысли об этом Рвач так разозлился, что позабыл о всякой осторожности.

Сосредоточившись, Рвач нагрел горловину

мешочка, как раз там, где металлическая булавка пришпиливала его к седлу. Он отсюда чувствовал, как плавится кожа, как она чернеет и твердеет вокруг булавки. Вскоре, когда лошадь пустится вскачь, мешочек непременно упадет на землю. Но поскольку они скорее всего заметят пропажу, Рвач решил не ограничиваться одним мешочком. Он поджарил еще дюжину мест на том седле и на седлах, что были надеты на других лошадях. Переправившись на другой берег, законник и его сопровождающие оседлают лошадей и поскачут домой, но Рвач знал, что еще задолго до Нэшвилла им придется забыть о такой роскоши, как седла. Он надеялся, что постромки Джексона порвутся таким образом, что старина Гикори брякнется прямо на свой зад, а может, даже сломает руку. Одна мысль о подобной перспективе развеселила Рвача и подняла ему настроение. Все-таки забавно быть факелом. Никогда не мешает потыкать какого-нибудь надутого святошу-законника носом в грязь.

По правде говоря, честный человек вроде Эндрю Джексона вряд ли мог состязаться с парой таких отъявленных мошенников, как Билл Гаррисон и Рвач Палмер. Стыд и позор, что армия до сих пор не выдает медалей солдатам, которые спаивают

своих врагов до смерти, вместо того чтобы палить по ним из ружей. Потому что в таком случае Гаррисон и Палмер стали бы настоящими героями — в этом Рвач ни секунды не сомневался.

Но тем не менее он знал, что Гаррисон все равно выкрутится из положения и найдет способ объявить себя героем, тогда как на долю Рвача останутся деньги. «Что ж, таков порядок вещей, — философски решил Рвач. — Одни получают славу, другие — желтые монетки. Но я против этого не возражаю — если только не окажусь среди тех, кто заканчивает вообще с пустым карманом. Хотя к проигравшим я себя никогда не относил. Но ежели я проиграю, ой, как все пожалеют, ой, как пожалеют».

Глава 2
ТАКУМСЕ

Пока Рвач смотрел, как Джексон переправляется через реку, Такумсе наблюдал за бледнолицым торговцем виски и видел, что за пакость тот подстроил законнику. Это увидел бы каждый краснокожий, если бы посмотрел в ту сторону, — ну, во всяком случае, каждый трезвый краснокожий. Белый человек часто поступает непонятно и неразумно, но, если он начинает играться с огнем, водой, землей или воздухом, от глаз краснокожего ему никогда не укрыться.

Такумсе *не видел*, как кожа седла на лошади Джексона почернела и обгорела. Он не почувствовал жара. Он увидел лишь какое-то возмущение в воздухе, крохотный водоворотик над водой, который и привлек его внимание. Нарушение в плавном течении земли. Большинство краснокожих не обладали таким острым чувством восприятия, как Такумсе. Только младший брат Такумсе Лолла-Воссики владел еще более острым ощущением земли — но подобных ему Такумсе никогда не встречал. Он знал все водовороты,

все омуты в течении жизни. Такумсе помнил, как их отец Пукишинва говорил когда-то, что Лолла-Воссики будет шаманом, а Такумсе станет великим вождем.

Это было еще до того, как Лживый Рот Гаррисон застрелил Пукишинву прямо на глазах у Лолла-Воссики. Такумсе тогда был на охоте, в дне ходьбы к северу, но он ощутил случившееся убийство, словно ружье выстрелило у него под ухом. Когда белый человек творит магический знак или заклинание, Такумсе чувствует неприятный зуд под кожей, но когда бледнолицый убивает — будто нож вонзается в сердце.

Рядом с ним находился другой его брат, Метава-Таски, и, повернувшись, Такумсе спросил его:

— Ты слышал?

Глаза Метава-Таски расширились. Он ничего не ощутил. Но даже в те годы, даже в том возрасте — ему и тринадцати не исполнилось, — Такумсе не сомневался в себе. Он чувствовал. Он не ошибся. Произошло убийство, и он должен спешить к умирающему человеку.

Он бежал первым. Его слияние с лесом и землей было абсолютным — такое в древние времена было доступно каждому краснокожему. Ему не нужно было думать, куда поставить ногу; он знал,

что корни под его ногой размягчатся и прогнутся, листья покроются влагой и не зашуршат, ветви, откинутые в сторону, сразу вернутся на старое место, не оставив и следа, что он здесь прошел. Белые люди любили бахвалиться — мол, они умеют двигаться так же бесшумно, как краснокожие. Некоторые из них действительно умели — только им приходилось идти медленно, осторожно, оглядывая землю впереди себя, огибая кустарники. Они понятия не имели, что краснокожий практически не задумывается об этом — он и так движется совершенно бесшумно.

Стремительно мчась через леса, Такумсе не думал о том, куда поставить ногу, не думал о себе. Его окружала зеленая жизнь лесной страны, и в сердце ее, прямо у него перед лицом, все усиливаясь, вращался черный водоворот, засасывающий туда, где живая зелень была прорвана, как рана, чтобы пропустить сквозь себя убийство. Вскоре и Метава-Таски ощутил водоворот. Выбежав на поляну, они увидели лежащего на земле отца с развороченным от выстрела лицом. А рядом, молча и ничего не видя вокруг, стоял десятилетний Лолла-Воссики.

Такумсе нес тело отца на плечах, как тушу оленя. Метава-Таски вел Лолла-Воссики за руку,

иначе мальчик отказывался сдвинуться с места. Мать встретила их скорбными рыданиями, ибо она тоже почувствовала смерть, правда, пока не вернулись сыновья, не знала, что погиб именно ее муж. Мать веревками примотала тело мужа к спине Такумсе, после чего он забрался на самое высокое дерево в округе, отвязал погибшего отца и привязал его к самой высокой ветви, до которой только смог дотянуться.

Он мог бы выбиться из сил и случайно выронить тело — дурнее знака не придумать. Но Такумсе не выбился из сил. Он привязал отца так высоко, что солнце касалось его лица круглый день. Птицы и насекомые будут питаться его плотью; солнце и ветер иссушит его; дождь смоет останки на почву. Таким образом Такумсе возвращал отца обратно земле.

Но что было делать с Лолла-Воссики? Он ничего не говорил, не ел, если его насильно не кормили, и, если бы его не водили за руку, он бы всю жизнь просидел на одном месте. Мать страшно перепугалась, увидев, что произошло с сыном. Она очень любила Такумсе — ни одна женщина в их племени не испытывала таких чувств к собственному ребенку, — но Лолла-Воссики она любила больше. Множество раз она рассказывала

всем, как малыш Лолла-Воссики в первый раз закричал, — это случилось во время зимы, когда воздух становится особенно злым и кусачим. Он плакал и плакал, его было не остановить, как ни укрывала она малыша медвежьими и бизоньими шкурами. Наконец он немного подрос и сам смог объяснить, почему он все время плачет. «Пчелы умирают», — сказал он. Вот каким был Лолла-Воссики, единственный шони, способный ощущать смерть пчел.

Вот каким был тот мальчик, что стоял рядом с отцом, когда полковник Билл Гаррисон пристрелил Пукишинву. Если уж Такумсе, находившегося в целом дне пути от места, где разыгралась трагедия, это убийство пронзило как нож, что же ощутил Лолла-Воссики, который стоял совсем рядом и был куда более чувствителен, чем старший брат? Если зимой он оплакивал умирающих пчел, что он почувствовал, когда бледнолицый у него на глазах застрелил его отца?

Прошло несколько лет, прежде чем Лолла-Воссики снова заговорил, но огонь покинул его глаза, он не замечал ничего вокруг. Глаз он потерял совершенно случайно — споткнувшись, он упал на торчащую из земли обломанную ветку куста. Он споткнулся и упал! Да с кем из краснокожих такое

случалось? Лолла-Воссики перестал чувствовать землю; он стал глух и слеп, как бледнолицый.

«Хотя, может быть, — подумал Такумсе, — в его ушах до сих пор звучит далекий ружейный выстрел, и из-за этого постоянного грома он ничего теперь не слышит; может быть, старая боль по-прежнему мучает его, и он не ощущает движение живого мира». Боль постоянно терзала его, пока первый глоток виски не научил Лолла-Воссики, как избавляться от мук.

Вот почему Такумсе никогда не бил Лолла-Воссики за то, что он пьет, хотя немилосердно избил бы любого шони, даже своих братьев, даже старика, если б увидел, что тот сжимает в руках чашку с отравой белого человека.

Но бледнолицые не догадывались, что видят, слышат и ощущают краснокожие. Белый человек принес смерть и опустошение в эту страну. Белый человек рубил мудрые старые деревья, которые могли бы многое поведать, срезал молодые деревца, у которых столько лет жизни было впереди, и никогда не спрашивал: «Согласишься ли ты стать хижиной для меня и моего племени?» Он лишь рубил, пилил, выкорчевывал, жег — это есть образ жизни белого человека. Он берет у леса, берет у земли, отнимает у реки, но ничего не дает вза-

мен. Белый человек убивает животных, которые ему не нужны, животных, которые не причиняют ему никакого вреда; зато если проснувшийся от зимнего голода медведь случайно задирает одного-единственного молоденького поросенка, белый человек выслеживает и в отместку убивает зверя. Бледнолицые не способны ощутить равновесие земли.

Неудивительно, что земля ненавидит белого человека! Неудивительно, что вся природа земли восстает против него — хрустит под ногами, ломается, кричит краснокожему: «Здесь стоял враг! Здесь прошел чужак, через эти кусты, поднялся вон по тому холму!» Бледнолицые любили подшучивать, мол, краснокожий способен обнаружить след даже на воде, после чего смеялись, будто на самом деле этого не может быть. Может, может, ибо, когда бледнолицый проходит по реке или озеру, спустя долгие часы вода булькает, пенится и громко шумит после этого.

И вот Рвач Палмер, торговец отравой, коварный убийца, стоит, напуская свой глупый огонь на седло белого собрата, и думает, что никто его не видит. Ох уж эти бледнолицые с их жалкими способностями-дарами! Ох уж эти бледнолицые с их заклинаниями и оберегами! Неужели они

не знают, что их колдовство способно отпугнуть только *неестественное*? Если придет вор, понимающий, что поступает неправильно, то добрый сильный оберег разбудит внутри него страх, и он убежит, вопя во все горло. Но краснокожий не может быть вором. Краснокожий принадлежит этой земле. Для него оберег всего лишь холодное место, возмущение в воздухе, не более. Для него скрытый дар подобен мухе — жжж-жжж-жжж. По сравнению с этой мухой сила живой земли — сотня ястребов, которые кружат в небе, наблюдают.

Такумсе проводил взглядом возвращающегося в форт Рвача. Вскоре Рвач в открытую начнет торговать своим зельем. Множество краснокожих, собравшихся здесь, опьянеют. Поэтому Такумсе останется и будет наблюдать. Ему вовсе не обязательно говорить. Достаточно, чтобы его видели, и тогда те, в чьих сердцах еще жива хоть какая-то честь, повернутся и уйдут, не выпив ни капли огненной воды. Такумсе пока что не вождь. Но с ним нельзя не считаться. Такумсе — гордость шони. Прочие краснокожие из других племен должны сравнивать себя с ним. Краснокожие, поклоняющиеся виски, сжимаются изнутри, когда видят этого высокого, сильного мужчину.

Он подошел туда, где стоял Рвач, и своим

спокойствием утихомирил порожденные бледнолицым возмущения. Вскоре жужжащие, разозленные насекомые успокоились. Запах торговца огненной водой развеялся. Снова вода принялась обнимать берег с прежней монотонной песней.

Как легко исцелить землю, по которой прошел белый человек. Если б сегодня все бледнолицые снялись с места и уехали, то к завтрашнему дню земля бы вернулась к обычному покою, а через год не осталось бы и следа пребывания белого человека. Даже развалины хижин, где жили бледнолицые, снова стали бы частью земли, приютив мелких животных, постепенно рассыпаясь в объятиях вьющихся лоз. Металл белого человека превратился бы в ржавчину; камни белого человека образовали бы холмы и маленькие пещерки; убийства, совершенные бледнолицыми, влились бы резкими, красивыми нотами в песнь иволги — ибо иволга запоминает все и, когда может, обращает зло в добро.

Весь день Такумсе провел рядом с фортом, следя за краснокожими, которые шли покупать свой яд. Мужчины и женщины из разных племен — вийо и кикипу, потивотами и чиппива, виннебаго и пиорава — все они заходили в крепость, неся шкуры или корзины, а возвращались, бережно

прижимая чашки или маленькие кувшинчики с огненной водой, а иногда и вовсе с пустыми руками — все, что они наторговали, плескалось у них в животах. Такумсе ничего не говорил, но он чувствовал, что краснокожие, выпившие отраву, сразу лишались поддержки земли. Они не искажали зелень жизни, как это делал белый человек, скорее они вообще переставали существовать. По мнению земли, краснокожий, выпивший виски, становится мертвым. Нет, даже не мертвым, потому что он ничего не возвращает земле. «Я стою и наблюдаю за призраками, — подумал Такумсе, — не мертвыми и не живыми». Он произнес эти слова про себя, но земля почувствовала его скорбь, и легкий ветерок ответил ему, заплакав среди листвы.

На закате прилетела иволга и принялась вышагивать перед Такумсе.

«Расскажи мне свою повесть», — молча, по-своему попросила иволга, глядя снизу вверх на краснокожего глазками-бусинками.

«Ты и так ее знаешь, — ответил про себя Такумсе. — Ты ощущаешь мои слезы, прежде чем я пролью их. Ты чувствуешь мою кровь, когда ее капли еще не коснулись земли».

«Почему ты скорбишь по краснокожим, кото-

рые не вхожи в племя июни?»

«До того как пришел белый человек, — объяснил Такумсе, — мы не понимали, что все краснокожие похожи друг на друга, что все они братья земли, потому что живые существа вели себя абсолютно иначе. Мы ссорились с другими краснокожими, как медведь спорит с кугуаром, как ондатра скандалит с бобром. Но затем появился белый человек, и я увидел, что краснокожие похожи, как близнецы, по сравнению с бледнолицыми».

«А кто такой белый человек? Что он делает?»

«Белый человек похож на человеческое существо, только, ступая по земле, он убивает все живое».

«Тогда почему, о Такумсе, заглянув в твое сердце, я вижу, что ты не желаешь причинять белому человеку боль, не хочешь убивать его?»

«Белый человек не осознает зла, которое творит. Белый человек не умеет ощущать умиротворение земли и поэтому не видит смертей, свершающихся по его вине. Я не могу винить его. Но и не могу допустить, чтобы он остался. Поэтому, изгнав бледнолицых с этой земли, я не буду ненавидеть их».

«Если ты свободен от ненависти, о Такумсе,

тогда ты наверняка изгонишь белого человека отсюда».

«Я причиню ему ровно столько боли, сколько необходимо, чтобы он оставил эти земли, не более того».

Иволга кивнула. Один раз, дважды, трижды, четырежды. И взлетела на ветку, которая росла напротив лица Такумсе. Птичка запела новую песню, и в песне этой не было слов, но Такумсе услышал в ней историю своей жизни. С этой поры его историю будет рассказывать каждая иволга, что порхает над землей, ибо то, что ведомо одной пташке, известно и всем остальным.

Если бы кто-нибудь со стороны наблюдал сейчас за Такумсе, он бы не понял, что сказал, увидел и услышал этот краснокожий. Лицо Такумсе не выражало ничего. Он стоял как стоял; рядом с ним опустилась иволга, попрыгала немножко, запела — и улетела.

Однако это мгновение перевернуло Такумсе всю жизнь. До сегодняшнего дня он был неопытным юнцом. Его силой, спокойствием, мужеством восхищались, но говорил он как обычный шони и, сказав, умолкал, ожидая решения старейшин. Теперь он мог решать сам, как настоящий вождь, как вождь, ведущий племя на войну. Не как

вождь шони и не как вождь живущих на севере краснокожих, но как вождь всех племен в войне против белого человека. Он давно знал, что война грядет, но до сегодняшнего дня считал, что ее возглавит кто-нибудь другой, такой вождь, как Кукурузный Стебель, как Черная Рыба или любой из вождей криков и чоктавов, обитающих на юге. Но иволга прилетела к нему, к Такумсе, и включила его в свою песню. Теперь, в каких бы краях Такумсе ни очутился, люди, слышавшие песню иволги, сразу узнают его имя, имя мудрейшего из краснокожих. Он стал великим вождем всех краснокожих, в ком еще жива любовь к земле. Сама земля избрала его.

Стоя на берегу Гайо, он внезапно превратился в лик всей земли. Огонь солнца, дыхание воздуха, сила земли, скорость воды воплотились в нем и теперь глядели на мир его глазами. «Я земля. Я руки, ноги, рот, глас земли, вознамерившейся избавиться от белого человека».

Таковы были его мысли.

Он стоял на одном месте, пока не стемнело. Остальные краснокожие вернулись в свои шалаши, хижины и улеглись спать — или валялись пьяными, все равно что мертвыми. Такумсе очнулся от мыслей, на которые навела его песня

иволги, и услышал громкий хохот, доносящийся со стороны деревни краснокожих, оглушительный смех и пение веселящихся в форте белых солдат.

Такумсе наконец сошел с места, на котором простоял столько часов. Ноги его затекли, но он даже не покачнулся, заставив себя двигаться плавно, а землю под ногами — мягко расступаться. Белому человеку приходится носить грубые, тяжелые башмаки, чтобы ходить по этой земле, потому что камни впивались и рвали его ступни, но краснокожий мог носить одни и те же мокасины долгие годы, потому что земля благосклонно принимала каждый его шаг. Шагая, Такумсе ощущал почву, ветер, реку, всполохи молний, движущихся вокруг него, — внутри него жила земля, он был руками, ногами и ликом земли.

Изнутри форта донесся крик, за которым последовало еще несколько:

— Вор! Ворюга!

— Держите его!

— Бочонок уносит!

Проклятия и вопли. А затем самый страшный звук на свете — звук выстрела. Такумсе напрягся, ожидая укола смерти. Но ничего не почувствовал.

Над частоколом замаячила какая-то тень. Кем бы ни был этот человек, на плечах он держал бочонок с виски. Секунду-другую он в нерешительности качался на краю забора, после чего спрыгнул. Такумсе сразу понял, что это краснокожий, поскольку, таща на себе тяжеленный бочонок, неизвестный без труда спрыгнул с высоты в три человеческих роста и приземлился почти бесшумно.

Специально ли, нет, но спасающийся бегством вор налетел прямо на Такумсе и замер. Такумсе опустил глаза. В ярком свете звезд он узнал похитителя.

— Лолла-Воссики, — сказал он.

— Вот, бочонок добыл, — похвастался Лолла-Воссики.

— Мне следовало бы разбить его, — покачал головой Такумсе.

Лолла-Воссики слегка наклонил голову, прямо как иволга, и оценивающе посмотрел на брата.

— Тогда мне придется вернуться и стянуть еще один.

Бледнолицые, гонящиеся за Лолла-Воссики, застучали в ворота, требуя у охранников отворять побыстрее. «Я должен запомнить это, — подумал Такумсе. — Так я заставлю их открыть для меня

ворота». Думая об этом, он одновременно обнял одной рукой брата, продолжавшего сжимать бочонок. Зеленая земля жила в Такумсе вторым сердцем, наполняла его силой, так что, когда он прижал к себе брата, та же самая сила земли вошла и в Лолла-Воссики. Такумсе услышал, как тот восторженно вздохнул.

Бледнолицые толпой вывалились из форта. Но хотя Такумсе и Лолла-Воссики стояли на открытом месте, у всех на виду, белые солдаты не увидели их. Вернее *увидели*, но просто не заметили двух шони. Они пробежали мимо, крича и время от времени паля в ночной лес. Наконец, набегавшись, они остановились рядом с братьями, так близко, что если бы кто-нибудь поднял руку, то непременно коснулся бы двух краснокожих. Но никто не поднял руку, никто не дотронулся до них.

Вскоре бледнолицые прекратили поиски и, проклиная все на свете, потащились обратно в форт.

— Это был тот одноглазый краснокожий.

— Пьяница-шони.

— Лолла-Воссики.

— Найду — убью.

— Повесить ворюгу.

Так они говорили, а Лолла-Воссики стоял неподалеку, на расстоянии броска камня, и на плече его покоился заветный бочонок.

Когда последний бледнолицый скрылся в форте, Лолла-Воссики захихикал.

— Ты смеешься, а сам несешь на плечах отраву белого человека, — напомнил Такумсе.

— Я смеюсь, а мой брат обнимает меня, — ответил Лолла-Воссики.

— Оставь это виски здесь, брат, и пойдем со мной, — сказал Такумсе. — Мою историю выслушала иволга и включила меня в свою песнь.

— Я буду слушать эту песню и радоваться, — кивнул Лолла-Воссики.

— На моей стороне выступает земля, брат. Я лик земли, земля — мое дыхание, моя кровь.

— Я услышу биение твоего сердца в порывах ветра, — ответил Лолла-Воссики.

— Я изгоню белого человека обратно за моря, — поклялся Такумсе.

И тогда Лолла-Воссики начал плакать — не пьяными слезами, а сухими, тяжелыми всхлипами человека, переживающего горькую скорбь. Такумсе попытался было крепче прижать брата к себе, но тот оттолкнул его и, качаясь из стороны в сторону, цепляясь за бочонок, побрел в темноту

деревьев.

Такумсе не стал преследовать его. Он догадывался, почему его брат скорбит, — земля наполнила Такумсе великой силой, силой, которая способна была накинуть покров невидимости, благодаря которой можно было встать среди пьяных бледнолицых и превратиться в дерево. И Лолла-Воссики знал, как бы ни велика была сила, наполнившая брата, Лолла-Воссики по праву должен был обладать вдесятеро большим могуществом. Но белый человек убийствами и огненной водой украл у Лолла-Воссики эти способности, теперь иволга никогда не узнает его песню и земля не наполнит его сердце.

Ничего, ничего, ничего.

«Земля избрала меня своим голосом, и я должен заговорить. Больше я здесь не задержусь, я не буду больше пытаться пристыдить пьяниц, которых убила страсть к отраве белого человека. Я не стану предупреждать бледнолицых обманщиков и лжецов. Я обращусь к краснокожим, которые еще живы, которые остались людьми, и сплочу их воедино. И наш единый великий народ изгонит белого человека обратно за моря».

Глава 3
ДЕ МОРЕПА

Фредерик, юный граф де Морепа[5], и Жильбер, уже начинающий стареть маркиз де Лафайет, стояли бок о бок у поручней баржи, оглядывая озеро Ирраква. Парус «Марии-Филиппы» давно появился на горизонте; вот уже несколько часов они следили за приближающимся кораблем, меряющим воды самого маленького и мелкого из Великих Озер.

Фредерик не помнил, когда в последний раз его и весь французский народ вместе с ним подвергали подобному унижению. Пожалуй, тогда,

---

[5] Примечания: 5

Морепа Жан-Фредерик-Фелиппо, граф де (1701-1791) — к сожалению, непонятно, какого именно де Морепа имеет в виду Орсон Скотт Кард. Известный исторический персонаж ко времени действия «Сказаний о Мастере Элвине» должен был уже сойти в могилу, тогда как Фредди еще весьма юн. Усугубляют путаницу имена — то ли под Фредериком де Морепа писатель имеет в виду достаточно известного государственного деятеля Франции конца XVIII века, то ли его сына. Как бы то ни было, сын графа де Морепа никак не вошел в историю, поэтому следует рассказать об отце. Граф де Морепа прославился в основном тем, что стал самым юным министром внутренних дел — Людовик XV выдвинул его на эту должность, когда де Морепа исполнилось четырнадцать лет. Спустя десять лет де Морепа был смешен с поста за эпиграмму на мадам Помпадур, любовницу Людовика. Но следующий король, Людовик XVI, сделал его своим первым министром, на посту которого де Морепа пробыл до скончания своих лет. В реальной ми-

ровой истории де Морепа помогал американским колониям в борьбе против Великобритании, а не ставил поселенцам палки в колеса, как это он делает у Орсона Скотта Карда.

когда кардинал — как там его звали? — попытался подкупить королеву Марию-Антуанетту[6]. Разумеется, в те годы Фредерик был еще совсем мальчишкой — двадцать пять лет, зеленый юнец, ничего не знающий о жизни. Он тогда счел, что нет превыше позора для Франции, чем объявить во всеуслышание, что кардинал намеревался подкупить королеву каким-то алмазным ожерельем[7]. Будто королеву вообще можно подкупить, если уж на то пошло. Но теперь, повзрослев, он понимал, настоящий позор заключался в неизбывной глупости французского кардинала, который решил подкупить королеву. Единственное, что она могла, это повлиять на короля, а поскольку старый король Луи вообще ни на кого не мог повлиять, на этом все дело

---

[6] Примечания: 6

Мария-Антуанетта — жена французского короля Людовика XVI (напомним, что в альтернативной истории Мастера Элвина она является супругой Карла); была казнена во время Великой французской революции

[7] Примечания: 7

Под подкупом королевы де Морепа подразумевает известную загадку истории, весьма скандальную и не проясненную по сей день. Александр Дюма предложил одну из объясняющих происшедшее версий в своем романе «Ожерелье королевы». Мы же ограничимся сутью того нашумевшего дела. В результате смерти Людовика XV у знаменитых французских ювелиров осталось невыкупленным дорогое бриллиантовое ожерелье, заказанное королем для своей фаворитки Дюбарри. Ювелиры пытались продать его супруге следующего короля, Марии-Антуанетте, но ничего не получилось, поскольку ожерелье

стоило весьма дорого, а казна французского двора в те времена была крайне истощена. Однако вскоре к ювелирам явилась придворная дама, графиня Ламот-Валуа, доверенная подруга королевы, и сказала, что Мария-Антуанетта все же решила приобрести драгоценность, а переговоры по покупке будет вести некое знатное лицо. Этим знатным лицом оказался кардинал Роган, который и купил ожерелье за 1600 тысяч ливров; часть кардинал оплатил наличными, часть — долговыми векселями. Когда подошло время очередного взноса и деньги не поступили, ювелиры обратились в суд. Вскоре по обвинению в мошенничестве были арестованы кардинал Роган, Ламот-Валуа и еще несколько лиц (среди которых был небезызвестный авантюрист Калиостро). Выяснилось, что кардинал стал жертвой обмана своей любовницы Ламот-Валуа. Воспользовавшись доверчивостью Рогана, а также его страстным желанием угодить королеве и поправить свое пошатнувшееся положение при дворе, Ламот-Валуа устраивала ему свидания с королевой, которую, однако, изображало другое лицо. Таким образом коварная женщина выманила у кардинала деньги и ожерелье. В результате процесса Роган и Калиостро были оправданы, а Ламот-Валуа была приговорена к телесным наказаниям, клеймению и тюрьме. Этот нашумевший судебный процесс пошатнул и без того неустойчивую французскую монархию и стал одной из причин Французской революции.

заканчивалось, заходя в тупик.

Личное унижение — это больно. Унижение рода, фамилии — еще хуже. Унижение социального положения порождает агонию в душе. Но позор нации — это настоящая пытка, самое страшное несчастье, которое может случиться.

И вот сейчас он стоял на жалкой барже, на *американской* барже, привязанной у берега *американского* канала, и встречал французского генерала. Почему эта канава не носит звание французского канала? Почему французы первыми не изобрели эту хитроумную систему шлюзов, вырыв траншею, огибающую канадские водопады?

— Перестаньте пускать пар, мой дорогой Фредерик, — пробормотал Лафайет.

— Я не пускаю пар, мой дорогой Жильбер.

— Ну тогда перестаньте фыркать. Вы все время фыркаете.

— Я не фыркаю, а шмыгаю носом. У меня простуда.

«Канада — это настоящая сточная яма для отбросов французского общества, — в тысячный раз подумал Фредерик. — Даже благородство, встречающееся иногда в этих краях, смущает. Взять, к примеру, этого маркиза де Лафайета,

члена… нет, *основателя* Клуба Фельянов[8], ведь в этом клубе состоять — все равно что кричать на каждом углу, что ты предаешь короля Карла. Демократ-пустослов. Может, даже якобинец[9], как этот мятежник Робеспьер[10]. Правильно Лафайета изгнали в Канаду, здесь он не сможет причинить никакого вреда. Почти никакого, разве что унизить Францию своими беспардонными выходками…»

— Наш новый генерал везет с собой нескольких штатных офицеров, — заметил Лафайет, — плюс весь их багаж. Не имеет смысла высаживаться на берег, тащить огромный груз на телегах и повозках, когда он может быть доставлен по воде. Кроме того, нам представляется хорошая возможность познакомиться с генералом поближе, пока

---

[8] Примечания: 8

Фельяны — политическая партия во Франции во время Французской революции конца XVIII века; название получила от бывшего монастыря ордена фельянов, в помещении которого члены клуба проводили свои заседания; несмотря на то что сначала фельяны поддержали революцию, впоследствии эта партия встала на сторону монархистов

[9] Примечания: 9

якобинцы — в период Французской революции члены Якобинского клуба, среди которых были М.Робеспьер, Ж.П.Марат, Ж.Ж.Дантон; якобинцы наиболее яро выступали против французской монархии, и именно эта партия подготовила и осуществила кровавую революцию

[10] Примечания: 10

Робеспьер Максимильен Мари Изидор де (1758-1794) — деятель Французской революции конца XVIII века, один из основных рево-

люционеров, ставший впоследствии народным диктатором; после поражения диктатуры был без суда гильотинирован народом

мы будем плыть в Канаду.

Поскольку Лафайет, выражающийся всегда очень непосредственно (позор аристократии!), продолжал настаивать, упорно не желая принимать разумных доводов, Фредерику пришлось отступить от своих позиций и разъяснить ситуацию таким же простым языком:

— Но французский генерал, добирающийся до места своего назначения по иностранной земле… Нонсенс!

— Мой дорогой Фредерик, на американскую земли он и ногой не ступит! Пересядет с лодки на лодку, и все.

Жеманная улыбочка Лафайета приводила в бешенство. Грязное пятно на чести Франции. Ну почему, почему отец Фредерика не удержался в фаворе у короля хоть чуточку подольше! Фредерик успел бы заслужить продвижение на какую-нибудь элегантную должность типа главнокомандующего итальянской кампанией… А вообще, есть ли такая должность? Неважно, главное, чтобы еда была получше, музыка, танцы, театры — ах, Мольер! Там, в Европе, Фредерик сражался бы с цивилизованными врагами, с австрийцами, пруссаками или даже — хотя здесь слово «цивилизованный» вряд ли подходит — с

англичанами. Вместо этого он попал сюда, и ловушка захлопнулась, так что — если, конечно, отцу не удастся хитростью и лестью вернуть фавору короля — Фредерику придется вечно созерцать вторжение на земли французских колоний всяких оборванцев: необразованных англичан, самых отъявленных мерзавцев, выходцев из низов английского общества, не говоря уже о голландцах, шведах и немцах… О, это поистине невыносимо! А союзники, союзники каковы! Племена краснокожих, они ведь даже не еретики, о христианстве здесь вообще речи не идет — они, все как один, язычники, а половина военных операций в Детройте состоит из закупки ужасных кровавых трофеев…

— Да, мой дорогой Фредерик, вы и в самом деле дрожите, — отметил Лафайет.

— Отнюдь.

— Но вас била дрожь.

— Я *содрогнулся*.

— Кончайте надувать губки и наслаждайтесь. Ирраква была сама услужливость. Они не только предоставили нам личную губернаторскую баржу, но и не потребовали за это никаких денег, сказав, что это жест доброй воли.

— Губернаторскую? *Губернаторскую*? Под

губернатором вы подразумеваете ту жирную, страшную краснокожую женщину-язычницу?!

— С цветом своей кожи она ничего поделать не может, и вовсе она не язычница. По сути дела, она приняла баптистскую веру, это то же самое, что и христианство, только несколько шумнее.

— В этих английских ересях сам черт ногу сломит!

— Мне кажется, это даже элегантно. Женщина, выступающая в роли губернатора штата Ирраква, краснокожая к тому же! Ее как равную принимают губернаторы Сасквахеннии, Пенсильвании, Нью-Амстердама, Новой Швеции, Нью-Оранжа, Новой Голландии…

— А мне иногда начинает казаться, что вы предпочитаете эти отвратительные Соединенные Штаты родному отечеству.

— В своем сердце я француз, — спокойно ответил Лафайет. — Но я восхищаюсь американским духом равноправия.

Опять это равноправие. Маркиз де Лафайет походил на фортепьяно, настроенное на одну ноту.

— Вы совершенно забываете, что наш основной враг в Детройте — эти самые американцы.

— Это вы забываете, что настоящий наш враг — орды скваттеров-поселенцев, не имеет значе-

ния, какой они расы, незаконно вторгшихся в Резервацию Краснокожих.

— Игра слов, не более того. Все они — американцы. Следуя на запад, они проходят через Нью-Амстердам или Филадельфию. Вы же, будучи на востоке, воодушевляете их — всем известно, как вы восхищаетесь антимонархистской философией, проповедуемой этими оборванцами. И мне приходится платить за их скальпы, когда краснокожие на западе учиняют очередную резню.

— Тише, Фредерик, тише. Даже в шутку не обвиняйте меня в антимонархизме. Умная машинка для рубки мяса, изобретенная месье Гильотином, ждет не дождется подобных обвинений.

— Жильбер, давайте говорить серьезно. Маркиз на нее никогда не попадет. Аристократам, распространяющим безумные демократические идеи, головы не рубят. Их высылают в Квебек. — Фредерик не мог удержаться, чтобы не вставить шпильку. — А самых ненавистных отправляют в Ниагару.

— Что ж такого *вы* натворили, если и вас выслали в Детройт? — как бы про себя пробурчал Лафайет.

Опять позор. Будет ли когда-нибудь конец это-

му бесчестью?

«Мария-Филиппа» приблизилась настолько, что можно было разглядеть отдельных матросов и услышать их крики, пока судно ложилось на последний галс, перед тем как войти в порт Ирраква. Самое мелкое из Великих Озер, озеро Ирраква, было единственным, в которое могли заходить морские суда, — далее на пути вставала громада Ниагарского водопада. Последние три года, после того как Ирраква закончила постройку своего канала, почти все поставки, которые нужно было переправить в обход водопадов в озеро Канада, шли через американскую территорию, откуда попадали в Ниагарский канал. Французские портовые городки вымирали, огромное количество французов перебралось на американский берег озера, где Ирраква с радостью снабжала их нужной работой. А маркиз де Лафайет, управляющий делами на юге Канады и к западу от Квебека, казалось, вовсе не возражал против этого. Если к отцу Фредерика когда-нибудь вернется фавор короля Карла, Фредерик лично проследит за тем, чтобы Лафайет стал первым аристократом, испробовавшим на своей шее острый нож гильотины. То, что этот человек творил в Канаде, звалось предательством.

Как будто прочитав мысли Фредерика, Лафайет похлопал его по плечу и произнес:

— Скоро, скоро уже, потерпите немножко.

Безумно, конечно, думать о таком, но, похоже, предатель Лафайет сам только что предрек собственную казнь!

Но нет, на самом деле Лафайет имел в виду «Марию-Филиппу», которая подошла совсем близко к пристани. Портовые грузчики Ирраквы приняли линь, брошенный с судна, и намотали его на ворот, после чего, заведя некую монотонную песню на своем неудобоваримом языке, стали подтягивать судно к причалу. Наконец «Мария-Филиппа» ударилась бортом о пристань — с одной стороны грузчики принялись разгружать товары и багаж, с другой стороны установили сходни для пассажиров.

— Это же гениально, посмотрите, насколько они умудрились ускорить разгрузку судна! — воскликнул Лафайет. — Они кладут тюки на стоящие на рельсах вагонетки — на рельсах, как в шахте! — а затем вступают в дело лошади, которые отвозят груз туда, куда нужно. Сами видите, по рельсам можно перевозить куда больше груза,

чем на обычных тележках. Стефенсон[11] объяснял мне принцип действия, когда я заглядывал сюда в прошлый раз. А все почему? Потому что не надо ничем управлять…

Он трещал без умолку. В который раз он принялся рассказывать о паровой машине Стефенсона, которая, по убеждению Лафайета, вскоре заменит лошадь. Этот изобретатель уже построил пробную модель — то ли в Англии, то ли в Шотландии, то ли еще где. Но совсем недавно он переехал в Америку, и думаете, Лафайет позаботился пригласить Стефенсона в Канаду строить свои паровые машины там? Нет, Лафайет позволил ему работать на Ирракву, обставившись идиотскими оправданиями — мол, Ирраква уже вовсю использует пар, да и основные залежи угля находятся на американской стороне. Но Фредерику де Морепа было известно настоящее положение дел. Лафайет считал, что, благодаря паровой машине,

---

[11] Примечания: 11

Стефенсон (Стивенсон) Джордж (1781-1848) — выдающийся английский изобретатель, положивший начало развитию парового железнодорожного транспорта. Работая начальником угольных копей и изыскивая способ замены конной тяги на внутренних рельсовых путях паровой, Стефенсон в 1814 году построил первый паровоз «Блюхер». Позднее изобретатель построил в Англии первую железную дорогу общего пользования (Стоктон — Дарлингтон). Несмотря на то что Стефенсон консультировал строительство подобных дорог в остальных странах Европы, в Америке, куда он переехал в альтернативной истории Орсона Скотта Карда, изобретатель никогда не был.

перевозящей вагонетки по рельсовым дорогам, коммерция и путешествия станут намного быстрее и дешевле, так что мир извлечет куда больше пользы, если эта система будет построена на территории *демократии*! Фредерик, разумеется, не верил, что машина может обогнать лошадь, но это не имело значения — главное, Лафайет верил в это, поэтому тот факт, что он не привез изобретателя в Канаду, лишний раз доказывал его предательские намерения.

Должно быть, он пробормотал последние несколько слов вслух. Либо это, либо Лафайет действительно умеет читать человеческие мысли — до Фредерика доходили слухи, что Лафайет обладает подобным даром. А может, Лафайет просто догадался, о чем он сейчас думает. Или дьявол ему подсказал… А что, хорошая мысль!

Как бы то ни было, Лафайет громко рассмеялся и сказал:

— Фредерик, если бы я позвал Стефенсона строить рельсовые дороги в Канаде, вы первый обвинили бы меня в пустой трате государственных денег. Зато сейчас, если вы, написав рапорт, обвините меня в предательстве, в том, что я подучил Стефенсона остаться в Ирракве, вас тут же вызовут домой, во Францию, где заключат

в маленькую комнату с обитыми подушками стенами.

— Обвинять в предательстве? Вас? — напускно удивился Фредерик. — Да подобной мысли мне и в голову не могло прийти. — И все-таки на всякий случай он перекрестился. Вдруг и вправду сам дьявол шепчет на ушко Лафайету? — Ну не довольно ли любоваться таскающими тюки грузчиками? По-моему, нам следует поприветствовать прибывшего офицера.

— Вы так рветесь познакомиться с ним? — спросил Лафайет. — Вчера вы мне все уши прожужжали о его плебейском происхождении. По-моему, вы сказали, что на службу он поступил простым капралом.

— Сейчас он генерал, и Его Величество счел должным послать его к нам, — сохраняя серьезное выражение лица, возразил Фредерик.

Лафайет же продолжал весело ухмыляться. «Ничего, Жильбер, мое время придет, обязательно придет».

По пристани ходили несколько офицеров, облаченных в военное обмундирование, но никого с генеральскими погонами среди них не было. Очевидно, герой битвы за Мадрид выжидал, намереваясь эффектно появиться на палубе. А может,

он думал, что маркиз и сын графа сами пройдут в его каюту, чтобы первыми поприветствовать национальную знаменитость? Немыслимо!

Хотя на самом деле он так не думал. Офицеры отступили на шаг-другой, и де Морепа с Лафайетом, стоящие у поручней баржи, увидели, как некий человечек шагнул с палубы «Марии-Филиппы» на пристань.

— Не такого он уж и высокого роста, правда? — вслух подумал Фредерик.

— На юге Франции все невысокого роста.

— На юге Франции! — презрительно фыркнул Фредерик. — Он родом с Корсики, мой дорогой Жильбер. Его даже французом назвать нельзя. Скорее итальяшка…

— За три недели этот итальяшка наголову разбил испанскую армию, пока вышестоящий офицер валялся с приступом острой дизентерии, — напомнил Лафайет.

— Акт неподчинения, за который его следовало отдать под трибунал, — нахмурил брови Фредерик.

— С этим я не спорю, — согласился Лафайет. — Но, видите ли, он все-таки выиграл войну, поэтому король Карл, добавивший корону Испании к своей коллекции головных уборов, счел

несоответствующим судить солдата, который одержал столь славную победу.

— Дисциплина превыше всего! Каждый должен знать свое место, где и обязан неотлучно пребывать, — иначе начнется хаос.

— Вне всяких сомнений. Но способ наказать его все-таки нашелся. Его повысили до чина генерала и вместе с тем сослали *сюда*. Не хотели, чтобы он путался под ногами во время итальянской кампании. Его Величество, конечно, не откажется от титула венецианского дожа, но генерала Бонапарта случайно может занести не туда — он захватит Коллегию Кардиналов, и придется королю Карлу становиться папой.

— Ваше чувство юмора переходит всякие границы.

— Фредерик, вы посмотрите на него.

— Я и так на него смотрю.

— Тогда *не смотрите* на него. Взгляните на кого-нибудь другого. Посмотрите на его офицеров. Вы когда-либо видели, чтобы солдаты так любили своего командира?

Фредерик неохотно оторвал взгляд от генерала-корсиканца и посмотрел на его подчиненных, которые шли следом. Не как толпа придворных — здесь лесть твоему положению не поможет.

Скорее, как будто… как будто… Фредерик никак не мог подыскать нужных слов…

— Как будто каждый подчиненный знает — Бонапарт любит и высоко ценит его.

— Проповедовать подобное — несусветная глупость, — резко воскликнул Фредерик. — Низших чинов следует держать в постоянном страхе, чтобы они крепко цеплялись за свое положение.

— Пойдемте поприветствуем его.

— Что за абсурд! Это он должен подойти к нам!

Но Лафайет, как обычно, не стал разделять слово и дело — быстрым шагом он сошел на пристань и преодолел последние несколько ярдов навстречу Бонапарту. Бонапарт резким движением вскинул руку, отдавая честь. Фредерик, однако, ни на секунду не забывал о своем положении в высшем свете и знал, какое положение в нем занимает Бонапарт, так что к нему корсиканец подойдет сам. Может, Бонапарта и сделали генералом, но звание истинного дворянина просто так не дается.

А Лафайет уже расшаркивался:

— Генерал Бонапарт, для нас огромная честь принимать вас здесь. Увы, мы не можем предложить вам удобства Парижа…

— Милорд губернатор, — сказал Бонапарт, тут

же перепутав все возможные формы обращения, — я никогда не знал удобств Парижа. Самые счастливые моменты в моей жизни связаны с полем боя.

— Как и в жизни Франции, когда вы выходите на это самое поле. Пойдемте, я представлю вам генерала де Морепа. В Детройте вы будете подчиняться именно ему.

Фредерик ясно расслышал небольшую паузу, которую сделал Лафайет перед словом «подчиняться». «Я все запоминаю, Жильбер, и когда-нибудь поквитаюсь».

Докеры Ирраквы в считанные минуты переправили весь груз с одного судна на другое; не прошло и часа, как баржа пустилась в путь. Естественно, весь первый день Лафайет только и делал, что рассказывал Бонапарту о преимуществах паровой машины Стефенсона. Бонапарт даже выказал некоторую заинтересованность — расспросил о возможностях транспортировки войск, о том, сколько времени займет прокладка рельс следом за наступающей армией и легко ли враг может разрушить эту железную дорогу. Разговор был столь надуман и скучен, что Фредерик никак не мог понять, каким образом Бонапарту удается его поддерживать. Конечно, офицер

обязан *притворяться*, будто на лету схватывает каждое слово губернатора, но Бонапарт слишком уж переигрывал.

Вскоре беседа потекла без участия Фредерика, но тот против этого ничуть не возражал. Он с головой погрузился в собственные мысли, вспомнив ту актрису — как там ее звали? — которая так замечательно исполняла роль… в общем, какую-то роль. Или не актриса она была, а балерина? Этого он не помнил, зато в его памяти четко запечатлелись ее ножки, грациозные, стройные ножки, вот только она наотрез отказалась ехать с ним в Канаду, отвергнув его заверения в чистой и искренней любви. А ведь он обещал построить ей дом намного лучше, чем для собственной жены! О, если бы она поехала с ним! Ну да, она вполне могла умереть от той же лихорадки, от которой умерла его жена, — ну и что? Хотя, может, это все к лучшему. Играет ли она еще на сценах Парижа? Бонапарт, конечно, не ответит на его вопрос, но один из подчиняющихся ему офицеров мог встречаться с ней. Надо бы порасспросить.

Ужинали они, естественно, за губернаторским столом — поскольку на всей барже это был единственный стол. Губернатор Радуга передала свои сожаления по поводу, что не может лично по-

сетить столь почетных французских гостей, но надеется, что ее команда обеспечит им все возможные удобства. Фредерик, растолковавший ее слова весьма однозначно и посчитавший, что еду им будет готовить какой-нибудь краснокожий, уже приготовился к очередному дикарскому кушанью из жестких оленьих хрящей — такое даже олениной не назовешь, — однако вопреки ожиданиям повар оказался французом! Гугенотом, правда, вернее, потомком гугенотов, но на истинных католиков повар зла не держал, поэтому ужин оказался превыше всяких похвал. Кто бы мог подумать — в такой глуши они вкушали настоящий французский ужин! Причем не какой-то там акадийский, который обычно переперчен и насыщен донельзя специями.

За ужином, прикончив все съедобное, что лежало на блюдах, Фредерик честно попытался принять более активное участие в разговоре. Он как можно нагляднее постарался обрисовать Бонапарту ту невозможную военную ситуацию, что сложилась на юго-западе. Перечислил одну за другой все проблемы — неподдающихся дисциплине краснокожих союзников, бесконечный приток иммигрантов.

— Но больше всего хлопот доставляют наши

собственные солдаты. Как и всякий низкий класс, они чересчур подвержены предрассудкам. Во всем видят какие-то знамения. Какой-нибудь немец или датчанин нарисует на своей двери оберег, и солдат приходится палкой загонять в этот дом.

Бонапарт отхлебнул глоток кофе (варварский напиток! но, похоже, генерал им наслаждался не меньше коренного обитателя Ирраквы), после чего откинулся на спинку кресла и смерил Фредерика своими спокойными, пронзительными глазами.

— Вы хотите сказать, что вместе с пехотой обыскиваете дома?

Снисходительное отношение Бонапарта не лезло ни в какие рамки, но прежде чем Фредерик успел придумать ответ поязвительнее, в разговор, громко рассмеявшись, вмешался Лафайет:

— Наполеон, — сказал он, — мой дорогой друг, именно такова природа нашего врага в этой войне. Когда самый большой город в округе пятидесяти миль состоит из четырех домов и кузницы, специально дома не обыскивают. Каждый дом — это вражеская крепость.

Лоб Наполеона наморщился:

— Неужели они никогда не собирают свои силы

в армии?

— Они не выступали армией с тех пор, как генерал Уэйн разбил вождя Понтиака[12] много лет назад, да и то это была английская армия. Соединенные Штаты обладают лишь несколькими фортами, но все они раскиданы по Гайо.

— Тогда почему эти форты еще стоят?

Лафайет снова усмехнулся:

— Неужели вы не читали отчетов о войне английского короля против восставших Аппалачей?

— Я был занят несколько иными проблемами, — ответил Бонапарт.

— Вы можете не напоминать нам о своих победах в Испании, — встрял Фредерик. — Мы бы сами с радостью участвовали в этой войне, выдайся такая возможность.

— Да неужели? — пробормотал Бонапарт.

— Позвольте, я расскажу вам, — предложил Лафайет, — что случилось с лордом Корнуолли-

[12] Примечания: 12

Понтиак — вождь алгонкинского племени оттава (у Карда — оттива), возглавивший восстание индейских племен в 1762 году

сом[13] и его армией, когда он попытался напасть на столицу Аппалачей город Франклин, что в верховьях реки Теннизи.

— Позвольте лучше мне рассказать, — перебил его Фредерик. — Ваш рассказ, Жильбер, обычно чересчур перегружен излишними подробностями.

Лафайета, похоже, несколько покоробило беспардонное вмешательство Фредерика в разговор, но ведь именно Лафайет в свое время настоял на том, чтобы они обращались друг к другу по именам, как равные по чину. Если б Лафайет пожелал, чтобы к нему относились как к маркизу, он бы сейчас настоял на протоколе.

— Рассказывайте, — кивнул Лафайет.

— Корнуоллис пустился на розыски армии восставших Аппалачей. Но ничего не нашел. Наткнулся лишь на пустые хижины, которые не преминул сжечь, несмотря на то что возвести новую хижину ничего не стоит. Зато каждый день по меньшей мере полдюжины его солдат погибали под мушкетным огнем, не говоря уже

---

[13] Примечания: 13

Корнуоллис Чарльз (1738-1805) — английский военный и государственный деятель; командовал английскими соединениями во время войны за независимость США; подписал капитуляцию в Йорктауне; позднее — вице-король и главнокомандующий в Ирландии

о раненых.

— Стреляли из винтовок, — поправил Лафайет.

— Да, конечно, эти американцы предпочитают винтовки, — согласился Фредерик.

— Но из них же не дашь нормального залпа, их очень долго перезаряжать, — удивился Бонапарт.

— А они вообще их не перезаряжают, если только численностью не превосходят, — пожал плечами Лафайет.

— Так вот, — продолжал Фредерик, — добравшись наконец до Франклина, Корнуоллис вдруг понял, что половина его армии мертва, ранена или охраняет обозы. Бенедикт Арнольд, генерал с Аппалачей, возвел вокруг города укрепления — нарыл вокруг канав, рвов и так далее. Лорд Корнуоллис попытался было взять город в осаду, но черрики двигались так бесшумно, что дозоры роялистов даже не слышали, как они пробирались внутрь войск. Эти повстанцы разработали дьявольский план — они подружились с краснокожими и сделали их полноправными гражданами, да, да, представьте себе. Вот где окупилась их доброта. Войска Аппалачей также совершали налеты на обозы Корнуоллиса — в общем, и месяца не прошло, как стало совершенно

ясно, что Корнуоллис превратился из осаждающего в осажденного. Закончился его поход тем, что он сдался вместе со всей армией в плен, и английскому королю пришлось пожаловать Аппалачам независимость.

Бонапарт мрачно кивнул.

— Но основная хитрость заключалась не в способе ведения войны, — заговорил Лафайет. — После того как Корнуоллис сдался, его привезли во Франклин, где он обнаружил, что все семьи поселенцев выехали из города задолго до того, как к нему подступила английская армия. Вот в чем главное преимущество живущих в глуши американцев. Они способны быстро собраться и уехать куда глаза глядят. Они не привязаны к какому-то одному месту.

— Да, но их можно убить, — отметил Бонапарт.

— Только прежде поймайте, — ответил Лафайет.

— Но ведь у них есть поля, есть фермы, — возразил Бонапарт.

— Правильно, вы можете пуститься на поиски ферм, — согласился Лафайет. — Но, захватив одно из подобных хозяйств, вы вдруг обнаружите, что живет там обычная фермерская семья — при условии, если в доме вообще кто-то будет. И солдат

среди них нет. *Армии* нет. А когда будете уезжать, кто-то пальнет вам в спину из леса. Может, тот самый смиренный фермер, может, нет.

— Интересная проблема, — задумался Бонапарт. — Врага как бы не существует. Он не концентрирует свои силы.

— Поэтому мы вынуждены якшаться с краснокожими, — подтвердил Фредерик. — Мы же не можем собственными руками убивать невинных фермеров и их семьи.

— Так что вы платите краснокожим, которые убивают их за вас.

— Да. И вроде бы неплохо получается, — кивнул Фредерик. — Во всяком случае иных шагов мы предпринимать не собираемся.

— *Неплохо*? Неплох*о получается*? — презрительно переспросил Бонапарт. — Десять лет назад к востоку от Аппалачей насчитывалось не более пяти сотен американских хозяйств. На нынешний момент между Аппалачами и Май-Амми живет десять тысяч поселенцев, которые продолжают продвигаться дальше на запад.

Лафайет подмигнул Фредерику. Фредерик лютой ненавистью ненавидел Лафайета, когда он вот так ему подмигивал.

— Наполеон читал наши отчеты, — весело

констатировал Лафайет. — И запомнил наши оценки численности американских поселений в Резервации Краснокожих.

— Король желает, чтобы вторжение американцев на французскую территорию было остановлено, остановлено раз и навсегда, — заявил Бонапарт.

— Правда? — удивился Лафайет. — Странный же способ он избрал, чтобы продемонстрировать нам свое желание.

— Странный? Он послал меня, — напыщенно сказал Бонапарт. — Это значит, что ему нужна только победа.

— Но вы всего лишь генерал, — напомнил Лафайет. — У нас уже имеются генералы.

— Кроме того, — вмешался Фредерик, — вы ни за что не отвечаете. Здесь командую я.

— Вообще-то, высшую власть здесь представляет маркиз, — заметил Бонапарт.

Фредерик сразу уловил намек. Стало быть, Лафайет обладает властью поставить Бонапарта над Фредериком, если пожелает того. Он бросил беспокойный взгляд на Лафайета, который с увлечением намазывал гусиный паштет на кусок хлеба.

— Генерал Бонапарт находится под *вашим*

командованием, Фредерик. Это изменению не подлежит. Никогда. Надеюсь, я ясно выразился, мой дорогой Наполеон?

— Разумеется, — ответил Наполеон. — Я вовсе не желал менять существующие здесь порядки. Но вы должны знать, король посылает в Канаду не только генералов. Весной сюда прибудет тысяча солдат.

— Что ж, я немало потрясен известием, что он в очередной раз пообещал прислать сюда побольше солдат, — по-моему, Фредерик, мы слышали подобные обещания дюжину раз, не меньше, вы не помните точно? Я всегда рад услышать очередное обещание от короля. — Лафайет допил остатки вина в бокале. — Но все дело в том, мой дорогой Наполеон, что у нас уже имеются солдаты, которые ровным счетом ничего не делают. Сидят себе в Детройте и Чикаго, расплачиваясь за скальпы бурбоном. Только спиртное зря переводим. Краснокожие хлещут его, как воду, после чего падают замертво.

— Но если у нас уже есть генералы, есть солдаты, — снисходительно спросил Бонапарт, — чего, по вашему мнению, нам не хватает, чтобы выиграть эту войну?

Фредерик никак не мог решить, то ли ненави-

деть Бонапарта, который смел грубить аристократу, то ли влюбиться в него за то, что он нахамил премерзейшему маркизу де Лафайету.

— Чего не хватает? Десяти тысяч французских поселенцев, — ответил Лафайет. — В ответ на американца мы должны выставлять француза, на женщину — женщину, на ребенка — ребенка. Надо сделать так, чтобы в этой части страны говорили по-французски, и только. Надо подавить их числом.

— Никто не согласится жить в подобной дикости, — объявил Фредерик, уже в который раз выражая свое мнение по этому поводу.

— Посулите дармовую землю, и сюда ринутся толпы, — сказал Лафайет.

— Всякие подонки и отбросы, — фыркнул Фредерик. — По-моему, мы по горло ими сыты.

Бонапарт молча изучал лицо Лафайета.

— Эти земли весьма ценны своими мехами и пушниной, — наконец тихо произнес Бонапарт. — Король недвусмысленно высказался на этот счет. Он не желает, чтобы европейцы селились вне фортов.

— Тогда король проиграет войну, — радостно заявил Лафайет, — сколько бы генералов он сюда ни послал. И на этом, господа, я думаю, нам сле-

дует закончить наш ужин.

С этими словами Лафайет поднялся и покинул каюту.

Бонапарт повернулся к Фредерику, который тоже встал, собираясь уйти. Генерал протянул руку и коснулся запястья Фредерика.

— Останьтесь, пожалуйста, — промолвил он.

Нет, на самом деле он сказал одно лишь «останьтесь», но Фредерику показалось, что вместе с тем он произнес «пожалуйста», что он действительно *жаждет*, чтобы Фредерик остался с ним, что он любит и почитает Фредерика.

Но он не мог остаться, нет, не мог, ведь Бонапарт простолюдин, и Фредерику не о чем с ним говорить…

— Милорд де Морепа, — прошептал корсиканский капрал.

Или он сказал просто «Морепа», а Фредерик домыслил все остальное? Какие бы слова он ни произнес, в голосе его прозвучало уважение, проникнутое доверием, надеждой…

И Фредерик остался.

Бонапарт ничего особенного не сказал. Обычные любезности. «Нам надо действовать вместе». «Мы должным образом послужим нашему королю». «Я помогу вам, чем смогу».

Но Фредерик видел за этими простыми словами нечто большее. Обещание будущей славы, возвращение в Париж с победой. Он победит американцев и, что еще важнее, поставит на место Лафайета, восторжествовав над этим предателем, преклоняющимся перед демократией маркизом. Он и Бонапарт сделают это — вместе. Надо лишь потерпеть пару-другую лет, создать из краснокожих огромную армию, и американцы вынуждены будут в ответ поднять свою армию; тогда мы разгромим американские войска и отправимся домой. Вот и все. Надежда и вера лихорадочно бились в сердце, но…

Но тут Бонапарт отпустил запястье Фредерика.

Через руку Бонапарта в тело Фредерика словно перетекали жизнь и тепло, бьющие из великого источника. Теперь, когда Бонапарт отпустил его, Фредерик ощутил холод и неизмеримую усталость. Но оставалась еще улыбка Бонапарта, и Фредерик, взглянув на него, вспомнил обещания, которые жили в нем мгновения назад. Да как он мог подумать, что сотрудничество с Бонапартом принесет ему нечто иное, кроме как триумф и награды? Этот человек знал свое место, это было видно невооруженным глазом. Фредерик просто *воспользуется* неоспоримым военным талантом

Бонапарта, и, восторжествовав, они вернутся во Францию, овеянные славой…

Улыбка Бонапарта потускнела, и снова Фредерик ощутил призрачное чувство потери.

— Доброй вам ночи, — сказал Бонапарт. — Увидимся утром, сир.

И корсиканец покинул комнату.

Если бы Фредерик видел в эти минуты свое лицо, он бы сразу узнал выражение, застывшее на нем: оно точь-в-точь походило на ту любовь и преданность, которую выражали подчиненные Бонапарту офицеры. Но он не мог видеть своего лица. Той ночью он лег в постель со спокойным сердцем — за все годы жизни в Канаде он ни разу не ощущал подобной уверенности и надежды. Внутри него все бурлило. Он чувствовал… «Как бы это назвать? — задумался он. — Ах да. Ум, рассудок». Он даже чувствовал, будто бы внезапно в тысячу раз поумнел.

Царила глубокая ночь, но матросы продолжали трудиться, управляя шумной паровой машиной, закачивающей воду в шлюз. Инженерная диковинка, самая невероятная, самая хитроумная система шлюзов, изобретенная человеком. Но остальному миру она была еще неизвестна. Европа по-прежнему считала Америку страной ди-

карей. Но Соединенные Штаты, воодушевленные примером старого волшебника Бена Франклина, вовсю продвигали и поощряли всевозможные изобретения и отрасли промышленности. Ходили слухи, что человек по имени Фултон[14] создал работающую на пару лодку, которая уже курсировала вверх-вниз по Гудзону, — паровой корабль, который предлагался королю Карлу и постройку которого монарх наотрез отказался финансировать! В земли Сасквахеннии и Аппалачей вгрызались угольные шахты. А здесь, в штате Ирраква, белого человека в гонке, которую он же сам и затеял, обогнали краснокожие — они роют каналы, строят паровые машины, способные ходить по рельсовым дорогам, ткацкие станки на пару, которые, переработав хлопок Королевских Колоний, превращают его в изумительную ткань, способную конкурировать по качеству с той, что производится в Европе, — мало того, она еще и обходится вдвое дешевле. Это было только начало, задел, но уже большая часть лодок, заходящих

[14] Примечания: 14

Фултон Роберт (1765-1815) — американский изобретатель. Участвовал в строительстве каналов, шлюзов. В 1803 году во Франции на реке Сене продемонстрировал первое паровое судно, но изобретение не получило одобрения французского правительства, и Фултон вернулся в Англию, а в 1806 году переехал в США, где и построил первый колесный пароход «Клермонт». В августе 1807 года «Клермонт» совершил первый рейс по реке Гудзон от Нью-Йорка до Олбани.

в реку Сен-Дени, направлялась не в Канаду, а в Ирракву.

Лафайет стоял у поручней, пока шлюз не заполнился водой доверху и огни паровой машины не потухли. Затем — стук-стук-стук — застучали копыта лошадей, и баржа вновь скользнула на чистую воду. Лафайет покинул палубу и спустился по лестнице в свою каюту. На рассвете они прибудут в порт Баффало. Де Морепа и Бонапарт направятся на запад, в Детройт. А Лафайет вернется в свой губернаторский особняк в Ниагаре. Там он снова засядет за дела, будет отдавать бессмысленные приказы и наблюдать за тем, как политика Парижа в Канаде медленно, но верно лишает французов будущего. Лафайет ничего не мог поделать с этими американцами, как с белыми, так и с краснокожими, которые, перевалив через Канаду, отправлялись дальше. Однако кое-что он все-таки мог сделать, он еще поможет Франции превратиться в нацию, которая устремится в будущее не менее решительно, чем Америка.

Зайдя в каюту, Лафайет с улыбкой завалился на койку. Он представлял, чем там занимается сейчас Бонапарт, оставшийся наедине с этим бедняжкой, пустоголовым Фредди. Юный граф

де Морепа наверняка уже окончательно и бесповоротно очарован. То же самое могло произойти и с Лафайетом, если бы его не предупредили о способностях Бонапарта, о его даре. Люди, подпавшие под влияние Наполеона, без колебаний вверяли ему свои жизни. Конечно, это прекрасный дар для генерала — но до тех пор, пока он использует его на своих солдатах, пробуждая в них желание пойти ради своего полководца на смерть. Но Бонапарт использовал свою силу на каждом встречном, если тот мог принести ему хоть какую-нибудь выгоду. Поэтому старый друг Лафайета Робеспьер выслал ему некий амулет из камней. Противоядие от чар Бонапарта. И скляночку с порошком — окончательное противоядие от Бонапарта, если тот совсем отобьется от рук и с ним никак будет не совладать.

«Не беспокойся, Робеспьер, мой старый друг, — думал Лафайет. — Бонапарт будет жить. Он считает, что заставит Канаду послужить его целям, но я сделаю так, что он послужит целям демократии. Бонапарт сейчас и не подозревает об этом, но, вернувшись во Францию, он будет готов принять на себя командование революционной армией. Его дар поможет положить конец тирании правящего класса, я не допущу,

чтобы он растрачивался по пустякам, увенчивая бестолковую голову короля Карла новыми бессмысленными коронами».

Ибо дар Лафайета состоял вовсе не в умении читать мысли людей, как подозревал де Морепа. Но близко к тому, очень близко. С первого взгляда на мужчину или женщину Лафайет мог определить, чего больше всего на свете он или она жаждет. А зная это, нетрудно догадаться об остальном. Лафайет уже знал Наполеона лучше, чем сам Наполеон знал себя. Он видел, Наполеон Бонапарт хочет править миром. И, может быть, он достигнет желаемого. Но сейчас Лафайет будет править Наполеоном Бонапартом. Он заснул, крепко сжимая в руке амулет, который оберегал его.

Глава 4
ЛОЛЛА-ВОССИКИ

Покидая Такумсе у ворот форта Карфаген, Лолла-Воссики догадывался, о чем думает брат. Такумсе думал, что Лолла-Воссики украл бочонок, чтобы пить, пить и пить.

Но на самом деле Такумсе ничего не знал. Как не знал Бледнолицый Убийца Гаррисон. Никто не знал Лолла-Воссики. Этот бочонок поможет ему продержаться месяца два. Глоточек сейчас, глоточек потом. Осторожные глоточки, маленькие, чтобы не пролить ни капли, выпей именно столько, не больше, заткни дырку пробкой, пускай останется на потом. Может быть, хватит на три месяца.

Прежде, чтобы получить чашечку спиртного из темно-коричневого кувшина, ему приходилось держаться рядом с фортом Бледнолицего Убийцы Гаррисона. Однако теперь огненной воды хватит надолго, и он может пуститься на поиски, пуститься в долгое путешествие на север, навстречу зверю сновидения.

Никто ведать не ведал, что к Лолла-Воссики

по-прежнему в сновидениях является зверь. Белый человек не знал этого, потому что ночной зверь никогда не является бледнолицым, они спят все время, беспробудно. А краснокожие не знали, потому что при виде Лолла-Воссики думали, что, поклоняясь виски, он скоро умрет, зверя сновидения у него нет, поэтому он не сможет проснуться.

А Лолла-Воссики ничего не говорил. Лолла-Воссики сразу узнал свет, загоревшийся на севере, — впервые он увидел его пять лет назад. Он понимал, это зовет его зверь сновидения, только пойти к нему не мог. Он пять, шесть, двенадцать раз уходил на север, но огненная вода вскоре покидала его кровь, и назад возвращался шум, ужасный черный шум, который причинял ему нестерпимую боль. Когда появлялся черный шум, в его голову будто вонзались сотни крошечных кинжальчиков и начинали поворачиваться, вертеться в ране, пока он окончательно не лишался ощущения земли, пока сияние зверя сновидения не затуманивалось. И тогда ему приходилось возвращаться, выпрашивать огненную воду, утихомиривать шум, чтобы хоть отчасти вернуть способность *мыслить*.

В последний раз было хуже всего. Огненной

воды не привозили долго, очень долго, и последние два месяца Бледнолицый Убийца Гаррисон не давал ему спиртного — может, чашку в неделю, которой хватало, чтобы продержаться чуть больше нескольких часов. Два долгих месяца продолжался черный шум.

От постоянного черного шума Лолла-Воссики не мог ходить прямо. Все колышется, земля прыгает вверх-вниз, как тут походишь, когда земля становится похожей на воду? Поэтому все думали, что Лолла-Воссики пьян, вылитый пьяница краснокожий, который постоянно шатается и падает. «Где он берет спиртное? — спрашивали они. — Ни у кого нет спиртного, а Лолла-Воссики ходит пьяным, как это у него получается?» Но глаза их не видели, что Лолла-Воссики вовсе не пьян. Неужели они не слышат, как он говорит, ведь язык его не заплетается, а слова выходят ясные и четкие? Неужели они не чувствуют, что от него вовсе не пахнет виски? Никто не догадывался, никто не знал, никто не счел должным подумать. Всем известно, что Лолла-Воссики постоянно нуждается в выпивке. И никому не приходит на ум, может, Лолла-Воссики терзает такая страшная боль, что он молит о приходе смерти.

А когда он закрывал глаза, чтобы мир перестал

волноваться вокруг, как река, все решали, что он спит, и принимались говорить. Они говорили такое, чего никогда бы не сказали ни при одном краснокожем. Это Лолла-Воссики выяснил быстро, поэтому, когда черный шум особенно донимал его, так донимал, что у него появлялось желание улечься на дно реки и навсегда покончить с вечным грохотом, он брел в кабинет Бледнолицего Убийцы Гаррисона, падал на пол у его двери и слушал. Черный шум громом отдавался в голове, но не в ушах, поэтому голоса он слышал даже сквозь непрестанный рев черного шума. Он запоминал каждое слово, доносящееся до него из-под двери. Он знал все, что говорил Бледнолицый Убийца Гаррисон своим помощникам.

Но Лолла-Воссики никому не рассказывал о том, что слышит.

Лолла-Воссики вообще старался ничего не рассказывать. Все равно ему никто бы не поверил. «Ты пьян, Лолла-Воссики. Стыдись, Лолла-Воссики». Даже когда он не был пьян, даже когда он испытывал такую боль, что готов был убить кого угодно, лишь бы остановить ее, — даже тогда все твердили: «Ужасно, что краснокожий может так напиваться». И Такумсе, находящийся рядом, никогда не возражал — он был сильным и великим,

а Лолла-Воссики — слабым и ничтожным.

На север, на север, на север шел Лолла-Воссики, беспрестанно напевая про себя: «Тысячу шагов на север, и я сделаю маленький глоточек. Черный шум очень силен, и я не знаю, где север, но все же иду, потому что не смею остановиться».

Сплошная темная ночь. Завеса черного шума столь плотна, что земля ничего не говорит Лолла-Воссики. Кажется, светлое сияние зверя сновидения исходит сразу отовсюду. Один глаз видит ночь, другой — черный шум. Должен остановиться. Нужно остановиться.

Лолла-Воссики долго выбирал дерево, после чего поставил на землю бочонок и сам опустился на траву, зажав виски между ног. Очень осторожно, поскольку ничего не видел, он ощупал со всех сторон доски, отыскивая затычку. Тук-тук-тук томагавком, тук-тук-тук — и затычка вышла. Он медленно вытащил ее пальцами. Затем наклонился, прижал рот к дырке, как будто целовал крепко-крепко, присосался, словно ребенок к груди, вот как крепко. Теперь поднять бочонок, потихоньку, медленно, очень медленно, не слишком высоко, ага, вот появился вкус, потекла огненная вода, один глоток, два глотка, три глотка, четыре.

Четыре — это предел. Четыре — это конец. Четыре — это истинное число, целое число, квадратное число. Четыре глотка.

Он вставил затычку обратно в дырку и забил ее томагавком. Выпивка тем временем добралась до головы. Черный шум редеет, редеет.

Превращаясь в тишину. В чудесную, прекрасную зеленую тишину.

Но зелень также уходит вместе с чернотой. Каждый раз она бесследно пропадает. Чувство земли, зеленое видение, которым обладает каждый краснокожий, — а ведь когда-то Лолла-Воссики видел лучше всех. Но теперь, когда зрение возвращается, сразу за ним следует черный шум. А когда черный шум уходит, когда огненная вода прогоняет его, вместе с ним уходит и зеленая живая тишина.

И Лолла-Воссики превращается в настоящего белого человека. Он отрезан от земли. Ветки хрустят и ломаются у него под ногами. Корни цепляют. Животные бегут.

Лолла-Воссики надеялся, долгие годы пытался определить точное количество огненной воды, которое нужно выпить, чтобы черный шум ушел, а зеленое видение осталось. Четыре глотка — это наилучший результат, которого он достиг.

Черный шум оставался поблизости, прячась за ближайшим деревом. Но и ощущение зелени держалось рядом, там, где он мог до него дотронуться. Только дотронуться. Таким образом он мог притвориться настоящим краснокожим, забыть о власти виски, о том, что на самом деле он превратился в белого.

Однако слишком много времени он провел без выпивки — целых два месяца, не считая время от времени перепадавшей чашки-другой. Четыре глотка для него было слишком крепко. Зелень ушла вместе с чернотой. Но сегодня ему было все равно. Все равно ему нужно поспать.

Проснувшись утром, он ощутил вернувшийся черный шум. Он не понял, то ли солнце, то ли громыхания разбудили его, впрочем, это не имело значения. Стук по пробке — четыре глотка, стук — заткнули обратно. На этот раз земля осталась рядом, он даже чувствовал ее немножко. Даже сумел обнаружить кролика в норе.

Толстая старая ветка. Обрезать здесь, разрезать тут, расщепить так, чтобы острые щепки торчали во все стороны.

Лолла-Воссики склонился над кроличьей норой.

— Я очень хочу есть, — прошептал он. — И я

очень слаб. Отдашь ли ты мне свое мясо?

Он напрягся, ожидая услышать ответ, надеясь узнать, прав ли он. Но ничего не услышал, ведь кролики вообще говорят очень тихо. Когда-то, вспомнил он, ему были слышны все живые голоса, в том числе и те, что раздавались за многие мили от него. Может быть, если черный шум когда-нибудь уйдет навсегда, он сможет слышать по-прежнему. Но сегодня он так и не узнал, дал ли кролик свое согласие или нет.

Поэтому он так и не понял, правильно ли поступил или нет. Не узнал, взял ли он, как настоящий краснокожий, приняв подарок от земли, или украл, как белый человек, который убивает все, что попало. У него не было выбора. Он ткнул веткой в нору и повернул. Почувствовал, как внутри что-то забилось, услышал чей-то писк и потащил, продолжая поворачивать. Маленький кролик, небольшой, совсем малыш, вырывался из цепких объятий щепок, но Лолла-Воссики действовал быстро, и в тот момент, когда кролика подтащило к выходу из норы, когда тот был готов выскочить и спасаться бегством, Лолла-Воссики подставил свою руку, схватил кролика за голову, поднял его в воздух и резко повернул, ломая шею. Малыш упал на землю мертвым, и Лолла-Воссики отнес

его подальше от норы, вернувшись к бочонку, потому что не следует свежевать животное там, где тебя могут услышать или увидеть его родственники, — это оставит в земле пустую дыру.

Огонь разводить он не стал. Слишком опасно, не время коптить мясо, когда форт Бледнолицего Убийцы Гаррисона маячит на горизонте. Да и мяса-то было! Он подъел все, съел кролика прямо сырым — конечно, пришлось пожевать, но вкус нес в себе жизнь. Каждый краснокожий знает: не можешь накоптить мяса впрок, унеси все, что возможно, в животе. Он заткнул шкурку за пояс, взвалил бочонок на плечо и направился на север. Впереди сиял белый свет, зверь сновидения звал его, зверь приказывал поторопиться. «Я разбужу тебя, — обещал зверь сновидения. — Я прерву твой вечный сон».

Белый человек слышал о зверях сновидения, которые являются в снах. Белый человек думает, что краснокожие уходят в леса и видят там сны. Глупые, непонятливые бледнолицые. Вся жизнь — это долгий сон, одно длинное сновидение. Ты засыпаешь в ту секунду, когда появляешься на свет, и спишь до тех пор, пока в один прекрасный день тебя не позовет зверь сновидения. Тогда ты идешь в лес — иногда достаточно сделать

несколько шагов, иногда приходится идти на край света. Ты идешь, пока не встретишь зверя, который звал тебя. На самом деле этот зверь — не призрачное сновидение. Он пробуждает тебя от сна. Зверь учит, кто ты есть, показывает твое место на земле. После чего ты возвращаешься домой, очнувшийся от долгого сна, наконец проснувшийся, и рассказываешь шаману, матери, сестрам, каким был твой зверь сновидения. Медведем? Бобром? Птицей? Рыбой? Ястребом или орлом? Пчелой или осой? Шаман растолкует тебе все, и ты сможешь выбрать себе новое имя. А мать и сестры назовут твоих детей, неважно, родились они уже или еще нет.

Братья Лолла-Воссики давным-давно встретились со зверьми из своих сновидений. А мать его уже умерла, две его сестры ушли жить в другое племя. Кто назовет его детей?

«Я знаю, — сказал Лолла-Воссики. — Знаю. У Лолла-Воссики, у этого одноглазого, отравленного виски краснокожего никогда не будет детей. Но Лолла-Воссики найдет своего зверя сновидения. Лолла-Воссики проснется. Лолла-Воссики возьмет себе новое имя».

И Лолла-Воссики решит, жить ему дальше или умереть. Если черный шум и дальше будет

звучать и пробуждение не научит его ничему новому, Лолла-Воссики пойдет спать в реку — пусть она унесет его в море, далеко-далеко от земли и черного шума. Но если пробуждение даст ему причину жить, останется черный шум или нет, тогда Лолла-Воссики будет жить — впереди его ждут многие годы выпивки и боли, боли и выпивки.

Каждое утро Лолла-Воссики выпивал по четыре глотка, каждый вечер отпивал из бочонка четыре глотка, после чего засыпал, надеясь, что, когда зверь сновидения разбудит его, он сможет спокойно умереть.

Однажды он вышел на берег чистой, прозрачной реки; глаза ему застилал черный шум, раскатами перекатываясь в голове. В воде стоял огромный коричневый медведь. Шлепнув лапой по поверхности, он подбросил в воздух какую-то рыбешку и, тут же поймав ее зубами, дважды чавкнув, проглотил. Но не еда привлекла Лолла-Воссики. Он заметил медвежьи глаза.

Один глаз у медведя отсутствовал, в точности как у Лолла-Воссики. Это заставило Лолла-Воссики задуматься, а не этот ли медведь его зверь сновидения. Но такого не могло быть. Белое сияние, зовущее его, по-прежнему светилось на

севере, теперь переместившись чуть к западу. Поэтому медведь не мог быть его зверем сновидения, он был частью сна.

Однако он мог нести какое-то послание для Лолла-Воссики. Медведь оказался здесь, потому что земля захотела поведать Лолла-Воссики некую историю.

И вот что первое заметил Лолла-Воссики: когда медведь подхватывал рыбу когтями, он смотрел здоровым глазом, ловя блестки солнца на рыбьей чешуе. Лолла-Воссики был знаком с этой манерой, потому что сам наклонял голову чуть-чуть набок, как медведь.

А вот что второе заметил Лолла-Воссики: когда медведь вглядывался в воду, отыскивая плывущую рыбу, чтобы поймать ее, он смотрел вторым глазом, глазом, которого не было. Этого Лолла-Воссики не понял. Это было очень странно и необычно.

Но вот что последнее заметил Лолла-Воссики: когда он следил за медведем, его собственный здоровый глаз был закрыт. А когда он открыл этот глаз, река все еще расстилалась перед ним, солнце играло на ее поверхности, рыбки, выплескиваясь, танцевали в воздухе и вновь исчезали — но медведя не было. Лолла-Воссики видел его,

только когда закрывал здоровый глаз.

Лолла-Воссики выпил из бочонка два глотка, и медведь пропал.

Вскоре Лолла-Воссики наткнулся на дорогу, проложенную белым человеком, и, ступив на нее, почувствовал, как она забурлила под его ногами, словно река. Течение дороги потащило его за собой. Он сначала споткнулся, но, удержав равновесие, выпрямился и с бочонком на плече зашагал туда, куда его вели. Краснокожие не любили ходить по дорогам белого человека — в сухую погоду их земля чересчур тверда, а в дождливую превращается в лед, да и колеи, оставленные колесами проехавших повозок, хватают за ноги, словно руки бледнолицего, ставят подножки, так и норовят опрокинуть. Но эта земля, как ни странно, была мягкой, словно весенняя трава на речном берегу, — только надо было идти в нужном направлении. Свет уже не сиял где-то впереди, он заключал в мягкие объятия, и Лолла-Воссики понял, зверь его сновидений очень, очень близко.

Дорога трижды пересекала воду — два маленьких ручейка и один поток, и над каждым из больших тяжелых бревен и крепких досок, с самой настоящей крышей, которой белый че-

ловек обычно украшал свои дома, был возведен мостик. На первом мосту Лолла-Воссики надолго задержался. Он никогда не слышал о таком. Он стоял там, где должна была течь вода, однако мост был настолько крепким и прочным, а стены его — такими толстыми, что он вообще не видел и не слышал воды.

Зато чувствовал ненависть реки. Лолла-Воссики слышал, как она злится, как ей хочется добраться до моста и унести его. «Таков путь белого человека, — подумал Лолла-Воссики. — Белому человеку обязательно нужно покорять, отнимать от земли принадлежащее ей».

И все же, стоя там, он заметил еще кое-что. Хоть огненная вода практически выветрилась из его тела, черный шум на мосту звучал значительно тише. Впервые за долгое время он расслышал зеленую тишину. Как будто этот черный шум отчасти исходил от реки. Как так может быть? Река никогда не держала зла на краснокожих. И вещь, созданная руками бледнолицых, не способна приблизить краснокожего к земле. Однако здесь он вновь ощутил зеленую тишину. Лолла-Воссики поспешил дальше по дороге; может быть, когда зверь сновидения разбудит его, он сможет это объяснить.

Дорога вливалась в широкие луга, на которых стояло несколько строений белого человека. И множество повозок. Стреноженные и привязанные лошади мирно паслись на мягкой траве. Слышались звон металлических молотков, стук вгрызающихся в дерево топоров, скрежет пил и прочие звуки, издаваемые убивающим лес бледнолицым. Город белого человека.

Но нет, не совсем. Лолла-Воссики остановился на краю луга. «Чем это поселение отличается от других городков? Чего здесь не хватает? Что я обязательно должен был увидеть?»

Частокол. Здесь не было частокола, не было крепости.

Но где же бледнолицые прячутся? Где запирают пьяных краснокожих и воров? Где складывают свои ружья?

— Поднимайте! Выше! Выше! — словно колокол, разнесся голос белого человека в плотном воздухе жаркого летнего полдня.

На поросшем травой холме, находящемся примерно в полумиле от краснокожего, стала подниматься странная деревянная штуковина. Людей, суетящихся вокруг, Лолла-Воссики не видел — их закрывал откос холма. Зато он видел огромный, сияющий свежесрубленной белизной

деревянный каркас, поднимаемый шестами.

— Теперь боковую стену! Раз, два, взяли!

Медленно показался еще один каркас, установленный под углом к первому. Встав вертикально, они уперлись ребрами друг в друга. И тут Лолла-Воссики наконец заметил людей. Белокожие юноши полезли вверх по дереву — зацепившись за бревна, они принялись поднимать и опускать свои похожие на томагавки молотки, вбивая в дерево подчинение. Постучав немножко, они гордо выпрямились, все трое, замерев на самой вершине деревянных стен, — их поднятые молотки напоминали копья, только что вытащенные из туши дикого бизона. Шесты, подпирающие стены, убрали. Стены стояли сами собой, держа одна другую. До Лолла-Воссики донеслись радостные крики.

Затем на склоне холма внезапно появились бледнолицые. «Неужели меня заметили? Может, они прогонят меня или бросят за решетку?» Нет, они всего лишь спускались с холма, направляясь туда, где паслись их лошади и стояли повозки. Лолла-Воссики растаял в лесной глуши.

Он отпил из бочонка четыре глотка, затем вскарабкался на дерево и засунул бочонок в развилку трех толстых ветвей. Чтобы спрятать и утаить,

укрыть и сохранить. Густая листва спрячет его; никто не увидит бочонок с земли — даже краснокожий.

Лолла-Воссики отправился обратно кружным путем, но вскоре он вновь подошел к холму, на котором высились новые стены. Лолла-Воссики долго изучал их, но так и не понял, что же за дом это будет. Подобных зданий он никогда раньше не видал, оно было похоже на новый особняк Бледнолицего Убийцы Гаррисона, только намного больше размерами. Столь большого, высокого строения Лолла-Воссики вообще никогда не видел, оно было даже выше крепости.

Сначала странные мосты, крепкие, как дома. Теперь это странное здание высотой с деревья. Лолла-Воссики покинул укрывающий его лес и, качаясь из стороны в сторону — земля не могла держать равновесие, когда внутри него переливалось спиртное, — вышел на открытую поляну. Подойдя к зданию, он ступил на деревянный пол. Пол белого человека, стены белого человека, но тем не менее дом казался каким-то иным, каким-то необычным, разительно отличаясь от прочих построек, которые доводилось видеть Лолла-Воссики. Внутри оказалось большое открытое пространство. Очень высокие стены.

Белый человек впервые построил здание, внутри которого было просторно и светло. Здесь даже краснокожий чувствовал себя уютно.

— Кто там? Кто ты такой?

Лолла-Воссики стремительно обернулся на звук голоса и чуть не упал. У края здания стоял рослый белый человек. Высокий пол доходил ему до пояса. Одет человек был не в звериные шкуры — значит, не охотник, — и не в мундир — стало быть, не солдат. Скорее он был одет как фермер, только одежда его была чистой. В Карфаген-Сити Лолла-Воссики никогда не встречал подобных людей.

— Кто ты такой? — снова задал свой вопрос мужчина.

— Краснокожий, — ответил Лолла-Воссики.

— День уже клонится к вечеру, но еще не стемнело. Только слепой не заметил бы, что ты краснокожий. Но я знаю всех живущих поблизости краснокожих, и ты в их число не входишь.

Лолла-Воссики рассмеялся. Откуда этот человек знает, из местных он или нет, если бледнолицые одного краснокожего от другого отличить не могут?

— У тебя есть имя, краснокожий?

— Лолла-Воссики.

— Ты пьян. Я чувствую запах, да и ходишь ты не совсем прямо.

— Очень пьян. Поклоняюсь виски.

— Кто дал тебе спиртное?! А ну говори! Где ты взял выпивку?

Лолла-Воссики смутился. Белый человек никогда раньше не спрашивал у него, где он взял свою выпивку. Белый человек и так это знал.

— У Бледнолицего Убийцы Гаррисона, — сказал он.

— Гаррисон находится в двухстах милях к юго-востоку отсюда. И как ты его назвал?

— Губернатор Билл Гаррисон.

— Ты назвал его Бледнолицым Убийцей Гаррисоном.

— Краснокожий пьян, очень-очень.

— Это я и сам вижу. Но ты же не мог напиться в форте Карфаген, а потом пройти такое расстояние и не протрезветь. Где ты взял выпивку?

— Ты бросишь меня в тюрьму?

— В тю… Куда-куда? А ведь ты и в самом деле пришел из форта Карфаген. Вот что я скажу тебе, мистер Лолла-Воссики, мы здесь пьяных краснокожих в тюрьму не сажаем, потому что краснокожие у нас не пьют. А если такое случается, мы находим белого человека, который дал

им выпивку, и устраиваем ему хорошую взбучку. Лучше сразу скажи, где ты взял огненную воду.

— Мое виски, — ответил Лолла-Воссики.

— Наверное, тебе лучше пойти со мной.

— В тюрьму?

— Еще раз повторяю, у нас нет… послушай, ты есть хочешь?

— Думаю, да, — кивнул Лолла-Воссики.

— У тебя есть где поесть?

— Ем, где я нахожусь.

— В общем, сегодня ты пойдешь со мной и поешь у нас дома.

Лолла-Воссики не знал, что и сказать. Может, этот белый человек шутит? Шутки белого человека очень трудно понять.

— Так ты голоден или нет?

— Думаю, да, — повторил Лолла-Воссики.

— Тогда пойдем!

На холм поднялся еще один бледнолицый.

— Армор! — окликнул он. — Ваша жена беспокоится, куда вы подевались.

— Минутку, преподобный Троуэр. По-моему, сегодня за ужином у нас намечается компания.

— Кто же это? Армор, глазам своим не верю, это же краснокожий.

— Он утверждает, что его зовут Лолла-Воссики.

Судя по всему, он июни. И пьян в стельку.

Лолла-Воссики был немало удивлен. Бледнолицый, не задав ни одного вопроса, определил, что он из племени шони. Он увидел его обритые волосы и высокий гребень? Но другие краснокожие тоже носят подобные гребни. Бахрома на набедренной повязке? Но бледнолицые никогда таких мелочей не замечают.

— Шони, — проговорил вновь прибывший белый человек. — Я слышал, это очень дикое племя.

— Честно говоря, преподобный Троуэр, ничего не могу сказать, — пожал плечами Армор. — Знаю только то, что это племя выделяется своей трезвостью. То есть, в отличие от других краснокожих племен, они не испытывают неутолимой страсти к алкоголю. Люди привыкли считать, что безвреден только тот краснокожий, который поклоняется виски, поэтому, видя шони, которые никогда не пьют, они думают, что эти краснокожие опасны.

— Похоже, на данного краснокожего ваши наблюдения не распространяются.

— Вижу. Я пытался выяснить, кто дал ему виски, но он ничего не скажет.

Преподобный Троуэр повернулся к Лолла-Вос-

сики:

— Разве ты не знаешь, что виски — это орудие дьявола и служит падению краснокожих?

— По-моему, преподобный, он не слишком хорошо изъясняется по-английски, поэтому не понимает, о чем вы говорите.

— Виски плохо для краснокожего, — ответил Лолла-Воссики.

— Хотя, может, и понимает, — хмыкнув, изменил свою точку зрения Армор. — Лолла-Воссики, если ты понимаешь, что огненная вода — это плохо, почему же от тебя воняет, как от ирландского барыги?

— Виски очень плохо для краснокожего, — объяснил Лолла-Воссики, — но у краснокожего страшная жажда.

— Вот вам простое научное объяснение происходящему, — заметил преподобный Троуэр. — Европейцы очень давно употребляют алкогольные напитки, поэтому выработали способность сопротивляться действию спиртного. Пристрастившиеся к алкоголю европейцы раньше умирают, у них меньше детей, жизнь которых они не способны обеспечить. Результатом этих предпосылок явилось то, что большинство европейцев сегодня обладают встроенной в организм способностью

сопротивляться алкоголю. Но вы, краснокожие, не обладаете этим качеством.

— Чистая правда, черт побери! — воскликнул Лолла-Воссики. — Белый человек говорит правду, почему Бледнолицый Убийца Гаррисон еще не убивает тебя?

— Послушайте, вы только послушайте, — удивился Армор. — Он уже второй раз называет Гаррисона убийцей.

— Вместе с тем он выругался, что мне очень не понравилось.

— Видите ли, преподобный, если он действительно пришел из Карфагена, то говорить он учился у людей, которые считают, что «черт побери» — это нечто вроде знака препинания, запятой. Послушай, Лолла-Воссики, этот человек, его зовут преподобный Филадельфия Троуэр, и он является священником Господа Иисуса Христа, поэтому будь любезен, не прибегай в его присутствии к ругательствам.

Лолла-Воссики понятия не имел, что такое священник, — подобные люди в Карфаген-Сити ему не встречались. Поэтому он подумал и решил, что священник — это то же самое, что и губернатор, только лучше.

— Ты будешь жить в этом очень большом до-

ме?

— Жить здесь? — спросил Троуэр. — О нет. Это дом Господа.

— Кого?

— Господа Иисуса Христа.

Лолла-Воссики слышал об Иисусе Христе. Бледнолицые частенько поминали это имя — в особенности когда злились или намеревались соврать.

— Очень злой человек, — покачал головой Лолла-Воссики. — Он живет здесь?

— Иисус Христос — любящий и всепрощающий Господь, — возразил преподобный Троуэр. — Он будет жить здесь, но не так, как живет в доме обычный белый человек. Сюда будут приходить добрые христиане на богослужение, будут здесь петь псалмы, молиться и выслушивать слово Господне — здесь мы будем собираться. Это церковь — во всяком случае, будет таковой.

— Здесь Иисус Христос говорит? — Лолла-Воссики подумал, что было бы любопытно повстречаться с этим могущественным бледнолицым лицом к лицу.

— Нет, сам он не говорит. Я говорю за него.

С подножья холма донесся рассерженный зов женщины:

— Армор! Армор Уивер!

Армор сразу засуетился:

— Ужин уже готов, вот она и зовет, а она страшно сердится, когда ей приходится по нескольку раз меня кричать. Пойдем, Лолла-Воссики. Пьяный ты или нет, если хочешь хорошо поужинать, можешь пойти со мной.

— Надеюсь, ты примешь приглашение, — сказал преподобный Троуэр. — А после ужина я научу тебя словам Господа нашего Иисуса.

— Самое очень важное, — сказал Лолла-Воссики. — Вы обещаете не бросать меня за решетку. Я не хочу тюрьмы, я должен искать зверя сновидения.

— Мы не будем тебя никуда бросать. В любое время, когда сочтешь нужным, ты можешь покинуть мой дом. — Армор повернулся к преподобному Троуэру. — Видите, как краснокожие начинают относиться к белому человеку, пообщавшись с Уильямом Генри Гаррисоном? Выпивка и тюрьма — все, что они знают.

— Меня куда более заинтересовали его языческие верования. Зверь сновидения! Так они представляют себе Бога?

— Зверь сновидения — это не Бог, это животное, которое приходит во сне и учит их, — объяснил

Армор. — Обычно они совершают долгое путешествие в его поисках, но наконец видят заветный сон и возвращаются домой. Это полностью объясняет, что он делает в двухстах милях от основных поселений шони в низовьях Май-Амми.

— Зверь сновидения *настоящий,* — возразил Лолла-Воссики.

— Ага, — кивнул Армор.

Но Лолла-Воссики понял, что этот человек просто не хочет обижать его.

— Это несчастное существо отчаянно нуждается в заветах Иисуса, — провозгласил Троуэр.

— Мне так кажется, в настоящий момент он куда больше нуждается в добром ужине. Писания лучше усваиваются на сытый желудок, не правда ли?

Троуэр рассмеялся:

— Сомневаюсь, Армор, что об этом говорится где-нибудь в Библии, но думаю, вы абсолютно правы.

Армор упер руки в бока и снова повернулся к Лолла-Воссики:

— Ну, так ты идешь или нет?

— Думаю, да, — сказал Лолла-Воссики.

Живот Лолла-Воссики был набит доверху, но то была еда белого человека — мягкая, безликая, пе-

режаренная, — поэтому внутри него все бурчало. Троуэр без устали рассказывал всякие странные истории. И все они говорили о первородном грехе и искуплении. Один раз, подумав, что наконец-то в них разобрался, Лолла-Воссики воскликнул:

— Что за глупый бог! Из-за него люди не успевают родиться, а уже должны гореть в адском пламени. Почему он злится? Он же сам виноват!

Но Троуэр только расстроился и заговорил еще быстрее, поэтому Лолла-Воссики решил больше не делиться с ним своими мыслями.

По мере того как Троуэр говорил, черный шум все усиливался и усиливался. Кончается действие виски? Что-то быстро огненная вода покинула его тело. Но стоило Троуэру выйти облегчиться, как черный шум внезапно успокоился. Очень необычно — прежде Лолла-Воссики не замечал, что тот или иной человек способен влиять на черный шум.

Хотя, может, это происходит потому, что он находится там, где живет зверь сновидения. Он знал, именно здесь зверь и живет — куда ни глянь, всюду разливалось белое сияние, поэтому он не видел, куда нужно идти. Так что не следует удивляться мостам, которые смягчают черный шум, и белому священнику, в присутствии ко-

торого шум усиливается. Не следует удивляться Армору, который рисует картинки земли, кормит краснокожих, не продает и не раздает огненную воду.

Пока Троуэр был снаружи, Армор показал Лолла-Воссики карту.

— Это картина земли, раскинувшейся вокруг. На северо-западе находится большое озеро — кикипу зовут его Полной Водой. А вот здесь форт Чикаго — владение французов.

— Французы. Чашка виски за скальп белого человека.

— Да, цена именно такова, — кивнул Армор. — Но местные краснокожие не охотятся за скальпами. Они честно торгуют со мной, а я честно торгую с ними, мы не ходим отстреливать краснокожих, а они не убивают ради награды белых людей. Понимаешь? Когда тебя одолеет жажда, вспомни вот о чем. Четыре года назад сюда забрел пьяница краснокожий из племени вийо и убил маленького мальчика, сына датских переселенцев, заблудившегося в лесу. Думаешь, с ним расправились бледнолицые? Ничего подобного, ты и сам должен знать, что белый человек ни в жизнь не выследит краснокожего в этих лесах, тем более обычный фермер. Нет, спустя два часа,

как пропал мальчик, убийцу отыскали шони и оттива. И думаешь, этого краснокожего наказал какой-нибудь бледнолицый? Ничего подобного, краснокожие поймали этого вийо и спросили: «Хочешь показать свою смелость?», — а когда он ответил «да», они целых шесть часов пытали его, прежде чем убить.

— Добрая смерть, — сказал Лолла-Воссики.

— Добрая? Не сказал бы, — хмыкнул Армор.

— Краснокожий ради виски убивает белого мальчика, я никогда не позволю ему показывать храбрость, он умрет — вжик! Вот так, как гремучая змея, не мужчина.

— Должен отметить, что у вас, краснокожих, очень странные понятия о смерти, — удивился Армор. — Ты хочешь сказать, что, пытая кого-нибудь до смерти, вы оказываете услугу?

— *Не кого-нибудь*. Врага. Ловишь врага, он показывает храбрость, прежде чем умирает, а потом его дух летит домой. Рассказывает матери и сестрам, что он умер как настоящий мужчина, тогда они поют песни и оплакивают его. Если он умер несмело, его дух падает на землю, ты наступаешь и давишь его, он никогда не вернется домой, никто не запомнит его имени.

— Хорошо, что Троуэр направился в отхо-

жее место, иначе, услышав подобное учение, он наверняка бы намочил штаны. — Армор, неожиданно нахмурившись, взглянул на Лолла-Воссики. — Так ты говоришь, они *оказали честь* этому краснокожему, который убил маленького мальчика?

— Очень плохо убивать маленького мальчика. Но, может, краснокожий знает, поклонение виски дает жажду, сводит с ума. Это не то что убить человека ради его дома, женщины или земли, как бледнолицые делают все время.

— Должен заметить, чем больше я узнаю о вас, краснокожих, тем больше нахожу в вашем поведении здравого смысла. Надо побольше читать Библию на ночь, чтобы самому не превратиться в краснокожего.

Лолла-Воссики долго смеялся.

— Что я такого смешного сказал?

— Многие краснокожие становятся белыми и потом умирают. Но никогда белый человек не становился краснокожим. Я должен рассказать эту историю, все будут смеяться.

— Зато ваше чувство юмора я никогда не понимал и, боюсь, не пойму. — Армор постучал по карте. — А вот где находимся мы, в низовьях Типпи-Каноэ, где она вливается в Воббскую реку.

Эти пятнышки — фермы белого человека. А эти кружки — деревни краснокожих. Вот здесь живут шони, здесь виннебаго. Видишь?

— Бледнолицый Убийца Гаррисон говорит краснокожим, ты делаешь изображение земли, чтобы потом найти наши деревни. И убить там всех, так он говорит.

— В принципе ничего иного я от него и не ожидал. Значит, ты слышал обо мне еще до того, как пришел сюда, да? Надеюсь, ты не веришь его вракам?

— О нет. Никто не верит Бледнолицему Убийце Гаррисону.

— Приятно слышать.

— Никто не верит белому человеку. Все ложь.

— Я никогда не лгу. Никогда. Гаррисон мечтает стать губернатором и пойдет ради этого на любую ложь.

— Он говорит, ты тоже хочешь быть губернатором.

Здесь Армор несколько помедлил с ответом. Посмотрел на карту. Взглянул на дверь кухни, где мыла посуду его жена.

— М-да, здесь он, пожалуй, не врет. Но в слово «губернатор» я вкладываю несколько иной смысл, нежели он. Я хочу быть губернатором, что-

бы все краснокожие и бледнолицые жили в мире друг с другом, вместе обрабатывали землю, ходили в одни и те же школы, пока в один прекрасный день между белым и краснокожим человеком вообще не останется никакого различия. Но Гаррисон, он хочет прогнать всех краснокожих.

«Если ты сделаешь краснокожего похожим на бледнолицего, он уже не будет краснокожим. Гаррисон или Армор — в итоге краснокожих не останется вообще», — подумал Лолла-Воссики, но выражать свои мысли вслух не стал. Он понимал, превратить краснокожих в бледнолицых — это плохо, очень плохо, но убить их всех выпивкой, как это замышлял Гаррисон, или изгнать с родной земли, как это собирался сделать Джексон, — это еще хуже. Гаррисон — очень дурной человек. Армор хотел быть хорошим, только не знал как. Лолла-Воссики понял это, поэтому не стал спорить с Армором.

Армор тем временем продолжал демонстрировать ему карту:

— Вот здесь расположен форт Карфаген, он нарисован квадратиком, потому что это город. Нас я тоже изобразил квадратиком, хоть мы еще не стали настоящим городом. Мы зовем наше поселение Церковь Вигора в честь той церкви,

которую мы строим.

— Церковь — здание. Почему Вигор?

— А, первые поселенцы здесь, те, которые проложили дорогу и построили мосты, — семья Миллеров. Они живут за церковью, ближе к лесу, дальше по дороге. По сути дела, моя жена приходится им старшей дочерью. Они назвали это местечко Вигором в честь старшего сына, которого тоже звали Вигор. Он утонул в реке Хатрак, неподалеку от Сасквахеннии, когда они добирались сюда. Поэтому они и назвали это поселение в честь него.

— Твоя жена очень красивая, — похвалил Лолла-Воссики.

Несколько секунд Армор слова вымолвить не мог — так он был удивлен. Его жена Элеанора, находящаяся в задней комнате, где они ужинали, должно быть, услышала слова Лолла-Воссики, потому что внезапно появилась в дверном проеме.

— Меня еще никто не называл красивой, — тихо произнесла она.

Лолла-Воссики был ошеломлен. Большинство белых женщин обладали узкими лицами, бледной, болезненной кожей, а скул у них не было вообще. Элеанора же была смуглая, широколицая, с высокими скулами.

— Я считаю тебя красивой, — сказал Армор. — Правда-правда.

Лолла-Воссики не поверил ему, как не поверила Элеанора. Впрочем, она все равно улыбнулась, перед тем как исчезнуть за дверью. По лицу Армора можно было сразу сказать — он никогда не считал ее красавицей. Она была красивой с точки зрения *краснокожего*. Неудивительно, что бледнолицые, которые никогда не умели видеть суть, считали ее уродливой.

Но также это означало, что Армор женился на женщине, которую считал уродиной. Но он не кричал на нее, не избивал, как бил некрасивую скво краснокожий. А это очень хорошо, решил Лолла-Воссики.

— Ты очень счастливый, — сказал Лолла-Воссики.

— Это потому, что мы христиане, — объяснил Армор. — И ты тоже будешь счастлив, если станешь христианином.

— Я никогда не буду счастливым, — возразил Лолла-Воссики.

Он хотел добавить: «Никогда, если вновь не услышу зеленую тишину, если черный шум не оставит меня». Но говорить такое бледнолицым бесполезно, ибо они не знают, что добрая полови-

на происходящего на земле скрыта от их глаз.

— Будешь, — успокоил Троуэр. Бурля энергией, он широкими шагами вошел в комнату, готовый вновь развенчивать ересь и язычество. — Ты примешь Иисуса Христа как своего спасителя и обретешь истинное счастье.

А вот над этим обещанием стоило призадуматься. Появилась причина поговорить об Иисусе Христе. Может быть, Иисус Христос и есть зверь из сновидений Лолла-Воссики. Вдруг он заставит черный шум отступить и вернет Лолла-Воссики к настоящей жизни, снова сделает его таким, каким он был до того, как Бледнолицый Убийца Гаррисон наполнил мир черным шумом из дула своего ружья.

— Иисус Христос разбудит меня? — уточнил Лолла-Воссики.

— «Идите за мной, — сказал он, — и я сделаю вас ловцами человеков»[15], — провозгласил Троуэр.

— Он пробудит меня? Он сделает меня счастливым?

— Тебе обеспечена вечная радость в лоне Отца нашего Небесного, — сказал Троуэр.

Лолла-Воссики не понял ровным счетом ни-

---

[15] Примечания: 15
Библия, Евангелие от Матфея, глава 4, 19

чего, но все равно решил попробовать на тот случай, если Иисус действительно разбудит его и *тогда* он поймет, о чем говорил Троуэр. Пусть даже в присутствии Троуэра черный шум становился громче, может, этот человек способен излечить его.

Ночь Лолла-Воссики провел в лесу, а наутро, глотнув из бочонка виски, шатаясь побрел в церковь. Троуэр очень расстроился, увидев, что Лолла-Воссики снова напился, а Армор опять принялся выспрашивать, кто дал ему огненную воду. Поскольку остальные мужчины, работающие на строительстве церкви, собрались вокруг, Армор воспользовался моментом, чтобы довести свои угрозы до сведения каждого.

— Если я узнаю, кто спаивает краснокожих, клянусь, я собственными руками сожгу дом этого человека и отправлю его жить к Гаррисону, на Гайо. Здесь живут истинные христиане. Я не могу запретить вам накладывать на дома обереги, пользоваться заклятиями, хоть они и подтачивают вашу веру в Господа, но я никому *не позволю* травить народ, который, следуя воле Господней, населил эти земли. Все меня поняли?

Бледнолицые закивали, сказали «да», «все правильно», «так и должно быть».

— Никто из них не дает мне виски, — произнес Лолла-Воссики.

— Может быть, он принес с собой в чашечке! — выкрикнул один из них.

— А может, он родник какой в лесу нашел! — предположил другой.

И все засмеялись.

— Прошу вас, проявите почтение, — обратился к ним Троуэр. — Этот язычник принимает Господа Иисуса Христа. Его коснется святая вода, которая когда-то коснулась самого Иисуса. Пусть это станет первой вехой в великом миссионерском деле среди краснокожих, населяющих американские леса!

— Аминь, — дружно пробормотали рабочие.

Вода была холодной, вот и все, что заметил Лолла-Воссики, — не считая того, что, когда Троуэр брызнул на него, черный шум усилился. Иисус Христос не показался, значит, это не он был зверем сновидения. Лолла-Воссики был очень разочарован.

Но преподобный Троуэр, напротив, еще больше воодушевился. Вот что самое странное в бледнолицых. Они, такое впечатление, не замечают, что творится вокруг них. Троуэр совершил акт крещения, которое ничего не изменило, не принесло

ни капли добра, зато весь остальной день этот человек ходил, гордо задрав нос, будто бы только что зазвал бизона в истощенную жестоким зимним голодом деревню.

Армор был так же слеп, как и Троуэр. В полдень, когда Элеанора принесла рабочим обед, Лолла-Воссики пригласили разделить еду.

— Мы ж не можем гнать христианина, правда? — пошутил один рабочий.

Но никто не захотел садиться рядом с Лолла-Воссики, наверное, потому, что от него слишком несло виски и он постоянно шатался. Закончилось все тем, что рядом с Лолла-Воссики, несколько в стороне от остальных, сел Армор, и они принялись разговаривать.

Разговор протекал весьма мирно, пока Лолла-Воссики не спросил у Армора:

— Иисус Христос, он не любит оберегов?

— Верно. Он есть путь, а колдовство и всякие волшебные штучки — это святотатство.

Лолла-Воссики мрачно кивнул:

— Нарисованный оберег — плохо. Краска никогда не была живой.

— Нарисованный, вырезанный — все одно.

— Деревянный оберег сильнее. Дерево когда-то жило.

— Мне безразлично, нарисован он или вырезан из дерева, у меня в доме нет оберегов. Нет ни заклятий, ни манков, ни ограждений — ничего подобного. Настоящий христианин полагается на молитву. Господь — Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться[16].

И тогда Лолла-Воссики понял, что Армор так же слеп, как и Троуэр. Потому что дом Армора защищали самые сильные обереги, что Лолла-Воссики когда-либо видел. Отчасти именно поэтому Лолла-Воссики восхищался Армором — его дом был действительно надежно защищен, ведь этот человек умел создавать обереги из живых вещей. Вьющиеся растения на крыльце, семена, несущие в себе жизнь и посаженные в верно расставленные горшочки, чеснок, потеки ягодного сока — все пребывало на своем месте, так что даже сквозь огненную воду, бурлящую в нем и приглушающую черный шум, Лолла-Воссики чувствовал, как обереги и заговоры тянут и толкают его.

Однако Армор даже не догадывался, что в доме его имеются обереги.

— Вот родители моей жены Элеаноры постоян-

---

[16] Примечания: 16
Библия, Псалтирь, псалом 22, 1

но пользуются оберегами. Ее маленький братец Эл-младший, такой шестилетний пацан, борющийся вон там с белокурым шведом, — видишь? Поговаривают, что он и в самом деле мастер на всякие резные обереги.

Лолла-Воссики взглянул туда, куда показывал Армор, но мальчика почему-то не рассмотрел. Он отчетливо видел белокурого мальчишку, с которым тот боролся, но мальчик, которого имел в виду Армор, почему-то ускользал от взгляда, расплывался и исчезал. Непонятно.

Армор тем временем продолжал говорить:

— Да, да, представь себе! Такой юный, а уже поворачивается к Иисусу спиной. В общем, Элеаноре трудно было отказаться от оберегов и прочих магических штучек. Но она отказалась. Поклялась мне — иначе бы мы никогда не поженились.

В этот момент к ним и подошла Элеанора — нет, эта женщина в самом деле красавица, хоть бледнолицые и считают ее уродиной. Она пришла забрать опустевшую корзинку, поэтому услышала последние слова, произнесенные ее мужем, но виду, будто они что-то для нее значат, не подала. Правда, забирая у Лолла-Воссики опустевшую миску, она пристально вгляделась в его единственный глаз, как бы спрашивая: «А ты видел

эти обереги?»

Лолла-Воссики улыбнулся ей, улыбнулся самой широкой улыбкой, показывая, что он вовсе не собирается ничего говорить ее мужу.

Она недоверчиво улыбнулась в ответ.

— Тебе понравился обед? — спросила она.

— Очень пережарено, — ответил Лолла-Воссики. — Вкуса крови нет.

Глаза ее расширились. Но Армор лишь рассмеялся и от души хлопнул Лолла-Воссики по плечу.

— Вот что значит цивилизация. Перестаешь пить кровь, и это факт. Надеюсь, крещение натолкнет тебя на путь истинный — сразу видно, ты слишком долго скитался в потемках.

— Я подумала… — начала была Элеанора и замолкла, поглядев на набедренную повязку Лолла-Воссики, потом на своего мужа.

— А, да, мы же говорили об этом вчера вечером. У меня есть старые брюки и рубашка, которые я больше не ношу, да и все равно Элеанора мне шьет новый сюртук, поэтому я подумал, раз ты принял крещение, тебе следует одеваться как настоящему христианину.

— Очень жарко, — сказал Лолла-Воссики.

— Ну да, христиане веруют в скромность платья, Лолла-Воссики.

Рассмеявшись, Армор снова хлопнул его по плечу.

— Я принесу одежду чуть позже, — предложила Элеанора.

Лолла-Воссики счел эту идею весьма глупой. Краснокожие всегда выглядят глупо в одежде белого человека. Но ему не хотелось спорить с этими людьми, потому что они пытались стать ему друзьями. А может быть, крещение все-таки сработает, если он наденет одежды белого человека? Может, черный шум наконец уйдет?

Поэтому он ничего не сказал в ответ. Он лишь снова взглянул туда, где кругами бегал беловолосый мальчик. «Элвин! Элли!» — кричал он. Лолла-Воссики напряг зрение, чтобы рассмотреть того, за кем он гоняется. Он увидел ногу, коснувшуюся земли и поднявшую клуб пыли, махнувшую руку, но самого мальчика не разглядел. Очень странно.

Элеанора ждала ответа. Но Лолла-Воссики молчал, поскольку с головой погрузился в разглядывание мальчика, которого на самом деле не было. В конце концов Армор, усмехнувшись, сказал:

— Принеси одежду, Элеанора. Мы оденем его как христианина, и, может, завтра он поможет

нам в церкви, начнет учиться христианскому делу. Возьмет в руки пилу, к примеру.

Последних слов Лолла-Воссики не слышал, иначе тут же без оглядки удрал бы в леса. Он видел, что происходило с краснокожими, которые начинали пользоваться инструментами белого человека. Видел, как они отрезали от земли по кусочку, по частичке, как поклонялись металлу. Даже ружьям. Начав использовать для охоты ружье и один-единственный раз нажав на курок, краснокожий сразу становится наполовину белым; краснокожий может применять ружье лишь для убийства белого человека — так всегда говорил Такумсе и был прав. Но Лолла-Воссики не слышал слов Армора насчет пилы, поскольку только что сделал замечательное открытие. Мальчика он видел, когда закрывал здоровый глаз. Как того одноглазого медведя в реке. Стоило снова открыть глаз, как появлялся белокурый мальчишка-швед, но Элвин Миллер-младший бесследно пропадал. Закрой глаз, и не останется ничего, кроме черного шума и полосок зеленой тишины, — но вдруг, прямо посреди, возникает тот самый мальчик, сияющий ярким светом, как будто солнце спрятал в задний кармашек, и его веселый голос звучит словно музыка.

Неожиданно исчез и он, оставив за собой непроницаемый черный шум.

Лолла-Воссики открыл глаз. Перед ним стоял преподобный Троуэр. Армор и Элеанора ушли, рабочие вернулись к постройке церкви. Ясно как день, это Троуэр заставил исчезнуть мальчика. Впрочем, нет, не так уж ясно — теперь, когда рядом находился Троуэр, Лолла-Воссики отчетливо видел мальчика здоровым глазом. Как любого другого ребенка.

— Лолла-Воссики, мне внезапно пришло на ум, что тебе следовало бы принять христианское имя. Прежде я никогда не крестил краснокожих, поэтому, не подумав, воспользовался твоим нецивилизованным прозвищем. Но теперь тебе придется принять новое имя, имя христианина. Это необязательно должно быть имя какого-нибудь святого — мы не паписты, — но ты обязан назваться как-нибудь, чтобы доказать свое обращение к Христу.

Лолла-Воссики согласно кивнул. Он знал, что ему понадобится новое имя, если крещение все-таки сработает. Как только он встретит зверя своих сновидений и вернется домой, он обязательно примет новое имя. Он попытался объяснить это Троуэру, но бледнолицый священ-

ник ничего не понял. В конце концов он ухватил суть, догадавшись, что Лолла-Воссики и сам не прочь взять новое имя и надеется оное вскоре обрести, поэтому сразу успокоился.

— Кстати, пока мы наедине, — сказал Троуэр, — я хотел спросить, нельзя ли мне осмотреть твою голову. Я разрабатываю некие новые категории для френологии, науки, недавно появившейся на свет. Вкратце суть ее состоит в том, что выдающиеся таланты и способности, залегающие в человеческой душе, отражаются — а может, даже порождаются — выпуклостями и впадинами человеческого черепа.

Лолла-Воссики ни слова не понял из речей Троуэра, поэтому молча кивнул. Это обычно срабатывало, когда бледнолицые начинали нести всякую чушь, и Троуэр не стал исключением из правил. Кончилось все тем, что Троуэр увлеченно ощупал всю голову Лолла-Воссики, периодически прерываясь, чтобы что-то зарисовать или написать на клочке бумаги. На протяжении всего исследования священник беспрестанно бормотал себе под нос: «Интересненько», «Ха!» и «Ох уж эти теоретики». Закончив, Троуэр от души поблагодарил Лолла-Воссики:

— Мистер Воссики, вы оказали неоценимую по-

мощь делу науки. Вы есть живое доказательство, что краснокожий человек вовсе не обязательно обладает шишками, символизирующими дикость и каннибализм. Вместо этого вы имеете вполне нормальный набор даров и способностей, свойственных самому обычному человеку. Краснокожие не столь разительно отличаются от белого человека, во всяком случае различия эти не заметны глазу и фактически не поддаются категоризации. По сути дела, ваша голова демонстрирует, что у вас есть все шансы стать выдающимся оратором и вы глубоко чувствуете религию. Поэтому вовсе не случайно вы оказались первым американским краснокожим, принявшим святые писания из моих рук. Должен отметить, ваш френологический рельеф весьма напоминает мой собственный. Короче говоря, дорогой мой новообращенный христианин, я не удивлюсь, если вы сами вскоре начнете проповедовать. Проповедовать многочисленным толпам краснокожих мужчин и женщин, преподнося им понимание Небес. Обдумайте эту перспективу, мистер Воссики. Если не ошибаюсь, это есть ваше будущее.

Лолла-Воссики лишь отчасти уловил суть напыщенной речи Троуэра. Он что-то говорил о том,

что Лолла-Воссики станет проповедником. Что-то там насчет будущего. Лолла-Воссики попытался извлечь смысл — не получилось.

К заходу солнца Лолла-Воссики был одет в одежды белого человека и выглядел как полный дурак. Действие огненной воды давно закончилось, а он так и не смог вырваться в лес, чтобы сделать четыре целительных глотка, поэтому черный шум заполнил все вокруг. Что еще хуже, ночь обещала быть дождливой, темной, одним глазом он ничего не увидит, а черный шум, охвативший его, помешает найти спрятанный бочонок.

В результате он шатался больше обычного. Напившись виски, он и то падал не так часто — сейчас земля качалась и бросалась из стороны в сторону. Попытавшись вылезти из-за стола, за которым они вместе с Армором ужинали, Лолла-Воссики упал. Элеанора настояла на том, чтобы он провел ночь в доме.

— Мы же не можем выгнать его ночевать в лес, когда на улице льет дождь, — сказала она.

Как бы поддерживая ее, вслед ее словам раздался удар грома, по крышам и стенам застучали крупные капли. Пока Армор и Троуэр обходили дом, закрывая ставни, Элеанора разложила кровать на кухонном полу. Благодарный Лол-

ла-Воссики заполз в постель, не позаботившись снять неудобные, режущие везде брюки и рубашку. Прикрыв глаз, он попытался справиться с ноющей болью внутри головы, болью черного шума, острыми лезвиями кромсающей его мозг на кусочки.

А они, естественно, решили, что он заснул.

— По-моему, даже утром он не был так пьян, — сказал Троуэр.

— Я следил за ним весь день, он ни на минуту не отлучался с холма, — ответил Армор. — Он просто не мог раздобыть выпивку.

— Говорят, когда пьяный трезвеет, — заметил Троуэр, — сначала он ведет себя так, будто опьянел еще больше, хотя алкоголь из него уже выветрился.

— Надеюсь, дело именно в этом, — покачал головой Армор.

— Мне кажется, от крещения он ожидал нечто большего, — поделился Троуэр. — Конечно, мысли дикаря понять невозможно, но…

— Я бы не назвала его дикарем, преподобный Троуэр, — перебила Элеанора. — По-своему он очень цивилизованный, культурный человек.

— Точно так же можно назвать цивилизованным бобра, — фыркнул Троуэр. — Во всяком

случае, по-своему он очень даже окультурен.

— Я хотела сказать, — продолжала Элеанора, только голос ее зазвучал несколько тише, мягче, а значит, она говорила нечто очень важное, весомое, — я видела, как он читал.

— Вы имеете в виду, переворачивал страницы, — поправил Троуэр. — Он не мог *читать*.

— Нет. Он именно читал. Он проговаривал слова про себя, и губы его шевелились, — настаивала на своем Элеанора. — В большой комнате, где мы обслуживаем покупателей, висят разные таблички. Он читал слова.

— А знаете, ведь это возможно, — вмешался Армор. — Я точно знаю, что жители Ирраквы читают ничуть не хуже любого белого человека. Мне не раз приходилось заезжать туда по своим торговым делам, так что могу поклясться чем угодно, я собственными глазами видел, какие они контракты пишут. Краснокожий может научиться читать, это факт.

— Но этот, этот пьяница…

— Кто знает, кем бы он мог стать, если бы выпивка не отравила его? — задумчиво произнесла Элеанора.

Затем они перешли в другую комнату, после чего вообще покинули дом, решив проводить

Троуэра до хижины, в которой он жил. Дождь мог усилиться, и тогда священнику пришлось бы ночевать здесь.

Оставшись один, Лолла-Воссики попытался разобраться в случившемся за день. Крещение не пробудило его от сна. Как не пробудили одежды белого человека. Может, Элеанора была права, ему стоит провести ночь без спиртного, и тогда все закончится. Боль сводила его с ума, гоня сон прочь.

Но все равно, что бы ни случилось, он знал — зверь сновидения ждет его где-то поблизости. Белое сияние окутывало его как туман; этот город был тем самым местом, где Лолла-Воссики суждено было проснуться. Может быть, если бы он не пошел сегодня на холм, если бы немного побродил по лесам вокруг Церкви Вигора, зверь сновидения сам бы нашел его.

Одно несомненно. Больше ни одной ночи он не проведет без виски. Тем более что у него имеется бочонок, спрятанный в развилке дерева, который может прогнать черный шум и подарить желанный сон.

Лолла-Воссики исходил все леса в округе. Он видел множество животных, но все до единого бежали от него; черный шум и огненная вода

захватили его целиком, поэтому он не принадлежал земле, и животные пугались его, как бледнолицего.

От разочарования он стал больше пить, хотя знал, что виски скоро кончится. Он все реже заходил в лес и все чаще появлялся на тропинках и дорогах белого человека, бродя по окрестным фермам. Некоторые женщины при его появлении кричали и убегали, уносили младенцев и уводили детей в лес. Другие наставляли на него ружья, приказывая убираться. Кое-кто кормил и разговаривал с ним об Иисусе Христе. В конце концов Армор посоветовал ему не соваться днем на фермы, когда мужчины трудятся на постройке церкви.

Лолла-Воссики потерял всякую надежду. Он знал, зверь сновидения близко, но он никак не мог отыскать его. Он не ходил в лес, потому что животные бежали от него, а сам он постоянно, все чаще и чаще, спотыкался и падал, — испугавшись, что может сломать ногу и умереть от голода, поскольку даже самые маленькие зверушки не откликнутся на его зов, он вообще перестал ходить в чащобу. Заглядывать на фермы ему тоже было запрещено, поскольку мужчины сердились на него. Поэтому круглыми днями он лежал на

лугу, спал пьяным сном или строил всякие планы, которые помогли бы ему справиться с болью черного шума.

Иногда у него хватало сил, чтобы подняться на холм и понаблюдать за мужчинами, работающими на строительстве церкви. Каждый раз, когда он там появлялся, кто-нибудь обязательно кричал: «Вот идет краснокожий христианин», — и в дружном смехе, следовавшем за словами, звучали злоба и издевка.

В тот день, когда упала кровельная балка, его не было в церкви. Он спал на лужайке неподалеку от дома Армора, когда до его ушей донесся громкий треск. Подпрыгнув, он сразу проснулся, и черный шум накатил на него глубокой волной — хотя утром Лолла-Воссики выпил аж восемь глотков и должен был оставаться пьяным по меньшей мере до сумерек. Он валялся, схватившись руками за голову, когда со строительства начали возвращаться рассерженные и ругающиеся мужчины, обсуждающие странное происшествие, случившееся днем.

— Что произошло? — спросил у них Лолла-Воссики. Ему непременно нужно было узнать, что там случилось. Черный шум ревел у него в голове, разрывая мозг на кусочки, — подобной боли

Лолла-Воссики никогда не испытывал. — Убили кого-то? — Черный шум обычно следовал за ружейным выстрелом. — Бледнолицый Убийца Гаррисон пристрелил кого-то?

Сначала на него не обращали внимания, поскольку думали, что он мертвецки пьян. Но наконец один из рабочих откликнулся на его отчаянные призывы и рассказал, что сегодня произошло в церкви.

Они уже поставили на место первую из кровельных балок, на которые должна была лечь крыша, когда подпорка, поддерживающая ее, внезапно треснула и подбросила огромное бревно в воздух.

— Она так и полетела вниз, словно пята Господа Бога, ступающая на землю, и как ты думаешь, кому она свалилась на голову? Маленькому Элвину Миллеру, сынишке Эла Миллера, который оказался прямо под ней. Ну все, подумали мы, конец парню. Балка со всей мочи грохнулась об пол, вот ты и подумал, будто из ружья выстрелили. А дальше — дальше ты не поверишь. Глядим, балка-то сломалась ровно пополам, прямо в том месте, где стоял Элвин. И, сломавшись, упала по обе стороны от него, не тронув даже волоска на его голове.

— Есть что-то странное в этом мальчишке, — заключил приятель рассказчика, стоявший рядом.

— Да чего здесь думать, ангел-хранитель его бережет, — встрял другой рабочий.

Элвин-младший. Мальчик, которого здоровый глаз Лолла-Воссики не видит.

В церкви уже никого не было, когда Лолла-Воссики добрался до холма. Рухнувшую балку убрали, мусор вымели, так что и следа от происшествия не осталось. Но Лолла-Воссики смотрел не глазом. Еще не успев приблизиться к церкви, он почувствовал что-то необычное. Ощутил некий водоворот, по краям он был едва заметен, но усиливался с каждым шагом. Водоворот сияния, и чем ближе Лолла-Воссики подходил, тем слабее становился черный шум. Наконец он ступил на пол церкви, туда, где стоял мальчик. Откуда Лолла-Воссики узнал, где находился в тот момент Элвин? Просто черный шум практически пропал. Не совсем, конечно, отголоски боли еще остались, но сквозь нее Лолла-Воссики вновь почувствовал зеленую землю — чуть-чуть, не так, как раньше, но все равно почувствовал. Под полом кипела жизнь крошечных существ, в луговой траве неподалеку затаилась белочка — пьяным ли, трезвым, но такого он не ощущал

многие годы, с тех самых пор, как ружейный выстрел черным шумом ворвался в его голову.

Лолла-Воссики обернулся по сторонам — ничего, пустые стены церкви. Тогда он закрыл здоровый глаз. И увидел водоворот, вихрь, белое сияние, кружащее вокруг и гонящее черный шум прочь. Его сновидение подошло к концу — он понял это, стоило только закрыть глаз. Перед ним простиралась сияющая тропинка, целая дорога, сверкающая, как небо в полдень, рассыпающая лучи, словно заснеженный луг под ясным солнцем. Он уже видел, куда ведет эта тропинка. Вверх по холму, переваливает на другую сторону, снова взбирается на холм и заканчивается у дома, стоящего на берегу полноводного ручья. У дома, где живет бледнолицый мальчик, которого обыкновенным глазом не увидишь.

Теперь, когда черный шум отступил, он снова двигался бесшумно. Он сделал вокруг дома круг, еще и еще один. Никто его не услышал. Изнутри доносились смех, вопли и крики. Счастливые дети ругались и ссорились друг с другом. Строгие голоса родителей. Если б не различие в языках, он бы подумал, что находится в родной деревне. Посреди братьев и сестер, вновь вернувшись в радостные дни, когда отец его был еще жив.

Бледнолицый человек, Элвин Миллер, вышел из дома и направился в отхожее место. Чуть спустя появился мальчик и быстрым шагом, словно чего-то боялся, пересек двор. Прикрикнул на закрытую дверь. Сейчас, когда глаз был открыт, Лолла-Воссики видел только, что кто-то переминается с ноги на ногу рядом с отхожим местом и кричит. Но только он закрыл глаз, как лучащийся ярким сиянием мальчик появился вновь, и голос его музыкой разнесся по ферме, словно птичья песенка над речной гладью, хоть слова этой песенки были глупы — слова самого обычного ребенка:

— Если ты сейчас не выйдешь, я наделаю прямо перед дверью, тогда-то ты попляшешь, вляпавшись прямо в мои дела!

Тишина. Лицо мальчика обеспокоенно вытянулось, и он стукнул себя кулаком по лбу, как бы говоря: «Дурак, дурак, дурак». Элвин-младший поднял голову, посмотрев куда-то вверх; открыв глаз, Лолла-Воссики увидел, что из отхожего места вышел отец и что-то говорит мальчику.

Пристыженный Элвин ответил ему. Отец переспросил. Лолла-Воссики снова закрыл глаз.

— Да, сэр, — сказал мальчик.

Наверное, опять заговорил отец, только теперь

Лолла-Воссики уже не слышал его.

— Извини, пап.

Затем отец, должно быть, ушел, потому что маленький Элвин тут же скрылся в сарайчике, бормоча что-то себе под нос, чтобы никто не услышал. Но Лолла-Воссики слышал все, что он сказал.

— Построил бы еще один туалет, все бы было нормально.

Лолла-Воссики рассмеялся. Глупый мальчик, глупый отец, так похожие на остальных мальчишек и отцов.

Мальчик закончил дела и направился обратно в дом.

«Я здесь, — молча окликнул Лолла-Воссики. — Я следовал за сияющей тропой, я пришел сюда, увидел глупости, творимые бледнолицыми, но где же ты, зверь моих сновидений?»

Слепящее сияние пропало внутри дома, поднявшись по ступенькам вслед за мальчиком. Но для Лолла-Воссики стены не преграда. Он видел, как осторожно ступает мальчик, как ищет взглядом воображаемого врага, ждет нападения. Добравшись до спальни, он стремительно нырнул внутрь комнаты, быстренько прикрыв за собой дверь. Лолла-Воссики настолько ясно видел

Элвина, что практически читал его мысли. «Наверное, это потому, — подумал он, — что сон мой близится к концу и скоро последует пробуждение». Он и в самом деле слышал мысли мальчика, испытывая то же, что и он. Оказывается, Элвин боялся сестер. Глупый спор, начавшийся с насмешек, превратился в настоящую войну — и теперь Элвин боялся мести сестер.

Которая не замедлила осуществиться, когда он скинул одежду и натянул на голову ночную рубашку. «Кто-то укусил меня! Насекомые, — в панике подумал мальчик. — Пауки, скорпионы, ядовитые змеи!» Он отбросил рубашку в сторону и принялся хлопать руками по телу, всхлипывая от боли, изумления, страха.

Но Лолла-Воссики слышал зеленую тишину, а поэтому знал — никаких насекомых там нет и в помине. Ни на теле мальчика, ни в рубашке. Хотя в комнате жило множество маленьких существ. Крошечная жизнь, крошечные животные. Тараканы — целые сотни их гнездились в щелях стен и пола.

Однако тараканы жили не везде. Только в комнате Элвина-младшего. Все доходного насекомые обитали в его спальне.

И дело здесь не во вражде. Тараканы слишком

малы, чтобы питать ненависть к кому-либо. Этим маленьким существам знакомы всего три чувства. Страх, голод и — чувство земли. Вера в то, каков должен быть порядок. Неужели мальчик кормит их? Нет, они явились к нему за другим. Лолла-Воссики никогда бы не поверил, если бы не сам ощутил это в тараканах. Мальчик каким-то образом призвал их. Этот мальчик обладал чувством земли — во всяком случае, он сумел позвать этих крошечных существ.

Но зачем? Кому нужны тараканы? Хотя он всего лишь мальчишка. Вряд ли он руководствовался каким-то здравым смыслом. Он просто наслаждался тем, что маленькая жизнь откликается на первый его зов. Краснокожим мальчишкам также знакомо это чувство, но они учились ему рядом с отцом, рядом с братом, на своей первой охоте. Надо встать на колени и молча воззвать к жизни, которую вознамерился взять, спросить, пришло ли должное время и желает ли животное умереть, чтобы наполнить тебя силой. «Ты готово умереть?» — вопрошал краснокожий юноша. Дав согласие, животное сразу появлялось.

Вот что сделал этот мальчик. Впрочем, все оказалось не так просто. Он позвал насекомых не ради своей нужды, потому что он ни в чем не

нуждался. Он просто заботился о них. Защищал, заключив с ними подобие договора. В комнате были места, куда тараканам было запрещено забираться. Например, в кровать Элвина. В колыбельку его младшего брата Кэлвина. В одежду Элвина, сложенную на табуретке. А в ответ Элвин не убивал их. В этой комнате им ничего не грозило. Это было их убежище, их заповедник. Какая глупость — мальчишка играется с вещами, которых не понимает!

И вместе с тем чудо из чудес — этот бледнолицый сотворил нечто такое, на что никогда не способен был краснокожий. Мог ли краснокожий сказать медведю: «Приди и живи со мной, а я буду тебя защищать»? И поверил бы медведь его словам? Неудивительно, что Элвин так сиял. Глупый дар бледнолицего Рвача и могущественные живые обереги женщины Элеаноры ни в какое сравнение не шли с возможностями Элвина. Даже краснокожий человек не мог полностью влиться в образ земли. Хотя Элвина это вовсе не заботило. Сама земля вливалась в его образ. Захотел он, чтобы тараканы жили так, а не иначе, захотел заключить с ними договор, и земля перестроилась под него. Элвин-младший, распоряжаясь крошечными созданиями, отдавал приказы, и

земля подчинялась.

Понимал ли мальчик, что за чудо он сотворил?

Нет, даже представления не имел. Да и откуда ему было знать? Бледнолицые никогда не понимали землю.

И теперь, не понимая, что творит, Элвин-младший уничтожал то хрупкое равновесие, которого ему удалось достичь. Насекомые, кусающие его, на проверку оказались металлическими булавками, которых напихали ему в рубашку зловредные сестры. Он отчетливо слышал их хихиканье за стенкой. Он страшно перепугался, поэтому теперь его одолевал гнев. Надо непременно поквитаться, рассчитаться с ними. Его детская ярость была настолько сильна, что отчасти передалась Лолла-Воссики. Элвин ведь не сделал ничего особенного, а они в ответ перепугали его до смерти, до крови истыкали его. Надо отплатить им той же монетой, так напугать их…

Элвин-младший сидел на краешке кровати и, вытаскивая из ночной рубашки иголки, сердито втыкал их в уголок подушки — бледнолицые всегда очень аккуратно обращаются со своими бесполезными металлическими инструментами, даже с такими маленькими и незначительными. Внезапно его взгляд упал на бегающих по стенам,

снующих в половых щелях тараканов, и в голове его созрел план мести.

Лолла-Воссики чувствовал, как на свет рождается коварный план отмщения. Элвин опустился на пол и тихонько заговорил с тараканами. Поскольку он был еще маленьким мальчиком, да к тому же бледнолицым, и некому было его научить, Элвин считал, что с тараканами нужно говорить вслух, будто насекомые каким-то образом могли понять человеческий язык. Впрочем, таков был здесь порядок вещей, таким он представлял себе мир.

И он солгал им. «Голод, — сказал он. — А в другой комнате еда». И показал им эту еду, чтобы они проникли сквозь стены в комнату сестер, залезли к ним в кровати и принялись ползать по их телам. Если тараканы поспешат, им всем хватит еды, доброй, вкусной еды. Он солгал, и Лолла-Воссики захотелось закричать, чтобы он не делал этого.

Когда краснокожий, опустившись на колени, призывал жертву, в которой на самом деле не нуждался, животное сразу различало его ложь и не приходило. Ложь отрезала краснокожего от земли, она ослепляла его и лишала на время слуха. Но этот бледнолицый мальчишка лгал с

такой силой и мощью, что крошечные умишки тараканов поверили ему. И насекомые со всех ног бросились в соседнюю комнату, сотнями, тысячами исчезая под стенами.

Элвин-младший что-то услышал и расплылся в довольной ухмылке. Но Лолла-Воссики овладел гнев. Он даже открыл глаз, чтобы не видеть торжества Элвина-младшего, чья месть успешно свершилась. До его слуха донеслись панические вопли сестер, на которых накинулась армия тараканов. В комнату вбежали родители и братья. Принялись топтать. Давить, бить, убивать тараканов. Лолла-Воссики закрыл глаз и ощутил смерть насекомых — каждая угасшая жизнь жалила его будто иголкой. Прошло немало времени с тех пор, как черный шум одним-единственным убийством затмил все остальные смерти, и Лолла-Воссики успел забыть те ощущения, которые приходят, когда вокруг умирают крошечные существа.

К примеру, пчелы.

Тараканы — это бесполезные животные; они питаются объедками, отвратительно шуршат в щелях и мерзко ползают по коже. Но вместе с тем они часть земли, часть жизни, часть зеленой тишины, а их смерть — это злой шум, поднятый

бессмысленным убийством. Они уверовали в ложь и погибли.

"Вот зачем я сюда пришел, — внезапно понял Лолла-Воссики. — Земля привела меня сюда, ибо знала, что мальчик этот обладает великим могуществом, знала, что некому научить его пользоваться данной ему силой, некому научить его прислушиваться к нуждам земли, прежде чем менять ее. Некому научить его быть краснокожим, а не бледнолицым.

Я явился сюда не затем, чтобы отыскать своего зверя сновидения, а затем, чтобы стать этим зверем для мальчика".

Шум успокоился. Сестры, братья, родители вернулись ко сну. Лолла-Воссики, цепляясь пальцами за щели в бревнах, полез вверх по стене дома. Глаз его был закрыт — он не надеялся на собственные силы, предоставив земле вести его. Ставни спальни были распахнуты, и Лолла-Воссики, оперевшись локтями о подоконник, заглянул в комнату.

Сначала он обозрел ее здоровым глазом. Увидел кровать, табуретку с лежащей на ней аккуратно сложенной одеждой и колыбельку, стоящую напротив кровати. Окно находилось прямо посредине между кроватью и колыбелькой. В постели

виднелась какая-то выпуклость, формой напоминающая тельце маленького мальчика.

Лолла-Воссики снова прикрыл глаз. Элвин лежал на кровати. Лолла-Воссики почувствовал охватившую мальчика дрожь возбуждения. Он так боялся, что его поймают, так радовался своей победе, что теперь, с трудом сдерживая рвущийся наружу смех, никак не мог успокоиться.

Снова открыв глаз, Лолла-Воссики взобрался на подоконник и тихонько спрыгнул на пол. Он ожидал, что Элвин заметит его, закричит, но мальчик неподвижно лежал на постели, так и не издав ни звука.

Когда здоровый глаз Лолла-Воссики был открыт, мальчик не видел его, точно так же, как краснокожий не видел Элвина. Вот он, конец долгого сна. Лолла-Воссики должен был стать зверем сновидения для этого мальчика. Лолла-Воссики должен подарить мальчику откровения, а малыш так и не поймет, что его зверем стал поклоняющийся виски краснокожий с пустой глазницей.

Какое видение показать ему?

Лолла-Воссики сунул руку за пояс брюк белого человека, под которыми по-прежнему была надета набедренная повязка, и вытащил из ножен нож. Подняв руки над головой и сжимая в одной

из них острый клинок, он закрыл свой глаз.

Мальчик так и не увидел Лолла-Воссики — глаза малыша были плотно зажмурены. Поэтому Лолла-Воссики собрал воедино окружающее его белое сияние и притягивал свет, пока яркие лучи полностью не пропитали его тело. Теперь свет исходил от его кожи, так что он порвал на груди рубашку, подаренную ему бледнолицыми, и снова воздел руки. Заметив сквозь сомкнутые веки непонятное мерцание, мальчик открыл глаза.

Лолла-Воссики ощутил ужас, пронизавший мальчика при виде явившегося ему страшного призрака, — перед ним стоял ярко сияющий одноглазый краснокожий, сжимающий в руке острый нож. Но Лолла-Воссики не хотел, чтобы мальчик боялся. Человек не должен страшиться зверя своих сновидений. Поэтому он послал свет навстречу Элвину, чтобы обнять его, прижать к себе, и свет тот нес слова успокоения, уговаривая мальчика не бояться.

Мальчуган немножко расслабился. Заворочавшись в своей постели, он сел, прислонившись спиной к стене.

Пришло время пробудить мальчика от сна длиною в жизнь. Но откуда Лолла-Воссики может знать, как это делается? Ни один человек, ни

бледнолицый, ни краснокожий, еще не становился зверем сновидений другого человека. Однако он откуда-то знал, что надо делать. Что нужно показать мальчику, какими чувствами его наполнить. Решение, пришедшее Лолла-Воссики на ум, показалось ему правильным, и он последовал призыву.

Прижав к ладони сияющий нож, Лолла-Воссики с силой нажал на лезвие. Разрез получился глубоким, и кровь ручьем хлынула из раны, побежав по запястью и пропитав насквозь рукав. Вскоре ее капли закапали на пол.

Боль не заставила себя ждать, появившись мгновением спустя. Собрав ее и превратив в картинку, Лолла-Воссики проник в разум Элвина, показывая ему комнату сестер глазами маленького, слабого существа. Оно мчалось со всех лап, его мучил голод, страшный голод, оно искало пищу, оно было уверено, что еда где-то рядом — мягкие тела обещали вечное наслаждение, значит, надо карабкаться туда, искать еду там. Но в воздух взметнулись огромные руки, смахивая крошечное создание на пол. А затем мир сотрясли тяжелые шаги какого-то великана, и наползшая тень сменилась агонией смерти.

Это повторялось снова и снова. Терзаемые

голодом маленькие существа бежали, спешили, верили, но их предали, послали на верную смерть.

Многие пережили побоище, и выжившие тараканы не оглядываясь бросились улепетывать прочь, уносить лапы. Комната сестер — это обитель смерти, да, и они бежали оттуда. Но уж лучше остаться здесь и принять смерть, нежели вернуться в ту, другую комнату, в комнату, где гнездилась ложь. Все это выражалось не словами, слов в жизни маленьких существ не было, как не было связных образов, которые люди привыкли называть мыслями. Да, смерть — ужасная штука, из комнаты пришлось спасаться бегством, но в другой комнате поселилось нечто более страшное, чем смерть, — там мир сошел с ума, там теперь могло произойти все на свете, там ничему нельзя верить, ибо все стало обманом. Ужаснейшее место. Самое страшное место во всем мире.

Лолла-Воссики закончил видение. Мальчик, прижав к глазам ладони, громко плакал. Лолла-Воссики никогда раньше не видел, чтобы человек так терзался муками раскаяния; видение, которое послал мальчику Лолла-Воссики, подействовало намного сильнее, чем он ожидал. «Я жестокий, злой зверь, — подумал Лолла-Воссики. — Он

пожалеет, что я разбудил его». Устрашась собственного могущества, Лолла-Воссики открыл глаз.

Мальчик сразу исчез, и Лолла-Воссики понял, что в глазах мальчика он тоже сейчас исчез. «Что дальше? — подумал он. — Неужели я пришел сюда, чтобы свести этого малыша с ума? Чтобы подарить ему нечто похожее на терзающий меня черный шум?»

Насколько он мог судить по трясущейся кровати, движениям простыней, мальчик все еще плакал. Лолла-Воссики закрыл глаз и снова послал мальчику свет. «Успокойся, не плачь».

Рыдания Элвина постепенно стали затихать. Подняв голову, он взглянул на Лолла-Воссики, который по-прежнему стоял перед ним, сияя ослепительным светом.

Лолла-Воссики не знал, что и сказать. Пока он в нерешительности молчал, заговорил Элвин.

— Извините, я больше никогда не буду, я… — мямлил и лепетал он.

Тогда Лолла-Воссики послал ему еще одну волну света, чтобы прояснить его глаза. Этот свет, достигнув мальчика, превратился в вопрос: «В чем именно ты раскаиваешься?»

Элвин не мог ответить, поскольку сам не знал.

Что он такого натворил? Послал на смерть тараканов?

Он взглянул на Сияющего Человека и увидел краснокожего, вставшего на колени перед оленем, призывая того прийти и умереть. И олень, весь дрожа, пришел, его большие глаза отражали страх. Краснокожий выпустил стрелу, и, воткнувшись в бок животного, она затрепетала. Ноги оленя подогнулись. Он упал. Смерть и убийство — всего лишь часть жизнь, поэтому его греха в смерти тараканов не было.

Но, может, причина крылась в силе, которой он обладал? В даре управления вещами, которые он мог сломать в нужном месте или, наоборот, починить без клея и гвоздей, да так, что держаться они будут всю жизнь? Ведь он мог заставить вещи поступать, как хочется ему, становиться такими, какими он их видит. В этом причина?

Снова он поднял глаза на Сияющего Человека, но теперь увидел самого себя, прижавшего руки к камню, и камень таял, как масло, под его ладонями. Камень изначально возник таким, каким пожелал увидеть его Элвин, — отделился от горного склона и скатился вниз, совершенный шар, идеально ровная сфера, которая вдруг принялась расти и расти, пока не приняла вид

огромного мира, созданного руками маленького мальчика. На нем появились деревья, пробилась трава, по нему, внутри него, над ним побежали, запрыгали, залетали, заплавали, заползали всевозможные животные. То был каменный шарик, сотворенный Элвином. И эта сила, правильно использованная, не ужасала, а приводила в восхищенный трепет.

«Но если убийство и мой дар тут ни при чем, что же я сделал не так?»

На этот раз Сияющий Человек ничего ему не показал. На этот раз Элвин не увидел вспышки света и видение ему не явилось. На этот раз он должен был дать ответ сам. Он тяготился собственной глупостью, тяготился тем, что никак не может понять, как вдруг ответ пришел.

Его вина заключалась в том, что он сделал это ради собственного удовольствия. Тараканы подумали, что он заботится о них, а на самом деле он преследовал собственные цели, ничего больше. Он навредил тараканам, своим сестрам — все пострадали по его вине, а почему? Потому что Элвин Миллер-младший разозлился и захотел *поквитаться*…

Из переливающегося глаза Сияющего Человека вырвался огонь и ударил Элвина в самое сердце.

— Я никогда не воспользуюсь своим даром ради собственной выгоды, — пробормотал Элвин-младший.

Стоило этим словам слететь с губ, как он почувствовал, что сердце его охватил огонь, пылающий и жгущий изнутри. А Сияющий Человек снова исчез.

Лолла-Воссики задыхался, голова его кружилась. Он чувствовал слабость, неизмеримую усталость. Он понятия не имел, о чем думал мальчик. Он только знал, какие видения посылать, а в конце ему нужно было просто стоять, стоять и ничего не делать. Именно так он и поступил, он стоял и ждал, пока из его глаза вдруг не вырвалась сильная вспышка огня, пронзившая сердце мальчика.

Но что теперь? Он дважды закрывал глаз и являлся мальчику. Его мучения закончились? Однако он знал, что это еще не конец.

В третий раз Лолла-Воссики закрыл глаз и увидел, что теперь мальчик сияет куда ярче, чем сиял когда-то он, что свет перешел от него к ребенку. И тогда он понял — да, он стал зверем сновидения для мальчика, но и этот мальчик в свою очередь был его зверем. Для Лолла-Воссики настало время пробудиться от сна.

Он сделал три шага и опустился рядом с кроватью на колени, его лицо приблизилось к маленькому, испуганному лицу мальчика, которое сияло настолько ярко, что Лолла-Воссики не мог различить, кто перед ним — мальчик или муж. «Что мне нужно от него? Зачем я здесь? Что он может мне дать, этот могущественный ребенок?»

— Расставь все по своим местам. Верни целостность, — прошептал Лолла-Воссики на своем родном языке, на языке племени тони.

Понял ли его мальчик? Элвин поднял руку, осторожно протянул ее и дотронулся до щеки Лолла-Воссики, прямо под выбитым глазом. Затем положил палец на мертвое веко краснокожего.

Воздух затрещал, посыпались искры. От неожиданности мальчик вскрикнул и отдернул руку. Но Лолла-Воссики уже не видел его, потому что мальчик неожиданно пропал. Впрочем, Лолла-Воссики не интересовало то, что он сейчас видит, ибо его поразило то, что он *ощущает*. Невероятно.

Тишина. Зеленая тишина. Черный шум ушел, исчез навсегда. Чувство земли вновь вернулось к нему, и древняя рана исцелилась.

С трудом переводя дыхание, Лолла-Воссики сто-

ял на коленях — земля вернулась к нему, и теперь он чувствовал ее как раньше. Столько лет прошло, он уже забыл, насколько это здорово видеть во всех направлениях, слышать дыхание каждого животного, обонять аромат каждого растения. Человек, который находится на грани смерти от жажды, чье горло пересохло и в рот которого вдруг попадает струйка холодной, освежающей воды, не может глотать, не может дышать. Он ждал ее, мечтал о ней, но она появилась слишком внезапно, поэтому он не может удержать ее, не может насладиться ею…

— Не получилось, — прошептал мальчик. — Прости меня.

Лолла-Воссики открыл здоровый глаз и впервые увидел мальчика как обыкновенного человека. Элвин смотрел на его пустую глазницу. Лолла-Воссики сначала ничего не понял — он поднял руку, дотронулся до дряблого века. Пусто. И вдруг до него дошло. Мальчик счел, что нужно излечить его искалеченный глаз. «Нет, нет, не расстраивайся, ты излечил меня от более глубокой раны — что мне эта жалкая царапина? Зрения я никогда не терял; меня покинуло чувство земли, а ты вернул его мне».

Он хотел крикнуть это мальчику, крикнуть во

весь голос, запеть от радости. Но чувства, которые его переполняли, были слишком сильны. Слова не шли на язык. Он даже не мог послать ему видение, потому что они оба пробудились. Сон закончился. Они стали друг другу зверем сновидения.

Лолла-Воссики схватил мальчика обеими руками и притянул к себе, поцеловав в лоб, нежно и крепко, как отец — сына, как брат — брата, как друг — друга за день до смерти. Затем подбежал к окну, перемахнул через подоконник и упал на землю. Земля спружинила под его ногами, как под ногами самого настоящего краснокожего, чего не случалось с ним много лет; трава стелилась под ним; кусты раздвигали свои ветви; листья поднимались, когда он несся сквозь чащу. И тогда он действительно дал волю чувствам — закричал, запел, и ему было все равно, услышит его кто-нибудь или нет. Животные не бежали от него, как это было раньше; наоборот, они шли, чтобы послушать его песню. Певчие птички проснулись, чтобы подпеть ему; из леса выпрыгнул олень и помчался с ним бок о бок через луг, подставляя свою спину под руку Лолла-Воссики.

Он бежал, пока у него не перехватило дыхание, и за все это время он не встретил ни единого

врага, не почувствовал ни единого укола боли; к нему вернулась прежняя целостность, он снова стал человеком. Он остановился на берегу Вобб-ской реки, рядом с устьем Типпи-Каноэ. Хватая ртом воздух, он хохотал.

Только тогда он обнаружил, что из его руки капает кровь. Разрез, который он сделал, чтобы продемонстрировать бледнолицему мальчику боль, по-прежнему кровоточил. Штаны и рубашка насквозь пропитались кровью. «Одежда белого человека! Не нужна ты мне больше». Он содрал ее и швырнул в реку.

Странная вещь произошла. Одежда упала на поверхность воды, как на землю. Она не тонула, ее не уносило течением.

Как такое может быть? Неужели сон не кончился? Может, он еще не совсем проснулся?

Лолла-Воссики закрыл глаз.

И сразу увидел нечто ужасное, настолько ужасное, что закричал от страха. Закрыв глаз, он снова увидел черный шум, огромное полотно черного шума, твердое, замерзшее. Это была река. Это была вода. Она была сделана из смерти.

Он открыл глаз, и черный шум опять превратился в обычную воду, только одежда лежала на прежнем месте.

Тогда он мертвой глазницей посмотрел туда, куда бросил штаны и рубашку. По черной поверхности растекался свет. Он кружился, сиял, ослеплял. То сияла его собственная кровь.

Теперь он видел, что черный шум на самом деле представляет собой пустоту, ничто. Это место, где заканчивается земля и начинается пустота, край мира. Но его кровь, искорками протянувшаяся по поверхности черного шума, мостиком перекинулась через безбрежное ничто. Лолла-Воссики встал на колени и окровавленной рукой коснулся воды.

Она была упругой, теплой и упругой. Пролившаяся кровь создала небольшую платформу. Он переполз на нее. Она оказалась гладкой и твердой — прямо как лед, только от нее веяло теплом, дружелюбием.

Он открыл глаз. Вновь появилась река, но вода под ним осталась твердой. Там, где ее касалась кровь, водная стихия мигом затвердевала.

Он подполз к месту, где лежала одежда, и принялся толкать ее перед собой. Добравшись до середины реки, он пополз к другому берегу, оставляя за собой тоненький, мерцающий мостик крови.

Он творил невозможное. Мальчик не просто

исцелил его. Он изменил порядок вещей. Это было пугающе прекрасно. Лолла-Воссики взглянул в воду, текущую между его рук. На него смотрело его собственное одноглазое отражение. Тогда он закрыл здоровый глаз, и ему явилось совсем иное видение.

В этом видении он стоял на поляне, обращаясь к сотням, к тысячам краснокожих, собравшихся со всех концов страны из разных племен. Он увидел, как они строят из деревьев город — тысячи, десятки тысяч сильных мужчин и женщин, освободившихся от огненной воды белого человека, от ненависти белого человека. В видении они обращались к нему как к Пророку, но он отрицал свой пророческий дар. Он был всего лишь дверью, открытой дверью. «Шагните сквозь нее, — призывал он, — и обретите силу. Единый народ, единая земля».

Дверь. Тенскватава.

Внезапно ему явилось лицо матери, и она назвала его. «Тенскватава. Это твое имя теперь, ибо спящий пробудился».

Той ночью, вглядываясь в затвердевшие воды Воббской реки, он увидел много разного. Ему открылось столько, что даже не описать; за один час перед ним пролетела вся история этой земли,

жизнь каждого человека, когда-либо ступавшего на нее, белого, краснокожего или черного. Он видел начало, он видел конец. Великие войны представали его взгляду, страшные жестокости, убийства, грехи, но вместе с тем он лицезрел добро и красоту.

И кроме того, его посетило видение Хрустального Града. Града, сотворенного из воды, твердого и прозрачного, как стекло. Вода, создавшая его, никогда не растает, а высокие хрустальные башни будут вечно подниматься в небо, отбрасывая на землю тени семимильной длины. Но поскольку башни те были абсолютно чистыми и прозрачными, тени нельзя было назвать тенями — солнце беспрепятственно проникало сквозь великолепие города. Любой мужчина, любая женщина могли заглянуть внутрь хрусталя и познакомиться с видениями, которые явились Лолла-Воссики. И в людях этих было заложено совершенное понимание, они смотрели на мир глазами, исполненными чистого солнечного света, а голоса их яркими искрами разлетались по земле.

Лолла-Воссики, отныне носящий имя Тенскватава, не знал, его ли руками будет построен Хрустальный Град, доведется ли ему жить в нем,

успеет ли он увидеть его великолепие, прежде чем умрет. Сначала надо свершить то, что предстало перед ним в водах Воббской реки. Он смотрел и смотрел, пока картинки не начали расплываться. Тогда он дополз до берега, выбрался на твердую землю и шагал вперед, пока не вышел на луг, который явился ему в видении.

Именно сюда он созовет краснокожих, именно здесь он будет учить их тому, что пришло к нему в видениях. На этом лугу он поможет им стать не самыми сильными, но сильными; не самыми великими, но великими; не самыми свободными, но свободными.

Некий бочонок мирно покоился в развилке некого дерева. Все лето он простоял незамеченным. Но дождь и летняя жара все же отыскали его, до него добрались насекомые и зубы жадных до соли белок. Он мок, высыхал, нагревался, остывал — ни один бочонок не продержится в таких условиях. Вот и этот треснул — маленькая трещинка пробежала по его днищу, и содержащаяся внутри жидкость капля за каплей вытекла наружу. Спустя пару часов бочонок полностью опустел.

Но это уже было неважно. Никто не искал его: Никто по нему не горевал. Никто не стал пла-

кать, когда зимний лед расколол его, рассыпав обломками по раскинувшемуся под деревом белоснежному покрывалу.

Глава 5
ПРОРОК

Когда слухи об одноглазом краснокожем, называющем себя Пророком, достигли ушей губернатора Билла Гаррисона, тот лишь презрительно расхохотался, сказав:

— Да это ж, наверное, не кто иной, как мой старый приятель Лолла-Воссики. Ничего, когда виски из того бочонка, что он у меня упер, закончится, он быстренько забудет о своих видениях.

Однако вскоре губернатор Гаррисон получил весьма тревожные известия. Оказалось, слова Пророка пользуются огромным уважением среди краснокожих, и дикари произносят его имя с таким же почтением, с которым произносят истинные христиане имя Иисуса. Тогда-то губернатор призадумался. Созвав со всего Карфаген-Сити краснокожих, — виски в тот день не раздавали, поэтому аудитория собралась вполне приличная, — Билл Гаррисон толкнул перед ними речь. И вот что он сказал в своей речи:

— Если Лолла-Воссики действительно Пророк, тогда он должен свершить на наших глазах чудо,

должен показать нам, что умеет нечто большее, нежели просто болтать языком. Попросите его отрезать себе руку или ногу, и пусть он приживит ее обратно, тем самым доказав, что он настоящий пророк! А еще лучше заставьте его вырвать собственный глаз, а потом поставить на место. Что вы говорите? У него уже нет одного глаза? Прекрасно, значит, и калечиться не придется, он и так вам совершит чудо! Пока у него только один здоровый глаз, никакой он не пророк!

Эти слова дошли до Пророка, когда он учил на лугу, раскинувшемся на пологих берегах Типпи-Каноэ, примерно в миле от того места, где она вливалась в Воббскую реку. Вызов, брошенный губернатором Гаррисоном, доставили поклоняющиеся виски краснокожие. Передав его слова, они не преминули вдоволь поиздеваться над Пророком, приговаривая:

— Посмотрим, как ты излечишь свой глаз!

Пророк посмотрел на них здоровым глазом и сказал:

— Этим глазом я вижу двух краснокожих мужчин, слабых и больных, превратившихся в рабов огненной воды. Люди эти осмеливаются попрекать меня словами, брошенными человеком, который убил моего отца.

Затем, закрыв здоровое веко, он сказал:

— А этим глазом я вижу двух детей земли, сильных, здоровых и прекрасных, любящих своих жен и детей, несущих одно лишь добро.

После чего, снова открыв глаз, он спросил:

— Какой из моих глаз ущербен, а какой видит правду?

И они ответили ему:

— Тенскватава, ты истинный пророк, ибо оба твои глаза здоровы.

— Тогда отправляйтесь и передайте Бледнолицему Убийце Гаррисону, что я свершил требуемое чудо. И свершил еще одно, о котором он не просил. Скажите ему, что однажды в его дом прокрадется огонь, но не человеческая рука положит ему начало. Только дождь сможет затушить его, правда, прежде чем умереть, огонь отнимет у Гаррисона нечто большее, нежели руку, ногу или глаз, — и отнятого будет уже не вернуть.

Глава 6
БОЧОНОК С ПОРОХОМ

— Ты хочешь сказать, что груз вам не нужен? — в изумлении уточнил Рвач.

— Мы еще не успели использовать то виски, которое ты продал нам в прошлый раз, Рвач, — извиняющимся голосом объяснил интендант. — Максимум, что мы можем взять, это четыре бочонка. По правде говоря, это и так больше, чем нам требуется.

— Я спускался по реке от самого Дикэйна, моя баржа доверху загружена виски, по пути я не останавливался ни в одном городке, я пошел на такие жертвы, а теперь ты утверждаешь…

— Брось, Рвач, — скривился интендант. — Знаем мы, что тебе стоят твои «жертвы». Думаю, ты без труда покроешь свои расходы и даже извлечешь немалую прибыль, а если нет, что ж, значит, ты не слишком аккуратно обращался с теми деньжатами, что высосал из нас раньше.

— Кто, кроме меня, торгует с вами?

— Никто, — пожал плечами интендант.

— Я хожу в Карфаген-Сити вот уже почти семь

лет, и последние четыре года я владею монополией на…

— Вот именно, поэтому если ты немного поворочаешь мозгами, то вспомнишь, что в старые дни большую часть твоей выпивки потребляли краснокожие.

Рвач оглянулся по сторонам, отошел на несколько шагов от интенданта, постоял на влажной траве речного берега. Его баржа лениво перекатывалась на тихих волнах. Вокруг не было видно ни одного краснокожего, ни единого, это факт. Заговор, интриги? Нет, Рвач сразу почуял бы неладное. В последние разы, что он приходил в Карфаген, краснокожих становилось все меньше и меньше. Хотя поблизости постоянно сшивались несколько пьяниц.

Он повернулся и заорал на интенданта:

— Ты что, хочешь мне сказать, что краснокожие вообще больше не пьют виски?

— Да нет, пьют. Поищи и убедись сам, эти пьяницы должны где-то поблизости валяться. Просто наши запасы еще не закончились.

Рвач тихонько выругался.

— Пойду повидаюсь с губернатором.

— Сегодня ты его не застанешь, — предупредил интендант. — У него сейчас очень занятое

расписание.

— Для *меня* в его расписании местечко всегда найдется, — грязно ухмыльнулся Рвач.

— Вряд ли, Рвач. Он мне лично сказал, что у него и минутки свободной нет.

— Может быть, это он считает себя таким уж занятым, но я почему-то думаю, что это не так.

— Делай как знаешь, — махнул рукой интендант. — Так что, мне выгружать те четыре бочонка, которые мы возьмем?

— Погоди пока, — рыкнул Рвач. И, повернувшись, заорал на своих подручных, в особенности на Бездельника Финка, у которого на роже было написано желание кого-нибудь убить. — Если кто-нибудь вдруг вознамерится наложить лапу на виски, нашпигуйте его свинцом. Я вернусь и проверю. Чтобы в ворюге было не меньше четырех дырок, прежде чем мы отправим его труп на съедение рыбам!

Парни засмеялись и помахали ему руками. Все, кроме Бездельника Финка, который только еще больше набычился. За этим типчиком нужен глаз да глаз. Поговаривают, что человека, который посмел драться с Бездельником Финком, можно отличить сразу — у него нет ушей. А еще говорят, что, если хочешь уйти от Финка хотя б с

одним ухом, нужно подождать, пока он оторвет у тебя первое и начнет жевать, а потом пару раз пальнуть в Бездельника из винтовки, чтобы отвлечь его внимание, а самому поскорее уносить ноги. Настоящий речной волк. Рвач почему-то немножко нервничал при мысли, что Финк может натворить, если Рвач не заплатит ему обещанных монет. Билл Гаррисон обязан взять виски — иначе будут крупные неприятности.

Шагая по форту. Рвач заметил некоторые перемены. Табличка на воротах, которую Гаррисон повесил четыре года назад, еще держалась, но ее уже изрядно потрепала непогода, побил дождь, а подновить никто и не позаботился. Кроме того, городок перестал расти. Свежесрубленное дерево почернело, и здания теперь выглядели какими-то серыми и старыми.

В Гайо все было по-другому. Бывшие маленькие крепости превращались в настоящие города, где на вымощенных булыжником улицах стояли бок о бок покрашенные домики. Жизнь в Гайо кипела, по крайней мере в восточной части территории, в той, что ближе к Сасквахеннии, и ходили слухи, что не сегодня-завтра Гайо станет штатом.

В Карфаген-Сити все было наоборот.

Рвач вышел на главную улицу. По-прежнему

множество солдат, и, похоже, былая дисциплина сохранилась, надо отдать должное губернатору Биллу. Но там, где раньше валялись в стельку пьяные краснокожие, накачавшиеся огненной водой, теперь разлеглись мерзкие небритые типы, способные дать фору своим уродством даже Бездельнику Финку, и виски от них воняло ничуть не меньше, чем от краснокожих. Четыре здания превратились в салуны, и дела у них, судя по всему, шли весьма неплохо — оживление внутри них царило даже сейчас, когда солнце ярко сияло с небосвода.

"Вот в чем дело, — подумал Рвач. — Вот в чем беда. Былой Карфаген остался в далеком прошлом, форт превратился в обычный речной городишко, в город салунов. Неудивительно, что никто не хочет здесь жить, когда вокруг столько речных крыс. Это город виски.

Но если это город виски, губернатор Билл должен был бы принять меня с распростертыми объятиями, а не лепетать что-то там насчет четырех бочонков".

— Если хотите, мистер Палмер, вы, конечно, можете подождать, но губернатор не сможет сегодня с вами встретиться.

Рвач сидел на скамейке рядом с штаб-квар-

тирой Гаррисона. Он заметил, что Гаррисон поменялся кабинетами со своим адъютантом. Отдал свой просторный, большой кабинет — в обмен на что? На какую-то комнатушку с глухими стенами. Зато в ней не было ни одного окна. Это кое-что да значит. Похоже, Гаррисон не хочет, чтобы люди видели его в окнах. Может, он боится попытки покушения?

Рвач просидел два часа, наблюдая за входящими и выходящими солдатами. Он старался не злиться. Гаррисон частенько выкидывал подобные фортеля, заставляя человека ждать до тех пор, пока посетитель не разозлится настолько, что, войдя в кабинет, двух слов от злости связать не сможет. Некоторые даже потерпеть толком не могли — кипя негодованием, сами уходили. А кое-кто вдруг начинал ощущать себя маленьким и незначительным, и Гаррисон легко обрабатывал такого человека. Рвачу были известны эти фокусы, поэтому он сохранял спокойствие. Но дело шло к вечеру, солдаты сдавали вахту и шли в увольнение — тут и он не выдержал.

— Что это вы делаете? — напустился он на капрала, который убирал дела в стол.

— Стол прибираю. На сегодня моя служба закончилась, — спокойно ответил капрал.

— Но я же еще здесь.

— Вы тоже можете уйти, если хотите, — пожал плечами капрал.

Этот остроумный ответ, словно пощечиной, хлестнул Рвача. Раньше местные парни только и думали, как бы подлизаться к Рвачу Палмеру. Да, времена меняются слишком быстро. Это Рвачу очень не понравилось.

— Щенок, да я тебя и твою матушку с потрохами могу купить и еще прибыль выручу с вашей продажи.

Наконец-то он достал этого задаваку. Выражение скуки мигом исчезло с лица капрала. Однако он не позволил себе сорваться или замахнуться на Рвача. Встав в подобие стойки «смирно», он вежливо ответил:

— Мистер Палмер, вы можете ждать здесь хоть всю ночь, хоть весь завтрашний день, но вы не увидите его превосходительство губернатора. Вы уже просидели под дверьми его кабинета целый день, и это еще раз доказывает, что вы слишком тупы, чтобы уловить кое-какие перемены, происшедшие в нашем городе.

Так что в проигрыше все равно остался Рвач. Разъярившись, он вскочил и ударил капрала. Вернее, даже не ударил. Скорее пнул, потому что Рвач

никогда не умел драться, как истинный джентльмен. Согласно его представлениям, настоящая дуэль заключалась в следующем: надо затаиться за скалой, подождать, пока враг пройдет, после чего пальнуть ему в спину и драпать со всех ног. Вот капрал и получил здоровенным старым башмаком прямо в коленную чашечку, отчего его нога согнулась под таким углом, под каким, по идее, не должна была сгибаться. Капрал заорал во всю глотку — и имел на это полное право. Дело было не только в боли, просто после такого пинка он уже больше не сможет нормально ходить. Наверное, Рвачу не следовало поступать с парнем так жестоко, но уж больно любил этот капрал нос задирать. Сам нарывался на добрый пинок.

Однако капрал-то оказался не один. Стоило ему вякнуть, как мигом прибежали сержант и четверо солдат. Они, как чертики из коробки, выскочили из кабинета губернатора, напоминая разъяренных ос, — штыки наготове, в глазах огонь. Двум солдатам сержант приказал отнести капрала в лечебницу, а другие два взяли Рвача под арест. Но не по-джентльменски, как это имело место четыре года назад. На этот раз приклады их мушкетов постоянно поддавали Рвачу то под зад, то под дых — как бы случайно, — а на одежде его

обрисовалось несколько отпечатков подметок, которые неизвестно как туда попали. Закончилось все тем, что Рвач оказался в тюремной камере — в самой настоящей тюремной камере, а не в кладовке, как в прошлый раз. Одежду ему оставили — а вместе с ней и множество синяков.

Да, теперь сомневаться не приходилось. Времена изменились.

Той ночью в камеру посадили еще шестерых — троих за пьянство, троих за драки. И ни один из них не был краснокожим. Рвач прислушался к разговорам. Особым умом никто из его сотоварищей по камере не отличался, поэтому Рвач слушал и ушам своим не верил. Ни слова не было произнесено о том, чтобы набить морду какому-нибудь краснокожему, ни слова о том, чтобы порезвиться с дикарскими скво. Такое впечатление, краснокожие в окрестностях Карфагена вымерли.

Хотя, может, и так. Может, краснокожие взяли и дружно снялись с этих мест, но разве не этого добивался губернатор Гаррисон? Теперь, когда краснокожие бежали, почему Карфаген-Сити не процветает, почему сюда не едут белые поселенцы?

Намек на ответ Рвач получил, когда один из

забияк сказал:

— Похоже, до следующего налогового сезона работы у меня не предвидится.

Остальные дружно заулюлюкали.

— Должен сказать, я ничуть не возражаю работать на правительство, но какая-то это непостоянная работенка.

Рвач предпочел не уточнять, что они имели в виду. Зачем привлекать к себе лишнее внимание? Ему не хотелось, чтобы по округе пошли слухи о том, что, проведя ночь в тюрьме, он вышел весь избитый. Стоит таким слухам разойтись, как все сразу сочтут, что он решает вопросы исключительно своими кулаками, а Рвачу не хотелось начинать жизнь заново, приобретя репутацию обычного уличного забияки. Да и возраст уже не тот.

Утром за ним пришли солдаты. Другие, не те, что вчера, и эти уже не стали размахивать во все стороны ногами и прикладами. Они вывели Рвача из тюрьмы, и тот наконец-то предстал перед светлыми очами Билла Гаррисона.

Но встреча произошла не в кабинете. Рвача привели в личный губернаторский особняк, вернее, в его подвал. И очень странно его туда привели. Солдаты — наверное, дюжина, не мень-

ше — спокойненько маршировали вокруг дома, как вдруг, повинуясь невидимому сигналу, один из них кинулся к подвальной дверце, распахнул ее, а двое других поволокли Рвача вниз по ступенькам. Подвальная дверь с громким стуком захлопнулась, чуть не разбив им головы, а в это время все остальные солдаты исправно маршировали, делая вид, будто ничего особенного не произошло. Подобная спешка Рвачу крайне не понравилась. Она означала, что Гаррисон не хочет, чтобы кто-нибудь видел, как они с Рвачом встречаются. А стало быть, разговор предстоит не из легких, потому что Гаррисон всегда может заявить, что они вообще не виделись. Нет, *солдаты*, конечно, знают об этой встрече, но также им известно и о неком капрале, у которого прошлым вечером колено выгнулось наоборот. Вряд ли они станут выступать в защиту Рвача Палмера.

Гаррисон, впрочем, ничуть не изменился. Улыбнувшись и пожав Рвачу руку, он хлопнул торговца по плечу:

— Ну, как поживаешь, Рвач?

— Бывало лучше, губернатор. Как твоя жена? И малыш?

— Здорова, здорова, на лучшее и надеяться нельзя, тем более если вспомнить, что она насто-

ящая леди, а вынуждена жить в подобной глуши. А мальчишка, он настоящий солдат, мы даже сшили ему маленький мундирчик, посмотрел бы ты, как малец вышагивает на параде.

— После таких разговоров я сам начинаю подумывать, а не обзавестись ли и мне семьей.

— Рекомендую от всего сердца. Ой, Рвач, чего это я? Ты садись, садись вот сюда.

Рвач сел:

— Спасибо, Билл.

Гаррисон удовлетворенно кивнул:

— Рад тебя видеть, столько времени прошло…

— Я-то хотел увидеться с тобой еще вчера, — намекнул Рвач.

— Ну, дела, дела, — печально улыбнулся Гаррисон. — Разве мои парни не сказали тебе, что у меня сейчас очень плотное расписание?

— Однако раньше ты всегда выкраивал для меня минутку-другую, Билл.

— Ну, бывают дни, когда просто не продохнуть. Я действительно был очень занят, что я могу с этим поделать?

Рвач покачал головой:

— Ладно, Билл, давай заканчивать с враками, мы достаточно накормили друг друга всякой брехней. То, что произошло, было частью плана.

И план этот был придуман не мной.

— О чем ты говоришь, Рвач?

— Я говорю, может, тот капрал вовсе не хотел, чтобы ему ломали ногу. Просто у меня такое чувство, что в его обязанности входило заставить меня затеять Драку.

— В его обязанности входило следить за тем, чтобы меня никто не беспокоил, Рвач. И никакого другого плана у меня не было. — Лицо Гаррисона внезапно погрустнело. — Рвач, должен сказать, ты вляпался в крутую передрягу. Ты напал на офицера армии Соединенных Штатов.

— Капрал — это не офицер, Билл.

— Пойми, Рвач, я бы и сам хотел отправить тебя на суд в Сасквахеннию. Там есть законники, жюри и так далее. Но суд должен состояться *здесь*, а члены местного жюри не очень-то милостиво относятся к заезжим, которые взяли в привычку ломать капралам колени.

— Хорошо, предположим, с угрозами мы закончили. Теперь скажи, что тебе от меня нужно на самом деле.

— На самом деле? Я не прошу ни о каком одолжении, Рвач. Я просто проявляю беспокойство о своем друге, у которого неприятности с законом.

— Должно быть, то, чего ты от меня добива-

ешься, действительно мерзко, иначе ты бы меня просто подкупил, вместо того чтобы запугивать. Это, наверное, нечто такое, что, по твоему мнению, я не пожелаю исполнить, если только не буду запуган до смерти. И вот сейчас я пытаюсь представить, что же за мерзость ты измыслил, за которую, как ты считаешь, я не возьмусь. Признаюсь, список моих предположений не так уж велик, Билл.

Гаррисон покачал головой:

— Рвач, ты меня не понял. Абсолютно не понял.

— Город умирает, Билл, — ответил Рвач. — Все твои планы сорвались. И мне кажется, это произошло потому, что ты наделал массу глупостей. Похоже, краснокожие начали уходить — а может, все вымерли, — и ты совершил глупейшую ошибку. Ты попытался вернуть деньги, продать пропадающее спиртное и созвал сюда отребье земли, самые худшие отбросы белого человека, речных крыс, некоторые из которых переночевали на пару со мной в тюрьме. Ты воспользовался их услугами для сборов налогов, да? Фермеры не любят налоги. И в особенности не любят, когда налоги эти собирает всякая шваль да мразь.

Гаррисон налил в бокал виски на три пальца и

одним глотком выпил половину.

— Ты потерял своих пьяниц краснокожих, лишился фермеров, и теперь у тебя остались лишь солдаты, речные крысы и те деньги, которые ты умудрился спереть у армии Соединенных Штатов, вопя о поддержании мира на западе.

Гаррисон допил виски и громко рыгнул.

— Тебе не везло, ты вел себя крайне глупо, а теперь вдруг решил, что сможешь заставить старину Рвача вытащить тебя из той глубокой дыры, в которую ты сам угодил.

Гаррисон плеснул в бокал еще виски. Но вместо того чтобы выпить, он размахнулся и швырнул стакан в лицо Рвачу. Виски огнем ожгло глаза, бокал больно ударил прямо в лоб, и через мгновение Рвач уже катался по полу, пытаясь выцарапать разъедающее глаза спиртное.

Однако вскоре он снова сидел в кресле, прижимая к своему лбу кусок смоченной в холодной воде тряпки, присмирев и поутихнув. У него не было иного выхода — у Гаррисона на руках был «флэш», а у него — всего лишь две пары. Сначала выберемся отсюда живыми, а там посмотрим, правильно?

— Глупостей я не делал, — сказал Гаррисон.

«Нет, конечно, нет, ты самый умный губерна-

тор за все времена Карфагена, я удивлен, что ты еще не король». Так бы ответил ему Рвач. Но он держал пасть закрытой.

— Это все Пророк. Тот краснокожий, поселившийся на севере. Он построил свой городок на берегу Воббской реки, прямо напротив Церкви Вигора, — вряд ли это случайное совпадение. Здесь видна рука Армора, вот кто во всем виноват. Он пытается отнять у меня Воббскую долину и использует для этого *краснокожего*. Я знал, что краснокожие толпами валят на север, все знали это, но у меня оставались мои домашние дикари, те, которые еще не вымерли. А когда краснокожих стало поменьше — в особенности когда ушли все шони, — я только обрадовался, подумав, что теперь ко мне будет приезжать больше поселенцев. И ты ошибся насчет моих сборщиков налогов. Это не они распугали поселенцев. Это все Такумсе.

— Я было подумал, что это все Пророк.

— Кончай здесь язвить, Рвач, нынче у меня терпение не то, что раньше.

«Почему ты не предупредил меня об этом, до того как швырнул бокалом? Нет, нет, нельзя злить его».

— Извини, Билл.

— Такумсе стал хитрым. Он не убивает бледнолицых. Он всего лишь заявляется на фермы, приводя с собой полсотни шони. Нет, никто ни в кого не стреляет, просто когда возле твоего дома появляется пятьдесят дикарей в военной раскраске, вряд ли ты сочтешь умным палить почем зря. Ничего не остается делать, кроме как сидеть дома и смотреть на шони, которые открывают загоны, двери сараев, курятников. И выгоняют животных. Лошадей, свиней, коров, кур. А потом, подобно Ною, ведущему животных на ковчег, краснокожие уходят в лес, и весь скот послушно трусит за ними. Вот так. И больше этих животных никто не видит.

— Не может быть, какая-то часть стада должна непременно отбиться и вернуться домой.

— Уходят все животные до единого. Даже следов не остается. Даже куриного перышка потом не найти. Вот что пугает фермеров. Они знают, что в любой день весь их скот может бесследно испариться.

— Шони что, едят их? У курицы мозгов не хватит прожить в лесах. Вот лисы, наверное, радуются, у них там, должно быть, пир горой.

— Почем мне знать? Ко мне приходят фермеры, говорят: «Верните животных или убейте красно-

кожих, которые их увели». Но ни мои солдаты, ни мои следопыты — никто не может найти, где обитают люди Такумсе. Мы вообще ни одной ихней деревни не нашли! Я было потрепал каскаскио, чье поселение находится на Малой Май-Амми, но только краснокожих меньше стало, а Такумсе как пиратствовал, так и пиратствует.

Рвач мог себе представить, как Гаррисон «потрепал» каскаскио. Старики, женщины, дети — всех их перебили и сожгли. Рвач знал, какими методами Гаррисон разбирается с краснокожими.

— А в прошлом месяце к нам пожаловал Пророк. Я знал о его прибытии — даже в стельку пьяные краснокожие только об этом и говорили. Пророк, мол, идет. Надо пойти посмотреть на Пророка. Ну, я попытался выяснить, где он появится, где будет держать речь, даже подначил нескольких своих одомашненных краснокожих пошпионить для меня, но все впустую. Рвач. Ничего. Никто не знал. Но в один прекрасный день весь город словно забурлил — Пророк здесь. Где? Пойдем, Пророк пришел. Но никто не сказал, куда он пришел. Клянусь, эти краснокожие понимают друг друга без слов, им вовсе не обязательно вслух говорить.

— Билл, у тебя вообще шпики остались? Я начинаю подумывать, что ты потерял свою хватку.

— Шпики? Да я сам туда пошел, как насчет этого? И знаешь почему? Такумсе прислал мне приглашение. Чтоб никаких солдат, никаких ружей, я один.

— И ты *пошел*? Он мог схватить тебя и…

— Он дал свое слово. Такумсе, может, и краснокожий, но слово он держит.

Рвач про себя ухмыльнулся. Гаррисон, человек, который гордился тем, что не сдержал ни единого обещания, данного краснокожему, полагался на слово Такумсе. Хотя он же вернулся, вернулся живым и здоровым. Стало быть, слово Такумсе нерушимо.

— В общем, я принял приглашение. Там, должно быть, собрались все краснокожие из окрестностей Май-Амми. Их тысяч десять набежало, не меньше. Старое заброшенное кукурузное поле так ими и кишело — а таких полей в наших краях теперь хватает, за это следует поблагодарить Такумсе. Были б у меня с собой пара пушек да сотня солдат, я бы раз и навсегда покончил с этими краснокожими.

— Жаль, что у тебя не было пушек, — посочувствовал Рвач.

— Такумсе хотел, чтобы я прошел в первые ряды, но я не согласился. Я пристроился в сторонке и стал слушать. Пророк поднялся, забрался на старый пень в поле и начал говорить. Он говорил и говорил…

— И ты его понимал? Ты ж не знаешь шони.

— Он говорил по-английски. Рвач. Слишком много племен собралось на том поле, а единственный язык, который немножко понимает каждый краснокожий, — это английский. Конечно, иногда он переходил на свою дикарскую мумбу-юмбу, но в основном речь была на английском. Он говорил о судьбе краснокожего человека. О том, что краснокожие должны держаться подальше от бледнолицей заразы. О том, что все должны жить в мире и занимать свой уголок земли: бледнолицые — свой, краснокожие — свой. О том, что надо построить город — хрустальный город, как он сказал. Это было очень смешно, потому что краснокожие даже сарай толковый построить не могут, представляю, что они натворят на строительстве города из хрусталя! Но чаще всего он поминал спиртное. Мол, нельзя его пить. Ни капли. Надо отказаться от него, совсем отказаться. Огненная вода — это оковы белого человека, оковы и кнут, оковы, кнут и нож. Сначала

он закует тебя в цепи, потом станет избивать, после чего убьет, выпивка убьет. А затем придет бледнолицый и украдет твою землю, уничтожит ее, изгонит жизненные силы, умертвит, сделает бесполезной.

— Похоже, Билл, этот Пророк произвел на тебя немалое впечатление, — заметил Рвач. — По-моему, ты наизусть выучил его речь.

— Наизусть? Он три часа кряду болтал. Говорил о видениях прошлого, о видениях будущего. Твердил о… Рвач, это было настоящее *сумасшествие*, но краснокожие лакали его слова, как, как…

— Как виски.

— Да, как виски, только его речь заменила им спиртное. И все они ушли вместе с ним. Почти все. Остались лишь самые горькие пьяницы, которые должны были вскоре умереть, мои прирученные краснокожие и несколько диких племен, что живут на Гайо.

— И куда ж они пошли?

— В Град Пророка! Вот что убивает меня, Рвач. Все они направились в Град Пророка, который находится прямо напротив Церкви Вигора, на другом берегу реки. Так ведь все белые поселенцы тоже валом валят туда! Ну не совсем туда, но в те земли, которые имеются на картах этого Армора

чертова Уивера. Говорю тебе, Рвач, они все сговорились. Такумсе, Армор Уивер и Пророк.

— Может быть.

— А ведь этот самый Пророк бывал у меня в кабинете сотни, тысячи раз, вот что хуже всего. Я мог убить его и избавить себя от стольких беспокойств, но кто ж мог знать, кто мог знать?

— Ты знаком с Пророком?

— Будто бы ты с ним не знаком.

— Я не так много краснокожих знаю в лицо, Билл.

— А если я скажу тебе, что у него всего один глаз?

— Это что, Лолла-Воссики?

— Он самый, собственной персоной.

— Этот одноглазый пьяница?

— Клянусь именем Господа, Рвач. Теперь он зовет себя Тенскватава. Это означает «открытая дверь» или что-то вроде. Ох как бы мне хотелось прикрыть эту дверцу! Надо было убить его, пока была такая возможность. Но когда он убежал, я подумал… ну ты ж знаешь, он убежал, стащил бочонок и удрал в леса…

— Я был здесь той ночью и помогал искать его.

— В общем, когда он не вернулся, я решил, что он, наверное, упился до смерти и издох. Но

вдруг он объявляется жив-здоров и рассказывает краснокожим, как он, бывало, пил, но потом Бог послал ему видения, и с тех пор он не выпил ни глотка.

— Пускай Господь и мне пошлет видения, я тоже брошу пить.

Гаррисон снова отхлебнул виски. На сей раз прямо из графина, потому что бокал валялся на полу в другом углу комнаты.

— Такова моя проблема, Рвач.

— Вижу, у тебя не одна, а множество проблем, Билл, и, признаться, не понимаю, какое отношение эти проблемы имеют ко мне. Если, конечно, ты не шутил, когда передал через интенданта, что тебе понадобятся всего четыре бочонка виски.

— Да нет, Рвач, дело не только в этом. У меня есть к тебе еще кое-что. Я не проиграл. Пророк забрал моих краснокожих, Такумсе распугал моих поселенцев, но я так легко не сдамся.

— Да, ты не из тех, кто сразу ложится лапками кверху, — подтвердил Рвач.

«Ты самая злобная, самая коварная змеюка из всех, что я видел, но бьешься ты до последнего». Вслух он, конечно, этого не сказал, потому что Гаррисон мог не так понять его — хотя для Рвача подобная характеристика была высшей похва-

лой. Такие люди ему по душе.

— Дело весьма просто — Такумсе и Пророк. Я должен убить их. Нет, нет, беру свои слова обратно. Я должен *разбить* их и потом убить. Я должен опозорить их, осрамить у всех на глазах, сделать из них дураков, а уж потом убить.

— Отличная мысль. Я бы сделал пару-другую ставок на тебя.

— Конечно, я в этом не сомневаюсь. Но я не могу просто так натравить своих солдат на Град Пророка, потому что Армор, который живет прямо напротив, в Церкви Вигора, будет путаться у меня под ногами. Может, даже призовет на помощь армейское подразделение из форта Уэйн. Или подаст прошение, чтобы мои полномочия сняли. Он что-нибудь придумает. Поэтому я должен устроить все так, чтобы жители Церкви Вигора, чтобы все поселенцы Воббской долины сбежались ко мне и стали умолять избавить их от краснокожих.

Теперь Рвач наконец-то понял, о чем идет речь.

— Ты хочешь устроить провокацию.

— Именно, Рвач. Умненький мальчик. Я хочу, чтобы несколько краснокожих отправились на север, учинили там какой-нибудь погром, а по-

том сказали всем, что это Такумсе и Пророк их науськали. Пускай свалят все на эту парочку.

Рвач кивнул:

— Понятненько. Но угоном коров или подобной мелочью здесь не обойтись. Нет, чтобы заставить северных поселенцев во всю глотку требовать крови краснокожих, надо учинить что-нибудь особенно мерзостное. Например, похитить детей, запытать их до смерти, а затем вырезать у них на спинах имя Такумсе и подбросить туда, где трупы быстро найдут. Что-нибудь вроде этого надо придумать.

— Нет, ну так далеко я не пойду. Я не стану предлагать столь ужасные вещи. По сути дела, я вообще никаких инструкций не хочу давать. Просто прикажу сотворить что-нибудь такое, от чего поселенцы на севере поднимутся на дыбы, а потом распространю слух, что это дело рук Такумсе.

— Но ты не особенно удивишься, если дело закончится насилием и пытками.

— Я не хочу, чтобы пострадали женщины, Рвач. Это обсуждению не подлежит. Чтобы пальцем их не трогали.

— Справедливо, очень справедливо, — согласился Рвач. — Значит, дети. Мальчики.

— Как я уже сказал, подобный приказ я лично никогда не отдам.

Рвач тихонько кивнул, обдумывая его слова. Может быть, сам Гаррисон такого приказа и не отдаст, но он же не призывает Рвача следовать своему примеру.

— И разумеется, краснокожие должны быть не местные, да, Билл? Потому что в этих краях никого не осталось, а твои одомашненные дикари — самая бесполезная шваль, которая когда-либо появлялась на белый свет.

— Во многом ты прав.

— Значит, тебе нужны краснокожие с юга. Краснокожие, которые еще не слышали проповедей Пророка и которыми по-прежнему руководит страсть к виски. Краснокожие, у которых хватит мозгов правильно исполнить работу. Краснокожие, которых ведет жажда крови, которые будут убивать детей медленно, очень медленно. И мой груз тебе требуется в качестве взятки.

— Где-то так, Рвач.

— Договорились, Билл. Сними с меня обвинения и получишь бесплатно всю выпивку, что я привез. Только дай мне немножко денег, чтобы заплатить работникам, иначе они меня прирежут по пути домой. Надеюсь, я не много прошу?

— Понимаешь, Рвач, это еще не все…

— Но, Билл, это все, чем я могу тебе помочь.

— Я не могу сам попросить их об этом, Рвач. Я не могу лично направиться к крикам или чоктавам и просить их об этой услуге. Это должен быть кто-то другой. Это должен быть человек, про которого, если все выплывет наружу, я могу сказать: «Нет, ничего подобного я ему не поручал. Он использовал собственное виски, а я представления не имел, зачем оно ему понадобилось».

— Билл, я понимаю тебя, но твои догадки оказались правильными. Ты действительно умудрился отыскать нечто настолько низкое и отвратительное, что я не хочу иметь к этому никакого отношения.

Гаррисон бросил на него сердитый взгляд:

— Нападение на офицера карается в этом форте повешением, Рвач. Неужели я не упоминал об этом?

— Билл, я лгал, обманывал, иногда убивал, чтобы стать первым в этом мире. Но одного я не делал никогда. Я никогда не подкупал никого, никого не просил выкрасть маленьких ребятишек и запытать их до смерти. Честно говорю, я никогда этого не делал и никогда этого не сделаю.

Гаррисон внимательно изучил лицо Рвача и

увидел, что тот не врет.

— Ну подумать только. Я и вправду умудрился отыскать столь отвратительный грех, что даже Рвач Палмер никогда не совершит его. Даже под угрозой смертной казни.

— Ты не посмеешь убить меня, Билл.

— Посмею, Рвач, еще как посмею. И тому будут две причины. Во-первых, ты не удовлетворил мою просьбу. И во-вторых, ты слышал мою просьбу. Ты мертвец, Рвач.

— Вот и ладно, — кивнул Рвач. — Только веревку возьми покрепче. Виселицу построй повыше, чтоб лететь было футов двадцать. Я хочу, чтобы мое повешение запомнили надолго.

— Мы тебя вздернем на суку и веревку будем тянуть очень медленно, чтобы ты задохся, а не сломал себе шею.

— Ну, это тоже запомнится надолго, — пожал плечами Рвач.

Гаррисон позвал нескольких солдат и приказал водворить Рвача обратно в тюрьму. На этот раз они снова отрабатывали на нем пинки и тычки, так что к старым синякам добавились еще несколько фиолетовых пятен, а одно ребро, похоже, вообще сломали.

Но времени у него было в обрез.

Немножко успокоившись, он лег на пол камеры. Пьяниц уже выпустили, но трое забияк до сих пор валялись на тюремных койках. Свободным оставался лишь пол, но Рвач ничуть не возражал. Он знал, Гаррисон даст ему пару-другую часов подумать над предложением, после чего выведет из камеры, накинет на шею петлю и вздернет его на дереве. Он сколько угодно может притворяться, будто дает Рвачу последний шанс, — все это враки, потому что теперь он не верит Рвачу. Рвач ответил ему отказом, поэтому теперь Гаррисон уже не доверит ему выполнение задания, а значит, не выпустит.

Что ж. Рвач намеревался с умом использовать отпущенное ему время. Начал он весьма просто. Закрыв глаза, он чуточку разогрел себя изнутри. Создал искру. А затем послал эту искру наружу. Так обычно поступают перевертыши, отправляя жучка под землю, чтобы видеть его глазами. Он позволил искре полетать в воздухе и вскоре нашел, что искал. Дом губернатора Билла. Его искра улетела слишком далеко, поэтому точно попасть он вряд ли сможет. Да и цель слишком велика. Вместо этого он вызвал ярость, гнев и боль, скопившиеся внутри, и стал раздувать их — ярче, ярче, ярче. Он зашел так далеко, как не

заходил никогда в жизни, и нагонял жар до тех пор, пока не услышал крик, которого с огромным нетерпением ждал:

— Пожар! Пожар!

Вопли доносились снаружи, издалека, но все больше голосов подхватывало крик. Раздались ружейные выстрелы — сигнал тревоги.

Трое забияк также услышали их. В панике они соскочили с коек и подбежали к двери, один из них даже прошелся по лежащему на полу Рвачу. Вцепившись в решетки, они принялись трясти их и орать:

— Выпустите! Выпустите нас! Сначала выпустите, а потом бегите тушить этот чертов огонь! Мы ж здесь заживо изжаримся!

Рвач и не заметил, что на него наступили, — одним синяком больше, одним меньше. Он лежал не двигаясь, снова создавая искру, но на этот раз он нагревал металл внутри замка камеры. Теперь цель была совсем рядом, поэтому искра горела гораздо жарче.

Наконец появился какой-то солдат, сунул ключ в замок, повернул и отпер решетки.

— Вы, парни, выходите, — приказал он. — Сержант приказал выпустить вас, нам может понадобиться помощь в тушении пожара.

Рвач с трудом поднялся на ноги, но охранник швырнул его обратно в камеру. Рвач вовсе не удивился. Собравшись с силами, он поддал жара в искру, да так, что железо замка расплавилось. Даже заалело чуть-чуть. Охранник захлопнул дверь и потянулся к ключу. К этому времени тот так раскалился, что чуть не прожег руку насквозь. Солдат выругался и попытался ухватить ключ полой мундира, но Рвач не терял времени даром. Что было сил он ударил ногой по двери, сшибая охранника на пол. Наступив ему на лицо, Рвач как следует приложил солдата каблуком по голове, вероятно сломав ему шею. Но с точки зрения Рвача, это было не убийство. В своих глазах он поступил по справедливости, потому что охранники хотели бросить его запертым в камере, чтобы он сгорел заживо.

Рвач не спеша вышел из тюрьмы. Внимания на него никто не обратил. Особняк отсюда виден не был, зато хорошо был заметен огромный столб дыма. Небо почернело в преддверии дождя, низкие тучи нависли над землей. Возможно, надвигающийся ливень не даст крепости сгореть дотла. Но Рвач надеялся на обратное. Он надеялся, что от форта не останется и головешки. Одно дело убивать краснокожих, против этого Рвач ничего

не имел, здесь он и Гаррисон шли бок о бок. Убивай их выпивкой, если можешь, если не можешь, то пулями. Но поселенцев убивать нельзя, и тем более недопустимо нанимать краснокожих, чтобы те до смерти запытали каких-нибудь фермерских ребятишек. Может, Гаррисону было все равно. Может быть, ему эти детишки казались солдатами, которым придется погибнуть в войне с краснокожими, — ну и что, что солдатам этим и двадцати не исполнилось? Все ведь делается на благо страны, не правда ли? Может, Гаррисон принимал такой ход мысли, но Рвач принять его не мог. Честно говоря, он и сам такого от себя не ожидал. Оказывается, он куда больше похож на Эндрю Джексона, чем считал раньше. Он видел черту, через которую переступать нельзя. В отличие от Гикори, он провел ее несколько дальше, но все же провел. И он скорее бы умер, нежели переступил через нее.

Разумеется, он не собирался умирать, пока в нем еще оставались силы. Через ворота крепости ему будет не пройти, вереница людей, передающих друг другу ведра с водой, протянулась до самого берега, и его наверняка заметят. Легче будет перебраться через стену. Солдаты сейчас не особенно смотрят по сторонам. Он вскарабкался

на частокол и тяжело плюхнулся на землю по другую сторону забора. Никто его не видел. Углубившись на десять ярдов в лес и постаравшись забыть про боль в ребрах и слабость, которую обычно вызывали упражнения с огнем, он принялся пробираться сквозь заросли к берегу реки.

Из леса он вышел с другой стороны пристани. Прямо перед ним стояла его баржа, по-прежнему доверху нагруженная бочонками с виски. Собравшиеся на берегу работники, обмениваясь мнениями, наблюдали за пожарной бригадой, вычерпывающей воду тридцатью ярдами выше по течению. Рвача ничуть не удивило, что его парни не присоединились к тушению пожара. Они не относились к тому типу людей, которые проповедуют чувство локтя.

Рвач прошмыгнул на пристань и, махнув своим парням рукой, спрыгнул на баржу. Пошатнувшись и заскрипев зубами от боли и слабости, он обернулся, чтобы поведать работникам, что произошло и почему надо побыстрее валить отсюда. Однако за ним никто не последовал. Они все еще толпились на берегу и тупо глазели на него. Он снова махнул своим парням, но они и шагу в его направлении не сделали.

Что ж, придется уплывать без них. Он уже

направился к веревке, чтобы отвязать ее и оттолкнуть багром баржу, когда вдруг понял, что не все работники остались на берегу. Одного человека среди них не было. И Рвач сразу догадался, где сейчас находится этот человек. На барже, за его спиной. Он вытягивает свои огромные руки, чтобы…

Бездельник Финк редко прибегал к ножу. Нет, конечно, он без малейших раздумий ткнул бы противника ножом, если бы пришлось, просто он предпочитал убивать голыми руками. Говоря об убийстве ножом, он обычно приводил в сравнение шлюху и палку от метлы. Как бы то ни было, Рвач понял, что ножа можно не опасаться. И что конец будет долгим. Гаррисон, наверное, знал, что Рвач может сбежать, поэтому подкупил Бездельника Финка, и теперь Финк убьет его.

Убьет медленно, но верно. А значит, у Рвача будет время. Время, чтобы умереть не одному.

На его шее сомкнулись пальцы, сомкнулись и сдавили так сильно, что Рвач белого света не взвидел, он даже не подозревал, что в одном человеке может быть столько силы. Гигантские руки встряхнули его, чуть не оторвав голову, но он все-таки успел выпустить искру на поиски того самого, особенного бочонка. Он знал, где

находится бочонок, надо было только разогреть его посильнее, пожарче, еще жарче, еще…

Он ждал взрыва, ждал яркой вспышки, но ее все не было и не было. Пальцы Финка прижали его кадык к самому позвоночнику, он чувствовал, как мускулы поддаются под давлением, он начал пинаться, его легкие отчаянно пытались втянуть воздух, который почему-то отказывался идти, но бочонок он нагревал до самой последней секунды, ожидая, что порох вот-вот взорвется.

А затем он умер.

После того как Рвач умер, Бездельник Финк держал его в воздухе еще целую минуту — видимо, ему нравилось, как в сильных пальцах болтается мертвое тело. Трудно сказать что-либо определенное насчет Бездельника Финка. Поговаривали, что, когда он в хорошем настроении, милее человека не сыскать. Сам Бездельник был о себе такого же мнения. Ему *нравилос*ь быть милым, иметь друзей, опрокидывать вместе с ними стопочки. Но когда дело доходило до убийства — ну, это ему тоже нравилось.

Но нельзя ж вечно цепляться за труп. Кто-нибудь обязательно начнет жаловаться, кого-нибудь стошнит. Поэтому он швырнул тело Рвача в воду.

— Дым, — ткнув пальцем, указал один из работников.

И в самом деле из груды бочонков показался какой-то подозрительный дымок.

— Это ж порох! — заорал кто-то.

Как они припустили, спасаясь от взрыва! Бездельник Финк чуть животики со смеху не надорвал. Подойдя к куче, он принялся расшвыривать бочонки, выкидывая их на пристань, пока не добрался до самой середины и не обнаружил источник дыма. Этот бочонок он трогать руками не стал. Подцепив его носком башмака, он катнул бочку к краю баржи на всеобщее обозрение.

К тому времени работники начали постепенно возвращаться, чтобы посмотреть, что происходит. Судя по всему, Бездельник Финк взрываться не собирался.

— Нож, — крикнул Бездельник, и один из парней швырнул ему тесак, который носил в ножнах на поясе.

Потребовалось несколько добрых ударов, прежде чем крышка наконец слетела, выпустив в небо огромное облако пара. Вода, что содержалась внутри бочонка, кипела.

— Так значит, это не порох был вовсе? — спросил один из работников. Не самый умный, хотя

речные крысы своим умом никогда не славились.

— Когда Рвач его сюда поставил, порох в нем был, можете не сомневаться, — уверил Бездельник. — Там, в Сасквахеннии. Но вы ж не думаете, что Бездельник Финк будет спускаться по Гайо на одной барже с бочонком пороха, из которого к тому же торчит фитиль, а?

Затем Бездельник прыгнул с баржи на пристань и заревел во всю мощь своей глотки, так что даже обитатели форта его услышали, а пожарная бригада и вовсе прекратила работу:

— Запомните, парни, меня зовут Бездельник Финк, я самый хитрый, самый коварный сын аллигатора, когда-либо откусывавшего голову бизону! На завтрак я ем человечьи уши, а на ужин закусываю медвежьими, и, когда меня мучит жажда, я способен выпить Ниагарский водопад. Когда я ссу, народ хватает лодки и плывет по течению пятьдесят миль, а когда сру, французы набирают воздух в склянки и продают как духи. Я — Бездельник Финк, это моя баржа, и после того как вы, жалкие уроды, поможете потушить пожар, каждому из вас найдется по пинте дармового виски.

Затем Бездельник Финк и его помощники при-

соединились к пожарной бригаде. Пожар почти затухал, когда с неба закапал дождь, заливая дымящееся пепелище.

Тот вечер, тогда как солдаты пили виски и распевали песни, Бездельник Финк провел трезвехоньким, как стеклышко. Наконец-то он стал торговцем виски, наконец-то у него появилось собственное дело. Только один из работников баржи остался рядом с ним, молоденький паренек, который искренне восхищался Финком. Юноша долго вертел в руках бикфордов шнур, который когда-то был вставлен в бочонок с порохом.

— Но фитиль ведь никто не зажигал, — наконец сказал он.

— Неа, — согласился Бездельник Финк.

— Тогда почему вода закипела?

— Видно, у старины Рвача в рукаве была припрятана парочка фокусов. Видно, тот пожар в форте именно он и начал.

— Ты знал это, да?

Финк покачал головой:

— Да не, повезло просто. Мне просто везет. Я умею чувствовать, как, например, почувствовал тот бочонок с порохом, а затем делаю то, что кажется правильным.

— Это как дар у тебя?

В ответ Финк поднялся и стянул штаны. На его левой ягодице красовалась огромная шестигранная татуировка, выглядящая весьма зловеще.

— Это моя мама наколола, когда мне и месяца не было. Сказала, что это сохранит меня и я проживу долгую жизнь.

Затем он повернулся и показал пареньку другую ягодицу.

— А это, по ее словам, поможет мне сколотить деньжат. Я не знаю, как это работает, а она умерла, так ничего и не объяснив, но, насколько мне известно, эта штука несет удачу. Благодаря ей я всегда заранее знаю, как правильно поступить. — Он ухмыльнулся. — Вот добыл себе баржу и груз виски.

— А губернатор действительно даст тебе медаль за то, что ты убил Рвача?

— Ну, вроде обещал. За то, что я поймал его.

— Что-то не похоже, чтобы губернатор чересчур печалился о смерти Рвача.

— Ну да, — кивнул Финк. — Конечно, не похоже. Мы теперь с губернатором добрые друзья. Он говорит, у него есть одна работенка для меня, которую может выполнить только такой человек, как я.

В глазах восемнадцатилетнего мальчишки

промелькнуло искреннее обожание.

— А я тебе смогу помочь? Можно, я пойду с тобой?

— А ты когда-нибудь дрался?

— Дрался, и много!

— А ухо кому-нибудь откусывал?

— Нет, но однажды я вырвал человеческий глаз.

— Глаз — легко. Он мягкий.

— И так вдарил лбом одному, что тот сразу пяти зубов лишился.

Финк пару секунд поразмыслил. Затем усмехнулся и кивнул:

— Конечно, парень, можешь отправляться со мной. Поверь, скоро в окрестностях за сотни миль не найдется такого мужика, бабы или малыша, которые бы не слышали моего имени. Ты сомневаешься в этом, парень?

Юноша не сомневался.

Утром Бездельник Финк и его команда оттолкнули баржу от южного берега Гайо. На нее была загружена повозка, несколько мулов и восемь бочонков с виски. Надо было провернуть кое-какую сделку с краснокожими.

Днем губернатор Уильям Гаррисон похоронил обугленные останки своей второй жены и ребен-

ка. Благодаря несчастливой случайности мать и сын вместе находились в детской, готовились к параду, примеряя нарядный мундир, когда в комнате вдруг взорвался огненный шар.

Огонь в доме губернатора породила не человеческая рука, пожар отнял у Гаррисона то, что любил он больше всего на свете, и никакая сила на земле не могла вернуть ему потерянное.

Глава 7
ПЛЕННИКИ

Элвин-младший никогда не ощущал себя маленьким мальчиком — за исключением тех случаев, когда ему приходилось забираться на спину большой старой кобылы. Нельзя сказать, что он был неопытным ездоком, — он и лошади достаточно неплохо уживались друг с другом, они не сбрасывали его на землю, а он никогда не хлестал их кнутом. Просто он не любил, когда ноги его беспомощно болтаются в воздухе. Поскольку поездка предстояла долгая и ехать нужно было в седле, стремена подняли так высоко, что пришлось проколоть несколько новых дырок в ремнях. Эл с нетерпением ждал того дня, когда он станет взрослым мужчиной. Ему не раз говорили, что выглядит он не по годам взрослым, но это ничего не меняло в воззрениях Элвина. Когда тебе всего десять лет, ты все равно останешься малышом, каким бы большим тебя ни называли.

— Мне это очень не нравится, — заявила Вера Миллер. — Вокруг краснокожие бродят, а мальчикам придется ехать по лесам…

Мама всегда переживала по пустякам, но сегодня у нее имелись очень весомые причины для волнения. Всю жизнь с Элом случались какие-то неприятности. Все всегда заканчивалось хорошо, но беды ходили за ним как привязанные. Несколько месяцев назад одна такая «неприятность» чуть не закончилась весьма трагически — ему на ногу упал мельничный жернов, концы кости пронзили кожу. На рану смотреть было страшно. Все считали, что Элвин умрет, да он и сам уже не надеялся выжить. Смерть была неминуема. Несмотря на то что он обладал необходимой силой, чтобы исцелить себя.

Просто с тех самых пор, как к нему в комнату явился Сияющий Человек, Эл никогда не использовал свой дар для себя. Вырубить жернов для отца — это другое дело, потому что мельница поможет всем. Ему всего-то надо было пробежать пальцами по поверхности камня, прочувствовать его, найти потаенные места, где гранит сразу расколется, а затем сделать все так, чтобы камень раскололся по образу жернова, — и скала беспрекословно следовала его желаниям. Но никогда, никогда он не применит свой дар себе в выгоду.

Когда жернов сорвал с его ноги кожу и переломал кости, практически никто не сомневался,

что мальчика ждет смерть. Кроме того, Эл еще ни разу не пользовался своим даром, чтобы исцелить кого-либо, он даже не стал бы пробовать, если б не старый Сказитель. Сказитель спросил его: «Почему ты сам не излечишь свою ногу?» И Эл рассказал ему то, что никогда и никому не рассказывал, — историю о Сияющем Человеке. Сказитель сразу поверил ему, он не счел Элвина сумасшедшим, не подумал, что мальчик просто бредит. Он заставил Эла вспомнить, подумать как следует и вспомнить, что в точности произнес Сияющий Человек. И когда Эл вспомнил, до него вдруг дошло, что это он сам отказался от использования дара себе на благо, а Сияющий Человек всего лишь сказал: «Расставь все по своим местам. Верни целостность».

Вернуть целостность. Разве его нога не была частью природы, которой следовало вернуть целостность? Вот он и излечил ее, излечил как мог. На самом деле все оказалось не так просто, но с помощью близких и собственной силы ему удалось излечиться. Вот почему он остался в живых.

В те дни ему довелось взглянуть смерти в глаза, и выяснилось, что она вовсе не так ужасна, как кажется. Лежа на кровати и ощущая, как смерть потихоньку подтачивает его кость, он вдруг по-

нял, что тело его — это всего лишь временная опора, сарайчик, в котором он поселился, пережидая непогоду, пока строится большой добрый дом. Тело — это хижина-времянка, которую строят поселенцы, пока не сложат крепкий дом из бревен. Может быть, он умрет, но это вовсе не так уж и страшно. Просто он станет другим, и, может, там ему будет лучше.

Поэтому он не придавал особого значения причитаниям матери, которая без умолку сетовала на распоясавшихся краснокожих, твердила, как опасна та поездка, в которую они пускаются, и что их могут убить. Не то чтобы она ошибалась, просто Элвину стало все равно, умрет он или нет.

Впрочем, нет, не все равно. Ему еще предстояло столько сделать, хотя он и сам точно не знал, что именно, поэтому смерть пришлась бы очень *некстати*. Он не *собирался* умирать. Но предчувствие смерти уже не наполняло его паническим страхом, который обычно испытывают люди.

Мера, старший брат Эла, пытался успокоить мать и убедить ее не распалять себя еще больше.

— Мам, с нами все будет в порядке, — увещевал Мера, — Беспорядки творятся на юге, до нас они не добираются, кроме того, нам предстоит ехать по проложенным, накатанным дорогам…

— На этих накатанных дорогах каждую неделю исчезают люди, — отрицала мать. — Французы в Детройте по-прежнему скупают скальпы, и как бы хорошо ни вели себя Такумсе и его дикари, одной стрелы достаточно, чтобы убить…

— Ма, — не отступал Мера, — если ты так боишься краснокожих, ты, наоборот, должна радоваться, что мы уезжаем. По меньшей мере десять тысяч краснокожих живут в Граде Пророка на противоположном берегу реки. Это самое большое поселение к западу от Филадельфии, и каждый житель его — краснокожий. Мы же направляемся на восток, подальше от этого города…

— Одноглазый Пророк меня не беспокоит, — отрезала она. — Он не призывает к убийству. Я просто думаю, что вам не следует…

— Теперь уже неважно, что ты думаешь, — сказал папа.

Мама повернулась к нему лицом. Он убирал свиные загоны на заднем дворе и сейчас подошел попрощаться.

— А ты мне не приказывай, думаю что хочу, и…

— И неважно, что думаю я, — продолжал папа. — Какая вообще разница, кто что думает?

— В таком случае я не понимаю, зачем Господь дал нам мозги, если все так, как ты говоришь, Элвин Миллер!

— Эл едет на восток, в Хатрак, чтобы стать учеником у кузнеца, — сказал папа. — Я буду скучать по нему, ты будешь скучать по нему, все, за исключением, может быть, преподобного Троуэра, будут по нему скучать, но бумаги уже подписаны, и Эл-младший отправляется в путь. Поэтому, вместо того чтобы ныть о том, как ты не хочешь их отпускать, лучше бы поцеловала мальчиков на прощание и благословила на дорогу.

Если б папа был молоком, он бы сразу свернулся — таким взглядом одарила его мама.

— Я поцелую мальчиков и дам им свое благословение, — процедила она. — В таких советах я не нуждаюсь. Я вообще в твоих советах не нуждаюсь.

— Не сомневаюсь, — кивнул папа. — Но все равно буду советовать тебе, и ты потом будешь мне благодарна, как это случалось всегда. — Он протянул руку Мере, прощаясь с ним, как мужчина с мужчиной. — Довези его до места в целости и сохранности и возвращайся назад, — сказал он.

— Куда я денусь, — ответил Мера.

— Твоя мать права, времена настали опасные,

поэтому смотри в оба. Мы правильно назвали тебя, у тебя острый глаз, вот и используй свой дар.

— Хорошо, па.

К Мере подошла мать, а папа перешел к Элвину. Он от души хлопнул Эла по ноге и пожал ему руку. Приятное тепло разлилось по телу — папа обращался с ним как с настоящим мужчиной, как с Мерой. Может быть, если б Элвин не сидел на лошади, папа взъерошил бы ему волосы, как мальчишке, но ведь этого не случилось, поэтому Эл все равно почувствовал себя взрослым.

— Я не боюсь краснокожих, — тихонько сказал Эл, так чтобы мама не услышала. — И мне очень жаль оставлять вас.

— Знаю, Эл, — вздохнул отец. — Но ты должен ехать. Ради себя самого.

И лицо папы приняло отстраненно-печальный вид, который Эл-младший не раз наблюдал и раньше, но никогда не понимал. Папа был странным человеком. Эл понял это только сейчас, потому что раньше, когда он был маленьким, папа был для него просто папой и Элвин не пытался понять его.

Сейчас Эл немножко повзрослел и начал сравнивать своего отца с остальными мужчинами. К примеру, с Армором Уивером, самым важным

человеком в городе, который постоянно говорил о мирном сосуществовании с краснокожими, о том, что с ними надо делиться землей, рисовать карты территорий краснокожих и белого человека, — Армора Уивера все слушали с уважением. Папу так никто не слушал; слова Армора принимали всерьез, но иногда оспаривали, хотя знали, что он говорит важные вещи. Не раз Эл сравнивал отца с преподобным Троуэром, который всегда выражался очень учено и напыщенно, который постоянно кричал со своей кафедры о смерти и воскрешении, об огнях ада и вознаграждении небесном, — к священнику тоже прислушивались. Правда, несколько иначе, чем к Армору, потому что он всегда говорил о религии, в которой мало общего с фермерством, животноводством и жизнью обыкновенных людей. Но его тоже слушали с *уважением*.

Когда же говорил папа, его мнение всегда выслушивалось, но зачастую от него просто отмахивались: «Да ладно тебе, Элвин Миллер!» Когда Эл заметил это, то сначала даже разозлился. Но позднее он понял, что люди, попав в беду, не станут обращаться за помощью к преподобному Троуэру, нет, и к Армору они тоже не пойдут, потому что ни тот ни другой не знали, как разре-

шить те проблемы, которые порой возникают у обычного фермера. Троуэр мог объяснить им, как держаться подальше от ада, но это может пригодиться только мертвому, а Армор мог разъяснить, почему с краснокожими надо соблюдать мир, но все это заумная политика, пока не разразится война. Когда же заходил спор о границах участков, о том, что делать с мальчишкой, который уже получил несколько взбучек, но продолжает грубить своей матери, о том, что сажать, когда долгоносик пожрал кукурузные семена, люди шли к Элу Миллеру. Выслушав его немногословный ответ, они обычно уходили, качая головой и приговаривая обычное: «Да ладно тебе, Элвин Миллер!» Но затем все равно следовали его совету — проводили границу и строили каменную изгородь; прогоняли из дома наглого мальчишку и пристраивали его работником на соседнюю ферму; шли на поле и сажали кукурузные зерна, «завалявшиеся» у других фермеров, которые, по словам Эла Миллера, просто стеснялись предложить соседям свою помощь.

Сравнивая отца с другими мужчинами, Элмладший понимал, что его папа иногда ведет себя очень странно и зачастую основывается на причинах, известных ему одному. Но он также

понимал, что папе можно верить. Люди сколько угодно могли уважать Армора и преподобного Филадельфию Троуэра, но *верили* они Элу Миллеру.

Как верил ему Эл-младший. Он верил своему папе. Пусть ему очень не хотелось покидать дом, даже будучи на пороге смерти, он продолжал считать, что учеба — это напрасная трата времени, — какая разница, какой будет его профессия, если на небесах и так достаточно кузнецов? — он все-таки знал: если папа сказал, что ему будет лучше уехать, значит, Эл уедет. Когда Эл Миллер говорил: «Сделайте так, и все получится», люди обычно следовали его совету, и все выходило так, как он предрекал.

Эл уже сказал папе, что не хочет уезжать, но папа ответил: «Все равно тебе надо уехать, тебе же будет лучше». Это все, что хотел услышать Элвин-младший. Он кивнул головой и поступил так, как сказал папа. Не потому, что у него не хватило мужества возразить, и не потому, что он боялся отца, как остальные братья. Он слишком хорошо изучил своего папу, поэтому знал — его суждениям можно доверять. Вот и все.

— Я буду скучать по тебе, па, — сказал он.

А затем поступил необычайно глупо, безумно,

он бы никогда так не поступил, если бы подумал как следует. Он протянул руку, чуть-чуть нагнулся и взъерошил волосы *отца*. И уже после до него дошло, что отец может выдрать его как Сидорову козу за то, что Элвин посмел обращаться с ним как с обыкновенным мальчишкой. Действительно, папины брови изумленно поползли вверх, резким движением он схватил Эла-младшего за запястье. Но вдруг в глазах его мелькнула веселая искорка, и, громко расхохотавшись, папа сказал:

— Что ж, *один раз* тебе можно позволить такую вольность. Ты даже останешься в живых.

Все еще посмеиваясь, папа отступил немножко назад, чтобы дать попрощаться матери. По лицу ее текли слезы, и она не стала мучить его последними «поступай так», «а так не поступай», как мучила Меру. Она всего лишь поцеловала его руку, прижалась к ней щекой и посмотрела ему прямо в глаза.

— Если я отпущу тебя сегодня, мне больше никогда не доведется взглянуть на тебя еще раз, — сказала она.

— Нет, ма, не говори так, — принялся успокаивать он. — Со мной ничего не случится.

— Не забывай меня, хорошо? — попросила она. — И храни тот амулет, что я тебе дала. Носи

его все время с собой.

— А что он делает? — вытаскивая амулет из кармана, спросил Элвин. — Я такого никогда не видел.

— Неважно, главное, держи его все время при себе.

— Хорошо, мам.

Мера подъехал к Элвину-младшему.

— Нам пора отправляться, — сказал он. — Надо отъехать подальше от знакомых мест, прежде чем располагаться на ночлег.

— Эй, эй, ты не больно-то спеши, — сердито осадил отец. — Мы уже договорились, что эту ночь вы переночуете у Пичи. Хватит вам на один день езды. И не смей ночевать под открытым небом, разве что очень прижмет.

— Ну ладно, ладно, — согласился Мера. — По крайней мере мы должны добраться до места своего ночлега до ужина.

— Тогда езжайте, — махнула мама. — Езжайте, мальчики.

Не успели они отъехать от ворот, как на дорогу выбежал папа и схватил лошадей Меры и Элвина за поводья.

— И помните! Пересекайте реки только по мосту. Слышите? Только по мосту! На дороге, по

которой вы поедете, через каждую реку переброшен мост — отсюда и до самой реки Хатрак.

— Знаю, па, — поморщился Мера. — Я ж сам помогал их строить, ты что, забыл?

— Пользуйтесь мостами! Это все, что я хочу сказать. А если пойдет дождь, вы должны немедленно найти укрытие, остановиться в чьем-нибудь доме и переждать ливень, слышите? Я не хочу, чтобы вас достала вода.

И Элвин и Мера торжественно поклялись не приближаться к воде.

— Мы даже по ветру не будем становиться, если наши лошади вдруг решат отлить, — добавил Мера.

— Нечего здесь шутить, — пригрозил ему папа.

Наконец они отправились в путь. Назад они не оглядывались, потому что это плохая примета. Все равно мама и папа вернулись в дом задолго до того, как лошади мальчиков скрылись из виду, — говорят, если долго смотреть вслед, это к долгой разлуке, а если провожать взглядом, пока те, с кем ты разлучаешься, не исчезнут из виду, это верная примета, что кто-нибудь из прощающихся вскоре умрет. Мама верила в приметы. Побыстрей нырнуть в дом — это все, что она могла сделать, чтобы защитить своих сыновей на их

долгом пути.

Первый раз Эл и Мера остановились в рощице между фермами Хэтчей и Бьернсонов — дорогу наполовину перегораживал ствол дерева, поваленного прошлой бурей. Конечно, будучи на лошадях, они могли спокойно проехать мимо, но нельзя оставлять рухнувшее дерево на дороге, чтобы следующий путник случайно не попал в беду. Может, поедет кто-нибудь в повозке, спеша вернуться домой, пока не настала полная тьма и не полил дождь, — вот поедет такой человек за ними следом и вдруг наткнется на это дерево. Поэтому они остановились, съели полдник, который собрала им в дорогу мама, и принялись подрубать тесаками пень, чтобы освободить ствол и стащить его с дороги. Вскоре им пришлось сильно пожалеть о том, что под рукой не оказалось пилы, но не будешь же брать с собой в трехсотмильную поездку пилу. Одежда на смену, тесак, нож, мушкет для охоты, порох и свинец, моток веревки, одеяло и пара-другая амулетов-оберегов, чтоб охраняли в пути. Решишь взять еще что-нибудь, и придется ехать на повозке или брать вьючную лошадь.

Справившись наконец с деревом, они привязали к стволу лошадей и сволокли его с дороги.

Работенка оказалась непростой, пота пролилось немало, потому что лошади не привыкли тянуть дружно и мешали друг другу. Да и дерево постоянно цеплялось ветвями, поэтому пришлось катить его, подрубая мешающие сучья. Конечно, Эл мог бы воспользоваться своим даром и изменить дерево изнутри, мог заставить его расщепиться, только это было бы неправильно. Сияющий Человек не одобрил бы его поступка, поскольку в данном случае Элом руководили бы эгоизм и лень. Поэтому Элвин рубил, тянул и потел вместе с Мерой. Но он ничуть не возражал. То была добрая работа, и сделана она была всего за час. Это время было потрачено с толком.

Но лучше всего дело спорится за разговорами. В основном братья обсуждали убийства, которые, по слухам, совершали краснокожие на юге. К этим сплетням Мера относился весьма скептически.

— Конечно, я слышал эти рассказки, но все они распространяются людьми, которые слышали их от своего знакомого, который рассказывал о троюродном брате своего знакомого. Поселенцы, которые на самом деле жили там и которые позднее бежали оттуда, все в один голос твердят, что Такумсе всего лишь увел их свиней и кур. И не было никаких свистящих над головой стрел,

никого там не убили.

Эл, будучи десяти лет от роду, предпочитал верить в жуткие байки, и чем кровавее они были — тем лучше.

— Но, может, они убивают целыми семьями, вот никто и не может рассказать.

— Да ты сам подумай, Эл. В этом же нет никакого смысла. Такумсе добивается, чтобы бледнолицые убрались с его земель, верно? Поэтому он пугает их до смерти, они быстренько собирают вещички и проваливают. Ему же, наоборот, выгодно оставить кого-нибудь в живых, чтобы тот рассказал, какие зверства творятся на юге, — при условии, что Такумсе действительно причастен к убийствам. И почему еще не было найдено ни одного мертвого тела, скажи мне?

— Тогда откуда ж эти слухи?

— Армор говорит, что эту ложь распространяет Гаррисон, чтобы заставить поселенцев ополчиться на краснокожих.

— Но он же не может лгать насчет того, что его собственный дом сгорел? Кто-то ведь видел, как он горел? И неужели он врет, когда говорит, что при этом погибли его жена и маленький ребенок?

— Нет, Эл, дом действительно сгорел. Но, может,

это вовсе не Такумсе поджег его своими огненными стрелами. Ты об этом подумал?

— Губернатор Гаррисон не стал бы поджигать собственный дом и убивать свою семью ради того, чтобы натравить поселенцев на краснокожих, — заметил Эл. — Это глупо.

Они еще долго обсуждали неприятности, учиняемые краснокожими белым поселенцам в низовьях Воббской долины, потому что в последнее время это стало темой всех разговоров, а поскольку никто в точности не знал, что происходит, мнения спорящих были одинаково верны.

До ближайшей фермы было где-то полмили, леса, распростершиеся вокруг, они изъездили вдоль и поперек с тех пор, как поселились здесь, поэтому им и в голову не могло прийти, что с ними может что-нибудь случиться. Когда дом рядом, волей-неволей забываешь об осторожности, даже обсуждая кровожадных краснокожих, зверствующих на юге, убийства и всевозможные пытки. Впрочем, осторожность им нисколько не помогла бы. Эл сворачивал веревку, а Мера проверял седла, когда их вдруг окружила дюжина краснокожих, появившихся словно из воздуха. Секунду назад вокруг никого не было, кроме сверчков, полевых мышек и порхающих птиц, и

вдруг, откуда ни возьмись, краснокожие в боевой раскраске.

И то они не сразу испугались. В Граде Пророка жило множество краснокожих, и они частенько наведывались в лавку к Армору. Поэтому Элвин сначала не обратил на них никакого внимания.

— Здравствуйте, — учтиво поздоровался он.

Но они не ответили. Их лица были расписаны зловещими узорами.

— Похоже, эти краснокожие не здороваются, — тихо произнес Мера. — И у них мушкеты.

Стало быть, эти краснокожие пришли не из Града Пророка. Пророк учил своих последователей никогда не брать в руки оружие белого человека. Настоящему краснокожему нет нужды охотиться с ружьем, потому что земля знает его нужды и животные сами подставляются под стрелу охотника. По словам Пророка, краснокожий может взять в руки ружье, только если в его сердце поселилась жажда убийства, намерение убить белого человека. Именно так он и говорил. Видно, эти краснокожие не особенно-то следовали заповедям Пророка.

Элвин взглянул одному из них в глаза. Должно быть, на лице мальчика отразился страх, потому что краснокожий заметил это и улыбнулся. Мол-

ча он протянул руку.

— Дай ему веревку, — приказал Мера.

— Это же наша веревка, — возразил было Эл.

И тут же понял бессмысленность своих возражений. Эл вручил мотки краснокожему.

Краснокожий осторожно принял веревку и швырнул один из мотков через головы юношей своему товарищу. Не произнеся ни слова, краснокожие принялись за работу — они сорвали с братьев одежду, после чего туго скрутили им руки, затянув узлы так, что даже плечи заныли.

— Зачем им понадобилась наша одежда? — спросил Эл.

В ответ один из краснокожих больно хлестнул его по лицу. Должно быть, звук пощечины ему понравился, потому что он ударил мальчика еще раз. От ужалившей боли на глаза Эла навернулись слезы, но он не заплакал — отчасти от удивления, отчасти от злости. Ему не хотелось давать краснокожим лишний повод порадоваться его слабости. Идея пощечин пришлась по нраву остальным дикарям, которые незамедлительно принялись хлестать Меру. Вскоре юноши чуть сознание от боли не теряли, а их щеки истекали кровью как внутри, так и снаружи.

Один из краснокожих что-то прорычал, и ему

передали рубашку Эла. Он разрезал ее своим ножом, затем прижал к кровоточащему лицу мальчика. Должно быть, ему показалось, что крови недостаточно, поэтому он вытащил нож и быстрым движением рассек Элу лоб. Кровь полилась на глаза, а секундой спустя пожаловала боль — в первый раз Эл заплакал. Лоб ему, похоже, рассекли до самой кости, заливающая глаза кровь мешала что-либо рассмотреть. Мера заорал, чтобы Эла не трогали, но это ничего не изменило. Каждый поселенец знает, что если уж краснокожие начали резать тебя, то они не остановятся, пока ты не умрешь.

Как только кровь хлестнула на одежду, а Эл вскрикнул от боли, краснокожие принялись хохотать и тихонько улюлюкать. Похоже, эта шайка намеревалась идти до конца, поэтому Элвин принялся вспоминать всякие истории о жестокости краснокожих. Самая знаменитая повествовала о Дэне Буне, пенсильванском поселенце, который некоторое время жил в Королевских Колониях. Это случилось в те времена, когда черрики, собравшись, выступили на тропу войны против белого человека. Однажды Дэн Бун обнаружил, что сын его похищен. Не прошло и получаса, как Бун вышел на след краснокожих. Как оказалось,

они играли с ним. Они то отрезали у мальчика лоскутки кожи, то вырывали глаз — в общем, причиняли ему жуткую боль, чтобы он кричал погромче. Бун слышал крики своего сына и бежал на них. Но когда он и его друзья-фермеры, вооруженные мушкетами и полуобезумевшие от ярости, выбегали на поляну, где пытали мальчика, краснокожих уже не было, словно дикари испарялись в воздухе — ни одного следа не оставалось. Но вскоре раздавался очередной крик. В тот день они прошли двадцать миль и в конце концов, когда дело уже шло к ночи, нашли мальчика, вернее, его останки, свисающие с макушек трех деревьев. Говорили, что Бун никогда не забудет той погони, что после того дня он краснокожего видеть не может.

Услышав смех краснокожих, почувствовав боль, Эл вспомнил историю сынишки Буна. Боль, которую он испытал, была только началом. Он не знал, какие цели преследуют краснокожие, зато прекрасно понимал, двое мертвых бледнолицых мальчишек — это то, что им нужно. Поэтому они будут только рады, если их жертвы немножко покричат. «Тише, — приказал он себе. — Успокойся».

Они вытерли раскромсанной рубахой его лицо,

после чего обляпали кровью одежду Меры. Эла тем временем занимали несколько иные мысли. Он лечил себя всего один раз, причем лечил свою сломанную ногу. Тогда он лежал на кровати, у него была масса времени, чтобы познакомиться с устройством собственного тела, чтобы проложить путь туда, где вены были порваны, и срастить их, соединить кожу и кость. Но сегодня он был напуган, его толкали и пинали, так что сосредоточиться никак не получалось. Однако ему все же удалось отыскать самые большие вены и артерии, заставить их закрыться. После того как краснокожие еще раз вытерли его лицо рубашкой, кровь перестала заливать глаза. Она все еще текла, но струйка ее заметно ослабла. Взмахнув головой, Эл направил ручеек на виски, чтобы кровь не мешала видеть происходящее.

Меру пока не тронули. Старший брат смотрел на Эла, и на лице его был написан ужас пополам с болью. Эл достаточно хорошо знал своего брата, поэтому догадался, о чем тот сейчас думает. Мама и папа вверили Эла опеке Меры, и вот как он подвел их. Сейчас он винил в происшедшем себя, не понимая, что его вины здесь нет. Эти краснокожие могли натворить то же самое, ворвавшись в любую хижину в округе, и никто бы их не оста-

новил. Если б Эл и Мера не отправились сегодня в путь, они бы все равно устроили на дороге засаду. Но Эл не мог объяснить этого Мере, он мог всего лишь ободряюще улыбнуться.

Он улыбнулся и снова вернулся к ране на лбу. Он должен был срастить кожу и вены. Во второй раз дело пошло быстрее. Он сосредоточенно работал над собой, краем глаза наблюдая за краснокожими.

Говорили они немного. Каждый хорошо знал свои обязанности. Окровавленную одежду туго привязали к седлам, и один из краснокожих своим ножом вырезал на одном седле «Такумсе», а на другом — «Пророк». Сначала Элвин было удивился, обнаружив, что краснокожий умеет писать по-английски, но потом заметил, что дикарь время от времени сверяется с бумажкой, вытащенной из-за пояса набедренной повязки. Бумага…

Затем, пока двое краснокожих придерживали лошадей за поводья, третий сделал на боках лошадей неглубокие надрезы, так чтобы животные обезумели от боли, принялись лягаться и храпеть. В конце концов лошади сбили с ног держащих их воинов, вырвались на свободу и понеслись по дороге домой. Дикари правильно все рассчитали.

Это было послание. Краснокожие нарочно подстроили, чтобы фермеры за ними погнались. Они хотели, чтобы бледнолицые взяли мушкеты, лошадей и пустились за ними в погоню. Как гнался за черрики Даниэль Бун. Следуя за криками своего сына. Белый человек лишается разума, когда слышит вопли умирающих детей.

Что ж, решил про себя Элвин, умрут они с Мерой или останутся в живых, но родителям не доведется пережить того, что пережил Даниэль Бун. Впрочем, шансов на побег не было. Даже если веревка ослабнет — это Элвин без труда может устроить, — двум мальчишкам никогда не скрыться в лесу от краснокожих. Нет, бежать лучше не пытаться. Но Элвин от своего не отступится, у него есть чем подействовать на краснокожих. И, применив свой дар, он поступит правильно, по справедливости, потому что в данном случае он не будет преследовать собственную выгоду. Он сделает это ради своего брата, ради своей семьи. Смешно, но он прибегнет к своему дару ради тех же краснокожих, потому что, если случится что-нибудь непоправимое, если мальчиков и в самом деле запытают до смерти, разразится война, между краснокожими и бледнолицыми начнется грязная, кровавая бойня и много людей

погибнет. Эл не будет убивать, но свой дар он использует во благо всего народа.

Лошади, стуча копытами, умчались, и краснокожие вернулись к Элвину и Мере. Набросив им на шею по ремню, они потащили братьев за собой. Мера был рослым парнем, куда выше, чем любой из краснокожих, поэтому ему приходилось бежать нагнувшись. Он постоянно спотыкался, но ремень тащил его вперед. Эл бежал сразу за ним, поэтому видел, как плохо приходится Мере, слышал, как он задыхается. Впрочем, Элу было нетрудно проникнуть внутрь ремня и чуточку растянуть его, растянуть еще немножко и еще, пока петля на шее у Меры не разошлась. Теперь Мера мог бежать более-менее прямо. Элвин действовал очень осторожно, поэтому краснокожие ничего не заметили. Но он знал, что вскоре его проделку обнаружат.

Всем и каждому известно, что краснокожие не оставляют следов. Так что обычно, захватывая в плен солдат или поселенцев, краснокожие несли своих пленников связанными по рукам и ногам, как освежеванных оленей, чтобы неуклюжие бледнолицые не выдали их. Эти краснокожие специально вели за собой погоню, потому что позволили Элу и Мере бежать самим.

Хотя они не собирались облегчать фермерам задачу. Они бежали целую вечность, по меньшей мере часа два, пока не добрались до ручья. Поднявшись вверх по течению, краснокожие пробежали еще полмили или милю, прежде чем наконец остановились на поляне и развели огонь.

Ферм поблизости не было, но это не имело особого значения. К этому времени лошади наверняка уже вернулись домой с окровавленной одеждой, ножевыми ранами в боках и именами, выцарапанными на седлах. К этому времени все фермеры уже свезли свои семьи в церковь, где их сможет защитить небольшой отряд, пока остальные мужчины будут искать пропавших мальчиков. К этому времени мама наверняка вне себя от ужаса, а отец бросается на всех и каждого, крича: «Ну быстрее же, быстрее, нельзя терять ни минуты, надо найти мальчиков, если вы не идете, я пойду один!» А остальные успокаивают его: «Тише, тише, спокойнее, один ты ничего не сделаешь, можешь не волноваться, мы поймаем их». Но никто не говорит вслух то, что известно всем, — Эл и Мера все равно что мертвы.

Но Эл не собирался умирать. Нет, сэр. Он собирался жить и дальше, он и Мера.

Краснокожие разожгли хороший, жаркий костер, но вовсе не еду они собирались на нем готовить. Поскольку солнце ярко сияло с неба, паля своими лучами, Эл и Мера ужасно вспотели, даже несмотря на то что надето на них было только нижнее белье. Пот ручьями полил с них, когда краснокожие принялись срезать с них это белье, сначала рубя пуговицы, а потом кромсая ткань на лоскутья, так что вскоре братья остались совсем нагишом.

И тут один из краснокожих обратил внимание на лоб Элвина. Он выбрал лоскут побольше из валяющегося рядом нижнего белья и вытер лицо Эла, сдирая засохшую кровь. Затем обернулся и, обращаясь к своим товарищам, что-то быстро забормотал. Собравшись вокруг пленников, краснокожие сначала оглядели Элвина, потом проверили лоб Меры. Эл знал, что они ищут. И знал, что они ничего не найдут. Потому что он успел залечить свой лоб, не оставив ни шрама, ни малейшей отметинки. И уж конечно, на Мере тоже не осталось ни царапины, поскольку его никто не резал. Это заставит краснокожих немножко призадуматься.

Но на силу исцеления надеяться было нельзя, потому что лечить слишком тяжело, для этого

требуется много времени — нож режет всяко быстрее, чем Элвин исцеляет. Нет, у Эла созрел другой план. С куда большей легкостью он мог применять свой дар на камне и металле, которые обладали одинаковым внутренним строением, тогда как живое тело было слишком сложно, слишком много в нем содержалось всяких мелких штучек, которые все надо было уместить в голове, чтобы изменить плоть и вернуть ей прежнюю форму.

Поэтому, когда один из краснокожих сел перед Мерой, зловеще поигрывая своим ножом, Эл не стал ждать, когда дикарь начнет пытку. Мальчик восстановил в уме образ этого ножа, его сталь, которая, кстати, была выкована белым человеком, точно так же как мушкеты, которые краснокожие сжимали в руках, нащупал кромку лезвия, самое острие и затупил его, сгладил, закруглил.

Краснокожий приложил нож к обнаженной груди Меры и попытался разрезать кожу. Мера напрягся, ожидая нестерпимую боль. Но нож ни малейшей отметины не оставил, скользнув по телу юноши, словно обыкновенная ложка.

Эл чуть не рассмеялся, увидев, с каким удивлением краснокожий отдернул нож и принялся его изучать, пытаясь разобраться, что произошло. Он

даже попробовал лезвие пальцем, проверяя его остроту; Эл было подумал сделать нож острым как бритва, но нет, он должен был использовать свой дар, чтобы исправлять, лечить, а не наносить раны. Остальные краснокожие тоже подошли поближе, чтобы посмотреть на лезвие. Кое-кто стал высмеивать владельца ножа, вероятно подумав, что воин забыл его наточить. Тем временем Эл отыскал остальные ножи, покоящиеся в ножнах, и точно так же затупил их. После того как Эл постарался, такими ножами краснокожие не смогли бы и гороховый стручок пополам разрезать.

Остальные тоже вытащили из ножен свои ножи. Сначала они перепробовали их остроту на Элвине или Мере, после чего разразились гневными криками, начав обвинять друг друга и спорить, кто виноват.

Но им же надо было исполнять свою работу. Они должны были запытать до смерти этих бледнолицых мальчишек, должны были заставить их кричать. По крайней мере, их следовало изуродовать так, чтобы фермерами, которые наткнутся на их тела, завладела жажда крови.

Поэтому один из краснокожих вытащил свой старый каменный томагавк и стал размахивать

им перед лицом Эла, чтобы мальчик рассмотрел его поближе и как следует испугался. Эл тем временем размягчил камень, подточил дерево и распустил ремни, которыми был оплетен томагавк. Поэтому, когда краснокожий наконец поднял топорик над головой, чтобы опустить его острие на лицо Эла, томагавк рассыпался прямо у него в руках. Прогнившее дерево сломалось, камень упал на землю и раскололся на кусочки, даже ремень расползся посредине. Краснокожий заорал от страха и отскочил назад, будто увидел перед собой гадюку.

У другого краснокожего обнаружился стальной тесак, и этот дикарь не стал тратить время зря и пугать им пленников. Он положил руку Меры на большой валун и с размаху ударил по ней огромным ножом, надеясь отсечь юноше пальцы. Ну, это для Элвина вообще плевое дело. Разве он не вырезал целые жернова, когда было нужно? Тесак ударился о камень и звонко зазвенел, а Мера судорожно втянул в себя воздух, ожидая увидеть, как отрубленные пальцы падают на землю. Но когда краснокожий поднял свой тесак, рука Меры оказалась целой и невредимой, тогда как на лезвии тесака остались полукруглые впадины в форме пальцев, как будто это была не сталь, а

масло или глиняное мыло.

Краснокожие в один голос завыли и стали испуганно переглядываться — происходящее пробудило в их сердцах страх и гнев. Будучи бледнолицым, Элвин не догадывался о настоящих причинах их тревоги. Дело все в том, что краснокожий всегда чувствует, когда белый человек накладывает какие-либо заклятия или обереги, но сейчас зеленая тишина не отзывалась на чары бледнолицего. Обычно, когда белый человек творил заклинание, краснокожие ощущали небольшой толчок; заговор распространял вокруг себя противный запах, а оберег жужжал, как пчела. Но то, что делал Элвин, никоим образом не тревожило покой земли, поэтому краснокожие, обладающие чувством порядка вещей, не ощущали ничего подозрительного. Все выглядело так, словно природные законы внезапно изменились: сталь стала мягкой, плоть обрела твердость камня, сам же камень начал рассыпаться от прикосновения, а кожа рвалась, как трава. Краснокожим и в голову прийти не могло, что причиной происходящего может быть Эл или Мера. Против них выступила сама природа.

Элвин заметил только их страх, гнев и смущение, поэтому остался доволен результатом. Хотя

нос задирать не стал. Он понимал, что с некоторыми вещами ему будет не справиться. Например, с водой; если краснокожие вздумают утопить юношей, Эл не сможет воспрепятствовать им и спасти себя и Меру. Ему было всего десять лет, и он был по рукам и ногам связан законами, которых еще не понимал, ведь он так и не выяснил, на что способен его дар и как он работает. При помощи своей силы Элвин наверняка мог устроить на полянке грандиозное представление, только он не знал, что ему подвластно, а что — нет.

Но им повезло — краснокожие даже не подумали о воде. Зато вспомнили об огне. Скорее всего, они с самого начала замышляли закончить дело сожжением мальчиков. Элвин не раз слышал истории о том, как во времена войн краснокожих с Новой Англией находили истерзанные трупы солдат — их почерневшие ступни лежали в остывающих угольях костров. Жертвы собственными глазами видели, как горят их ноги, и вскоре сходили с ума от боли и потери крови.

Краснокожие принялись раздувать костер, подкидывая сухих веток, чтобы горел поярче. Элвин не знал, как лишить жар силы, потому что никогда этого не делал. Однако, пока краснокожие тащили Меру к костру, он все же нашел

выход. Эл проник внутрь пылающих поленьев и заставил их рассыпаться в пыль, заставил сгореть побыстрее. Костер внезапно полыхнул яркой вспышкой, раздался громкий хлопок, и в небо поднялся огромный жаркий язык. Разгоревшееся пламя создало вокруг себя ветер, небольшой ураган, который длился секунду или две, взметая пепел в воздух и раскидывая по сторонам серые остывшие хлопья.

От костра ничего не осталось, кроме серой пыли, туманом осевшей на траву поляны.

О, как они завыли, запрыгали, затанцевали, забили себя в грудь. Пока они вели себя как плакальщики на ирландских похоронах, Эл ослабил веревки, связывающие его и Меру. Несмотря ни на что, он по-прежнему надеялся, что им все-таки удастся улизнуть до того, как их родители и друзья найдут похитителей и вокруг начнется кровавая бойня.

Мера, разумеется, почувствовал, что веревки на запястьях ослабли, и пристально поглядел на Элвина; должно быть, не только краснокожих потрясло происходящее на полянке. Конечно, он сразу понял, кто все это творит, но Элвин ведь не объяснил ему свой план заранее, поэтому Мера был удивлен не меньше краснокожих. Но теперь

он очнулся от изумления, поглядел на Элвина и понимающе кивнул, начав потихоньку освобождаться от пут. Краснокожие не обращали на юношей ни малейшего внимания. Может, Элвину и Мере удалось бы убежать, может быть — всего лишь может быть, — краснокожие не пустились бы за ними в погоню.

Но в эту секунду все изменилось. Из леса раздался улюлюкающий клич, его подхватили, и вскоре поляну словно окружили три сотни безумствующих филинов. Судя по тому взгляду, которым одарил старший брат младшего, Мера подумал, что это опять проделки Элвина, но краснокожие, в отличие от него, догадались, что за силы явились по их души, и замерли, затравленно озираясь по сторонам. В Элвине зародилась искра надежды — наверное, случилось что-то очень хорошее, может быть, помощь наконец пожаловала.

Из окружающих поляну кустов на открытое место стали выходить краснокожие. Постепенно их набралось больше сотни. Судя по тому, что все они держали в руках луки — Эл не заметил ни одного мушкета, — судя по их одежде и выбритым головам, это были шони, последователи Пророка. Честно говоря, их появления Эл ожидал меньше

всего. Он уже по горло был сыт краснокожими, ему хотелось увидеть хоть одно белое лицо.

Один из краснокожих выступил вперед, высокий, сильный человек, резкие, жесткие черты лица которого были высечены словно из камня. Обращаясь к похитителям, он выпалил несколько коротких угрожающих слов, и краснокожие немедленно что-то залепетали, замямлили, принялись *умолять*. «Как дети малые, — подумал Эл. — Натворили делов, хотя знали, что этого нельзя делать, да еще попались на месте преступления своему строгому папе». С ним такое тоже случалось, поэтому он даже ощутил некоторое сочувствие к беднягам, но потом вдруг вспомнил, какой жестокой смерти похитители намеревались предать его и брата. И в том, что юноши вышли из переделки без единой царапины, заслуги этих краснокожих не было.

Вдруг в непонятном бормотании индейцев прозвучало знакомое слово — имя Такумсе. Эл взглянул на Меру, чтобы убедиться, слышал ли тот, а Мера, изумленно подняв брови, посмотрел на него, задавая тот же вопрос. Они беззвучно повторили одно и то же слово — Такумсе.

Неужели ответственность за их похищение действительно лежит на Такумсе? Может быть,

он сердится, что похитителям не удалось подвергнуть жертв пыткам? Или же его ярость вызвал факт пленения бледнолицых юношей? Краснокожие не позаботились объясниться. Элвин мог лишь предполагать, оценивая их поступки. Вновь прибывшие краснокожие отобрали у похитителей мушкеты и увели преступников в лес. На полянке вместе с Элом и Мерой осталась всего дюжина краснокожих, среди которых был и Такумсе.

— Они говорят, твои пальцы сделаны из стали, — сказал Такумсе.

Мера оглянулся на Эла, показывая, чтобы тот ответил, но Эл ничего не мог придумать. Ему почему-то не хотелось рассказывать этому краснокожему, что он на самом деле сделал. Поэтому отвечать пришлось Мере. Юноша поднял руки и пошевелил пальцами.

— Да нет, вроде пальцы как пальцы, — пожал плечами он.

Такумсе шагнул вперед и схватил его за руку — должно быть, крепко он держал, потому что Мера попытался было вырваться, но не смог.

— Железная кожа, — сказал Такумсе. — Не разрезать ножом. Не сжечь. Мальчики из камня.

Он рывком поднял Меру на ноги и свободной

рукой с размаху огрел его по предплечью.

— Ну-ка, каменный мальчик, уложи меня на землю!

— Я не буду бороться с тобой, — покачал головой Мера. — Я не хочу ни с кем бороться.

— Уложи меня! — приказал Такумсе.

Он отпустил руку юноши и, немного повернув ступню, выставил вперед ногу, ожидая, что Мера сделает то же самое. Он бросал ему вызов, как мужчина мужчине, вызывая на обычную среди краснокожих игру. Только это была не игра — во всяком случае, для братьев, которые только что смотрели смерти в глаза и еще не были уверены, что она не подстерегает их за углом.

Эл не знал, как действовать в этой ситуации, но ему страшно хотелось что-нибудь сделать — он вошел во вкус изменения вещей. Не подумав о последствиях, в тот самый момент, как Мера и Такумсе принялись толкать и тянуть друг друга, Элвин заставил землю чуть-чуть продавиться под ногой у вождя, так что краснокожий, влекомый собственным весом, упал прямо на спину.

Другие краснокожие подшучивали и посмеивались над соперниками, но, увидев, что великий вождь всех племен, человек, чье имя было известно от Бостона до Нового Орлеана, брякнулся

со всей мочи о землю, они разом перестали смеяться. Над полянкой нависла гробовая тишина. Такумсе поднялся, внимательно осмотрел землю у себя под ногами, поцарапал ее носком. Ей, конечно, уже вернулась прежняя твердость. Но он все-таки отступил на несколько футов и снова вытянул руки, приглашая продолжить борьбу.

На этот раз Мера вел себя более уверенно — он решительно протянул руки навстречу Такумсе, но в последнюю секунду вождь неожиданно выпрямился. Он стоял неподвижно, не глядел ни на Меру, ни на Элвина, ни на кого-либо еще. Просто стоял и смотрел в пространство. Наконец он повернулся к другим краснокожим и разразился быстрыми повелениями, усыпанными «сс» и «кс» языка племени шони. Эл и другие дети из Церкви Вигора не раз в шутку имитировали речь краснокожих, выпаливая что-нибудь вроде «бокси-токси-скок-воксити», после чего валились на землю, держась от смеха за бока. Но речь Такумсе не показалась смешной. Краснокожие, получив приказы, снова набросили на Элвина и Меру ремни и поволокли за собой. Когда остатки нижнего белья сползли на ноги юношей и стали цепляться за кусты, Такумсе собственными руками сорвал лохмотья. Лицо его почему-то было сердитым.

Однако ни Эл, ни Мера не сочли должным протестовать, хоть и остались практически нагишом — если не считать одеждой ремни вокруг шей. Момент для жалоб был не наилучшим. Они понятия не имели, куда ведет их Такумсе, но выбора у них не было, а стало быть, что спрашивать впустую?

Эл и Мера никогда в жизни не бегали на такие расстояния. Час тянулся за часом, миля за милей, краснокожие не прибавляли скорость, но и не останавливались. Подобным образом краснокожий мог преодолевать большие расстояния и бежать быстрее, чем белый человек ехал бы на лошади, если, конечно, не загонять лошадь насмерть. Кроме того, лошадь могла ездить только по дорогам, тогда как краснокожие — они даже без тропок прекрасно обходились.

Эл вскоре заметил, что краснокожие бегут несколько иначе, чем он и Мера. Шум создавали только Эл с Мерой. Краснокожий, который тащил Меру, отгибал грудью ветвь, и ветка сама пропускала его. Когда же сквозь заросли пытался продраться Мера, ветки ломались и царапали его кожу. Краснокожие ступали на корни и сухие сучья, и не раздавалось ни звука, ничто не трещало и не ломалось у них под ногами. Но когда на то

же место ступал Эл, он обязательно спотыкался, чуть не падая, и ремень больно впивался в шею. Или же какой сучок вонзался в пятку, или грубая кора обдирала кожу. Эл, будучи совсем мальчишкой, частенько бегал босым, поэтому пятки его немножко затвердели. Но Мера, повзрослев, уже несколько лет ходил в башмаках, и Эл видел, что брат продержится еще милю, не больше, после чего его ноги начнут истекать кровью.

Единственное, что он мог сделать, это залечить Мере ноги. Он попытался было найти путь в тело брата, как находил путь в камень, сталь и дерево. Однако на бегу было трудно сосредоточиться. И живая плоть чересчур сложна.

Но Эл не собирался сдаваться. Нет, он просто решил иначе подойти к проблеме. Поскольку бег отвлекал его, он взял и перестал думать о беге. Перестал глядеть под ноги. Перестал следовать за бегущим впереди краснокожим шаг в шаг, вообще думать об этом перестал. Он словно подкрутил внутри себя некий фитиль, как в керосиновой лампе. Глаза его смотрели вперед, ум освободился, а тело работало, как ручное животное, следуя само по себе.

Он даже не догадывался, что сейчас поступил в точности как перевертыш, который, выпустив

жучка из головы, отправляется в путешествие. Но все равно это было не то же самое — какой перевертыш смог бы покинуть свое тело на бегу, да еще с ремнем вокруг шеи?

Теперь он без труда проник в тело Меры, отыскал царапины, залечил порезы, прогнал боль из ног и резь из бока. Элвин исцелил его ступни и нарастил на пятках кожу, что было не так уж и трудно. Затем Элвин ощутил, что тело Меры жаждет воздуха, что оно жаждет дышать глубже, быстрее, поэтому Эл незамедлительно проник в его легкие и прочистил их, открыв в самых глубоких местах. Теперь, когда Мера вдыхал воздух, тело извлекало из каждого вздоха куда больше пользы, словно мокрую тряпку выжимало досуха. Эл сам толком не понял, что такое он сотворил, — знал только то, что поступил правильно, потому что боль в теле Меры начала ослабевать, юноша уже не так уставал, уже не задыхался.

Вернувшись обратно в свое тело, Эл обнаружил, что, пока он помогал Мере, его ноги не наступили ни на один сучок, его грудь не поранилась ни об одну ветку, которую отодвинул бегущий впереди него краснокожий. Однако теперь он снова начал спотыкаться и натыкаться на сучья. Сперва он решил, что это происходило и раньше, просто

он не замечал этого, потому что не обращал внимания на собственное тело. Но, почти поверив в это, он вдруг заметил, что звук окружающего его мира также изменился. Теперь он слышал лишь дыхание, топот собственных ног по земле и шуршание опавших листьев. Периодически чирикала какая-то птичка, жужжали мухи. Ничего особенного, но Эл неожиданно вспомнил, что до той секунды, как он вернулся назад в тело, его сопровождала какая-то призрачная музыка… зеленая музыка. Чушь какая-то. Музыка не может иметь цвета, откуда у нее цвет? Поэтому Эл выбросил эти мысли из головы, постаравшись забыть о всяких глупостях. Однако его неотвязно преследовало неосознанное желание услышать эту музыку вновь. Услышать, увидеть, почуять — он жаждал, чтобы она вернулась.

И еще. Прежде его тело находилось в не менее плачевном состоянии, чем тело Меры. Элвин сам еле держался на грани усталости, когда решил помочь Мере. Но сейчас все было в порядке, тело чувствовало себя прекрасно, он глубоко и ровно дышал, его руки и ноги работали так, словно он мог бежать еще вечность: он жил движением, как дерево — покоем. Может быть, излечив Меру, он каким-то образом излечил и себя? Это пред-

положение он сразу отмел, потому что всегда точно знал, что делал, а что — нет. Нет, его тело ожило по какой-то другой причине, и частью этой причины явилась зеленая музыка. Или, наоборот, музыка возникла, когда вернулись силы. В общем, музыка и восстановление сил каким-то образом были связаны. Насколько мог предположить Эл.

Краснокожие ни разу не остановились, поэтому Элвину и Мере не довелось перекинуться ни словом до тех пор, пока не наступила ночь и они не выбежали к какой-то деревушке на изгибе темной глубокой реки. Такумсе провел их в середину деревни, где и оставил. Река притаилась сразу за склоном, может, в сотне ярдов поросшей травой земли.

— Как ты думаешь, мы успеем добежать до реки, прежде чем нас схватят? — шепотом спросил Мера.

— Вряд ли, — ответил Эл. — Кроме того, я не умею плавать. Папа даже не подпускал меня к воде.

Внезапно из хижин шумной толпой вывалили краснокожие женщины и дети. Они стали тыкать в двух обнаженных юношей пальцами, смеяться и бросаться грязью. Сначала Эл и Мера пытались

уклоняться от комков, но их ужимки вызывали только больший хохот. Дети принялись бегать кругами, бросая грязь со всех сторон и стараясь попасть либо в лицо, либо в пах. В конце концов Мера снова опустился на траву и упер голову в колени — пускай себе бросаются сколько захотят. Эл поступил точно так же. Вдруг рядом раздался чей-то сердитый, лающий голос, и комки грязи разом перестали лететь. Эл поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть спину уходящего Такумсе. Теперь рядом с пленниками встали двое его воинов, которые должны были следить, чтобы подобного не повторилось.

— Столько я в жизни не бегал, — прошептал Мера.

— Я тоже, — кивнул Эл.

— Сначала я было подумал, что умру на месте, так я устал, — продолжал Мера. — Но потом открылось второе дыхание. Я даже не думал, что оно у меня имеется.

Эл ничего не ответил.

— Или, может, это ты постарался?

— Может, — пожал плечами Эл.

— Я и не знал, что ты это умеешь, Элвин.

— Я тоже, — сказал Эл, и это была чистейшей воды правда.

— Когда мне на пальцы опустился резак, я уж решил, что все, мои рабочие деньки сочтены.

— Радуйся, что нас не попробовали утопить.

— Опять ты и эта вода, — нахмурился Мера. — Что ж, я рад, что ты сделал то, что сделал, Эл. Хотя, должен сказать, лучше бы ты не подставлял вождю подножку, когда он захотел побороться со мной.

— Почему? — удивился Эл. — Я не хотел, чтобы он побил тебя…

— Ты не знал, Элвин, поэтому не вини себя. Но боремся мы в шутку, а вовсе не затем, чтобы причинить кому-нибудь боль. Это нечто вроде испытания. Испытания мужества, быстроты и прочего. Если б он победил меня, я, сражаясь честно, снискал бы его уважение, если б я его побил в честном бою, то опять-таки заслужил бы уважение. Это Армор мне рассказал. Краснокожие постоянно борются друг с другом.

Элвин немного поразмыслил над сказанным.

— Значит, уронив его, я поступил плохо?

— Не знаю. Это зависит от того, как они поняли происшедшее. Может быть, они решат, что это Бог таким образом изъявляет свою волю, приняв нашу сторону.

— Они что, верят в Бога?

— У них ведь есть Пророк. Как в Библии. Во всяком случае я надеюсь, они не сочтут меня трусом и обманщиком. Иначе мне придется худо.

— Тогда я скажу им, что это сделал я, — возразил Эл.

— Не смей, — запретил Мера. — Нас спасло именно то, что они не поняли твоих проделок с ножами, тесаками и прочим. Если б они узнали, что это сделал ты, Эл, они бы мигом раскроили тебе голову, а потом поступили бы со мной так, как им вздумается. Тебя спасло только то, что они не знали, кто все это творит.

Затем они поговорили о том, как мама и папа, должно быть, беспокоятся сейчас. Мама, наверное, страшно злится или, наоборот, слишком волнуется, чтобы напуститься с руганью на папу. Даже если лошади не вернулись домой, наверняка поиски мальчиков уже начались, потому что они не приехали к ужину к Пичи, и те, конечно, сразу забили тревогу.

— Там сейчас, наверное, только и разговоров, что о войне с краснокожими, — сказал Мера. — С Карфагена последнее время понаехало много поселенцев, а у них масса причин ненавидеть Такумсе, который угнал весь ихний скот.

— Но Такумсе ведь нас спас, — не понял Элвин.

— Похоже на то. Но заметь, он не отвел нас домой и даже не спросил, откуда мы. И с чего это он вдруг забрел на ту поляну, если сам не принимал участия в похищении? Нет, Эл, я понятия не имею, что происходит, но Такумсе нас не спасал, или же он спас нас, руководствуясь собственными причинами, поэтому я не особенно доверяю ему. Кроме того, мне несколько не нравится сидеть посреди деревни краснокожих в чем мать родила.

— Мне тоже. А еще я голоден.

Однако прошло совсем немного времени, как Такумсе снова объявился возле пленников. В руках он держал горшок с кукурузной кашей. Зрелище было презабавное — высокий краснокожий с манерами настоящего короля вышагивает с горшком каши в руках, как обычная женщина. Впрочем, присмотревшись, Эл вдруг понял, что даже обыкновенный горшок Такумсе несет с царской грацией.

Он поставил кашу перед Элом и Мерой, затем снял две вышитые набедренные повязки, которые висели у него на шее.

— Одевайтесь, — приказал он и вручил каждому из братьев по повязке.

Ни один из юношей прежде не носил набедрен-

ной повязки, поэтому они беспомощно вертели куски шкур в руках. Такумсе стоял рядом и ждал, держа в руках ремни из оленьей кожи, которые должны были поддерживать повязки. Наконец Такумсе посмеялся над их смущением и поднял Эла на ноги. Элвина он одел сам, и Мера, глядя на него, повязал на свои бедра повязку. Конечно, подобная одежда не совсем пришлась им по нраву, но это всяко лучше, чем бегать голышом.

Затем Такумсе опустился на траву, поставив рядом горшок, и показал, как следует есть кашу — опускаешь руку в горшок, захватываешь пригоршню тягучей, желеобразной массы и переправляешь в открытый рот. Каша оказалась настолько безвкусной, что Элвину захотелось тут же выплюнуть ее. Мера понял его намерение и приказал:

— Ешь.

Элвин безропотно повиновался и, проглотив первую порцию, внезапно ощутил, что живот умоляет о добавке. Труднее всего было заставить горло взять на себя работу по переправке каши в желудок.

Когда горшок выскребли досуха, Такумсе отставил его в сторону. Несколько секунд он молча смотрел на Меру.

— Каким образом тебе удалось заставить меня упасть, бледнолицый трус? — наконец спросил он.

Эл собрался было все объяснить, но Мера опередил его:

— Я не трус, вождь Такумсе, и, если ты согласишься бороться со мной сейчас, все будет честь по чести.

— Теперь ты хочешь унизить меня в глазах женщин и детей? — мрачно улыбнулся Такумсе.

— Это сделал я, — встрял Элвин.

Такумсе медленно повернул голову, улыбка по-прежнему играла у него на губах, но была уже не столь мрачной.

— Очень маленький мальчик, — сказал он. — Бесполезное дитя. Ты способен раздвинуть землю у меня под ногами?

— У меня такой дар, — пожал плечами Элвин. — Я решил, что ты собираешься избить его.

— Я видел тесак, — продолжал Такумсе. — На нем следы пальцев. Вот такие. — Он провел в воздухе извилистую черту, показывая, какой след оставили пальцы Меры на лезвии тесака. — Это тоже ты сделал?

— Нельзя рубить человеку пальцы.

Такумсе громко расхохотался.

— Замечательно! — воскликнул он и придвинулся поближе. — Дар белого человека оставляет за собой шум, очень громкий шум. Но ты делаешь все очень тихо, и никто не видит.

Элвин не понял, что имеет в виду Такумсе.

Молчание прервал Мера.

— Как ты собираешься с нами дальше поступать, вождь Такумсе? — недрогнувшим голосом поинтересовался он.

— Завтра мы снова пустимся в путь, — ответил тот.

— А почему бы тебе не отпустить нас домой? По лесам сейчас бродит по меньшей мере сотня соседских фермеров, злых, как осы. Могут случиться большие неприятности, если ты не позволишь нам вернуться домой.

Такумсе покачал головой:

— Мой брат хочет увидеться с вами.

Мера взглянул на Элвина, потом снова на Такумсе.

— Ты говоришь о Пророке?

— О Тенскватаве, — кивнул Такумсе.

На лице Меры отразилось неприкрытое отвращение:

— Он четыре года строил свой город, и никто не причинил ему ни малейшего зла, четыре года

бледнолицые и краснокожие мирно уживались друг с другом, и теперь Пророк вдруг занялся пытками и истязаниями…

Такумсе громко хлопнул в ладоши. Мера тут же примолк.

— Вас схватили чоктавы! Чоктавы пытались убить вас! Мои люди убивают только тогда, когда защищают свои земли и семьи от белых воров и убийц. А люди Тенскватавы не убивают вообще.

Элвин впервые слышал, что между людьми Такумсе и паствой Пророка имеются какие-то различия.

— Тогда как ты узнал, где мы находимся? — подозрительно осведомился Мера. — Откуда ты знал, где нас искать?

— Тенскватава видел вас, — ответил Такумсе. — Он приказал мне поторопиться, спасти вас из рук чоктавов и привести к Мизогану.

Мера, который был знаком с картами Армора лучше, чем Элвин, сразу узнал название.

— Это большое озеро, там еще форт Чикаго.

— Мы не пойдем в форт Чикаго, — сказал Такумсе. — Мы пойдем в святое место.

— В церковь? — удивился Элвин.

Такумсе лишь рассмеялся:

— Вы, бледнолицые, строя святое место, воз-

водите стены, оставляя землю снаружи. Ваш бог ничто и нигде, поэтому вы строите церкви, внутри которых нет ничего живого, церкви, которые могут стоять где угодно. Они все равно ничто и нигде.

— Что же тогда святое место? — поинтересовался Элвин.

— Это место, где краснокожий говорит с землей и где земля отвечает ему. — Такумсе усмехнулся. — А теперь спите. Мы выйдем, еще солнце не успеет встать.

— Ночью, наверное, будет холодно, — предположил Мера.

— Женщины принесут вам одеяла. Воинам они не нужны. Сейчас лето. — Такумсе сделал пару шагов, как бы уходя, но потом снова повернулся к Элвину. — Виу-Моксики бежал следом за тобой, бледнолицый мальчик. Он видел, что ты делал. Не пытайся врать Тенскватаве. Он сразу различит твою ложь.

И вождь оставил их.

— Что он хотел сказать? — спросил Мера.

— Кабы я знал, — помотал головой Элвин. — Но, по-моему, у меня неприятности. Мне придется говорить правду, тогда как я сам ничего не понимаю.

Вскоре принесли одеяла. Эл прижался к своему старшему брату, скорее ища поддержки, нежели тепла. Он и Мера еще немножко пошептались, пытаясь разгадать намерения Такумсе. Если Такумсе не был замешан в похищении, зачем же тогда чоктавы вырезали на седлах его имя и имя Пророка? А если чоктавы намеревались оболгать вождя, зачем Такумсе ведет пленников к озеру Мизоган, вместо того чтобы отпустить их с миром домой? Похоже, грядущую войну будет нелегко остановить.

В конце концов братья замолкли. Весь день им пришлось бежать без остановки, а перед этим они убрали с дороги огромное дерево. Сказалось и волнение, которое они пережили, когда поняли, что чоктавы собираются подвергнуть их пыткам. Мера начал тихонько похрапывать. Да и сам Элвин постепенно засыпал. Однако стоило ему смежить веки, как он снова услышал зеленую музыку, услышал или увидел — в общем, каким-то образом понял, что она вернулась. Но прислушаться к ней он не успел — дрема унесла его. Сон его был крепким и мирным. Легкий прохладный ветерок, дующий с реки, одеяло и тепло тела брата, согревающие Элвина, ночные крики животных, плач проголодавшегося младенца из

стоящей неподалеку хижины — все эти звуки были частью зеленой музыки, струившейся у него в голове.

Глава 8
ПРИХВОСТЕНЬ КРАСНОКОЖИХ

Тридцать белых поселенцев собрались на полянке. На их лицах отражалась мрачная ярость, их ноги устало ныли после долгого похода по лесу. Проследить след оказалось несложно, но ветви словно специально цеплялись за одежду, а корни ставили подножки — лес не знал жалости к белому человеку. Около часа потеряли, когда след привел к ручью: пришлось сначала идти вверх, а потом вниз по течению, чтобы найти место, где краснокожие вышли из воды. Старый Элвин Миллер чуть с ума не сошел, когда увидел, что его сыновей завели в воду, — Кальму, его сыну, пришлось минут десять успокаивать отца, прежде чем тот пришел в себя. Миллер как обезумел от страха.

— Не надо было его отсылать, не следовало его отпускать, — бесконечно твердил он.

— Это же могло произойти с кем угодно, — увещевал Кальм. — Не вини себя, мы найдем их, видишь, они еще идут.

Он всячески успокаивал отца, и постепенно

к Элу Миллеру вернулось самообладание. Поговаривали, что Кальм владел даром успокаивать людей, что мать дала ему имя в честь его умения.

И вот они вышли на поляну, где обнаружили, что след расходится в разные стороны и вскоре вообще пропадает. В северо-западном конце поляны, в кустах, обнаружили порванное нижнее белье мальчиков. Никто не осмелился продемонстрировать находку Элу Миллеру, поэтому лохмотья были быстро спрятаны, прежде чем попались ему на глаза.

— Все, дальше искать бесполезно, — сказал Армор. — Здесь след мальчиков обрывается, но это еще ничего не значит, мистер Миллер, так что не переживайте.

Армор стал называть своего тестя «мистер Миллер» с тех самых пор, как тот вышвырнул его из дома лицом в снег, когда Армор пришел сказать, что Эл-младший умирает только потому, что семья совершает грех, используя различные заклинания и обереги. Не будешь же звать человека «папой», после того как он спустил тебя с крыльца.

— Они, наверное, взвалили мальчиков на плечи или стали ступать за ними шаг в шаг, стирая

следы. А все мы знаем, что краснокожий, решивший не оставлять следов, никогда их не оставит.

— Мы все знаем о краснокожих, — ответил Эл Миллер. — Знаем, что они творят с маленькими мальчиками, когда…

— Пока что они всего лишь пытались напугать нас, — возразил Армор.

— И у них это получилось, — заметил один из шведов. — Например, я и моя семья до смерти перепугались.

— Кроме того, всем известно, что Армор Уивер — прихвостень у этих дикарей.

Армор оглянул по сторонам, пытаясь разглядеть, кто это сказал.

— Если под «прихвостнем» вы подразумеваете, что я считаю краснокожих равными белому человеку, то вы правы. Но это не значит, что я люблю краснокожих больше, чем белых. И тот, кто осмелится утверждать такое, пускай наберется мужества, выйдет и повторит это мне в лицо, чтобы я как следует повозил его мордой об дерево.

— Нет нужды спорить, — с трудом переводя дыхание, вступил в разговор преподобный Троуэр. Троуэр не особо привык бегать по лесам, поэтому нагнал остальных только сейчас. — Господь Бог

любит всех своих детей, равно как и язычников. Армор — добрый христианин. Так что, если дело дойдет до сражения меж христианами и язычниками, Армор без малейших колебаний выступит на стороне праведников.

Толпа, соглашаясь, заворчала. Ведь Армора любили все: многим поселенцам он одолжил денег или предоставил кредит в своей лавке, кроме того, он никогда не торопил с выплатами. Если бы не Армор, то первые годы в Воббской долине стали бы для многих фермеров последними. Но как бы ни были они ему благодарны, мужчины все же не забыли, что он почти не проводит разницы между краснокожим и белым человеком, а в нынешние беспокойные времена это выглядело несколько подозрительно.

— Ладно, дело идет к большой драке, — сказал кто-то из мужчин. — Зачем выслеживать этих краснокожих? Их имена вырезаны на седлах, мы и так знаем, кто это сделал.

— Подождите, подождите немножко! — закричал Армор. — Вы хоть мозгами пошевелите! За то время, пока Град Пророка строился на берегу Воббской реки, прямо напротив Церкви Вигора, хоть один краснокожий украл у вас что-нибудь? Хоть одного ребенка обидел? Хотя бы одну свинью

увел? Что-нибудь плохое вам эти краснокожие сделали?

— А ты считаешь, они хорошо поступили, похитив ребятишек Эла Миллера? — ответил кто-то.

— Я говорю о краснокожих, живущих в Граде Пророка! Вы знаете, они никогда и никому не причиняли вреда, вы *знаете* это! И знаете почему. Потому что Пророк учит их жить в мире, держаться собственной земли и не вредить белому человеку.

— Но Такумсе думает иначе!

— Хорошо, но даже если б они замыслили против нас что-нибудь ужасное, что именно — я и предполагать не хочу, неужели вы думаете, что Такумсе и Тенскватава такие дураки, чтобы оставлять свои имена на месте преступления?!

— Они гордятся убийствами бледнолицых!

— Будь краснокожий умным, стал бы белым!

— Вот видите, прав я был, он точно их прихвостень!

Армор знал этих людей и знал, что большинство из них по-прежнему стоят на его стороне. Даже недруги не осмелятся в открытую выступить против него, пока вся группа не придет к единому решению. Пусть их, пускай обзываются, в страхе и ярости человек может наговорить

много такого, о чем позднее пожалеет. Пока они ждут. Пока не решают ввязываться в войну с краснокожими.

По мнению Армора, от этого похищения очень дурно пахло. Слишком уж легко все объяснялось, начиная с лошадей, которые были специально посланы домой с вырезанными на седлах именами. Так краснокожие не поступают, даже самые плохие, которые убьют любого белого не моргнув и глазом. Армор был достаточно наслышан о краснокожих, поэтому знал, что пытками они предоставляют человеку шанс продемонстрировать свое мужество. Они не используют пытки, чтобы навести на людей страх. (Во всяком случае, большинство краснокожих так не поступает, хотя про племя ирраква, которое приобщилось к цивилизации, ходят всякие слухи.) Кто бы ни похитил сыновей мельника, действовал похититель несвойственно краснокожему. Армор почти не сомневался, что это похищение было подстроено. Французы в Детройте многие годы пытались развязать войну между краснокожими и американскими поселенцами — это могли быть они. А мог быть Билл Гаррисон. Да, такое коварство достойно этого человека, плетущего свои паучьи сети в форте на Гайо. Армор решил, что скорее

всего это он и есть. Он, конечно, не осмелился высказать свои мысли вслух, потому что люди скажут, что он просто завидует Биллу Гаррисону. И правда, он действительно завидовал. Но вместе с тем знал, что Гаррисон — плохой человек и пойдет на все, лишь бы добиться своей цели. Он вполне способен подкупить нескольких дикарей, чтобы те убили парочку ребятишек неподалеку от Града Пророка. Ведь именно Тенскватава увел краснокожих из владений Гаррисона и заставил их отказаться от виски. А Такумсе прогнал оттуда большую половину фермеров. Скорее всего за этим похищением стоит Гаррисон, а не французы.

Но он не мог поделиться с людьми своими размышлениями, потому что не было доказательств. Он мог лишь сдерживать поселенцев, пока не обнаружится что-нибудь повесомее его слов.

Впрочем, догадку можно было проверить прямо сейчас. С собой в погоню захватили старого Така Нюхача. Старик пыхтел, но не отставал, проявляя настоящее мужество, ведь его легкие при каждом вздохе трещали, как детская погремушка. Так Нюхач обладал даром. Конечно, полагаться на его дар не стоило, но иногда он очень помогал. Ему нужно было всего лишь закрыть глаза и как бы

заглянуть в прошлое. Являлась всего пара-другая видений, не больше. Несколько лиц. Например, Так Нюхач очень пособил всем, когда погиб Ян де Ври. Местные жители долго ломали голову, то ли его убили, то ли фермер сам покончил с собой, пока не догадались позвать Така. Закрыв глаза, Нюхач увидел, что произошло в действительности. Оказалось, ружье само, по трагической случайности, выстрелило в лицо поселенцу, так что тело можно было без опаски хоронить на церковном кладбище и необходимость гоняться за убийцами отпала.

Поэтому существовала призрачная надежда, что Так разъяснит собравшимся, что именно произошло на полянке. Нюхач прогнал всех в лес, чтобы не мешали, затем медленными шагами, закрыв глаза, обошел поляну.

— Зря вы ругались здесь, — сказал он наконец. — Теперь мне снова приходится смотреть, как вы лаетесь.

Раздались робкие смешки. Да, раньше надо было думать. Своими разговорами они потревожили сохранившиеся здесь воспоминания. Надо было сначала пускать Така.

— Вообще, плохо дело. Я вижу лица каких-то краснокожих. Нож, ножи режут чью-то кожу. Вот

сверкнул тесак.

Эл Миллер застонал.

— Здесь столько всего произошло, никак не разобраться, — продолжал Так. — Плохо видно. Нет. Нет, вижу — мужчину. Краснокожего. Мне знакомо его лицо, я видел его — он стоял вот здесь. Я знаю его.

— Кто это? — спросил Армор.

Хотя можно было не спрашивать, какой-то неприятный холодок пробежал по его спине.

— Такумсе, — ответил Так. Открыв глаза, он, как бы испрашивая прощения, посмотрел на Армора. — Армор, я б и сам никогда не поверил в это, — произнес он. — Я всегда считал Такумсе самым отважным человеком из тех, кого я знаю. Но он был здесь. Я видел, как он стоял вон там и отдавал приказы. Вот, вот здесь он стоял. Я разглядел его потому, что больше никто не стоял на одном месте так долго. И он был разъярен. Здесь никакой ошибки быть не может.

Армор поверил ему. Все поверили, потому что знали — Так никогда не врет, и если он сказал, что уверен в своих словах, значит, он в них уверен. Но должна же быть какая-то причина…

— А может, он спасал мальчиков, ты об этом подумал? Может, он появился как раз вовремя,

чтобы остановить шайку диких краснокожих от…

— Прихвостень! — заорал кто-то.

— Вы знаете Такумсе! Он не трус, а похитить мальчишек может только трус, вы же знаете этого человека!

— Никто не может знать краснокожего.

— Такумсе не похищал их! — настаивал Армор. — Я это точно знаю.

Внезапно все замолкли, потому что вперед пробился Эл Миллер. Подойдя к своему зятю, Эл Миллер смерил его горящим взглядом, лицо его напоминало ад, настолько он был зол.

— Ты ничего не знаешь, Армор Уивер. Ты последняя дрянь, бесполезная накипь на котле с супом. Сначала ты женился на моей дочери и запретил ей творить обереги, потому что, по-твоему, это деяния дьявола. Затем ты начал якшаться с бродящими вокруг краснокожими. А когда мы задумали поставить частокол вокруг города, ты сказал: нет, не надо превращать город в крепость, иначе у французов появится предлог напасть и сжечь нас. Нет, мы лучше *подружимся* с краснокожими, тогда они не тронут нас, мы будем *торговать* с краснокожими. Посмотри, к чему это привело! Взгляни, что ты натворил! И мы про-

должаем выслушивать твои речи! Я не считаю, что ты продался дикарям, Армор, я считаю, что ты просто самый тупой идиот, который когда-либо переправлялся через Гайо по пути на запад. И тупее тебя только мы, потому что продолжаем слушать твои побасенки!

Затем Эл Миллер повернулся к остальным мужчинам, которые взирали на него с таким трепетом на лицах, словно впервые в жизни лицезрели королевское величие.

— Десять лет мы следовали советам Армора. С меня хватит. Одного сына у меня отнял Хатрак на пути сюда, в его честь назван наш город. Сегодня я лишился еще двоих сыновей. У меня осталось всего пятеро, но клянусь, я сам вложу им в руки ружья и поведу на Град Пророка, чтобы отправить этих проклятых краснокожих прямиком в ад! И пусть мы все погибнем, но я исполню это! Слышите меня?

Его услышали, его невозможно было не услышать. Зазвучали одобрительные крики. Именно в таком слове они сейчас нуждались, в слове ненависти, гнева и мести, и никто не смог бы выразить эти чувства лучше, чем Эл Миллер, который всегда слыл мирным человеком и никогда не вступал ни с кем в споры. То, что он являлся

отцом похищенных юношей, придавало его словам дополнительную силу.

— Насколько я вижу, — продолжал Эл Миллер, — Билл Гаррисон оказался прав. Краснокожему и бледнолицему не ужиться на одной земле. И вот что еще я вам скажу. Я не уеду. Я пролил здесь слишком много крови, чтобы свернуть вещички и сбежать. Я остаюсь — либо на этой земле, либо под ней.

— И мы тоже, — вторили ему мужчины. — Правду говоришь, Эл Миллер. Мы тоже остаемся.

— Благодаря Армору мы так и не построили крепость, а ближайший форт армии Соединенных Штатов — это Карфаген-Сити. Вступив в бой сейчас, мы лишимся всего, потеряем близких и родных. Поэтому мы будем сдерживать краснокожих, насколько это в наших силах, а тем временем кто-нибудь приведет помощь. Пошлем дюжину человек в Карфаген-Сити и попросим Билла Гаррисона прислать нам армию. Может, он даже привезет одну из своих пушек, если сможет. Мои мальчики погибли, тысяча жизней краснокожих за каждого! И этого мне будет мало, чтобы посчитаться за их кровь!

Следующим же утром дюжина всадников выехала на юг. Посланники уезжали с общинных

лугов, повозок на которых все прибавлялось и прибавлялось по мере того, как все больше семей с отдаленных ферм приезжали в город к друзьям и родственникам. Однако Эла Миллера там не было. Вчера его речь привела в движение колеса мести, но вождем он становиться не собирался. Он не жаждал власти. Он просто хотел вернуть своих сыновей.

Зайдя в церковь, Армор в отчаянии рухнул на переднюю скамью.

— Мы допускаем ужасную ошибку, — поведал он преподобному Троуэру.

— Каковую обычно допускают люди, решив действовать, не посоветовавшись с Господом, — кивнул Троуэр.

— Такумсе здесь ни при чем. Я точно знаю. И Пророк тоже.

— Кроме того, никакой он не Пророк, во всяком случае Господь его не направляет, — подтвердил Троуэр.

— И он не убийца, — хмуро промолвил Армор. — Может, Так был прав, может, каким-то образом Такумсе замешан в этом деле. Но я знаю одно: Такумсе — не убийца. Во время войны генерала Уэйна, когда Такумсе был еще юношей, краснокожие как-то замыслили поджечь хижи-

ну, где содержались пленные бледнолицые. В те дни сожжение пленных было не редкостью. По-моему, это были чиппива, если я не ошибаюсь. Но на их пути встал Такумсе, один-единственный шони, и он заставил их остановиться. «Мы хотим, чтобы белый человек уважал нас, чтобы обращался с нами как с нацией, — сказал он. — Вряд ли белый человек проникнется к нам уважением, если мы и дальше будем творить зверства! Мы должны стать цивилизованными. Никаких больше скальпов, никаких пыток, никаких костров, никаких убийств пленных». Вот что он им сказал. И эти слова он не устает повторять. Да, он убивает в битве, но в своих набегах на южных поселенцев он не убил ни единого человека. Ни единого, понимаете?! Если Такумсе действительно захватил этих мальчишек, у него они в безопасности, как дома в маминой постельке.

Троуэр вздохнул.

— Что ж, вы лучше знакомы с краснокожими, чем я.

— Я знаю их лучше, чем кто-либо. — Армор горько расхохотался. — Поэтому меня зовут прихвостнем и не слушают ни единого моего слова. Теперь они решили позвать на помощь этого торговца виски, царька Карфаген-Сити, чтобы он

пришел сюда и разобрался. И он станет героем. Его выберут настоящим губернатором. Да его президентом сделают, если Воббская долина когда-нибудь вступит в США.

— Я не знаком с этим Гаррисоном. Может, он вовсе не такой дьявол, каким вы его рисуете.

Армор рассмеялся:

— Иногда, преподобный, мне кажется, что вы доверчивы, как малый ребенок.

— Этого и добивается от нас Господь. Армор, успокойтесь. Господь не оставит нас, все следует его воле.

Армор закрыл лицо ладонями.

— Надеюсь, преподобный, только на это и надеюсь. Но я не переставая думаю о Мере, который был очень хорошим человеком, лучше и найти нельзя, и об Элвине, том милом мальчике. Подумать только, отец так о нем заботился, столько в него вложил и…

Лицо Троуэра резко помрачнело.

— Элвин-младший, — пробормотал он. — Кто бы мог подумать, что Господь явит свою волю через язычников?

— О чем вы говорите? — удивился Армор.

— Ни о чем, Армор, ни о чем. Просто хочу сказать, что во всем присутствует рука Господня,

абсолютно во всем.

В доме Миллеров, что находился за холмом, Эл сидел за столом и хмуро тыкал ложкой в тарелку. Вчера вечером он не успел поужинать, а за завтраком кусок в горло не полез. Вера взяла у него миску, отнесла на кухню и вернулась. Встав сзади, она принялась растирать мужу плечи. Она ни разу не сказала: «Ведь я ж тебе говорила не отсылать их». Ее пророчество висело между ними подобно мечу, и они не осмелились дотрагиваться друг до друга, опасаясь порезаться.

Молчание прервалось, когда к комнату вошел Нед с винтовкой на плече. Поставив ружье у двери, он взял стул, оседлал его и посмотрел на родителей.

— Они уехали. На юг, за армией.

К его удивлению, отец лишь еще ниже опустил голову, упершись лбом в лежащие на столе руки.

Мать с тревогой взглянула на своего сына.

— Когда это ты успел научиться обращаться с этой штукой?

— Мы с Нетом практиковались, — ответил тот.

— И ты собираешься стрелять из этого ружья в краснокожих?

Нед был удивлен отвращением, прозвучавшим в ее голосе.

— Ну да, — кивнул он.

— А когда все краснокожие умрут, вы стащите их тела в кучу, и вдруг, откуда ни возьмись, из ее середины выпрыгнут Мера с Элвином и вернутся ко мне домой, да?

Нед покачал головой.

— Прошлой ночью какой-то краснокожий вернулся к своей семье, гордясь, что убил сыновей бледнолицых. — Ее голос перехватило, но она все равно продолжала, потому что Вера Миллер всегда договаривала до конца то, что намеревалась сказать: — Может быть, его жена или мама похлопали его по плечу, поцеловали в щечку и подали ему ужин. Но не дай Бог, ты посмеешь войти в эту дверь и похвастаться тем, что убил краснокожего. Потому что от меня ты еды не получишь, как не дождешься поцелуев и поощрений. Я ни слова тебе не скажу, у тебя не будет дома и не будет мамы, слышишь меня?

Он слышал, но то, что он услышал, ему крайне не понравилось. Он встал, подошел к двери и взял винтовку.

— Ты можешь думать что хочешь, мама, — сказал он, — но это война, и я действительно намереваюсь убивать краснокожих. Я вернусь домой и буду гордиться тем, что совершил. И

если ты после этого откажешься быть моей матерью, то тебе лучше прямо сейчас забыть, что я твой сын, а не дожидаться моего возвращения. — Он открыл дверь, но, прежде чем хлопнуть ею, несколько помедлил. — Выше нос, мам. Может, я вообще не вернусь.

Он ни разу в жизни не разговаривал подобным образом с собственной матерью и не считал, что сейчас поступил правильно. Просто-напросто она лишилась ума, она не понимала, что началась война, что краснокожие открыли сезон охоты на бледнолицых и что выбора не остается.

Продолжая думать о родителях, он вскочил на лошадь и направился к дому Дэвида. Больше всего Неда сейчас беспокоило то, что папа плакал. Нед, конечно, не мог ничего утверждать, но ему показалось, что отец плакал. Что случилось? Вчера папа так горячо выступал против краснокожих, а сейчас, когда мама осудила войну, всего лишь молча разрыдался. Может быть, стареет, вот и стал таким? Во всяком случае Неду до этого не было никакого дела. Может, папа и мама не хотят убивать похитителей собственных сыновей, но Нед точно знал, как поступить с теми, кто убил его братьев. Их кровь — это его кровь, и тот, кто посмел пролить ее, лишится собственной

крови. Расплатится галлоном за каждую пролитую каплю.

Глава 9
ОЗЕРО МИЗОГАН

За всю свою жизнь Элвин не видел столько воды сразу. Он стоял на вершине невысокой дюны и изумленно глядел на озеро. Мера высился рядом, рука его покоилась на плече Эла.

— Папа сказал, чтобы я держал тебя подальше от воды, — вздохнул Мера, — и ты посмотри, куда тебя привели.

С озера дул жаркий, сильный ветер, его порывы подхватывали с земли песчинки, стреляя ими, словно крошечными стрелами.

— Тебя привели вместе со мной, — возразил Эл.

— Похоже, вскоре начнется буря.

В юго-западной части неба собирались черные, уродливые облака. Одной грозой здесь дело не обойдется. Лик облаков прорезала кривая черта молнии. Вскоре донеслись раскаты далекого, приглушенного расстоянием грома. Глядя на небо, Элвин вдруг почувствовал, что зрение его внезапно обострилось. Он начал видеть гораздо лучше, чем прежде, он различал клубящиеся,

разрываемые ветром кипы облаков, чувствовал жар и холод туч, ледяной воздух, опускающийся на землю, и жаркий пар, стремящийся ввысь. Громадный круг неба бурлил и клокотал.

— Торнадо, — сказал Эл. — Буря несет торнадо.

— Я ничего не вижу, — удивился Мера.

— Приближается смерч. Посмотри вон туда, видишь, как закручивается воздух?

— Я верю, Эл. Но здесь негде спрятаться.

— Эти люди… — обернулся Элвин. — Если смерч застанет нас здесь…

— С каких это пор ты начал предсказывать погоду? — поинтересовался Мера. — Раньше ты этого не делал.

Эл не знал, что ответить брату. Он не припоминал, чтобы надвигающаяся буря отзывалась внутри него подобным образом. Она походила на зеленую музыку, которую он слышал вчера, — с тех пор как его пленили краснокожие, произошло много странного. Но нельзя тратить время на поиски ответа, откуда он узнал о торнадо, — он знал, и этого достаточно.

— Я должен предупредить их.

Элвин повернулся и стремительно бросился вниз по склону дюны. Он даже не бежал, а прыгал — прыжок, нога касается земли, отталкивается,

и снова следует прыжок. Он никогда не бегал так быстро. Опомнившись, Мера кинулся следом, крича:

— Нам же сказали стоять здесь, пока не…

Ветер подхватил и унес его слова. У подножия дюны бесновались песчинки: ветер снимал с дюн целые слои песка, бросал в разные стороны и, наигравшись, отпускал. Элу пришлось закрыть глаза, заслониться рукой, отвернуться, чтобы песок не ослепил его. Он направился к большой группе краснокожих, собравшихся у кромки озера.

Такумсе найти было нетрудно, но вовсе не потому, что он выделялся своим огромным ростом. Просто остальные краснокожие не осмеливались приблизиться к нему, и он гордо возвышался посреди толпы, словно король. Эл подбежал прямо к нему.

— Торнадо идет! — закричал он. — Буря несет смерч!

Такумсе, откинув голову, расхохотался, но ветер был настолько силен, что Эл не услышал его. Затем Такумсе протянул над головой Элвина руку и коснулся плеча стоящего рядом краснокожего.

— Вот этот мальчишка! — крикнул Такумсе.

Эл перевел взгляд на человека, к которому об-

ращался Такумсе. Этот краснокожий, в отличие от Такумсе, нисколько не походил на короля. Он немножко сутулился, и один глаз на его лице отсутствовал, веко прикрывало пустоту. Однако тело его было подтянуто, руки покрывали тугие узлы не мускулов, но сухожилий, костлявые ноги твердо стояли на земле. Подняв голову, Элвин с первого взгляда узнал краснокожего. Ошибки быть не могло.

Ветер на несколько мгновений затих.

— Сияющий Человек, — выдохнул Элвин.

— Мальчик — повелитель тараканов, — промолвил Тенскватава, Лолла-Воссики, Пророк.

— Так ты настоящий, — неверяще произнес Элвин.

Значит, это был не сон, не видение. У подножия его кровати стоял настоящий человек. Он то появлялся, то исчезал, и лицо его сияло, как солнце, так что больно было смотреть… Это был тот самый человек.

— У меня не получилось исцелить тебя! — сказал Элвин. — Извини.

— Ты ошибаешься, — возразил Пророк.

Затем Элвин вдруг вспомнил, почему он решился сбежать с дюны и вмешаться в разговор двух величайших краснокожих во всем мире, двух

братьев, чьи имена были известны всем мужчинам, женщинам и детям к западу от Аппалачей.

— Надвигается торнадо! — выкрикнул он.

И ветер, как бы в подтверждение, снова хлестнул по коже, завыв, словно пес. Элвин повернулся и увидел, что предчувствие его не обмануло. Из огромных туч появились четыре смерча, напоминающие свисающих с деревьев змей. Они неторопливо ползли, приближаясь к земле и готовясь вонзить свое жало. Четыре торнадо, развернувшись, направились прямиком к стоящим у берега людям.

— Давай! — закричал Пророк.

Такумсе протянул брату стрелу с наконечником из кремня. Пророк сел на песок, вонзил острие в пятку левой ноги, затем разрезал правую ступню. Кровь ручьем потекла из ран. То же самое Пророк проделал с руками, вонзив наконечник так глубоко, что его острие вышло с обратной стороны ладоней.

Вскрикнув от ужаса, Эл, ни секунды не раздумывая, проник в тело Пророка, чтобы исцелить страшные раны.

— Стой! Не надо! — приказал Пророк. — Это сила краснокожего, кровь его тела, огонь земли.

Затем он повернулся и ступил в озеро Мизоган.

Впрочем, нет, не в озеро. А *на* озеро, *на* его поверхность. Эл глазам своим не поверил, но вода под кровоточащими ногами Пророка стала плоской и гладкой, как стекло, так что Пророк спокойно удерживался на поверхности. Темно-алая кровь образовывала небольшой островок. Буквально в нескольких ярдах вода продолжала бесноваться, влекомые ветром волны заливали застывшую поверхность, но тут же успокаивались и стекленели.

Пророк неуклонно шел вперед, двигаясь к центру озера. Его кровавые следы создавали ровную тропинку посреди бури.

Эл оглянулся на смерчи. Они приблизились, нависли прямо над головой. Эл чувствовал, как они кружатся внутри него, словно его тело превратилось в часть облаков, а торнадо отражали великие чувства, бурлящие в его душе.

Остановившись, Пророк поднял руки и указал на один из смерчей. Остальные три сразу устремились вверх, втянулись обратно в тучи и исчезли. Оставшийся двинулся к Пророку и замер прямо над ним, кружась в сотне футов над его головой. Вода, заливающая застывшую стеклянную тропинку, принялась подниматься вверх, как будто тоже намереваясь нырнуть в

облака. Ею завладел закручивающийся внутри смерча ветер.

— Иди! — крикнул Пророк.

Элвин не мог слышать его, но он видел его глаза, заметил движение его губ, поэтому без малейших колебаний повиновался. Элвин уверенно шагнул на поверхность воды.

Когда Эл ступил на теплое, ровное стекло проложенной Пророком тропинки, Мера отчаянно завопил и рванулся к брату, пытаясь вытащить его на сушу. Помешали краснокожие, которые, предугадав намерения Меры, схватили его за руки и удержали на месте. Мера вырывался и кричал, приказывая Элвину вернуться, не ходить, не ходить в озеро…

Элвин услышал брата. Он и сам не меньше напугался. Но Сияющий Человек, стоящий на поверхности воды, под воронкой торнадо, ждал его. Внутри себя Эл ощутил непреодолимое желание, которое, наверное, давным-давно позвало Моисея, когда тот увидел горящий куст. «Пойду и посмотрю», — сказал Моисей[17]. То же самое сказал Элвин: «Я должен увидеть». Потому что такого в естественной вселенной происходить не

[17] Примечания: 17

из горящего тернового куста к Моисею впервые воззвал Господь, сделав Моисея своим пророком (Библия, Исход, глава 3)

могло. Тем не менее это происходило. Элвин никогда не слышал, чтобы заклинанием, заклятием или колдовством можно было вызвать торнадо и превратить поверхность бушующего озера в стекло. Элвин не сомневался — то, что творит сейчас этот краснокожий, очень важно. Такого он никогда не видел и вряд ли когда-нибудь еще увидит.

Кроме того, Пророк любил его. В этом Эл ни секунды не сомневался. Четыре года тому назад Сияющий Человек появился в его комнате и научил его, как пользоваться своей силой. Эл вспомнил, что тогда Сияющий Человек тоже разрезал себе руку. В свои творения Пророк вкладывал собственную кровь и боль. В этом было нечто величественное. Шагая по застывшей воде, Эл ощущал благоговение перед этим человеком, и за это его нельзя было винить.

Тропка позади него постепенно растворялась и исчезала, снова превращаясь в обыкновенную воду. Он чувствовал, как волны лижут ему пятки. Ощутив первое прикосновение воды, Элвин напугался, но пока что с ним ничего дурного не произошло, поэтому он продолжал идти. В конце концов он встал рядом с Пророком. Краснокожий протянул руку и взял ладонь Элвина.

— Стой со мной, — прокричал Пророк. — Ты сейчас находишься в зенице земли. Смотри!

Торнадо с устрашающей скоростью ринулся вниз, вода огромной стеной окружила их. Элвин и Пророк оказались в самом центре смерча, их несло вверх…

Но внезапно Пророк поднял кровоточащую руку и коснулся водоворота. Воронка сразу застыла, превратившись в стекло. Но нет, не совсем в стекло. Застывшая вода своей чистотой напоминала дождевую, бриллиантовую каплю на тоненькой паутинке. Буря прекратилась. Эл и Сияющий Человек очутились посреди хрустальной башни, прозрачной и переливающейся всеми цветами радуги.

Но Эл, взглянув в радужное окно хрустальной стены, не увидел ни озера, ни туч, ни берега. Вместо этого он увидел множество других вещей.

Он увидел повозку, угодившую в жадные объятия разлившейся реки, дерево, несущееся вниз по течению, подобно тарану, и юношу, вцепившегося в ветви и толкающего ствол прочь от повозки. Затем запутавшегося в сучьях юношу ударило со всей силы, раздавило о валун и понесло вниз по течению. Его голова то поднималась над водой, то скрывалась под поверхностью, он отчаянно

хотел жить, он должен был дышать, должен был продержаться еще немножко, хоть чуть-чуть…

Он увидел женщину, носящую внутри себя ребенка, и маленькую девочку, стоящую рядом и касающуюся ее живота. Девочка вдруг что-то выкрикнула, и повитуха сунула руку внутрь, ухватила пальцами головку младенца и принялась тащить. Ручьем хлынула кровь роженицы. Маленькая девочка поднырнула под руку повитухи и сняла что-то с лица ребенка. Младенец издал свой первый крик. Юноша в реке каким-то образом услышал этот крик, понял, что держался не напрасно, — и умер.

Элвин не понял, что все это означало. Но Пророк, склонившись к его уху, шепнул:

— Сначала тебе является день твоего рождения.

Младенцем оказался Элвин-младший, а юношей, который погиб, был его брат Вигор. Но кто эта девочка, которая сняла с его лица сорочку? Прежде Эл ее никогда не видел.

— Я покажу тебе, — кивнул Пророк. — Этот город существует очень недолго, поэтому я сначала должен сам кое-что увидеть, но я обязательно тебе все покажу.

Он взял Элвина за руку, и они начали подни-

маться вверх сквозь колонну стекла.

Это нельзя было назвать полетом, птицы летают несколько иначе. Просто верх и низ вдруг исчезли. Пророк тянул Элвина, но кто поднимал Пророка? Впрочем, это неважно. Слишком многое надо было увидеть. Зависнув в воздухе, он мог смотреть сквозь прозрачные стены замка в любом направлении. Наконец он понял, что сквозь стекло можно различить каждый момент времени, каждую человеческую жизнь. Но как здесь не запутаться? Как отыскать историю отдельной жизни в сотнях, тысячах, миллионах мгновений прошлого?

Пророк остановился и подтянул мальчика вверх, чтобы тот увидел то, что видел Пророк. Их щеки прижались друг к другу, их дыхание смешалось, стук сердца Пророка громом отозвался в ушах Элвина.

— Смотри, — велел Пророк.

Перед Элвином предстал город, сияющий в солнечных лучах город. Башни его, такое впечатление, были высечены из льда или кристально чистого стекла, потому что, даже когда солнце садилось, город по-прежнему сверкал, и ни одной тени не падало на окружающие его луга. Внутри того города жили люди, их яркие силу-

эты передвигались вверх-вниз по башням, но ни лестниц, ни крыльев Элвин не заметил. Однако куда важнее было не то, что он увидел, а то, что он ощутил, посмотрев на хрустальные стены. Он ощутил не умиротворение, наоборот, он почувствовал необыкновенное возбуждение, его сердце молотом застучало в груди. Люди, живущие в городе, не были совершенны — они сердились, они печалились. Но никто из них не голодал, никто не испытывал злобы, и никого не надо было принуждать что-то там делать.

— Где находится такой город?! — восхищенно прошептал Элвин.

— Я не знаю, — ответил Пророк. — Каждый раз, когда я прихожу сюда, он меняется. Иногда его пронизывают высокие изящные башни, иногда он состоит из больших хрустальных пещер, иногда люди живут в море хрустального огня. Мне кажется, этот город не раз строился в прошлом. И думаю, что его надо построить вновь.

— И ты собираешься его построить? Ты для этого создал свой Град?

Слезы навернулись на глаза Пророка — ручейками сбежали из здорового глаза, закапали из пустой глазницы.

— Краснокожему в одиночку такое не постро-

ить, — промолвил он. — Мы — часть земли, а этот город не просто земля. Земля есть хорошая, а есть плохая, жизнь и смерть переплетаются воедино в зеленой тишине.

Элвин вспомнил зеленую музыку, но ничего не сказал, потому что Пророк говорил важные и нужные вещи, а у Элвина хватило ума, чтобы понять — иногда лучше слушать не перебивая.

— Но этот город, — продолжал Пророк, — этот хрустальный город — светел без тени, чист без грязи, здоров без болезни, силен без слабости, сыт без голода, напоен без жажды. Это жизнь без смерти.

— Люди, которых я видел, не все были счастливы, — заметил Эл. — Они не могут жить вечно.

— Ага, — догадался Пророк, — стало быть, ты видел не то, что видел я.

— Они строили его. — Эл нахмурился. — С одной стороны они строили его, а в противоположном конце он разрушался.

— Тот город, что вижу я, никогда не рухнет, — сказал Пророк.

— Так в чем же различие? Почему мы видим разные города?

— Не знаю. Этого я никогда и никому не показывал. А теперь спускайся и жди меня внизу. Я

должен кое-что увидеть, прежде чем время опять стронется с места.

Стоило Элу подумать о том, что надо каким-то образом спуститься, как он принялся падать, и вскоре его ноги снова коснулись чистого, прозрачного пола. Пола? Насколько он понял, этот пол вполне мог являться потолком. Снизу струился прежний яркий свет, ничем не отличающийся от сияния стен. И в полу он тоже увидел картинки.

Он увидел огромное облако пыли. Оно вращалось все быстрее и быстрее, но вместо того чтобы разбрасывать пыль в стороны, облако втягивало ее в себя. Вдруг оно начало мерцать, потом загорелось и неожиданно превратилось в самое настоящее солнце. Элвин знал кое-что о планетах, о них ему рассказывал Троуэр, поэтому он вовсе не удивился, когда яркие лучики света внезапно померкли. Но облако не превратилось в скопище темной пыли, оно распалось на миры, между которыми пролегло открытое, пустое пространство. Он увидел Землю, маленькую планетку, но, приблизившись, он оценил, насколько она огромна. Планета быстро вращалась, поворачиваясь к солнцу то одной стороной, то другой. Казалось, он стоит в небе и смотрит на залитое светом бесконечное пространство, однако все,

что происходило на просторах Земли, было различимо до мельчайших деталей. Сначала были голые камни, извергающиеся вулканы; потом из океанов появились растения, выросли высокие папоротники и деревья. Он заметил плеснувшуюся в море рыбу, ползающих в линии приливов существ, которые позднее переродились в жучков-паучков — они прыгали, ели листья, ловили и пожирали друг друга. Затем животные принялись расти, перемены в них происходили настолько быстро, что Элвин уже не успевал за всем следить. Земля вращалась, а он все смотрел и смотрел. Из маленьких существ выросли громадные монстры, о которых он слыхом не слыхивал. У некоторых из них были длинные змеиные шеи, а их челюсти легко могли перекусить пополам толстенное дерево. Вскоре они тоже исчезли, и на их место пришли слоны, антилопы, тигры и лошади — животные принимали свой привычный облик. Однако нигде Элвин не видел человека. Он обнаружил обезьян и прочих волосатых тварей, которые швырялись друг в друга камнями и ходили на задних лапах. Но выглядели они не умнее обыкновенной жабы.

Но вот в конце концов он обнаружил людей, хотя сначала принял их за каких-то животных,

потому что они были черными, а он за всю свою жизнь видел всего лишь одного чернокожего. Этот чернокожий был рабом у мелкого торговца из Королевских Колоний, который проездом посетил Церковь Вигора примерно года два назад. Но эти люди, несмотря на цвет кожи, выглядели действительно разумными. Они собирали фрукты с деревьев и ягоды с кустов, кормили друг друга, и за ними по пятам бегали толпы маленьких чернокожих детишек. Двое юношей затеяли драку, и большой убил того, что поменьше. Вернувшись, отец избил совершившего убийство юношу и прогнал его прочь. Подняв с земли мертвое тело сына, он принес его матери. Они вместе поплакали над ним, потом уложили мертвого мальчика в ямку и завалили камнями. Затем вновь собрали свою семью и двинулись дальше. Не успели они сделать и пару шагов, как снова принялись за еду. Слезы высохли, и семья принялась жить дальше. «Это настоящие люди, — подумал Элвин. — Они ведут себя как самые настоящие люди».

Земля продолжала вращаться, и после очередного оборота планету целиком заселили люди всех цветов и окрасок — в жарких странах цвет кожи был потемнее, в холодных — посветлее. Но тут в полосе солнечного света появилась

Америка. В Америке все люди были похожи друг на друга; где бы они ни жили — на юге или на севере, в холодных областях или жарких, среди ливней или засух, — их кожа была одинакового темно-красного цвета. Это было несколько странно, потому что другой материк, побольше, населенный всевозможными расами и нациями, менялся с каждым оборотом Земли. Страны перемещались с одного места на другое, все постоянно находилось в движении, каждую минуту начиналась новая война. Материк поменьше, Америку, тоже терзали войны, но течение жизни на нем было медленнее, мягче. Здесь люди жили в ином ритме. Эта земля обладала собственным сердцем, жила своей жизнью.

Время от времени из старого мира в Америку приплывали люди — в основном это были рыбаки. Они сбивались с курса, их уносило бурей, они бежали от своих врагов. Они приходили и на какое-то время подчиняли себе землю, пытались быстрее строить, быстрее размножаться, убивать побольше. Их желания напоминали болезнь. Но потом они либо присоединялись к краснокожим и растворялись среди них, либо погибали. Никому не удавалось следовать порядкам старого мира.

«До сегодняшнего дня, — подумал Элвин. — Мы оказались слишком сильны для этой страны. Когда ты несколько раз подряд простужаешься, то начинаешь думать, что больше по-настоящему не заболеешь, но потом подхватываешь оспу и понимаешь, что на самом деле никогда толком и не болел».

Элвин ощутил на плече чью-то руку.

— Вот ты чем заинтересовался, — сказал Пророк. — Ну и что ты увидел?

— Мне кажется, я видел сотворение мира, — ответил Эл. — Как в Библии. По-моему, мне явилось…

— Я знаю, что ты увидел. Приходящие сюда все видят одно и то же.

— Ты же говорил, что, кроме меня и тебя, здесь никого не было.

— Это место… Понимаешь, существует множество дверей. Некоторые идут сквозь огонь. Кое-кто проходит водой. Другие попадают сюда через землю. А некоторые оказываются здесь, упав с высокой скалы. Они приходят сюда и видят. Вернувшись, они рассказывают то, что запомнили, то, что поняли. Пока им хватает слов, они говорят, а другие слушают и запоминают. Запоминают столько, сколько способны осмыс-

лить. Здесь видят.

— Я не хочу уходить, — пожаловался Элвин.

— Тот, другой, тоже не хочет.

— Другой? Здесь что, есть еще кто-то?

Пророк покачал головой.

— Здесь, кроме нас, никого нет. Но я чувствую его в себе, чувствую, как он смотрит через мой глаз. — Он дотронулся до скулы рядом со здоровым глазом. — Не через этот, через другой.

— И кто это такой?

— Это белый человек, — ответил Пророк. — Но это не имеет значения. Кто бы он ни был, он не причинит вреда. Может, наоборот, принесет пользу. А теперь пойдем.

— Но я хочу узнать истории, которые хранит это место!

Пророк рассмеялся:

— Ты можешь жить вечно и все равно не увидишь всех историй, хранящихся здесь. Они изменяются быстрее, чем человеческий глаз способен уследить.

— Я вернусь сюда когда-нибудь? Я хочу увидеть все, все-все!

— Мне больше не доведется привести тебя сюда, — произнес Пророк.

— Почему? Я плохо себя вел?

— Тс-с, мальчик. Я не приведу тебя сюда, потому что сам больше никогда не увижу это место. Сегодня я побывал здесь в последний раз. Я видел конец моих сновидений.

Только сейчас Элвин заметил, насколько опечален Пророк. На лице его отражалась безмерная скорбь.

— Здесь я видел тебя. Я видел, что должен показать тебе это место. Видел, как тебя пленили чоктавы. Я послал своего брата, чтобы он привел тебя ко мне.

— Ты взял меня с собой, и поэтому тебе запретили здесь появляться?

— Нет. Просто земля сделала свой выбор. Вскоре наступит конец. — Он улыбнулся, но в улыбке той промелькнула печаль. — Твой священник, преподобный Троуэр, как-то сказал мне: «Если нога твоя смертельно заболеет, отсеки ее»[18]. Правильно?

— Я этого не помню.

— Зато я помню, — промолвил Пророк. — Эта часть земли смертельно больна. Надо отсечь ее, чтобы выжила остальная земля.

— Что ты хочешь сказать? — Элвин вспомнил,

---

[18] Примечания: 18

измененные слова Иисуса — «Если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее» (Библия, Евангелие от Марка, глава 9, 45)

как на его глазах куски земли отваливались и тонули в море.

— Краснокожие уйдут на запад от Миззипи. Белый человек останется на востоке. Та земля, где поселятся краснокожие, будет жить. Та земля, которая останется белым, умрет. Ее заполнят дым и металл, ружья и смерть. Краснокожий, который осмелится остаться на востоке, превратится в бледнолицего. А белый человек никогда не появится в западных краях от Миззипи.

— Но на западе от Миззипи уже живут белые поселенцы. В основном это трапперы и торговцы, но там недавно обосновались несколько фермеров…

— Знаю, — кивнул Пророк. — Однако то, что мне сегодня явилось… Я узнал, как сделать так, чтобы белый человек больше не появлялся на западе, а краснокожий — на востоке.

— И как же?

— Если я скажу, — ответил Пророк, — этого не случится. Кое-что из того, что ты здесь видишь, нельзя никому рассказывать, иначе все изменится.

— Ты говоришь о хрустальном городе?

— Нет, — горько улыбнулся Пророк. — О реках крови. О лесе из железа.

— Покажи мне! — топнул ногой Элвин. — Покажи, что ты видел.

— Нет, — произнес Пророк. — Ты не сумеешь сохранить это в тайне.

— Почему? Я свое слово никогда не нарушаю.

— Ты можешь хоть весь день клясться и обещать, но, увидев, расплачешься от страха и боли. И расскажешь своему брату. Своей семье.

— С ними что-то случится?

— Никто из твоих близких не погибнет, — пообещал Пророк. — Им ничего не грозит, и они будут живы, когда это закончится.

— Покажи!

— Нет, — еще раз сказал Пророк. — Я сейчас разрушу замок, а ты запомни, что мы делали и о чем говорили здесь. Вернуться сюда и снова увидеть это ты сможешь, если только найдешь хрустальный город.

Подойдя к стене, Пророк встал на колени. Засунув свои окровавленные пальцы в щель рядом с полом, он поднял стену. Стена взлетела ввысь, растворилась, превратилась в ветер. Они снова очутились на том месте, которое, казалось, покинули много часов тому назад. Вода, буря, смерч уносились навстречу нависшим облакам. Озеро озарила вспышка молнии, и полил дождь, скрыв

берег сплошной пеленой. Капли, падающие на хрустальную площадку, на которой стояли Элвин с Пророком, тоже превращались в стекло, становились частью затвердевшей стихии.

Пророк подошел к краю поверхности и ступил на бурлящую воду. Она сразу затвердела у него под ногой, хотя немножко подалась — тропинка уже не обладала былой твердостью. Пророк обернулся, взял Элвина за руку и потянул за собой по дорожке, которую он создавал на поверхности озера. Но она уже не была такой гладкой и твердой, и чем дальше они шли, тем неустойчивее она становилась. Тропинка ходила под ногами из стороны в сторону и скользила, переваливая через холмы волн.

— Мы слишком задержались! — крикнул Пророк.

Элвин чувствовал, как под тонкой скорлупой хрусталя перекатывается злобная черная вода. Ничто, пустота из старого ночного кошмара вернулась, она стремилась пробиться сквозь хрусталь, схватить Эла, засосать его, унести, утопить, разодрать на кусочки, на мелкие, не видные взгляду пылинки, и рассеять во тьме.

— Я не виноват! — закричал Элвин.

Пророк повернулся, поднял его и посадил себе

на плечи. Дождь обрушился на них с новой силой, ветер пытался скинуть Элвина с плеч Пророка. Элвин вцепился в волосы Тенскватаве. Он видел, что ноги Пророка с каждым шагом все глубже погружаются в воду. За ними и следа дорожки не осталось, площадка давно растворилась, на ее месте высились грозные волны.

Пророк споткнулся и упал. Элвин тоже упал, осознавая, что сейчас утонет…

И вдруг его руки ощутили мокрый песок пляжа, на него накатывали волны, вымывая песчинки, пытаясь утянуть мальчика обратно в озеро. Но чьи-то сильные руки подхватили его и потащили подальше от воды, к дюнам.

— Пророк, он остался в озере! — крикнул Элвин.

Или подумал, что крикнул, — голос его превратился в шепот, он едва мог вымолвить слово. Его все равно бы никто не услышал в завывающих порывах ветра. Он открыл глаза, и тут же ему в лицо ударили песок и дождь.

Внезапно к его уху прижались губы Меры.

— С Пророком все в порядке! — прокричал брат. — Такумсе вытащил его! А я уж было похоронил тебя, когда вас засосал тот смерч! Ты как?

— Я столько всего видел! — ответил Элвин.

Но он очень ослаб и не смог больше выдавить ни звука, поэтому Элвин поддался усталости, позволил телу обмякнуть и провалился в беспокойный сон.

Глава 10
ИСПЫТАНИЕ

Мера плохо знал Элвина, слишком плохо. Мера счел, что после того случая с торнадо Элвин станет более осторожным, захочет побыстрее покинуть это место. Однако с Элвина как с гуся вода — мальчик, наоборот, как привязанный ходил за Пророком, с открытым ртом выслушивая его истории и извращенные афоризмы в стихах, которые тот излагал.

Один раз, выбрав минутку, когда Элвин, вопреки обычному, задержался рядом с братом, Мера спросил, чем его так привлекает Пророк.

— Даже когда эти краснокожие говорят по-английски, я и то не понимаю их. Они говорят о земле как о живом человеке, твердят, что надо брать только те жизни, которые сами отдают себя, о том, что земля к востоку от Миззипи умирает, — как же она умирает, Эл, если всякий дурак видит, что она живехонька? Даже если она заболела оспой, чумой и подхватила десять тысяч заусениц, все равно никакой доктор ее не вылечит.

— Тенскватава знает, как ее спасти, — возразил

Элвин.

— Вот пусть он ее и лечит, а мы пойдем домой.

— Мера, давай побудем здесь еще немножко.

— Мама и папа с ума сходят от беспокойства, они думают, мы погибли!

— Тенскватава говорит, что земля следует своим путем.

— Опять ты за свое! Земля землей, а папа тем временем вместе с соседскими фермерами прочесывает леса в наших поисках!

— Тогда иди без меня.

Но к *такому* повороту событий Мера был еще не готов. Ему совсем не хотелось оправдываться перед мамой, почему он вернулся домой без Элвина. «Да нет, мам, когда я уходил, с ним все было нормально. Так, игрался с торнадо и ходил по воде с одноглазым краснокожим, ничего особенного. Он вернется домой немножко погодя, ну ты ж знаешь десятилетних мальчишек, им как в голову что-нибудь втемяшится…» Нет, Мера еще не созрел возвращаться домой без Элвина. А Эла насильно за собой не поволочешь. Мальчик даже слушать не будет о побеге.

Хуже всего то, что Элвина все любили, общались с ним по-английски и на языке июни, тогда как с Мерой не заговаривала ни единая живая

душа, кроме Такумсе и Пророка, которые и так все время чесали языками и которым было все равно, слушает их кто-нибудь или нет. Целыми днями Мера одиноко слонялся по дюнам. Но далеко его не пускали. С ним никто не говорил, но стоило ему направиться к лесу, как кто-нибудь обязательно пускал вдогонку стрелу, которая с противным чмоканьем вонзалась в песок прямо у его ног. Краснокожие, в отличие от Меры, не сомневались в точности своего прицела. А вот Мера постоянно гадал, что бы было, если б стрела случайно отклонилась чуть-чуть в сторону и попала в него.

Обдумав как следует идею о побеге, Мера счел ее крайне глупой. Не пройдет и часа, как его выследят. Правда, он никак не мог понять, почему его не отпускают. Зачем он этим краснокожим? Он был бесполезен, никому не нужен. Сами краснокожие поклялись, что ни убивать, ни пытать его не собираются.

На четвертый день, однако, все разрешилось. Он подошел к Такумсе и *потребовал*, чтобы его отпустили. На лице Такумсе отразилось обычное для этого краснокожего раздраженное недовольство. Но на этот раз Мера отступать не намеревался.

— Ты что, не понимаешь, что держать нас здесь — это глупость, идиотство?! Мы ж не просто так исчезли, испарились без следа. Наших лошадей наверняка нашли, а на них стояло твое имя.

Неожиданно Мера осознал, что Такумсе ведать не ведал о каких-то там лошадях.

— Я не ставлю свое имя на лошадях.

— На седлах, вождь, не на самих лошадях. Разве ты не знал? Эти чоктавы, которые пленили нас, — к твоему сведению, я до сих пор сильно сомневаюсь, что действовали они не по твоему поручению, — они вырезали твое имя на седле моей лошади и ткнули ее ножом, чтоб бежала побыстрее. А имя Пророка было вырезано на седле Элвина. Лошади наверняка помчались прямиком домой.

Лицо Такумсе потемнело, глаза его сверкнули, как молнии. «Да, примерно так и должно выглядеть небесное божество», — подумал при этом Мера.

— Эти бледнолицые… — произнес Такумсе. — Они подумают, что это я похитил вас.

— Ты что, в самом деле не знал? — удивился Мера. — Тогда другое дело. Вы, краснокожие, ведете себя так, будто вам ведомо все и вся. Я пытался рассказать об этом твоим парням, но они только

поворачивались ко мне спиной. Тогда как никто из вас не знал об этом.

— Я не знал, — поправил Такумсе. — Но кое-кто знал.

Он быстрыми шагами направился прочь, увязая по щиколотку в мягком песке, по потом вдруг снова обернулся:

— Пошли, ты мне нужен!

И Мера последовал за ним к покрытому древесной корой вигваму, где Пророк устроил свою воскресную школу или как там это у него называлось. Такумсе не стеснялся в выражении своих чувств — уж очень он разозлился. Не произнеся ни слова, он обошел вокруг вигвама, откидывая ногами валуны, которые прижимали его шкуры к песку. Затем он нагнулся, ухватился за низ пальцами и потянул.

— Надо вдвоем, — сказал он.

Мера подошел, просунул пальцы под вигвам и досчитал до трех. Затем рванул. Но Такумсе не помог ему, поэтому вигвам поднялся всего лишь на шесть дюймов, после чего упал назад.

Мера зарычал от обиды и разъяренно воззрился на Такумсе.

— Ты чего не тянул?

— Ты досчитал только до трех, — объяснил

Такумсе.

— Вот именно, вождь. Раз, два, три.

— Вы, бледнолицые, дураки. Каждый знает, что силу несет в себе число «четыре».

Такумсе досчитал до четырех. На этот раз дружными усилиями они подняли вигвам и перевернули. Разумеется, к этому времени находящиеся внутри него уже поняли, что происходит, но никто не стал ни кричать, ни возражать. Вигвам покатился по песку, словно черепаха, которую пнули ногой. На одеялах, скрестив ноги, сидели Пророк, Элвин и несколько краснокожих, но одноглазый Тенскватава продолжал вещать, как будто ничего не случилось.

Такумсе что-то заорал на языке шони, а Пророк ему ответил — сначала спокойно, но вскоре и его голос повысился. Исходя из собственного опыта, Мера знал, что подобная ссора обязательно заканчивается дракой. Но эти краснокожие оказались исключением из правил. Они орали добрых полчаса, после чего замолкли, тяжело дыша и меряя друг друга злобными взглядами. Тишина длилась всего несколько минут, но, казалось, прошло куда больше времени, чем когда они ссорились.

— Ты что-нибудь понял? — спросил Мера у Элвина.

— Пророк предупредил меня, что сегодня придет Такумсе и будет очень злиться.

— Раз он знал об этом, почему не попытался что-нибудь изменить?

— Он очень осторожен. Чтобы земля поделилась между бледнолицыми и краснокожими, все должно идти так, как должно. Если вдруг помешать какому-нибудь событию произойти, это может все разрушить, все переиначить. Пророк знает, что нас ждет в будущем, но никому не говорит, потому что мы можем все испортить.

— Что толку тогда знать будущее, если в нем ничего нельзя менять?

— Это тебе так кажется, — ответил Элвин. — На самом деле Пророк меняет его, просто никому ничего не говорит. Именно поэтому он создал хрустальную башню накануне той бури. Он должен был увериться, что видение будущего не изменилось и все идет как должно, он должен был удостовериться, что не произошло ничего непоправимого.

— Тогда чего они лаются? Они ж сейчас подерутся!

— Это ты мне скажи, Мера. Это ты помогал ему переворачивать вигвам.

— Я просто рассказал ему о том, что его имя и

имя Пророка были вырезаны на наших седлах.

— Он и так это знал, — пожал плечами Элвин.

— Ну, вел он себя так, будто никогда об этом не слышал.

— Я сам рассказал об этом Пророку — на следующий же день после того, как он отвел меня в башню.

— А тебе не приходило в голову, что Пророк ничего не сказал Такумсе?

— Как не сказал? — не понял Элвин. — Чего ему скрывать?

Мера с мудрым видом кивнул:

— У меня такое ощущение, что именно этот вопрос и задал Такумсе своему братцу.

— Но скрывать наше спасение — это безумство, — удивился Элвин. — Я подумал, Такумсе сразу послал кого-нибудь в город с вестью, что с нами все в порядке.

— А знаешь, что я думаю, Эл? Я думаю, твой Пророк делает из нас идиотов. Я понятия не имею, зачем ему это, но, по-моему, он разработал свой план, и согласно этому плану нас нужно держать подальше от дома. А поскольку вся наша семья, соседи и прочие фермеры наверняка уже схватились за оружие, ты можешь догадаться, что произойдет. Пророк хочет, чтобы мы немножко

постреляли друг друга.

— Нет! — воскликнул Элвин. — Пророк говорит, что ни один человек не может убить другого человека, если тот не хочет умирать. Он говорит, что убить бледнолицего — это все равно что подстрелить волка или медведя, которые не годятся в еду.

— Может быть, мы, на его взгляд, вполне съедобны. Так что если мы не доберемся до дома и не убедим наш народ, что с нами ничего не случилось, разразится война.

Как раз в этот момент Такумсе и Пророк замолкли. Затянувшееся молчание прервал Мера.

— Ну так что, ребята, будем отправлять нас домой? — поинтересовался он.

Пророк снова сел на свое одеяло и скрестил ноги.

— Иди домой, Мера, — произнес Пророк.

— Без Элвина не пойду.

— Пойдешь, — ответил Пророк. — Если он останется в этой части страны, он умрет.

— Что ты такое несешь?

— То, что видел собственными глазами! — огрызнулся Пророк. — То, что ждет нас в будущем. Если Элвин отправится сейчас домой, через три дня он умрет. Но *ты* иди, Мера. Выйдешь сегодня

в полдень, это самое верное время.

— А как ты собираешься поступить с Элвином? Думаешь, с тобой он будет в большей безопасности?

— Не со мной, — возразил Пророк. — С моим братом.

— Дурацкая идея! — тут же заорал Такумсе.

— Моего брата ждет долгая дорога. Он должен встретиться с французами в Детройте, с Ирраквой, с Аппалачами, с чоктавами и криками, со всеми краснокожими племенами, со всеми бледнолицыми, которые могут остановить надвигающуюся войну.

— Если я буду говорить с краснокожими, Тенскватава, то призову их пойти со мной в бой и прогнать бледнолицых за горы. Мы заставим белого человека сесть на свои корабли и убраться обратно за моря!

— Говори им что хочешь, — согласился Тенскватава. — Но ты пустишься в путь сегодня же и заберешь с собой бледнолицего мальчика, который ходит как краснокожий.

— Нет, — сказал Такумсе.

Печаль промелькнула на лице Тенскватавы, и он тихонько застонал.

— Значит, умрет вся земля, а не какая-то ее

часть. Если ты не последуешь моему совету, белый человек убьет всю землю от океана до океана, с севера на юг вся земля станет мертвой! И краснокожие племена вымрут, лишь жалкие их остатки будут ютиться на крошечных участках пустынной земли. Всю свою жизнь они будут жить как в темнице, потому что ты ослушался и не поступил так, как мне явилось в видении!

— Такумсе не слушается всяких глупых видений! Такумсе — лик земли, голос земли! Иволга сказала мне это, и тебе об этом известно, Лолла-Воссики!

— Лолла-Воссики мертв, — прошептал Пророк.

— Голос земли не повинуется одноглазому краснокожему, поклоняющемуся виски.

Его слова ужалили Пророка в самое сердце, однако лицо его осталось невозмутимым.

— Ты — голос гнева земли. Ты вступишь в битву с огромной армией бледнолицых. Говорю тебе, это произойдет до первого снегопада. И если бледнолицего мальчика Элвина не будет с тобой, ты потерпишь поражение и погибнешь.

— А если он будет со мной?

— Ты останешься жив, — ответил Пророк.

— Я с радостью пойду с Такумсе, — вмешался в спор Элвин. И когда Мера начал было возражать,

Элвин повернулся к брату и дотронулся до его руки. — Ты можешь передать маме и папе, что я жив и здоров. Я *хочу* пойти. Пророк сказал, что от Такумсе я узнаю столько, сколько не узнаю ни от кого другого.

— Тогда я пойду с тобой, — уперся Мера. — Я дал слово маме и папе.

Пророк холодно посмотрел на Меру:

— Ты вернешься к своему народу.

— Тогда и Элвин вернется со мной.

— Ты не смеешь распоряжаться здесь, — возразил Пророк.

— А ты, значит, смеешь? Это потому, что у твоих парней в руках луки?

Такумсе протянул руку и дотронулся до плеча Меры.

— Ты неглупый человек. Мера. Кто-то должен вернуться и рассказать вашему народу, что ты и Элвин не погибли.

— Если я брошу его, откуда мне знать, жив он или нет?

— Я клянусь, — сказал Такумсе, — пока я жив, ни один краснокожий пальцем не посмеет прикоснуться к этому мальчику.

— А пока он с тобой, тебе ничего не угрожает, да? Мой младший брат — заложник, вот как это

называется…

Мера видел, что Такумсе и Тенскватава так разозлились, что готовы были убить его, но он и сам был настолько зол, что с радостью расквасил бы сейчас чей-нибудь нос. Может, так бы все и случилось, если бы между ними не встал десятилетний Элвин и не разнял их.

— Мера, ты лучше, чем кто-либо, знаешь, что я способен сам позаботиться о себе. Расскажи папе и маме, что я сделал с чоктавами, и они поймут, что мне ничего не угрожает. Они ведь сами отправили меня из дому, разве не так? На ученичество к кузнецу. Что ж, я немножко похожу в учениках у Такумсе. А Такумсе, как известно, самый великий человек в Америке — если, конечно, не считать Тома Джефферсона. Если я каким-то образом спасу жизнь Такумсе, то исполню свой долг. А твоя обязанность — вернувшись домой, остановить близящуюся войну. Неужели ты не понимаешь?

Мера все понимал и даже соглашался с Элвином. Но вместе с тем он знал, что ему предстоит объяснение с родителями.

— В Библии есть одна история об Иосифе, сыне Иакова. Он был любимым сыном отца, но братья ненавидели его, а поэтому продали в рабство.

Затем они взяли его одеяния, облили кровью козленка, разорвали и принесли отцу — посмотри, мол, его сожрали львы. И отец его разорвал на себе одежды, безутешно рыдал долгие дни[19].

— Но ты же скажешь, что я не погиб.

— Я скажу, что собственными глазами видел, как ты превратил лезвие тесака в масло, как ходил по воде, летал в смерче, — и они сразу успокоятся, сразу поймут, что с тобой ничего не случится и что ты ведешь среди краснокожих самую обычную жизнь…

— Ты трус, — неожиданно перебил его Такумсе. — Ты боишься сказать отцу и матери правду.

— Я поклялся перед ними.

— Ты трус. Ты боишься рискнуть. Боишься опасности. Ты хочешь, чтобы Элвин все время охранял тебя!

Это уж было слишком. Мера размахнулся правой рукой, нацеливаясь размазать наглую улыбочку по морде Такумсе. Его вовсе не удивило, что Такумсе перехватил удар, скорее Меру потрясла та легкость, с которой Такумсе поймал и вывернул его запястье. Тогда Мера разозлился еще больше и врезал Такумсе в живот. На этот

---

[19] Примечания: 19
Библия, Бытие, глава 37

раз он попал. Но костяшки его словно ударились о ствол дерева, после чего вождь перехватил и вторую руку Меры.

Поэтому Мера поступил так, как поступает всякий умелый боец. Он заехал коленом Такумсе между ног.

К этому приему Мера прибегал всего два раза в жизни, и оба раза его противники падали на землю и извивались, как полураздавленные червяки. Такумсе выстоял, лишь лицо его побагровело, будто он перегонял боль в ярость. Поскольку он продолжал держать Меру за руки, тот уж было решил, что пришел его конец и сейчас его порвут на две одинаковые половинки, — вот насколько разозленным выглядел Такумсе.

Такумсе отпустил руки Меры.

Мера принялся растирать запястья, на которых остались белые отметины пальцев вождя. Вождь выглядел очень сердитым, но, как выяснилось, сердился он на Элвина. Он повернулся и посмотрел на мальчика так, будто готов был живьем содрать с него кожу и скормить ее ему же.

— Ты осмелился применять на мне свои грязные бледнолицые штучки, — произнес он.

— Я не хотел, чтобы кто-нибудь из вас пострадал, — возразил Элвин.

— Ты думаешь, я такой же трус, как и твой брат? Думаешь, я боюсь боли?

— Мера не трус!

— Он бросил меня на землю, прибегнув к нечестным штучкам белого человека.

Услышав прежнее обвинение, Мера не выдержал:

— Ты прекрасно знаешь, что я его об этом не просил! Я и сейчас тебя положу на лопатки, если хочешь! Я буду сражаться с тобой честь по чести!

— Коленом между ног? — усмехнулся Такумсе. — Ты не умеешь драться, как настоящий мужчина.

— Я выдержу любое испытание, — заявил Мера.

— Хорошо, тогда гатлоп.

К тому времени их успела окружить целая толпа краснокожих, и те, услышав слово «гатлоп», принялись улюлюкать, вопить и хохотать.

Не было такого белого человека в Америке, который бы не слышал о том, как Дэн Бун не только выдержал испытание гатлопом, но еще и умудрился сбежать от краснокожих; однако были и другие истории — о бледнолицых, которых забивали до смерти. Сказитель в прошлом году рассказывал о паре таких случаев. «Это как суд

присяжных, — говорил он, — только краснокожие сами решают, как тебя бить — сильно или полегче. Это зависит от того, заслуживаешь ли ты, по их мнению, смерти или нет. Если они сочтут тебя смелым мужчиной, то будут бить сильно, чтобы испытать тебя болью. Но если они решат, что ты трус, тебе переломают все кости и ты никогда не переживешь гатлоп. Вождь не может приказывать, с какой силой и куда именно бить. Это самая демократичная и жестокая система правосудия, когда-либо существовавшая в мире».

— Вижу, ты боишься, — заметил Такумсе.

— Конечно, боюсь, — ответил Мера. — Я был бы дураком, если б не боялся, тем более что твои парни уже считают меня трусом.

— Я пройду гатлоп перед тобой, — сказал Такумсе. — И прикажу им бить меня с такой же силой, с которой будут бить тебя.

— Они не послушаются, — возразил Мера.

— Послушаются, если я попрошу, — решительно сказал Такумсе. Он, должно быть, заметил написанное на лице Меры неверие, поэтому добавил: — А если не послушаются, я пройду гатлоп еще раз.

— А если меня убьют, ты тоже умрешь?

Такумсе внимательно осмотрел Меру с головы

до ног. Мера знал, что его тело было стройным и сильным, привыкшим рубить лес и дрова, таскать ведра с водой, перекидывать солому и ворочать мешки с зерном в мельнице. Но он не был *закаленным*. Как он ни прикрывался одеялом, его кожа местами обгорела, пока он ходил голышом под палящими лучами солнца. Он был сильным, но мягким — вот к какому выводу пришел Такумсе, изучив тело Меры.

— Удар, который убьет тебя, — сказал Такумсе, — оставит на мне небольшой синяк.

— Значит, ты признаешь, что испытание нечестно?

— Честь — это когда двое мужчин претерпевают одинаковую боль. Мужество — это когда двое мужчин претерпевают одну и ту же боль. Ты не ищешь честности, ты жаждешь легкости. Ты боишься. Ты трус. Я знал, что ты не согласишься.

— Я согласен, — заявил Мера.

— А ты! — выкрикнул Такумсе, тыча пальцем в Элвина. — Ты ничего не будешь трогать, ничего не будешь исцелять и не будешь смягчать боль!

Эл не сказал ни слова, лишь молча посмотрел в глаза Такумсе. Мера узнал этот взгляд. Элвин обычно так смотрел, когда собирался поступить по-своему.

— Эл, — окликнул Мера, — пообещай мне не вмешиваться.

Эл поджал губы и ничего не ответил.

— Пообещай мне не вмешиваться, Элвин-младший, иначе я не пойду домой.

Элвин пообещал. Такумсе кивнул и двинулся прочь, говоря что-то на шони краснокожим. Мера почувствовал, как внутри проснулся жгучий страх.

— Почему ты боишься, бледнолицый? — спросил его Пророк.

— Потому что я не дурак, — объяснил Мера. — Только дурак не боится гатлопа.

Пророк рассмеялся и ушел.

Элвин снова сел на песок и принялся что-то чертить или рисовать пальцем.

— Не злись на меня, Элвин, ладно? Вообще-то, это не ты на меня должен злиться, а я — на тебя. Ты этим краснокожим ничем не обязан, зато многим обязан маме и папе. Я не могу тебя заставить, но, знаешь, мне стыдно, что ты стоишь на их стороне, а не на стороне своих родных и близких.

Эл поднял голову, и в уголках его глаз блеснули слезы.

— А может, я стою именно на стороне своих родных, ты об этом подумал?

— Честно говоря, ты весьма забавно заботишься о нас. Папа и мама давным-давно сходят с ума от беспокойства.

— А ты больше ни о ком не можешь думать, кроме как о своей семье? Ты подумал, что Пророк, может быть, намеревается спасти жизни тысяч краснокожих и бледнолицых?

— Вот здесь наши взгляды расходятся, — опустил голову Мера. — Я считаю, что ничего важнее семьи не существует.

Элвин все еще водил пальцем по песку, когда Мера повернулся и зашагал прочь. Мере даже не пришло в голову посмотреть, что Элвин там писал. Он видел, но не *смотрел*, не читал. Но теперь надпись сама всплыла у него в голове. «*Беги немедленно*», — писал Эл. Он обращался к нему? Почему он не сказал этого вслух? Чушь какая-то. Наверное, послание предназначалось не ему. Кроме того, Мера и не собирался бежать, иначе Такумсе и остальные краснокожие лишь уверятся в том, что он трус. А даже если он и попробует сбежать? В здешних лесах краснокожие поймают его через считанные минуты, и ему все равно придется пройти через гатлоп, только будет еще хуже.

Воины выстроились на песке в две шеренги.

Они держали в руках толстые ветви, срезанные с деревьев. Мера видел, как какой-то старик снял с шеи Такумсе бусы, затем принял у него набедренную повязку. Такумсе повернулся к Мере и широко улыбнулся:

— Когда на бледнолицем нет одежды, он гол. Краснокожий, стоящий на собственной земле, никогда не останется голым. Ветер — моя одежда, огонь солнца, пыль земли, влага дождя. Вот что я ношу на своем теле. Я — голос и лик земли!

— Заканчивай побыстрее, — буркнул Мера.

— Один мой знакомый сказал бы, что в душе такого человека, как ты, нет места поэзии, — ответил Такумсе.

— А я знаю множество людей, которые сказали бы, что такой человек, как ты, вообще души не имеет.

Такумсе смерил его яростным взглядом, пролаял несколько кратких приказов своим людям и шагнул между шеренгами.

Он шел медленно, его подбородок был гордо, самоуверенно задран. Первый краснокожий ударил его по бедрам тонким концом ветви. Такумсе вырвал у него из рук ветвь, перевернул ее и заставил ударить еще раз. На этот раз удар пришелся в грудь, выбив весь воздух из легких Такумсе. Мера

услышал, как краснокожий тихонько зарычал.

Люди выстроились вверх по дюне, чтобы испытуемый поднимался помедленнее. Такумсе ни разу не остановился, не пропустил ни одного удара. Краснокожие с застывшими лицами покорно исполняли свои обязанности. Они помогали ему выказывать мужество, поэтому давали Такумсе почувствовать боль, но били не с тем, чтобы забить до смерти. Основная масса ударов приходилась на его бедра, живот и плечи. Ни один из краснокожих не ударил его ниже пояса, ни один не ударил по лицу. Но это вовсе не означало, что Такумсе легко преодолевал испытание. Мера видел, что его плечи сочатся кровью после соприкосновений с грубой корой. Он представил себе, что будет, когда подобные удары посыплются на него, и понял, что его будут бить сильнее. «Я законченный идиот, — сказал он себе. — Я состязаюсь мужеством с самым благородным человеком Америки».

Такумсе достиг конца шеренг, повернулся и посмотрел с верхушки дюны на Меру. С тела его капала кровь, но он улыбался.

— Давай иди ко мне, смельчак бледнолицый, — позвал он.

Мера ни секунды не колебался. Он двинулся к

шерengам. Но его остановил резкий голос, раздавшийся сразу за спиной. То был Пророк, который кричал что-то на языке шони. Краснокожие обернулись на него. Когда он закончил, Такумсе демонстративно сплюнул. Мера, который ничего не понял из речи Пророка, снова двинулся вперед. Дойдя до первого краснокожего, он приготовился выдержать такой же удар, какой достался Такумсе. Но краснокожий не шевельнулся. Он сделал еще один шаг. Ничего. Может быть, они, выражая свое презрение, будут бить в спину, но он поднимался по склону дюны все выше и выше, а ни один краснокожий даже пальцем не шевельнул, ни одного удара не упало на его плечи.

Он понимал, что радоваться надо, но почему-то страшно разозлился. Краснокожие помогли Такумсе продемонстрировать мужество, тогда как на долю Меры выпал позор, а не честь. Он обернулся и взглянул на Пророка, который стоял у подножия дюны, положив одну руку на плечо Элвину.

— Что ты им наговорил? — заорал Мера.

— Я сказал им, что если они убьют тебя, то все скажут, что Такумсе и Пророк похитили этих детей для того, чтобы убить. Я сказал "им, что если они нанесут тебе какие-нибудь побои, то,

когда ты вернешься домой, все скажут, что мы пытали тебя.

— А я отвечу, что я в честном испытании доказал свое мужество!

— Гатлоп — это глупое испытание. Для тех, кто позабыл о своем долге.

Мера протянул руку и выхватил у одного из краснокожих ветвь. Он хлестнул себя по бедрам, раз, другой, третий, пытаясь добиться, чтобы потекла кровь. Было больно, но не очень, потому что руки независимо от его желания ослабляли силу удара, отказываясь причинять телу боль. Он швырнул ветвь обратно краснокожему и приказал:

— Ударь меня!

— Чем больше человек, тем большему количеству людей он служит, — произнес Пророк. — Маленький человек служит только себе. Чуть побольше — служит своей семье. Еще больше — служит племени. Потом — своему народу. Но самый великий служит всем людям и всей земле. Служа себе, ты хочешь продемонстрировать мужество. Но ради твоей семьи, ради твоего племени, ради твоего народа, ради моего народа — ради всей земли и всех населяющих ее людей ты прошел гатлоп без единой отметины.

Мера медленно повернулся и приблизился к Такумсе. На коже юноши не проступило ни капли крови. Такумсе снова сплюнул на землю, на этот раз у ног Меры.

— Я не трус, — сказал Мера.

Такумсе пошел прочь. Заскользил вниз по дюне. Воины также разошлись. Мера остался один на дюне, чувствуя стыд, гнев и унижение.

— Иди! — крикнул Пророк. — Следуй на юг!

Он сунул Элвину мешочек, мальчик вскарабкался на дюну и передал его Мере. Мера заглянул внутрь. Пеммикан и сушеная кукуруза, чтобы пожевать на ходу.

— Ты идешь со мной? — спросил Мера.

— Я иду с Такумсе, — ответил Элвин.

— Я бы выдержал испытание, — сказал Мера.

— Знаю, — кивнул Элвин.

— Но если Пророк с самого начала не хотел, чтобы я участвовал в нем, зачем он затеял эту показуху?

— Он не говорит, — пожал плечами Элвин. — Но близится нечто ужасное. И он *хочет*, чтобы это случилось. Если бы ты вышел чуточку пораньше, когда я тебе говорил…

— Они бы все равно меня поймали, Эл.

— Но попробовать стоило. А теперь, покинув

это место, ты поступишь так, как хочет того он.

— Он добивается, чтобы меня убили? Или еще чего-то?

— Он пообещал мне, что ты останешься в живых, Мера. Как и вся наша семья. Он и Такумсе тоже будут живы-здоровы.

— Тогда что ж в этом ужасного?

— Не знаю. Я просто боюсь того, что должно произойти. Мне кажется, он отсылает меня с Такумсе, чтобы спасти мне жизнь.

И все-таки, как говорится, попробовать стоило.

— Элвин, если ты любишь меня, пойдем.

Элвин расплакался.

— Мера, я очень тебя люблю, но не могу, не могу пойти с тобой.

Заливаясь слезами, он сбежал с дюны. Мера не хотел, чтобы Элвин провожал его, поэтому развернулся и побрел в сторону леса. На юг, чуть-чуть отклоняясь к востоку. Обратную дорогу он найдет без труда. Но он чувствовал, как его гложет некое предчувствие, и стыдился того, что его все-таки уговорили уйти и бросить брата. «Я все испортил. Я бесполезный, никчемный человек».

Он шел весь день, а ночь провел на охапке листьев, забравшись в большое дупло. На следующий день он вышел к ручью, текущему на

юг. Лесная речушка, наверное, впадала либо в Типпи-Каноэ, либо в Воббскую реку, одно из двух. Течение оказалось чересчур глубоким, чтобы идти по воде, а берега слишком заросли, чтобы следовать по берегу. Поэтому Мера углубился в лес ровно настолько, чтобы держаться в пределах слышимости бегущей воды, и пошел дальше. Краснокожим ему точно не стать. Его царапали кусты и сухие ветки, кусали насекомые, каждая царапина огнем жгла сгоревшую на солнце кожу. Он постоянно натыкался на буреломы, которые приходилось обходить. Земля как будто превратилась в его врага, задавшись целью помешать ему. Он мечтал о добром коне и хорошей, наезженной дороге.

Хотя как ни труден был путь через леса, он медленно, но верно приближался к родным местам. Отчасти потому, что Элвин нарастил ему кожу на ступнях. Отчасти потому, что дыхание его стало глубже, чем раньше. Но дело было не только в этом. Внутри его мускулов кипела такая сила, которой-он прежде не ощущал. Он никогда не чувствовал себя настолько бодрым и полным жизни. И он подумал: «Если б у меня сейчас и была лошадь, я скорее всего предпочел бы идти пешком».

Уже под вечер второго дня он вдруг услышал какой-то плеск в речушке. Ошибки быть не могло — через ручей перебирались лошади. Значит, это белые люди, может, жители Церкви Вигора, все еще бродящие по окрестным лесам в поисках его и Элвина.

Он, спотыкаясь, бросился к ручью, продираясь сквозь колючие ветви. Они направлялись вниз по течению, четыре человека на лошадях. Но, уже выскочив в ручей и заорав при этом так, что чуть голова не разлетелась на части, он заметил, что они одеты в зеленые мундиры армии Соединенных Штатов. Он что-то не слышал, чтобы армия появлялась в здешних краях. Сюда белые поселенцы старались не забредать, опасаясь нападения обосновавшихся в форте Чикаго французов.

Его крик сразу услышали и разом развернули лошадей, чтобы посмотреть, кто это там орет. Увидев его, трое всадников сразу вскинули мушкеты.

— Не стреляйте! — в отчаянии закричал Мера.

Солдаты неторопливо направились к нему, развернув лошадей против течения.

— Ради Бога, не стреляйте, — сказал Мера. — Вы же видите, я не вооружен, у меня даже ножа нет.

— А он неплохо болтает по-английски, — сказал

один солдат другому.

— Конечно! Я же белый человек.

— С ума сойти, — удивился третий солдат. — Впервые слышу, чтобы один из них выдавал себя за белого человека.

Мера посмотрел на свою кожу. Под палящими лучами солнца она приобрела ярко-красный оттенок, но все равно оставалась куда светлее, чем кожа настоящего краснокожего. Впрочем, он носил набедренную повязку и долгое время не мылся… Но разве они не видят его порядком отросшую бороду? Первый раз в жизни Мера пожалел, что волосы у него на груди и подбородке растут медленно, иначе бы солдаты не ошиблись, потому что у краснокожих растительность на теле практически отсутствует. А так они наверняка не заметили светлых усиков и нескольких волосинок на подбородке.

Солдаты не хотели рисковать. От четверки отделился один и подъехал к Мере. Остальные держали мушкеты наготове, намереваясь сразу открыть огонь, если на берегу обнаружится засада. Мера видел, что солдат, направляющийся к нему, перепуган до смерти — он постоянно оглядывался по сторонам, как будто ожидая увидеть натягивающего тетиву лука краснокожего. «Ду-

рак набитый, — про себя решил Мера, — потому что в этих лесах краснокожего не увидишь, пока в тебя не вонзится пущенная им стрела».

Близко солдат подъезжать не стал. Он обогнул юношу, заехал сзади. Затем снял с седла веревку, сделал петлю и швырнул Мере.

— Надень себе на грудь, под руки, — приказал солдат.

— Чего это ради?

— Чтобы я тебя вел за собой.

— Черта с два, — разозлился Мера. — Если б я знал, что вы потащите меня на веревке по ручью, я бы остался на берегу и сам добрался до дома.

— Если ты через пять секунд не наденешь на себя эту веревку, ребята снесут тебе голову из мушкетов.

— Что вы такое несете? — заорал Мера. — Я Мера Миллер. Меня вместе с моим братом Элвином примерно неделю назад похитили, и сейчас я направляюсь домой, в Церковь Вигора.

— Ты гляди, какая забавная история, — удивился солдат.

Он подтащил к лошади намокшую веревку и снова швырнул ее. На этот раз она попала Мере прямо в лицо. Мера схватил ее и собрался было дернуть, но солдат обнажил свою шпагу.

— Готовьтесь стрелять, парни! — крикнул солдат. — Это и в самом деле перебежчик!

— Перебежчик?! Я…

И тут до Меры наконец дошло, что происходит нечто очень странное. Они знали, кто он такой, и все равно намеревались взять его в плен. У них три мушкета и шпага, поэтому существует огромная вероятность, что его просто убьют, попробуй он сбежать. Но это ведь армия Соединенных Штатов? Когда его привезут к командующему, он объяснится, и несправедливость будет исправлена. Поэтому он просунул руки в петлю и затянул ее на своей груди.

Пока лошади шли по воде, все было не так плохо. Иногда он просто плыл следом. Но вскоре они выбрались на берег, и ему пришлось бежать прямо по лесу, не разбирая дороги. Они сворачивали на запад, обходя Церковь Вигора стороной.

Мера попытался было объяснить, что случилось, но ему быстро заткнули рот.

— Я ж сказал тебе, — перебил его один из солдат, — нам было приказано доставлять таких перебежчиков, как ты, живыми или мертвыми. Белый человек, одевающийся как краснокожий, — знаем мы, зачем тебе это понадобилось.

Однако кое-какие сведения ему удалось извлечь

из их разговоров. Они охраняли окрестности, получив приказ от генерала Гаррисона. Меру при этом известии аж замутило. Местные жители дошли до того, что вызвали к себе на север этого негодяя, этого торговца виски. И он примчался сюда на удивление споро.

Ночь они провели на одной из полян. Солдаты так шумели, что Мера даже глазам своим не поверил, когда, проснувшись утром, не увидел вокруг ни одного краснокожего. Он думал, что шум соберет все окрестные дикие племена.

На следующий день, когда солдаты снова собрались было накинуть на него веревку, Мера запротестовал:

— Я почти голый, у меня нет никакого оружия, так что либо стреляйте меня на месте, либо дайте я поеду вместе с вами.

Они могли сколько угодно говорить о том, что им все равно, в каком виде его доставить, но он знал, что это всего лишь разговоры. Они не отличались милосердием, однако никогда бы не осмелились хладнокровно убить белого человека. Поэтому дальше он поехал на спине лошади, держась за пояс одного из солдат. Вскоре они добрались до местности, где были проложены дороги, и дальше поехали быстрее.

Примерно в полдень они прибыли в армейский лагерь. Армия оказалась не такой уж и большой — сотня солдат в мундирах и еще пара сотен добровольцев маршировали и отрабатывали упражнения на плацу, бывшем пастбище. Мера не помнил, как звали ту семью, что жила здесь. Они были новенькими, совсем недавно приехали из окрестностей Карфагена. Но оказалось, что его везли вовсе не к фермерам. Их дом занял генерал Гаррисон, приспособив его под штаб. Вот как раз туда-то солдаты и доставили Меру.

— Ага, — довольно потер руки Гаррисон. — Перебежчика поймали.

— Я не перебежчик, — заявил Мера. — Они привезли меня сюда как пленника. Клянусь, краснокожие обращались со мной лучше, чем ваши солдаты.

— Не удивлен, — ответил Гаррисон. — Не сомневаюсь, они с тобой хорошо обращались. А где тот, другой изменник?

— Другой изменник? Вы имеете в виду моего брата Элвина? Вы же знаете, кто я, почему не отпустите меня домой?

— Ты отвечай на *мои* вопросы, а затем я подумаю и, может быть, отвечу на твои.

— Моего брата Элвина здесь нет, и вы его не

найдете. Впрочем, исходя из увиденного здесь, я очень рад, что он не пошел со мной.

— Элвин? Ах да, мне сказали, что ты называешься Мерой Миллером. Но мы-то знаем, что Меру Миллера убили Такумсе и Пророк.

Мера сплюнул на пол.

— Вы *знаете*? Откуда? Определили по окровавленной, порванной одежде? Вы меня не надурите. Думаете, я не вижу, что происходит?

— Отведите его в погреб, — приказал Гаррисон. — И обращайтесь с ним повежливее.

— Вы *не хотите*, чтобы люди узнали о том, что я жив, потому что тогда вы им больше не понадобитесь! — закричал Мера. — Я бы не удивился, если б узнал, что это вы подкупили чоктавов и подучили похитить нас!

— Если это и правда, — прищурился Гаррисон, — я бы на твоем месте вел себя поосторожнее и следил за своим язычком. Как знать, может, тебе вообще не доведется вернуться домой? Посмотри на себя, мальчик мой. Кожа у тебя красная, как перья иволги, на бедрах грязная повязка, и вид у тебя какой-то одичалый. Кошмар да и только. Нет, думаю, если тебя случайно, по ошибке, застрелят, нас никто в этом не обвинит, ни единая живая душа.

— Мой отец все поймет, — сказал Мера. — Вы не обманете его, Гаррисон. И Армор, он…

— Армор? Этот жалкий червь? Тот человечишка, который продолжает твердить, будто бы Такумсе и Пророк ни в чем не виноваты и нам не следует стирать краснокожих с лица земли? Мера, его больше никто не слушает.

— Будут слушать. Элвин жив, и вам его не поймать.

— С чего ты взял?

— Потому что он с Такумсе.

— Ага. И где же?

— Во всяком случае, *не здесь*.

— Ты видел его? А Пророка?

Жадный огонек, засветившийся в глазках Гаррисона, заставил Меру прикусить язык.

— Я видел то, что видел, — твердо произнес он. — И буду говорить то, что говорю.

— Ты будешь говорить то, что я скажу, иначе умрешь, — пригрозил Гаррисон.

— Убейте меня, и я вообще замолкну. Но вот что я вам прежде скажу. Я видел, как Пророк вызвал смерч из бури. Я видел, как он ходил по воде. Я слышал его пророчества, и все они сбылись. Ему известно, что вы намереваетесь здесь сотворить. Вы можете делать что хотите, но в конце концов

все равно послужите его целям. Вот увидите.

— Любопытненько, — хмыкнул Гаррисон. — Значит, следуя твоей логике, твое пленение тоже входило в его планы, да?

Он махнул рукой, и солдаты выволокли Меру из дома и бросили в погреб. Они повели себя с ним очень вежливо — испинали и избили, — после чего швырнули вниз по ступеням и заложили тяжелым засовом дверь.

Поскольку поселенцы прибыли с окраин Карфагена, на погребе стоял крепкий засов, как, впрочем, и на амбаре. Очутившись среди моркови, картофеля и пауков, Мера первым делом ощупал дверь. Тело его превратилось в один огромный синяк. Царапины и солнечные ожоги — ничто по сравнению с ободранной после езды на лошади кожей на голых ногах. Но даже эти раны не могли сравниться с болью, оставшейся после ударов и пинков, которыми его наградили, пока тащили в погреб.

Мера решил не тратить времени зря. Он догадался, что происходит, и понял, что Гаррисон живым его не выпустит. Этот патруль специально искал его и Элвина. Потому что их «воскрешение» спутало бы все планы, а Гаррисон не мог этого позволить, потому что до сей поры все шло

согласно его желаниям. Он, как хозяин, обосновался в Церкви Вигора и обучал местных жителей солдатскому ремеслу, тогда как Армора больше никто не слушал. Мере не особенно нравился Пророк, но по сравнению с Гаррисоном Пророк был святым.

Впрочем, был ли? Пророк заставил Меру пройти гатлоп — зачем? Чтобы два дня назад он ушел днем, а не ранним утром. Чтобы он добрался до Типпи-Каноэ как раз тогда, когда рядом с нею оказались солдаты. Иначе Мера преспокойненько дошел бы до Града Пророка, после чего переправился бы в Церковь Вигора, не встретив по пути ни одного зеленого мундира. Его бы не поймали, если бы он сам не закричал. Входило ли это в планы Пророка?

А если и входило? Может быть. Пророк желал ему только добра, а может, наоборот. Во всяком случае Меру его план в восторг не привел. Но он не собирался сидеть в подвале и ждать, когда же придет в действие следующая часть замыслов Пророка.

Он прокопался сквозь картошку к задней стене погреба. На его лице и в волосах значительно прибавилось паутины, но сейчас не время было разводить церемонии. Вскоре он расчистил

небольшой участочек, перетаскав картошку поближе к двери. Так что когда дверь откроется, солдаты увидят лишь кучу картошки. А его подкоп не заметят.

Погреб был самым обыкновенным. В земле выкопали яму, обложили бревнами, затем покрыли крышей и завалили вместе с крышей землей. Он может прокопаться сквозь заднюю стену и вылезти позади погреба, а в доме ничего и не заметят. Копать пришлось голыми руками, но почва была рыхлой, жирной — настоящая воббская земля. Когда Мера вылезет наружу, он больше будет походить на чернокожего, нежели на краснокожего, но ему наплевать.

Вся беда была в том, что задняя стена оказалась не из земли, а из бревен. Их проложили до самого пола. Вот ведь зануды. Хотя пол остался земляным. Это означает, что сначала придется подкапываться под стену, а уже потом направлять туннель вверх. То, что он сделал бы за одну-единственную ночь, может растянуться на несколько дней. И в любое время его могут поймать на месте преступления. Или вытащить наружу и пристрелить. А может, отдать обратно чоктавам, чтобы те довершили начатое — и тогда его тело действительно будет выглядеть так,

будто Такумсе и Пророк запытали его до смерти. Все возможно.

А родной дом находился в каких-то десяти милях. Это сводило его с ума. Он так близок к дому, а никто из родных об этом даже и не догадывается. Он вспомнил девочку-светлячка из деревни Хатрак, которая много лет назад увидела, что они угодили в разлившуюся реку, и прислала подмогу. «Вот чья помощь пришлась бы сейчас очень кстати. Мне нужен светлячок, кто-нибудь, кто бы обнаружил меня и спас».

Но это все вряд ли. Мере никто не поможет. Будь на его месте Элвин, с ним бы сотворилось уже чудес восемь, лишь бы уберечь его от беды. Но Мера мог рассчитывать только на собственные силы.

В первые десять минут работы над подкопом он сломал ноготь. Боль была жуткой; он почувствовал, как из пальца ручьем хлынула кровь. Если его сейчас вытащат из погреба, то сразу поймут, что он делал подкоп. Но это его единственный шанс. Поэтому он продолжал копать, превозмогая боль и усталость, лишь время от времени останавливаясь, чтобы выкинуть картофелину, которая закатилась в дыру.

Вскоре он снял с себя набедренную повязку и приспособил ее к делу. Он руками рыхлил поч-

ву, затем насыпал ее на повязку и выволакивал из дыры. Она, конечно, лопату не заменила, но это все ж удобнее, чем вышвыривать за раз по горсточке. Сколько времени у него осталось? Дни? Часы?

Глава 11
КРАСНОКОЖИЙ МАЛЬЧИК

И часа не прошло, как ушел Мера. Такумсе возвышался на вершине дюны, рядом с ним стоял Элвин. А перед вождем — Тенскватава. Лолла-Воссики. Его брат, мальчик, который когда-то оплакивал смерть пчел. Якобы пророк. Который якобы выражает волю земли. Который произносит трусливые, пораженческие, разрушительные, отступнические речи.

— Это клятва мирной земли, — говорил Пророк. — Надо поклясться никогда не брать в руки оружие белого человека, его инструменты, его одежду, его пищу, его питье и не принимать ни единое его обещание. И более того, мы никогда не должны забирать жизнь, которая не отдает себя добровольно.

Краснокожие, слушающие его, слышали эти слова и раньше. Такумсе тоже слышал эти речи. Большинство из тех людей, что пришли с ними на Мизоган, уже отвергли проповедуемый Пророком завет слабости. Они принесли иную клятву, клятву гневающейся земли, клятву, которую

предложил им Такумсе. Каждый бледнолицый должен жить по законам краснокожих или оставить эту землю. Или умереть. Оружие белого человека можно использовать, но только с тем, чтобы защитить племена от убийц и воров. Ни один краснокожий не должен пытать или убивать пленника — мужчину ли, женщину или ребенка. Но ни один погибший краснокожий не останется неотомщенным.

Такумсе знал, что белого человека еще возможно разбить, если все краснокожие Америки принесут эту клятву. Бледнолицые успешно действовали только потому, что краснокожие не могли объединиться под властью одного вождя. Бледнолицые всегда вступали в соглашение с племенами, которые проводили их сквозь лесные дебри и помогали обнаружить врага. Если среди краснокожих не найдется ни одного изменника, если никто не пойдет по следам племени ирраква и превратившихся в бледнолицых черрики, то белый человек не выживет на этой земле. Он растворится и исчезнет в ней, как раньше происходило с теми, кто приезжал из Старого Света.

Когда Пророк закончил свою речь, лишь жалкая горсточка из собравшихся принесла его клятву. На его сторону встала малая часть крас-

нокожих. Такумсе заметил промелькнувшую на его лице печаль. Пророк как будто согнулся под непосильным бременем. Помолчав, он развернулся спиной к оставшимся — к воинам, которым суждено сразиться с бледнолицыми.

— Эти люди принадлежат тебе, — произнес Пророк. — Я надеялся, их будет меньше.

— Да, они приняли мою сторону, но я считал, что их будет больше.

— О, в союзниках у тебя недостатка не будет. К тебе присоединятся чоктавы, крики, чикисавы и коварные семинолы Оки-Феноки. Этого хватит, чтобы собрать огромную армию краснокожих — такую армию, которой эта земля прежде не видывала. И все они будут жаждать крови белого человека.

— И в бою они будут стоять рядом со мной, — подтвердил Такумсе.

— Убийствами ты не одержишь победу, — ответил Пророк. — Зато я выйду победителем.

— Став трупом.

— Если земля потребует моей смерти, я с радостью откликнусь на ее зов.

— Как и все твои сподвижники.

Пророк покачал головой:

— Я видел то, что видел. Люди, принявшие мою

клятву, принадлежат земле, как принадлежат ей медведь и бизон, белка и бобер, индюшка, фазан и куропатка. Эти животные приходят на твой клич и принимают твою стрелу. Безропотно подставляют шею под твой нож. Склоняют голову перед твоим томагавком.

— На то они и животные. Это мясо.

— Это живые существа, они живут и умирают, но своей смертью они даруют жизнь другим.

— Я — не животное. И мои люди тоже не животные. Мы не станем вытягивать свои шеи, подставляясь под нож бледнолицых.

Пророк взял Такумсе за плечи, по лицу его ручьем текли слезы. Они прижался-мокрой щекой к щеке Такумсе.

— Когда все закончится, ты найдешь меня за Миззипи, — произнес Пророк.

— Я не позволю делить землю, — резко заявил Такумсе. — И не отдам восток белому человеку.

— Восточной части нашей земли суждено умереть, — ответил Пророк. — Пойдем со мной на запад, куда белому человеку не будет дороги.

Такумсе промолчал.

Элвин дотронулся до руки Пророка:

— Тенскватава, значит, и я никогда не попаду на запад?

— А как ты думаешь, зачем я отсылаю тебя с Такумсе? — рассмеялся Пророк. — Если кто-нибудь и может превратить бледнолицего мальчишку в краснокожего, так это только Такумсе.

— Я не хочу, чтобы он шел со мной, — сказал Такумсе.

— Ты возьмешь его — или умрешь, — промолвил Пророк.

И направился вниз по склону дюны, где ждала его дюжина краснокожих. Из ладоней их капала кровь, предназначенная скрепить клятву. Вместе они пошли вдоль берега. Туда, где ждали их семьи. Завтра они вернутся в Град Пророка. Как раз созревшие для грядущей бойни.

Такумсе смотрел вслед, пока Пророк не скрылся за далекой дюной. Затем, повернувшись к сотням оставшихся, он вскричал:

— Найдут ли бледнолицые покой?

— Только когда уйдут! — раздался дружный рев. — Только когда умрут!

Такумсе рассмеялся и протянул к ним свои руки. Он чувствовал жар исходящих от воинов любви и веры, словно солнечные лучи коснулись его тела в холодный зимний день. Немногим доводилось ощутить на себе подобный жар, и каждый раз этот жар губил их, поскольку они

не заслуживали оказанного им доверия. Но не Такумсе. Он хорошо знал себя и понимал, что ему под силу все. Только предательство может отнять у него победу, но Такумсе умел смотреть в человеческие сердца. Он сразу видел, стоит ли человеку верить. Сразу различал ложь. Губернатора Гаррисона он раскусил с первого взгляда. Такой человек не способен обмануть Такумсе.

Спустя считанные минуты краснокожие стронулись с места. Несколько дюжин мужчин вели женщин и детей на новое стойбище, где на время остановится их кочующая деревенька. Они никогда не задерживались на одном месте больше трех дней — оседлая деревня типа Града Пророка привлекала к себе внимание убийц. Пророка спасала только численность обитателей Града. В нем сейчас жили десять тысяч краснокожих, ни разу эта земля не видела столь огромного поселения. Кроме того. Град был чудесным местом. На одном кукурузном стебле вырастало по шесть початков, толстых, так и брызжущих молоком, и нигде больше не росло подобной кукурузы. Бизоны и олени сами сбредались в город, подходили к кострам и смиренно ложились на землю, ожидая своей смерти. Если же над Градом пролетала стая гусей, то несколько птиц непременно отделялись

и опускались на воды Воббской реки и Типпи-Каноэ, поджидая, когда их поймают. Рыба плыла из самого Гайо, чтобы прыгнуть в сети жителей Града Пророка.

Но это ничего не означало. Белый человек привезет пушки и пройдется по хрупким вигвамам города краснокожих картечью и шрапнелью. Сеющий смерть металл без труда проникнет сквозь тонкие стены — этот адский дождь не остановят ни шкуры, ни глина. В один прекрасный день краснокожие Града Пророка пожалеют о принесенной ими клятве.

Такумсе вел своих воинов через лес. Бледнолицый мальчишка бежал следом за ним. Такумсе специально затеял смертельную гонку — сейчас они бежали вдвое быстрее, чем на пути к Мизогану. От форта Детройт их отделяли две сотни миль, и Такумсе решил покрыть это расстояние за один день. Ни один бледнолицый не способен на такое — подобной скорости даже лошадь не выдюжит. За пять минут Такумсе пробегал милю, но шага не сбавлял, лишь ветер играл его волосами, собранными на затылке в тугой хвост. Этот бег убьет человека за полчаса, если только тот не прибегнет к силе земли. Земля сама подталкивала Такумсе, помогая ему. Кусты раздвигались,

открывая потаенные тропки; посреди бурелома вдруг отыскивалась прореха, а по ручьям и речушкам Такумсе бежал так быстро, что его ступни даже не касались дна, отталкиваясь от воды. Его жажда прибыть в форт Детройт к завтрашнему утру была столь велика, что сама земля поила его, даруя целительную силу. И не только Такумсе, но и все следующие за ним краснокожие, обладающие чувством земли, находили в себе подобную силу. Они следовали нога в ногу, по одной и той же тропинке, словно один огромный человек шагал через дебри леса.

«Мальчишку придется тащить на себе», — думал Такумсе. Но мерный стук пяток позади него — каждый бледнолицый страшно шумит, когда продирается сквозь лес, — не смолкал, наоборот, следовал тому же ритму, что и ноги вождя.

Это, разумеется, было невозможно. Ноги мальчишки слишком коротки, поэтому он должен делать больше шагов, чтобы покрыть то же расстояние, что и взрослый. Тем не менее шаг Элвина почти совпадал с шагом Такумсе, словно у вождя выросли еще одни ноги, которые бежали прямо за ним.

Минута сменяла минуту, миля — милю, час шел за часом, а мальчишка все бежал.

Солнце приблизилось к горизонту, зависнув над левым плечом. Появились звезды, но луна пока что не показывалась, поэтому под кронами деревьев сгустилась кромешная мгла. Однако краснокожие не замедлили бег, они легко находили дорогу сквозь лес, потому что их вели не глаза и не разум — сама земля направляла их, подыскивая безопасные тропинки. Несколько раз Такумсе вдруг замечал, что шагов бегущего позади мальчика не слышно. Он окликал на языке шони следующего за Элвином воина, но тот неизменно отвечал:

— Он бежит.

Наконец взошла луна, озарив туманным светом лесную землю. Они миновали грозу — трава стала влажной, затем сырой; они пробежали сквозь легкую морось, попали под проливной ливень, который вскоре снова сменился моросью, после чего опять ощутили под ногами сухую землю. Но шаг так и не замедлили. Небо на востоке посерело, затем порозовело, потом по нему разлилась голубизна, и из-за горизонта вынырнуло солнце. По миру разлилось тепло, и солнце уже висело в трех ладонях от края неба, когда они наконец почувствовали дым, разносящийся из печных труб. Над верхушками деревьев показался обвис-

ший трехцветный флаг, за которым маячил крест собора. Попрощавшись с миром зеленой тишины и перейдя на обыкновенный бег, краснокожие в конце концов выскочили на луг неподалеку от города. Из собора доносился звук играющего органа.

Такумсе остановился, и мальчик тоже сразу замер. Неужели Элвин, бледнолицый мальчишка, бежал, как краснокожий, всю ночь подряд? Такумсе опустился перед мальчиком на одно колено. Хотя глаза Элвина были открыты, он, казалось, ничего не видел.

— Элвин, — по-английски окликнул Такумсе. Мальчик не ответил. — Элвин, ты спишь?

К ним подошли несколько воинов. Никто не разговаривал, краснокожие отдыхали после долгого путешествия. Не то чтобы они падали от усталости — земля по дороге непрерывно пополняла их силы, — скорее они молчали потому, что их переполнял священный трепет. Земля сопровождала их на пути; подобное путешествие считалось священным, ибо это был подарок от земли своим самым достойным сынам. Многие краснокожие пытались покрыть за ночь такое расстояние, но силы оставляли их на полдороге, им приходилось остановиться, поспать,

отдохнуть и поесть. Им мешали тьма и непогода, потому что их нужда не была столь неотложной, или же они преследовали цели, которые противоречили желаниям земли. Но Такумсе земля никогда не отвечала отказом — все краснокожие это знали. Он был ее братом, именно поэтому его так чтили. Пророк вершил чудеса, но никто не видел того, что видел он. О своих прозрениях он мог лишь рассказывать. Но воины, следующие за Такумсе, видели и чувствовали то же, что и вождь.

Однако этот бледнолицый мальчик поразил их до глубины души. Наверное, Такумсе поддерживал его своими силами? Или же сама земля, что невероятно, немыслимо, взяла это дитя белого человека под свою опеку?

— Он бел, как и его тело, или в своем сердце он все же краснокожий? — спросил один из воинов на языке шони, но не на обычном, а на тягучем, священном наречии шаманов.

К удивлению Такумсе, Элвин сам ответил, поглядев на человека, который задал вопрос.

— Я белый, — пробормотал Элвин по-английски.

— Он умеет говорить на нашем языке? — изумился краснокожий.

Этот вопрос, казалось, смутил Элвина.

— Такумсе, — окликнул он, посмотрев на вставшее над горизонтом солнце. — Уже утро. Я что, заснул?

— Нет, ты не заснул, — ответил Такумсе на шони, но теперь мальчик, похоже, его не понял.

— Нет, ты не спал, — повторил Такумсе уже по-английски.

— У меня такое чувство, будто я проспал всю ночь, — сказал Элвин. — Только я стою.

— И ты не чувствуешь усталости? Не хочешь отдохнуть?

— Усталости? А почему я должен был устать?

Такумсе не стал объяснять. Если мальчик сам не понимает, какой подвиг совершил, значит, приданные ему силы были подарком земли. Видимо, Пророк все-таки был прав насчет него. Такумсе должен научить Элвина быть краснокожим. Если он смог выдержать испытание, которое способен пройти только настоящий воин шони, если он смог следовать за краснокожими всю ночь не отставая, значит, этот бледнолицый мальчик действительно может научиться чувствовать землю.

Такумсе поднялся и обратился к своим воинам:

— Я иду в город. Со мной пойдут только четверо из вас.

— И мальчишка, — сказал кто-то.

Остальные согласно закивали. Все они помнили пророчество, данное Пророком Такумсе, — пока мальчик будет с ним, вождь не погибнет. Даже если им и владело искушение отделаться от Элвина, его воины никогда этого не допустят.

— И мальчишка, — согласно кивнул Такумсе.

Детройт был настоящим фортом, не то что жалкие деревянные крепости, окруженные частоколом, которые строили американцы. Стены его, как и стены собора, были сложены из камня, а на пролив, соединяющий озера Гурон и Сен-Клер с озером Канада, глядела огромная пушка. Чтобы предотвратить нападение с суши, на окружающие леса также были нацелены пушки, только поменьше размерами.

Но куда большее впечатление на краснокожих произвел сам город, а не форт. На дюжине улочек стояли ровные, опрятные деревянные здания, приветливо распахнули свои ставни магазинчики и лавки, а посредине, на центральной площади, возвышался громадный собор, по сравнению с которым церковь преподобного Троуэра выглядела сущей насмешкой. То там,

то здесь мелькало походящее на крылья ворона черное одеяние спешащего по своим делам священника. Смугловатые французы не выказывали к краснокожим той враждебности, которой славились американцы. Такумсе понял причины их доброжелательности — жившие в Детройте французы не относились к поселенцам, поэтому не рассматривали краснокожих как соперников, претендующих на землю Америки. Эти французы просто жили, поджидая благоприятного момента, чтобы вернуться назад в Европу или хотя бы в освоенные бледнолицыми земли Квебека и Онтарио. Исключение составляли лишь трапперы, но и им краснокожие были не враги. Трапперы относились к дикарям с благоговением, пытались научиться у них, каким образом краснокожим удается так легко подстрелить зверя, тогда как бледнолицый охотник тратит чертову уйму времени, пока обнаружит цель. Они, как и прочие бледнолицые, считали, что краснокожие знают какие-то особые штучки, и если подольше понаблюдать за дикарями, то непременно научишься такому же искусству охоты. Только этому им не суждено научиться. Да разве земля примет человека, который убивает бобров в лесных прудах только ради шкурок, бросая мясо гнить? Разве

земля допустит, чтобы животные исчезли, так и не принеся выводка молодняка? Неудивительно, что медведи то и дело насмерть задирали траппе-ров. Этих охотников отвергала сама земля.

«Изгнав американцев с территорий, что лежат к западу от гор, — подумал Такумсе, — я прогоню янки из Новой Англии, а потом — роялистов из Королевских Колоний. Когда их не станет, я поверну на испанцев Флориды и французов Канады. Сегодня я воспользуюсь вами в собственных целях, а завтра я и вас заставлю уйти. А те бледнолицые, что останутся здесь, будут представлять из себя трупы. С того дня бобры будут умирать лишь тогда, когда подойдет время, отпущенное им землей».

Официально командующим фортом Детройт считался де Морепа, но Такумсе старался не встречаться с этим человеком. О делах можно было говорить только с Наполеоном Бонапартом.

— А я слышал, ты сейчас на озере Мизоган, — сказал Наполеон.

Говорил он, разумеется, на французском, но Такумсе научился говорить по-французски тогда же, когда заговорил по-английски. И учился он у одного и того же человека.

— Проходи, присаживайся.

Наполеон с интересом взглянул на Элвина, но ничего не сказал.

— Я был там, — подтвердил Такумсе. — Вместе с братом.

— Ага, а армия тоже была с вами?

— Лишь ее зародыш, малая часть, — сказал Такумсе. — Мне надоело убеждать Тенскватаву. Я создам армию из других племен.

— Но когда?! — воскликнул Наполеон. — Ты приходишь сюда по два, по три раза в год и говоришь, что собираешься создать армию. Знаешь ли ты, сколько я уже жду? Четыре года, целых четыре года жалкой, постыдной ссылки.

— Я умею считать, — ответил Такумсе. — Ты получишь свою битву.

— Когда весь поседею и состарюсь? Ответь мне! Да я скончаюсь от старости, прежде чем ты наконец соберешь силы краснокожих! Тебе известно, насколько я беспомощен здесь. Лафайет и Де Морепа не позволяют мне отдаляться от форта больше чем на пятьдесят миль, мне не дают войск! Пусть сначала соберется армия американцев, твердят они. Американцы, мол, должны набрать войска, с которыми тебе предстоит сражаться. Но только ты можешь заставить этих бесхребетных независимых подлецов объ-

единиться.

— Знаю, — кивнул Такумсе.

— Такумсе, ты обещал мне армию из десяти тысяч краснокожих. Вместо этого я постоянно слышу о каком-то городе, где поселилось аж десять тысяч *квакеров*!

— Они не квакеры.

— А, кто бы они ни были! Они отрицают войну, а это одно и то же. — Внезапно голос Наполеона смягчился, в нем появились любовь, настойчивые, просящие нотки. — Такумсе, ты нужен мне, я полагаюсь на тебя, прошу, умоляю, не подведи.

Такумсе расхохотался. Наполеон давным-давно понял, что его фокусы срабатывают только с бледнолицыми, изредка — с краснокожими, а на Такумсе не действуют вообще.

— Тебе нет никакого дела до меня, а мне нет никакого дела до тебя, — сказал Такумсе. — Тебе нужна одна большая битва и победа в ней, чтобы вернуться в Париж героем. Мне нужна эта битва и победа в ней, чтобы вселить в сердца бледнолицых ужас, чтобы создать под своим предводительством еще большую армию краснокожих, чтобы очистить южные земли и прогнать англичан за горы. Одно сражение, одна победа — вот почему мы сошлись, но после того как мы

добьемся своего, ты ни разу не вспомнишь обо мне, а я — о тебе.

Наполеона речь Такумсе рассердила, но полководец сумел-таки выдавить улыбку.

— Ну, какая-то правда в твоих словах имеется, — сказал он. — Мне нет до тебя дела, но я не забуду тебя. Я многому научился у тебя, Такумсе. Я понял, что любовь к полководцу вернее ведет за собой людей, чем любовь к стране, но любовь к стране — это лучше, чем жажда славы, а жажда славы — лучше, чем страсть к грабежам, и страсть к грабежам — лучше, чем поклонение деньгам. Но лучше всего сражаться за какое-то дело. За великую, благородную мечту. Меня мои воины всегда любили. Они готовы пойти ради меня на смерть. Но ради благого дела они пожертвуют своими женами и детьми и будут считать, что оно того стоит.

— Ты этому научился у меня? — спросил Такумсе. — Это речи моего брата, а не мои.

— Твоего брата? Мне-то казалось, что он никогда не призывал людей положить жизнь за какое-то дело.

— Он весьма волен в вопросах смерти. Он ненавидит убийство.

Наполеон рассмеялся, и Такумсе рассмеялся

вместе с ним.

— А знаешь, ты все-таки прав. Мы не друзья. Но ты мне нравишься. И вот что мне непонятно. Неужели, победив и изгнав бледнолицых со своей земли, ты вот так вот все бросишь и позволишь племенам разбрестись в разные стороны и жить так, как они жили раньше? Неужели ты допустишь, чтобы все снова принялись ссориться друг с другом, чтобы краснокожие вновь стали слабыми?

— Не слабыми, счастливыми. Прежде мы были счастливы. Много племен, много языков, но единая живая земля.

— Слабыми, — повторил Наполеон. — Знаешь, Такумсе, если б мне удалось объединить под единым флагом *мою* страну, я бы держал ее так крепко, что мой народ стал бы великой нацией, великой и могучей. Запомни, если у меня это получится, мы вернемся и отнимем у тебя твою землю. Мы захватим все страны на земном шаре. Уж поверь мне.

— Это потому, что ты представляешь зле", генерал Бонапарт. Ты хочешь все и вся переделать, подчинить себе.

— Это не зло, глупый ты дикарь. Когда люди начнут повиноваться мне, они обретут счастье

и покой, обретут мир. И впервые за всю историю они станут свободными.

— Они будут жить в мире, пока не восстанут против тебя. Они будут счастливы, пока не возненавидят тебя. И свобода их продлится только до той минуты, пока они не решат поступить против твоей воли.

— Вы только посмотрите, краснокожий философствует. А эти крестьяне-поселенцы знают, что ты читал Ньютона, Вольтера, Руссо и Адама Смита?[20]

— Вряд ли им известно, что я умею читать на их языке.

Наполеон, наклонившись, облокотился на стол.

— Мы уничтожим их, Такумсе, ты и я. Но ты должен привести мне армию.

— Мой брат предрек, что у нас будет эта армия еще до конца года.

— Пророчество?

— Все его пророчества сбываются.

— А он не сказал, победим мы или нет?

Такумсе усмехнулся:

---

[20] Примечания: 20

Смит Адам (1723-1790) — английский экономист, заложивший основы классической политэкономии и первым обратившийся к исследованию экономической истории средневековой Европы.

— Он сказал, что ты обретешь славу самого великого европейского генерала за всю историю. А я-буду известен как величайший краснокожий вождь.

Наполеон взъерошил волосы и улыбнулся. Теперь он выглядел как настоящий мальчишка. Он умел угрожать, хвалить и преклоняться одновременно.

— Ну, это еще неизвестно. Знаешь ли, мертвецов тоже называют великими.

— Но люди, проигравшие битву, никогда еще не обретали славу. Их благородством, может быть, мужеством восхищались. Но великими никогда не называли.

— Верно, Такумсе, верно. Твой брат, оказывается, провидец. Дельфийский оракул.

— Я не знаю этих слов.

— Неудивительно, ты ведь дикарь. — Наполеон налил в бокал вина. — Я несколько забылся. Вина?

Такумсе покачал головой.

— Мальчику, думаю, еще нельзя, — заметил Наполеон.

— Ему всего десять лет.

— Во Франции это означает, что вино наполовину разбавляется водой. Да, кстати, а что у тебя

делает бледнолицый мальчишка? Такумсе, ты что, взялся за похищение детей?

— Этот мальчишка, — сказал Такумсе, — нечто большее, чем кажется.

— Глядя на его набедренную повязку, этого не скажешь. Он понимает по-французски?

— Ни слова, — успокоил Такумсе. — Я пришел, чтобы спросить у тебя… вы дадите нам ружья?

— Нет, — сразу ответил Наполеон.

— Мы не можем идти против пуль со стрелами, — объяснил Такумсе.

— Лафайет запрещает выдавать вам какое-либо огнестрельное оружие. И Париж поддерживает его. Они тебе не доверяют. Боятся, что в один прекрасный день те же самые ружья обратятся против нас.

— Какой тогда прок от всей моей армии?

Наполеон улыбнулся, сделал глоток из бокала.

— Я говорил с некими торговцами из Ирраквы.

— Ирраква — это испражнения больного пса, — сказал Такумсе. — Это жестокие, завистливые твари, они были такими до того, как пришел белый человек, а теперь стали еще хуже.

— Странно. А англичане, такое впечатление, находят их весьма мирным, добродушным племенем. Лафайет так просто восхищается ими.

Но главное здесь не это. Они производят ружья. В больших количествах. Дешево. Это не самые *надежные* ружья, но во многом они сходны с обычными винтовками. Следовательно, можно сделать так, чтобы пуля лучше подходила под дуло, чтобы цель была вернее. И все равно Ирраква продает свои ружья значительно дешевле.

— Ты их купишь нам?

— Нет. Ты их сам купишь.

— У нас нет денег.

— Шкурки, — напомнил Наполеон. — Бобровые шкурки. Ондатровые. Оленьи и бизоньи.

Такумсе покачал головой:

— Мы не можем просить животных умереть, чтобы на их шкуры потом купить оружие.

— Плохо, очень плохо, — искренне огорчился Наполеон. — Ведь у вас, краснокожих, дар к охоте, как мне говорили.

— У настоящих краснокожих. Племя ирраква давно забыло об этом даре. Они слишком долго пользовались машинами белого человека, поэтому теперь, как и бледнолицые, они мертвы земле. Иначе бы они пошли и сами добыли нужные им шкуры.

— Они еще кое-что согласны принять в уплату. Кроме шкурок, — продолжал Наполеон.

— У нас нет ничего такого, что бы было нужно им.

— Железо, — уточнил Наполеон.

— У нас нет железа.

— Разумеется. Но вы знаете, где оно залегает. В верховьях Миззипи и вдоль Мизоты. У восточной оконечности озера Высоководное. Все, что им нужно, это ваше обещание. Вы должны поклясться, что не станете нападать на их лодки, пока они будут перевозить железную руду в Ирракву, и на шахтеров, которые будут добывать железо из-под земли.

— То есть они просят мира в обмен на ружья?

— Да, — кивнул Наполеон.

— А они не боятся, что я обращу эти ружья против них же?

— Они просили, чтобы ты пообещал, что так не поступишь.

Такумсе тщательно взвесил ответ.

— Передай им вот что. Я обещаю, что, если они дадут нам ружья, ни одно из них не обернется против Ирраквы. Все мои воины принесут эту клятву. И мы не станем нападать на их лодки и на их шахтеров, пока те будут разрабатывать землю.

— Ты обещаешь? — переспросил Наполеон.

— Раз сказал, значит, обещаю, — ответил Такумсе.

— Несмотря на всю ненависть к ним?

— Я ненавижу их только потому, что сама земля их ненавидит. Когда белый человек уйдет, земля снова исполнится силой, выздоровеет, и тогда землетрясения поглотят шахты, а шторма потопят лодки, и племя ирраква снова вернется к краснокожим — или погибнет. Когда бледнолицые уйдут, земля жестоко рассудит оставшихся детей.

Вскоре встреча закончилась. Такумсе поднялся и пожал генералу руку. Элвин, к вящему удивлению обоих мужчин, тоже выступил вперед и протянул руку.

Наполеон, подивившись, обменялся с мальчиком рукопожатием.

— Передай ему, что он выбрал себе опасных друзей, — сказал Наполеон Такумсе.

Такумсе перевел. Глаза Элвина расширились.

— Это тебя он имеет в виду? — спросил мальчик.

— Думаю, да, — ответил Такумсе.

— Но ведь это он самый опасный человек в мире, — изумился Элвин.

Наполеон лишь рассмеялся, когда Такумсе пе-

ревел ему слова мальчика.

— Какой же я опасный? Маленький человечишка, засланный в самую глушь, тогда как центр мира — Европа, и все великие войны свершаются там. А я даже не могу принять в них участие!

Такумсе не пришлось переводить — мальчик все понял по голосу и выражению лица Наполеона.

— Он опасен потому, что заставляет людей любить себя, хотя сам того не заслуживает.

Такумсе почувствовал правду в словах мальчика. То, что творил Наполеон с бледнолицыми, было опасно. Этот человек являлся воплощением зла и тьмы. «И его я прошу о помощи? Прошу стать моим союзником? Но у меня нет выбора». Такумсе не стал переводить, что сказал мальчик, хотя Наполеон очень настаивал. Пока что французский генерал не пытался испробовать силу своих чар на мальчишке. Если б он знал, как тот о нем отозвался, он мог бы прибегнуть к помощи своего дара и подчинить себе Элвина. Этот мальчик постепенно начинал нравиться Такумсе. Хотя, может быть, Элвин слишком силен, чтобы Наполеон его очаровал. Но, может, он станет верным рабом Наполеона, как де Морепа. Лучше не выяснять. Лучше увести его отсюда побыстрее.

Элвин настоял зайти посмотреть собор. Один из священников с ужасом бросился наперерез двум дикарям в набедренных повязках, осмелившимся войти в святой храм, но другой упрекнул его и проводил мужчину и мальчика в собор. Такумсе всегда удивлялся статуям святых. Почти каждая из них изображала человека, подвергающегося самым страшным пыткам. Бледнолицые вечно твердили, что краснокожие поступают как настоящие варвары, пытая пленных и заставляя их демонстрировать мужество. А как насчет этих статуй, перед которыми они встают на колени и молятся? Их святые — это люди, которые, подвергшись пытке, показали свое мужество. Нет, белого человека никогда не понять.

Покидая город, он и Элвин подробно обсудили этот спорный вопрос. Также Такумсе объяснил мальчику, как у них получается пробегать столь огромные расстояния так быстро. И отметил, что он и его воины были очень удивлены, когда Элвин не отстал от них. Элвин, похоже, понял, каким образом краснокожие сосуществуют с землей. По крайней мере, попытался понять.

— По-моему, я тоже это почувствовал. Пока бежал. Я словно вышел из своего тела. Мои мысли были далеко отсюда. Я как будто спал. А пока

меня не было, что-то управляло моим телом. Подпитывало его, использовало, вело туда, куда нужно. Вы ощущаете то же самое?

Такумсе ощущал абсолютно противоположное. Когда земля входила в него, в нем оживали такие силы, каких у него никогда не было. Он не покидал свое тело, а, наоборот, присутствовал в нем каждую секунду. Но он не стал объяснять это мальчику. В ответ он задал ему свой вопрос:

— Ты говоришь, это напоминает сон. А что тебе снилось прошлой ночью?

— Мне снова приснились те видения, которые явились мне, когда я вместе с Сияющим… вместе с Пророком посетил хрустальный замок.

— Сияющий Человек… Я знаю, что ты зовешь его так, и он рассказал мне почему.

— Мне снова приснился хрустальный замок. Только видел я нечто иное. Кое-что я и сейчас помню, а кое-что забыл.

— Тебе снилось что-нибудь, чего ты раньше не видел?

— Мне снился этот город. Статуи в соборе. И тот человек, к которому мы ходили, генерал. И потом я увидел нечто очень странное. Огромный холм, почти круглый… нет, не круглый, просто у него было восемь сторон. Да, это я отчетливо помню.

Холм с восемью ровными склонами. А внутри него находился целый город из маленьких комнатушек, похожий на муравейник, только комнатушки те предназначались для людей. Я находился на самой вершине этого холма и бродил среди очень странных деревьев — листья на них были не зеленые, а серебряные, — и я искал своего брата Меру.

Долгое время Такумсе ничего не говорил. Но о многом успел подумать. Ни один белый человек прежде не бывал там — земля еще не утеряла свою силу, поэтому надежно скрывала это место. Однако мальчику оно приснилось. А сон о Восьмиликом Холме просто так не приходит. Он всегда что-то означает. Всегда означает одно и то же.

— Нам надо отправиться туда, — сказал Такумсе.

— Куда?

— На тот холм, что ты видел, — объяснил Такумсе.

— А что, он и вправду существует?

— Ни один белый человек не видел его. Ибо своим присутствием он… он осквернит это место. — Элвин ничего не ответил, да и что он мог сказать? Такумсе с трудом сглотнул. — Но если

оно тебе приснилось, значит, тебе надо там побывать.

— А что это такое?

Такумсе пожал плечами.

— Это место, которое тебе приснилось. Вот и все. Если хочешь узнать больше, обратись к сновидениям.

До лагеря они добрались уже в сумерках. На лужайке стояло несколько вигвамов, ибо, судя по небу, ночью собирался дождь. Воины настояли, чтобы Такумсе спал в одном вигваме с Элвином, ради его же благополучия. Но Такумсе наотрез отказался. Этот мальчик пугал его. Земля что-то делала с ним, но Такумсе ничего не объясняла.

Однако когда тебе во сне является Восьмиликий Холм, у тебя не остается выбора. Ты должен идти. А поскольку Элвин в одиночку не найдет туда дорогу, Такумсе придется идти с ним.

Он не смог бы объяснить этого своим воинам, а если бы и смог, то не стал бы ничего говорить. Слово о том, что Такумсе отвел бледнолицего в древнее священное место, распространится очень быстро, и многие краснокожие откажутся даже видеться с Такумсе.

Поэтому утром он сказал, что, исполняя желание Пророка, забирает мальчика на учебу.

— Встречаемся через пять дней там, где Пикави впадает в Гайо, — напоследок произнес он. — Оттуда мы пойдем на юг, чтобы поговорить с чоктавами и чикисавами.

— Возьми нас с собой, — принялись упрашивать они. — Тебе ведь может грозить опасность.

Но он ничего не ответил, и воины замолчали. Он побежал в лес, и Элвин снова пристроился за ним, следуя шаг в шаг. Снова они бежали, словно повторяли путь от озера Мизоган к Детройту. К вечеру они достигнут Земли Кремней. Такумсе намеревался провести там ночь и посмотреть свои сновидения, прежде чем вести бледнолицего мальчишку к Восьмиликому Холму.

Глава 12
ПУШКИ

Мера услышал приближающиеся шаги буквально за секунду до того, как лязгнул засов, дверь отворилась и в погреб хлынул яркий свет. Он как раз успел стряхнуть грязь, затянуть на набедренной повязке пояс из оленьей шкуры и выбраться из туннеля на кучу картошки. Повязка была настолько грязной, словно он облепился ниже пояса комьями земли, но это все мелочи.

Солдаты не стали тратить время на осмотр тюремного помещения, поэтому туннеля, которого было прокопано уже добрых два фута, они не заметили. Вместо этого они схватили юношу подмышки и вытащили наружу, хлопнув за его спиной тяжелой дверью. Свет ударил в глаза так внезапно, что практически ослепил его. Мера даже не разглядел, кто его тащит и сколько солдат за ним послали. Впрочем, какая разница? Местные жители сразу узнают его, поэтому Гаррисон наверняка послал своих прислужников. А значит, ничего хорошего его не ожидает.

— Свинья и есть свинья, — отметил Гаррисон. —

Отвратительно. Ты выглядишь как настоящий краснокожий.

— Сами засунули меня под землю, — огрызнулся Мера. — Вы что, думали, я там мылся?

— Мальчик мой, я дал тебе на раздумья одну долгую ночь, — сказал Гаррисон. — Теперь ты должен решать. Ты мне так и так пригодишься. Хочешь остаться в живых, расскажи всем, как твоего брата запытали до смерти, как он каждую секунду кричал. Ты сумеешь сочинить хорошую историю и поведаешь, как Такумсе и Пророк обмывали свои руки в крови мальчика. Если ты согласишься рассказать что-нибудь подобное, тебя стоит оставить в живых.

— Такумсе спас мою жизнь от *ваших* краснокожих чоктавов, — закричал Мера. — И ничего больше я рассказывать не буду. Разве что упомяну, как вы заставляли меня скрыть правду.

— Так я и подумал, — нахмурился Гаррисон. — Даже если б ты солгал мне и пообещал рассказать все, как я попрошу, я бы тебе не поверил. Стало быть, выхода не остается.

Мера догадывался, что Гаррисон собирается предоставить Церкви Вигора его труп со следами пыток на нем. Мертвый, он никому не сможет рассказать, кто его резал и жег. «Что ж, — решил

Мера, — ты увидишь, что я с достоинством приму смерть».

Но поскольку перспектива близкой смерти его не слишком-то прельщала, он подумал, что, может быть, стоит еще раз попробовать переубедить Гаррисона.

— Гаррисон, послушайте, мы можем договориться. Вы меня отпускаете и отзываете свои войска, и тогда я держу свой рот на замке. Просто отпустите меня, а потом притворитесь, что все это было ужасной ошибкой, отведите своих парней домой и оставьте Град Пророка в покое. Тогда я не скажу ни слова. На такую ложь я охотно пойду.

Гаррисон на секунду заколебался, и Мера почувствовал, как внутри зародилась призрачная надежда. Может, внутри этого человека еще теплится искорка добра и он опомнится, прежде чем обагрит свои руки кровью. Но потом Гаррисон улыбнулся, потряс головой и махнул рукой здоровому уродливому речному матросу, который стоял прислонившись к стене.

— Бездельник Финк, перед тобой сейчас стоит юноша-изменник, который добровольно участвовал в злых деяниях Такумсе и его банды насильников и детоубийц. Надеюсь, у тебя получится переломать ему пару-другую косточек.

Финк окинул юношу оценивающим взглядом:

— Боюсь, шума будет много, губернатор.

— На вот, засунь ему в рот кляп. — Гаррисон вытащил из кармана своего сюртука платок. — Держи, запихай эту тряпку ему в рот и завяжи вот так.

Финк повиновался. Мера пытался не смотреть на него, пытался успокоить дрожь, которая сводила его живот и наполняла мочевой пузырь. Начав делать медленные, глубокие вдохи через нос, он постепенно обрел самообладание. Финк обвязал красным шарфом лицо Меры и затянул узел так туго, что кляп чуть не провалился в желудок. Юноше снова пришлось сосредоточиться на дыхании, чтобы подавить позывы к рвоте. Если он вдохнет ртом, платок пройдет прямо ему в легкие, и тогда Мера точно умрет.

Хотя глупо сейчас думать об этом — Гаррисон все равно вознамерился расправиться с ним. Может, лучше задохнуться платком, чем терпеть боль, которую ему причинит Финк. Но Мера слишком крепко цеплялся за последнюю ниточку жизни, чтобы умереть так просто. Он вытерпит боль и умрет мужественно, легкий путь — не для него.

— Краснокожие обычно не ломают кости, —

услужливо напомнил губернатору Финк. — Они обычно режут ножами и жгут.

— У нас нет времени, чтобы резать его на части, а тело ты можешь сжечь после того, как он умрет. Главное, Финк, заполучить труп покрасивше. Боль нам неважна, ведь мы ж, в конце концов, не дикари какие-то. По крайней мере, не все мы окончательно одичали.

Бездельник понятливо усмехнулся, затем развернулся, взял Меру за плечо и ударом ноги сбил на пол. Мера никогда так ясно не ощущал своего бессилия, как в тот момент, когда ударился о доски пола. Ростом Финк был не выше его и на вид ничуть не сильнее, а Мера знал несколько борцовских приемчиков, но Бездельник и не собирался драться по-честному. Он схватил и ударил — и Мера вмиг очутился на полу.

— Может, его сначала связать? — предложил Гаррисон.

В ответ Финк быстро схватил Меру за ногу и поднял в воздух. Опереться ему было не на что, поэтому он даже пнуть Бездельника не смог. Затем Финк с размаху опустил ногу Меры на свое колено. Кости хрустнули, как сухая ветка. Мера заорал и чуть не проглотил платок. Такой дикой боли он в жизни не испытывал. «Наверное,

Элвин ощутил то же самое, когда ему на ногу упал жернов», — промелькнула у него в голове безумная мысль.

— Не здесь, — приказал Гаррисон. — Уволоки его отсюда. Это можно проделать и в погребе.

— Сколько костей ему переломать? — уточнил Финк.

— Все.

Финк поднял Меру за ногу и за руку и одним движением швырнул себе на плечи. Несмотря на боль, Мере удалось ткнуть его кулаком разок-другой, но Финк быстро схватил руку и переломал ее в локте.

Как его тащили до погреба. Мера помнил смутно. Он услышал, как кто-то издалека крикнул:

— Кого поймали?

— Краснокожего шпика, шлялся здесь по округе! — проорал в ответ Финк.

Далекий голос показался Мере знакомым, но он никак не мог сосредоточиться и вспомнить, кто же это говорит.

— Разорви его на кусочки! — напутствовал человек.

Финк не ответил. Он не стал опускать Меру на землю, чтобы открыть дверь погреба, хотя надо было наклониться и откинуть ее, чтобы пролезть

под низкий косяк. Финк подцепил дверь носком сапога, и та распахнулась. Стукнувшись о землю, она подпрыгнула и начала было закрываться, но к тому времени Финк уже шагнул на лестницу. Дверь ударилась о его бедро и снова упала на землю. Мера услышал лишь какой-то стук и почувствовал, как его встряхнуло. Нога и рука снова заныли. «Почему я еще не потерял сознание? — с удивлением подумал он. — Вот бы пришлось кстати».

Но он так и не потерял сознание. Обе его ноги были переломаны в двух местах, пальцы выкручены и чуть ли не растерты в порошок, в руках не осталось ни единой целой косточки. Но сознание упорно отказывалось покидать его, хотя боль постепенно куда-то отдалилась, превратившись в смутное напоминание. Когда стрекочет одна цикада, кажется, будто скрип ее крылышек эхом разносится по всей округе; две или три цикады трещат намного громче. Но когда к хору присоединяется двенадцатая цикада, их стрекотание не становится громче — просто слух у тебя притупляется, ты глохнешь и уже не слышишь навязчивой песни. То же самое случилось и с Мерой.

Где-то поблизости раздались дружные востор-

женные крики.

Кто-то заглянул в погреб.

— Губернатор говорит заканчивать побыстрее. Ты срочно понадобился ему.

— Еще минутку, — ответил Финк. — А потом сожгу.

— Некогда, — сказал солдат. — Давай побыстрее!

Финк распрямился и наступил огромной ножищей на грудь юноши. Ребра громко захрустели, пронзая кожу и внутренности. Затем он поднял Меру за руку и за волосы и откусил ему ухо. После чего резко свернул шею. Мера услышал, как позвонки звонко сломались. Финк швырнул безжизненное тело на кучу картошки. Юноша скатился прямо в дыру, которую копал. Он почувствовал под щекой землю, после чего желанное забвение наконец нахлынуло на него, и все вокруг заволокла тьма.

Финк ногой закрыл дверь, задвинул засов и направился в дом. Из-за дома по-прежнему неслись приветственные, ликующие крики. Гаррисон встретил его на пороге кабинета.

— Можно не беспокоиться, — сказал Гаррисон. — Подогревать толпу нет необходимости, поэтому труп нам не понадобится. Только что

пушки прибыли. Утром мы выступаем.

Гаррисон сбежал с крыльца, и Бездельник Финк безропотно зашлепал следом. Пушки? При чем здесь пушки? И почему теперь не нужен труп? Он что, держит Финка за какого-нибудь убийцу? Убить Рвача — одно, убить человека в честном поединке — это справедливо. Но убивать юношу, чей рот заткнут кляпом, — это совсем другое. Откусывая ухо, Финк не ощутил прежнего восторга. Этот трофей он добыл в нечестной схватке. У него аж сердце защемило. Он даже не откусил второе ухо.

Бездельник стоял рядом с Гаррисоном и смотрел, как лошади тянут четыре пушки. Он знал, для чего Гаррисону понадобились орудия, слышал его планы. Две пушки он поставит здесь, две — там, чтобы сразу с двух сторон обрушить огонь на город краснокожих. На их головы посыплются картечь и шрапнель, осколки металла будут рвать и терзать тела краснокожих, не жалея ни мужчин, ни женщин, ни детей.

"Это не моя драка, — подумал Бездельник. — Да и еще тот парень… Какая здесь слава, это все равно что лягушат каблуком давить. Даже думать не надо, раз — и все. Только мертвых лягушат не собирают и не вешают на стены. Так никто

не делает.
Это не моя драка".

Глава 13
ВОСЬМИЛИКИЙ ХОЛМ

Земля у реки Мчащейся была совсем другая. Элвин не сразу это заметил, поскольку бежал, если можно так выразиться, ничего не видя и не слыша. Поэтому мало что замечал. Пока он бежал, ему снился один долгий сон. Но как только они с Такумсе ступили на Землю Кремней, сновидение сразу изменилось. Все вокруг, куда бы он ни повернул взор, расцветилось маленькими искорками угольно-черного огня. Только это была не та пустота, что всегда маячила неподалеку. И не та глубокая чернота, что поглощала свет и не отпускала обратно. Нет, этот черный цвет сиял и переливался, испуская огоньки.

Когда они остановились и Элвин очнулся от сна, черные огоньки чуточку померкли, но все еще периодически сверкали. Недолго думая, Элвин подошел к одному такому черному светлячку, проглядывающему в море зелени, нагнулся и поднял его. Кремень. Большой, хороший кремень.

— Добрый наконечник для стрелы, — заметил Такумсе.

— Он сияет черным и обжигает холодом, — сказал Элвин.

Такумсе кивнул.

— Хочешь стать краснокожим? Тогда делай со мной наконечники.

Элвин быстро приноровился. Он и раньше работал с камнем. Когда он вырубал жернов, он делал поверхность плоской, гладкой. Но с кремнем дело обстояло несколько иначе. Здесь важен был режущий край, а не поверхность. Первые два наконечника вышли кривыми, но потом он наконец проник в камень, отыскал в нем естественные трещинки, складки породы и последовал им. Свой четвертый наконечник он даже не обрабатывал. Он покрутил его в пальцах, после чего осторожно очистил от осколков.

Лицо Такумсе ничего не выражало. Бледнолицым казалось, что он все время так выглядит. Они считали, что краснокожие, и в особенности Такумсе, никогда ничего не чувствуют, поскольку воины не выставляли свои чувства напоказ. Хотя Элвин видел, как они смеются и плачут, видел, как на их лицах отражаются самые разнообразные эмоции. И раз лицо Такумсе ничего не выражало, значит, внутри вождь буквально бурлит.

— Я раньше много работал с камнем, — почти извиняющимся голосом проговорил Элвин.

— Кремень — это не просто камень, — ответил Такумсе. — Галька в реке, булыжники — это камни. А это живая скала, скала, содержащая внутри огонь, затвердевшая земля, которая приносит нам себя в дар. Она не видела тех истязаний и пыток, которые видело железо, прошедшее через руки белого человека. — Он поднял наконечник, сделанный Элвином, тот самый, который мальчик очистил пальцами. — У стали никогда не будет столь острого края.

— И в самом деле ничего острее я в жизни не видел, — признался Эл.

— Никаких отметин, — сказал Такумсе. — Ни одной царапины. Краснокожий посмотрит на этот кремень и скажет: «Сама земля вырастила его таким».

— Но ты-то знаешь, что это не так, — произнес Эл. — Ты-то знаешь, что у меня просто такой дар.

— *Дар* калечит землю, — возразил Такумсе. — Как калечит поверхность реки водоворот. Белый человек портит землю, пытаясь изменить ее. Но ты другой.

Элвин ненадолго задумался.

— Ты хочешь сказать, что видишь, когда люди

накладывают заклинание, чары или оберег? — наконец спросил он.

— Я ощущаю дурной запах, словно кто-то опустошил кишечник, — ответил Такумсе. — Но ты — ты делаешь все очень чисто. Как будто ты часть земли. Я думал, что научу тебя быть краснокожим. Вместо этого земля сама забрасывает тебя своими дарами.

И снова Элвин увидел укор в его глазах. Как будто Такумсе злился, когда видел, на что способен Элвин.

— Я никого не просил об этом, — пожал плечами он. — Просто я седьмой сын седьмого сына и тринадцатый ребенок.

— Эти числа — семь, тринадцать… Вы, бледнолицые, придаете им какое-то значение, а для земли они ничто, пустое место. Земля любит истинные числа. Один, два, три, четыре, пять, шесть — эти числа ты можешь найти в лесу, оглянувшись по сторонам. Но где семь? Где тринадцать?

— Может быть, именно поэтому они так сильны, — заметил Элвин. — Потому что они рождены не природой.

— Почему тогда земля относится с такой любовью к тому, что ты творишь?

— Не знаю, Такумсе. Мне всего десять лет, один-

надцатый пошел.

Такумсе рассмеялся:

— Десять? Одиннадцать? Очень слабые числа.

Ночь они провели на границе Земли Кремней. Такумсе поведал Элвину историю этой земли, как она прославилась своими кремнями по всей стране. Сколько бы краснокожих сюда ни приходило, сколько бы кремней они с собой ни уносили, их появлялось все больше. Они лежали и ждали, когда их подберут. За прошедшие годы то одно, то другое племя неоднократно пыталось завладеть этим краем. Сюда приходили воины и убивали всех, кто осмеливался явиться за кремнями. Они считали, что таким образом получат власть — у них будут стрелы, тогда как другим стрелять будет нечем. Но из этого никогда ничего хорошего не выходило. Потому что, стоило племени изгнать отсюда всех краснокожих и завладеть землей, как кремни исчезали, будто и не было. Ни одного не оставалось. Члены племени искали, искали, но ничего не находили. И им ничего не оставалось делать, кроме как покинуть эти места, но за ними приходили другие краснокожие и обнаруживали, что кремни никуда не делись, что их столько же, сколько и прежде.

— Это место принадлежит всем. Здесь красно-

кожие находятся в мире друг с другом. Здесь не случается убийств, не бывает войн и раздоров — иначе племя не получит кремней.

— Вот если б весь мир был таким, — мечтательно произнес Элвин.

— Послушай подольше моего брата, бледнолицый мальчик, и начнешь думать, что так оно и есть. Нет, нет, не надо объяснений. Не защищай его. Он избрал свою дорогу, я избрал свою. Мне кажется, что на его пути погибнет куда больше людей, как краснокожих, так и бледнолицых, чем на моем.

Ночью Элвину приснился сон. Он бродил вокруг Восьмиликого Холма, пока не нашел место, где начиналась тропка, ведущая вверх по крутому склону. Поднявшись по ней, он вскоре добрался до вершины. И увидел деревья, деревья с серебряной листвой, которая, тихонько шелестя на легком ветерке, пускала ему в лицо солнечные зайчики. Он приблизился к одному из деревьев и обнаружил на нем гнездо иволги. И на всех остальных деревьях было по одному гнезду иволги.

Но одно дерево отличалось от своих собратьев. Оно было значительно старше, извилистые корни буравили землю, а ветви, вместо того чтобы устремляться к небу, клонились под собственным

весом. Словно у плодоносящего дерева. И листья его были золотыми, а не серебряными, поэтому сверкали не так ярко, но цвет их был нежным и густым. На дереве он увидел круглый белый плод и почему-то сразу понял, что тот созрел. Протянув руку, чтобы сорвать и съесть плод, он вдруг услышал громкий смех. Оглянувшись, Элвин увидел, что вокруг собрались все его близкие, друзья и знакомые и насмехаются над ним. Только один человек не смеялся — Сказитель. Сказитель посмотрел ему в глаза и произнес:

— Ешь.

Элвин снова поднял руку и сорвал плод с дерева, поднес его к губам и откусил. Сочная мякоть наполнила его рот. Она была сладкой и горькой, соленой и кислой одновременно, настолько терпкой, что по телу Элвина побежали мурашки. Однако плод оказался невообразимо вкусным, и Элвину хотелось ощущать его сладость вечно.

Он хотел было откусить еще раз, когда увидел, что рука его пуста, а на дереве не осталось больше ни одного плода.

— Ты откусил от него один раз, и пока что этого достаточно, — промолвил Сказитель. — Запомни его вкус.

— Я никогда его не забуду, — поклялся Элвин.

Собравшиеся вокруг люди продолжали смеяться, заходясь от хохота, но Элвин не обращал на них никакого внимания. Он вкусил плода, и сейчас ему больше всего хотелось привести к дереву своих родных и дать им испробовать того же. Ему хотелось собрать здесь всех своих знакомых и незнакомых тоже и дать им ощутить вкус плода. «Стоит им его попробовать, — подумал Элвин, — и они все поймут».

— Что именно? — спросил Сказитель.

Элвин не смог подыскать подходящего ответа.

— Просто поймут, — наконец пожал плечами он. — Узнают все на свете. Все, что хорошо.

— Правильно, — кивнул Сказитель. — Сначала ты получаешь *знание*.

— А если откусить второй раз?

— Ты обретешь вечную жизнь, — объяснил Сказитель. — Но этого лучше не делать. Лучше даже не представляй, что сможешь жить вечно.

Элвин проснулся утром, ощущая во рту вкус плода из ночного сновидения. Ему пришлось чуть ли не силой вдалбливать себе в голову, что это был всего лишь сон. Такумсе уже поднялся. Он разжег небольшой костерок и вызвал двух рыб из реки. Сейчас насаженные на палочки рыбешки коптились над костром. Такумсе протянул одну

из них Элвину.

Но Элвину не хотелось есть. Если он поест, вкус плода пропадет. Он тогда забудет его, а ему хотелось навсегда запомнить сочную мякоть. Он, разумеется, знал, что когда-нибудь поесть придется — если все время отказываться от еды, легко иссохнуть донельзя с голодухи. Но сегодня, сейчас, ему не хотелось есть.

Глотая слюнки, он глядел на шипящую форель. Такумсе что-то говорил, рассказывая, как надо вызывать рыбу и остальных животных, когда захочешь поесть. Надо просто попросить их прийти. Если земля пожелает, чтобы ты поел, они придут. Может, на твой зов откликнется совсем не то животное, что ты звал, но ты все равно не умрешь с голоду — ты будешь есть то, что дает земля. Элвин подумал о жарящейся рыбе. Разве земля не знала, что он не будет есть этим утром? Или она послала эту рыбу специально, принуждая его поесть?

Ни то ни другое. Потому что не успела рыба толком прокоптиться, как они вдруг услышали треск и буханье шагов, говорящее о том, что к реке направляется белый человек.

Такумсе напрягся, но рука его не потянулась к ножу.

— Если земля привела белого человека *сюда*, значит, он не враг мне, — объяснил Такумсе.

Через несколько секунд на полянку выбрался пожилой мужчина. Волосы его были чисто-белыми от седины — там, где не сверкала лысина. Поношенная шляпа была сдвинута набок. На плече висела полупустая сума, но ни винтовки, ни ножа не было видно. Элвин даже гадать не стал, он и так знал, что находится в той сумке. Смена белья, немножко еды и книга. Одну треть этой книги составляли небольшие фразы, в которых обыкновенные люди описывали самую важную вещь, что видели в своей жизни. А другие две трети книги были запечатаны кожаным ремешком. Туда Сказитель записывал собственные истории, те, в которые он верил и которые, по его мнению, представляли важность.

Да, да, именно он это и был. Сказитель собственной персоной, хотя Элвин думал, что им уже не суждено повстречаться еще раз. Внезапно, увидев старого друга, Элвин понял, почему на зов Такумсе откликнулись две рыбешки.

— Сказитель, — окликнул Элвин, — надеюсь, ты проголодался, потому что я специально для тебя прокоптил хорошую форель.

Сказитель улыбнулся:

— Рад видеть тебя, Элвин, и не менее рад видеть рыбу, которую ты держишь в руках.

Элвин вручил ему завтрак. Сказитель сел на траву, прямо напротив Элвина и Такумсе.

— Большое тебе спасибо, Элвин, — поблагодарил Сказитель.

Он вытащил маленький ножик и принялся аккуратно срезать полоски рыбы. Они обжигали ему губы, но он лишь облизывался да причмокивал. Вскоре от форели ничего не осталось. Такумсе также ел свою рыбу, а Элвин тем временем наблюдал за обоими. Такумсе не сводил со Сказителя глаз.

— Это Сказитель, — представил Элвин. — Этот человек научил меня исцелять.

— Ничему я тебя не учил, — возразил Сказитель. — Я просто подкинул тебе пару-другую идеек, как этому можно научиться. И убедил тебя попробовать. — Сказитель повернулся к Такумсе. — Представляете, он твердо решил умереть и наотрез отказывался прибегать к своему дару!

— А это Такумсе, — сказал Элвин.

— О, я понял это в ту же самую минуту, как увидел вас. Вы знаете, что среди поселенцев о вас

слагают легенды. Вы словно Саладин[21] эпохи крестовых походов — вами восхищаются куда больше, чем собственными управителями, хотя знают, что вы поклялись биться до последней капли крови, пока не изгоните из Америки последнего бледнолицего.

Такумсе ничего не ответил.

— Я встретил не меньше двух дюжин ребятишек, названных в вашу честь, большинство из них были мальчиками, но все без исключения были белыми. А какие истории о вас ходят! О том, как вы спасли белых пленников от сожжения на костре, о том, как приносили еду людям, чтобы они не умерли с голоду, хотя сами же выгнали их из домов. Я даже поверил некоторым из этих историй.

Такумсе доел рыбу и положил палочку в костер.

— А также по пути сюда я слышал историю о том, как вы похитили двух мальчиков из Церкви Вигора и послали окровавленные одежды их родителям. О том, как вы запытали их до смерти, чтобы продемонстрировать свою решимость

---

[21] Примечания: 21

Саладин (Салах-ад-дин) (1138-1193) — египетский султан, участвовавший в войнах с крестоносцами и прославившийся храбростью, благородством и подвигами

уничтожить каждого белого поселенца — убить не только мужчин, но и всех женщин, детей. О том, как вы сказали, что время присоединяться к цивилизации прошло и теперь вы пойдете на любую жестокость, чтобы изгнать бледнолицых из Америки.

— *Этой* истории вы тоже поверили? — промолвил Такумсе первую фразу с тех пор, как прибыл Сказитель.

— Честно говоря, нет, — усмехнулся Сказитель. — Но только потому, что я уже знал правду. Видите ли, я получил послание от одной знакомой девочки — на самом деле она уже юная леди. Послание пришло письмом.

Он вытащил из кармана три сложенных листочка и передал Такумсе.

Такумсе, даже не посмотрев, передал письмо Элвину.

— Прочти вслух, — сказал он.

— Но ты ж умеешь читать по-английски, — удивился Элвин.

— Здесь не умею, — ответил Такумсе.

Элвин посмотрел на письмо, повертел в руках странички, но, к его изумлению, не смог прочесть ни слова. Буквы выглядели знакомо. Он даже мог назвать их — «м-а-с-т-е-р-у-н-у-ж-н-а-т-в-о-я-п-о-м-

о-щ-ь». Так начиналось письмо, но Элвин никак не мог разобрать, что в нем написано, даже язык для него был каким-то непонятным.

— Я тоже не могу прочитать, — пожал плечами он и вернул листочки Сказителю.

Сказитель некоторое время изучал написанные на бумаге буквы, после чего весело рассмеялся и сунул письмо обратно в карман.

— Что ж, замечательная история для моей книги. О месте, где человек разучивается читать.

Как ни удивительно, но Такумсе тоже улыбнулся:

— Даже ты его не можешь прочесть?

— Я знаю, о чем в нем говорится, потому что читал его раньше, — ответил Сказитель. — Но сегодня я не могу разобрать ни слова. Хотя знаю, что за слова должны в нем содержаться. Где мы очутились?

— В Земле Кремней, — пояснил Элвин.

— Мы находимся в тени Восьмиликого Холма, — поправил Такумсе.

— Не знал, что белый человек допускается сюда, — хмыкнул Сказитель.

— Я тоже, — сказал Такумсе. — Но рядом со мной сидит белый мальчик, а прямо напротив — белый мужчина.

— Ты мне снился прошлой ночью, — встрял Элвин. — Мне снилось, что я поднялся на вершину Восьмиликого Холма и там встретил тебя. Ты объяснял мне всякие вещи.

— Э-э, нет уж, — запротестовал Сказитель. — Вряд ли я что-нибудь могу разъяснить насчет этого Восьмиликого Холма.

— Но как ты попал сюда, — спросил Такумсе, — если не знал, что направляешься в Землю Кремней?

— Она написала, что я должен подняться по Муски-Ингум, а когда увижу белый валун, свернуть по тропинке налево. Она сказала, что Элвин Миллер-младший будет сидеть рядом с Такумсе у костра и жарить рыбу.

— Кто это «она»? — удивился Элвин.

— Девушка, — ответил Сказитель. — Светлячок. Она написала, что видела тебя, Элвин, внутри хрустального замка где-то неделю назад. Это она сняла с твоего лица сорочку, когда ты родился. И с тех пор наблюдает за тобой. Она вместе с тобой проникла в хрустальный замок и смотрела твоими глазами.

— Пророк действительно сказал, что кто-то еще находится рядом с нами, — подтвердил Элвин.

— Она смотрела и через его глаз тоже, — кив-

нул Сказитель, — и видела, что вас ожидает в будущем. Пророк погибнет. Завтра утром. Будет застрелен из ружья твоего отца, Элвин.

— Нет! — закричал Элвин.

— Если только Мера не поспеет вовремя, — продолжал Сказитель. — Он убедит твоего отца, что вы живы-здоровы и что ни Такумсе, ни Пророк вас пальцем не трогали.

— Но ведь Мера ушел много дней назад!

— Верно, Элвин. Только его схватили люди губернатора Гаррисона. Он находится в лапах у Гаррисона, и сегодня, может, в эту самую минуту, один из подручных губернатора убивает твоего брата. Ломает ему кости, сворачивает шею. Завтра Гаррисон нападет на Град Пророка, его пушки убьют всех. Всех до единого. От крови воды Типпи-Каноэ станут ярко-красными, а Воббская река донесет эту кровь аж до Гайо.

Такумсе резко поднялся:

— Я должен вернуться. Должен…

— Вам не успеть, и вы это знаете, — промолвил Сказитель. — Ваши воины далеко отсюда. Даже если вы будете бежать день и ночь, так, как могут бегать только краснокожие…

— Завтра днем я буду там, — сказал Такумсе.

— К этому времени он уже будет мертв, — вздох-

нул Сказитель.

Такумсе вскричал во весь голос, так громко, что несколько птиц, испугавшись, вспорхнули с луга.

— Стоп, стоп, придержите лошадей, подождите минутку. Если бы из положения не было выхода, та девушка не послала бы меня за вами, как вы думаете? Разве вы не видите, что мы исполняем чью-то великую волю? Почему так получилось, что нанятые Гаррисоном чоктавы похитили именно Элвина и Меру? Почему вы оказались здесь — и я вместе с вами — именно сегодня, именно в тот день, когда возникла нужда в нашей помощи?

— Наша помощь нужна *там*, — промолвил Такумсе.

— Я так не думаю, — возразил Сказитель. — Мне кажется, если б мы были нужны там, мы бы там и оказались. Мы нужны *здесь*.

— Мой брат тоже хотел, чтобы я повиновался его планам. А теперь объявился ты!

— Я бы очень хотел походить на вашего брата. Ему являются видения, он видит, что ждет нас, тогда как мной руководит лишь весточка, посланная светлячком. Но вот он я, а вот вы, и, если нам не суждено было появиться здесь, нас бы здесь не

было. А протестовать можно сколько угодно.

Разговор зашел о том, что суждено, а что не суждено, и Элвину это не понравилось. Кто выносит суждения? Что имеет в виду Сказитель? Неужели они всего лишь марионетки, дергающиеся на ниточках? Неужели их кто-то заставляет двигаться то туда, то сюда, удовлетворяя свои прихоти?

— Если кто-то и ответствен за происходящее, — вступил в спор Элвин, — то зачем он тратил столько сил, чтобы свести нас вместе?

Сказитель ухмыльнулся:

— Вижу, мой мальчик, ты так и не пристрастился к религии?

— Я просто не считаю, что кто-то управляет нами.

— А я этого и не говорил, — успокоил его Сказитель. — Я говорю, что из самого сложного положения всегда можно найти выход.

— Тогда хотелось бы послушать предложения. Что, по мнению этой леди, я должен сделать? — спросил Элвин.

— Она пишет, что ты должен взойти на гору и исцелить Меру. И не задавай мне больше никаких вопросов — это все, что она написала. В этих краях вроде бы нет никакой горы, а Мера сейчас лежит в погребе за домом Кислятины Райли и…

— Я знаю то место, о котором она говорит, — перебил его Элвин. — Я был там. Но я не могу… Я хочу сказать, я никогда не пытался исцелить человека, который находится за много миль от меня.

— Хватит болтовни, — вдруг сказал Такумсе. — Восьмиликий Холм явился в твоем сновидении, бледнолицый мальчик. Этот человек пришел, чтобы передать тебе, что ты должен подняться на гору. Все начнется тогда, когда ты взойдешь на Холм. Если, конечно, взойдешь.

— Некоторые вещи заканчиваются на Восьмиликом Холме, — заметил Сказитель.

— Откуда бледнолицему знать о священном месте? — презрительно фыркнул Такумсе.

— Ниоткуда, — примирительно произнес Сказитель. — Просто много лет назад я стоял у ложа умирающей женщины из племени ирраква, и она рассказала мне о событии, которое считала самым важным в своей жизни. Она была последней из племени ирраква, чья нога ступала на Восьмиликий Холм.

— В своих сердцах ирраква давным-давно приняли завет бледнолицых, — нахмурился Такумсе. — Восьмиликий Холм не подпустит их к себе.

— Но я ведь бледнолицый, — напомнил Элвин.

— Это проблема, — согласился Такумсе. — Восьмиликий Холм даст тебе свой ответ. Может быть, тебе не будет позволено взойти, и все умрут. Пойдем.

Он провел их по обнаружившейся неподалеку тропинке, и вскоре они вышли к крутому склону холма, густо поросшему кустарником и низенькими деревьями. Дальше дороги не было.

— Это Лик Краснокожего, — объяснил Такумсе. — Здесь поднимаются все краснокожие. Но тропы нет. Ты здесь подняться не сможешь.

— Но где тогда? — спросил Элвин.

— Откуда мне знать? — пожал плечами Такумсе. — Предания гласят, что каждый склон скрывает за собой абсолютно иной Холм. Предания гласят, что если ты поднимешься по Лику Строителей, то найдешь их древний город, который еще живет внутри Холма. Если же ты изберешь Звериный Лик, то очутишься в земле, которой правит гигантский бизон, странное животное с рогами, растущими изо рта, и носом, напоминающим ужасную змею. Даже кугуары с зубами, словно копья, склоняются перед ним и почитают этого бизона как бога. Кто знает, правдивы ли эти предания? Никто уже не подни-

мается по этим склонам.

— А есть ли Лик Белого Человека? — поинтересовался Элвин.

— Есть Лик Краснокожего, Лик Строителей, Лик Целителей и Звериный Лик. Остальных четырех лиц Холма мы не знаем, — ответил Такумсе. — Может быть, один из них — Лик Белого Человека. Пойдем.

Он повел их кружным путем. Холм высился слева. Как они ни искали, ни одной тропинки не открылось перед ними. Элвин узнавал то, что видел прошлой ночью во сне. Сказитель опять был с ним, и он обходил Холм, прежде чем подняться на его вершину.

Наконец они вышли к последнему из неизвестных ликов. Тропки опять не было. Элвин побежал дальше.

— Без толку, — окликнул его Такумсе. — Мы обошли Холм кругом, и ни один лик не пустил нас. Сейчас мы снова выйдем к Лику Краснокожего.

— Знаю, — кивнул Элвин. — Но вот же тропинка.

И действительно перед ними открылась тропинка, прямая как стрела. Она шла по самому краю Лика Краснокожего и неизвестного склона,

слева от него.

— Ты и вправду наполовину краснокожий, — изумился Такумсе.

— Иди же, — подтолкнул Сказитель.

— В моем сне ты был рядом со мной, — пожаловался Элвин.

— Может, и так, — согласился Сказитель. — Но дело все в том, что я не вижу тропки, о которой вы говорите. Сплошной кустарник и заросли. Стало быть, меня не зовут.

— Иди, — приказал Такумсе. — Не теряй времени.

— Значит, ты должен пойти со мной, — уперся Элвин. — Ты ведь видишь тропинку?

— Мне Холм не являлся в сновидении, — возразил Такумсе. — И та дорожка, что ты видишь, наполовину бежит по склону краснокожих, а наполовину по другому склону, который я не способен увидеть. Иди же, у нас мало времени. Наши с тобой братья умрут, если ты не сотворишь то, зачем привела тебя сюда земля.

— Мне хочется пить, — сказал Эл.

— Попьешь наверху, — ответил Такумсе, — если Холм предложит тебе воду. И поешь, если он поделится с тобой едой.

Эл шагнул на тропку и полез вверх по холму.

Склон его был крутым, но под рукой всегда оказывался удобный корешок, за который можно было ухватиться, а нога сразу находила нужный уступ. Вскоре заросли остались позади, и тропка вывела Элвина на вершину Восьмиликого Холма.

Раньше он думал, что Холм — это одна гора с восемью склонами. Но только теперь он увидел, что на самом деле каждый склон представляет из себя отдельный холм, а посредине восьми гор находится огромная глубокая чаша. Долина казалась слишком уж большой, и дальние холмы лишь призрачно маячили вдали. Неужели Элвин, Такумсе и Сказитель обошли вокруг всего Холма за одно утро? Внутри Восьмиликий Холм был куда больше, чем казалось снаружи.

Элвин осторожно спустился по поросшему травой склону. Трава приятно холодила ноги, влажная твердая почва чуть-чуть пружинила. Спускался он намного дольше, чем поднимался наверх. Наконец, оказавшись в долине, он увидел вдруг огромный луг, поросший деревьями с серебряной листвой, — его сон сбывался. Значит, сновидение было правдиво, и он ничего не придумал — место, которое он видел, существовало на самом деле.

Но как ему найти и исцелить Меру? При чем

здесь Холм? Солнце уже стояло высоко в небе, они слишком долго бродили вокруг Холма, и Мера, наверное, уже умирает, а Элвин даже представления не имел, чем ему можно помочь.

Ему оставалось лишь идти вперед. Он решил пересечь долину и посмотреть поближе на какую-нибудь из далеких гор. Но странное дело, сколько он ни шел, сколько серебряных деревьев ни миновал, холм, к которому он направлялся, ни чуточки не приблизился. Сначала он испугался — а не застрял ли он здесь навечно? — и поспешил назад, туда, откуда пришел. Через несколько минут он достиг места, где спустился со склона, — его следы отчетливо виднелись на влажной почве. Но ведь он ушел куда дальше! Предприняв еще пару попыток, Элвин убедился, что долина тянется бесконечно во все стороны. Он словно находился в самом ее центре, но уйти оттуда не мог. Вернуться он мог только на тот Холм, с которого спустился.

Элвин поискал взглядом золотое дерево с белым плодом, но ничего не нашел. И неудивительно. Вкус плода из сновидения до сих пор стоял у него во рту. И Элвину не суждено еще раз отведать его, наяву или во сне, ведь, откусив от плода второй раз, человек обретает вечную жизнь. В принципе

Элвин не очень жалел о том, что ему больше не доведется испробовать плод. Юный мальчик еще не ощущает дыхание смерти, которое приходит с годами.

Он услышал журчание воды. Журчание ключа, чистого, холодного, прыгающего с камешка на камень. Но это невозможно. Долина Восьмиликого Холма со всех сторон закрыта. Судя по бойкому звону капель, она давно должна была превратиться в озеро. Почему снаружи горы он не видел ни одного ручейка? Да и откуда здесь ручью взяться? Этот холм был явно создан руками человека, как и многие другие холмы, разбросанные по стране, хотя ни один из них не был так стар. А из холмов, созданных человеком, ручьи не текут. Он с некоторым подозрением отнесся к воде, которой здесь просто не могло быть. Хотя если хорошенько подумать, с ним за последнее время произошло много невероятного, и это явление не из самых выдающихся.

Такумсе сказал попить, если Холм предложит воду, поэтому Элвин встал на колени и напился. Он опустил лицо в ручей и пил, пока не утолил жажду. Вода не смыла вкус плода. Наоборот, он только усилился.

Напившись, Элвин уселся на берегу ручья и

принялся изучать противоположный берег. Там вода текла совершенно иначе. Вместо того чтобы струиться, она накатывала на берег тяжелыми океанскими волнами, и внезапно Элвин заметил, что *форма* противоположного берега в точности соответствует карте восточного побережья, которую когда-то показывал ему Армор. Он постарался как можно подробнее припомнить карту. Вот здесь, где берег немного выгибается, находится Каролина, одна из Королевских Колоний. Этот залив назывался Чеса-пикским, а вот устье реки Потти-мак, которая разделяет Соединенные Штаты и Королевские Колонии.

Элвин встал и перешагнул через ручеек.

Обыкновенная трава. Он не увидел ни рек, ни городов, ни границ, ни дорог. Но, стоя на «побережье», он различил очертания территории Гайо, нашел, где стоит Восьмиликий Холм. Он сделал два шага и чуть не наткнулся на Такумсе и Сказителя, сидящих на земле прямо перед ним. Краснокожий вождь и бледнолицый странник с равным изумлением воззрились на Элвина.

— Ага, значит, вы все-таки поднялись на Холм, — сказал Элвин.

— Ничего подобного, — покачал головой Сказитель. — Мы сидим здесь с тех самых пор, как ты

ушел на гору.

— Почему ты спустился? — спросил Такумсе.

— Никуда я не спускался, — удивился Элвин. — Я нахожусь здесь, в долине Холма.

— В долине? — переспросил Такумсе.

— Мы никуда не уходили, мы сидим возле склона Холма, — объяснил Сказитель.

И тогда Элвин понял, что произошло. Объяснить этого он не мог, зато мог воспользоваться этой особенностью, этим даром Холма. Он мог путешествовать по лику земли, шагая через сотни миль, и видеть людей, которых хотел увидеть. Людей, которых он знал. Мера. Элвин прикоснулся ко лбу, как бы салютуя на прощанье Такумсе и Сказителю, и сделал маленький шажок. Они исчезли.

Найти Церковь Вигора особой трудности не составило. Первым человеком, которого он там увидел, был Армор Уивер, склонивший голову в молитве. Элвин не стал заговаривать с ним, побоявшись, что Армор сочтет его за призрак умершего. Где Армор может находиться? У себя дома? В таком случае ферма Кислятины Райли вон там, к востоку от города. Элвин повернулся.

И увидел отца, разговаривающего с матерью. Папа чистил свинцовые пули для мушкета, а ма-

ма что-то сердито шептала ему. Судя по ее лицу, она была очень зла, впрочем, как и папа.

— В том городе живут женщины, дети. Даже если Такумсе и Пророк действительно убили наших сыновей, женщины и дети этого не делали. Ты будешь не лучше этих дикарей, если поднимешь на них руку. Когда ты вернешься, я больше не посмотрю тебе в глаза и уйду навсегда, если ты убьешь там хоть одного человека. Клянусь, Элвин Миллер.

Папа молча выслушивал ее речи, полируя пули. Лишь один раз он ответил ей:

— Они убили моих мальчиков.

Элвин попытался было вмешаться, открыть рот и сказать: «Но я жив, пап!»

Однако у него ничего не вышло. Он не смог произнести ни слова. Его привели сюда не для того, чтобы явиться видением родителям. Ему нужно найти Меру, или же пуля, выпущенная из мушкета отца, убьет Сияющего Человека.

Ферма Райли находилась совсем рядом, даже шага делать не пришлось. Элвин чуть-чуть двинул ногу вперед, и мама с папой исчезли. Он мельком увидел Кальма и Дэвида, стреляющих из ружей, вероятно, по мишеням. Заметил Нета и Неда, что-то катящих — катящих дуло пушки. Ви-

дел он и других людей, но, поскольку он не знал их, они промелькнули перед ним размытыми образами. Наконец он отыскал Меру.

«Я опоздал, — подумал Элвин. — Он, наверное, уже мертв». Судя по неестественному наклону головы, его шея была сломана, все кости на руках и ногах жестоко переломаны. Элвин не осмелился двинуться, иначе перенесся бы за много миль отсюда и Мера исчез бы, как и все остальные. Элвин замер и послал искорку своего сердца в тело брата, лежащего перед ним на земле.

Никогда в жизни Элвин не испытывал такой дикой боли. Она теперь принадлежала ему. Элвин чувствовал порядок вещей, знал, какими они должны быть, но внутри тела Меры все было неправильно. Частично он уже умер, кровь скопилась у него в животе, изгоняя жизнь, мозг больше не управлял телом. Это была самая ужасная мешанина из костей и мяса, которую Элвин когда-либо видел, все было перепутано так, что он даже смотреть не мог, а боль была настолько страшна, что он расплакался. Но Мера его не слышал. Мера уже ничего не слышал. И если он еще не умер, то смерть уже дышала ему в лицо.

Перво-наперво Элвин проверил его сердце. Оно билось, но в венах осталось не так много крови;

вся она перелилась в живот и грудь Меры. Этим следовало заняться в первую очередь — надо было исцелить кровяные сосуды, срастить их и вернуть кровь туда, где она когда-то бежала.

Время, на это потребовалось много времени. Ребра были переломаны, а внутренние органы порваны. Кости приходилось соединять на глаз, на место их было не установить — а некоторые из костей вышли наружу, так что он вообще не мог их исцелить. Надо было подождать, пока Мера очнется и поможет ему.

Поэтому Элвин проник внутрь мозга Меры, внутрь нервов, бегущих вниз по его позвоночнику, и исцелил их, вернул на место.

Проснувшись, Мера закричал — долгим, ужасным, страдальческим криком. Он был жив, и боль вернулась, она снова терзала его, только стала еще пронзительнее. «Извини, Мера. Я не могу исцелить тебя, не причиняя боли. Но я должен исцелить тебя, иначе погибнет множество невинных людей».

Элвин даже не заметил, что на улице ночь. Впереди его ждала большая работа.

Глава 14
ТИППИ-КАНОЭ

В ту ночь в Граде Пророка только дети спали мирным сном. Взрослые же чувствовали приближение армии бледнолицых; обереги и заговоры, воздвигаемые солдатами, словно трубы и флаги, возвещали о том, что беда близится.

Не все из краснокожих нашли в себе мужество сдержать данную клятву, когда железно-огненная смерть подступила к городу. Некоторые собрали свои семьи и тихонько покинули Град Пророка, незаметно проскользнув меж отрядами бледнолицых солдат, которые даже не услышали проходящих мимо краснокожих. Они не смогли умереть, не встав на защиту своих семей, поэтому ушли, чтобы не мешать плану Пророка. Пророк не желал вступать в бой с бледнолицыми.

Тенскватава не удивился тому, что кое-кто оставил город; его гораздо больше удивило, что столько его собратьев осталось. Остались почти все. Многие верили ему, и они подтвердят свою веру кровью. Этим утром на него нахлынул страх. Боль единственного убийства на много лет наде-

лила его черным шумом. Правда, тогда был убит его отец, поэтому боль была больше, но тех, кто жил в Граде, Пророк любил не меньше, чем отца.

И все же он должен забыть о черном шуме, должен собраться с силами, иначе их смерти будут бесполезны. Он шел на это, зная, что их жизни не будут отданы зазря. Сколько раз он искал в хрустальном замке ответ, пытаясь найти решение, тропку, которая приведет к чему-нибудь хорошему. Но наилучшим выходом оказалось разделить землю — краснокожие должны были уйти на запад от Миззипи, а бледнолицые — остаться на востоке. Однако тропки, ведущие к этому решению, оказались чересчур узкими. Слишком много легло на плечи бледнолицых мальчиков, слишком многим пришлось пожертвовать Тенскватаве, слишком многое зависело от Бледнолицего Убийцы Гаррисона. Ибо на путях, где Гаррисон выказывал какое-то милосердие, кровавая бойня на Типпи-Каноэ ни к чему не приводила, она была не в силах остановить гибель краснокожих и, следовательно, земли. На этих тропках краснокожих ждал упадок, их изгоняли в самые дальние уголки страны, а землю захватывали бледнолицые. Они силой ставили ее на колени, раздевали, издевались над ней, насило-

вали, травили искусственными зельями, снимая огромные урожаи, которые выглядели жалкой насмешкой по сравнению с гигантскими возможностями к плодородию, заключающимися внутри земли. Но все же был один день — завтрашний, и все должно было свершиться именно здесь — в Граде Пророка. Будущее свернет на незаметную, маленькую тропку, которая ведет к совсем иному исходу. Она ведет к живой земле, усеченной, но живой, на которой когда-нибудь встанет хрустальный город, сияющий солнечными бликами и дарящий видения правды своим обитателям.

Тенскватава надеялся, что, пережив завтрашнюю боль, они попадут в яркое будущее; их страдания, их кровь, черный шум убийства приведут к исходу, который изменит мир.

Не успели первые, едва различимые солнечные лучики коснуться темного неба, а Тенскватава уже почувствовал приближающийся рассвет. Он различил его в пробуждающейся на востоке жизни, ибо видел дальше, чем любой краснокожий. Также он ощутил движение среди бледнолицых, которые готовились поднести запалы к пушкам. Четыре огонька, защищенных и вместе с тем выставленных на всеобщее обозрение заклинаниями и колдовством. Четыре пушки,

нацеленные на город, чтобы пройтись по нему смертельным градом металла.

Тенскватава двинулся по узким улочкам, тихонько, монотонно напевая. Его услышали и разбудили детей. Бледнолицые рассчитывают напасть на краснокожих, пока те будут еще спать, и перерезать их в вигвамах и хижинах. Но краснокожие не стали дожидаться прихода войск, они сами направились на широкий луг рядом с городом. Места, чтобы всем рассесться, не хватило. Поэтому они стояли — отцы прижимали к себе матерей и детей, ожидая, когда бледнолицые прольют их кровь.

— Земля не впитает вашу кровь, — пообещал им Тенскватава. — Она стечет в реку, и я использую силу ваших жизней и смертей, чтобы сохранить жизнь земле и оставить белого человека на землях, которые он уже захватил и убил.

Тенскватава стоял на берегу Типпи-Каноэ и смотрел, как луг наполняется его людьми, многие из которых умрут, потому что поверили его словам.

— Встаньте сегодня рядом со мной, мистер Миллер, — произнес генерал Гаррисон. — Сегодня мы мстим за кровь ваших детей. Я хочу, чтобы вы приняли на себя почетную обязанность первым

сделать выстрел в этой войне.

Бездельник Финк посмотрел на мельника, в глазах которого горел неудержимый гнев. Тот прочистил дуло мушкета и забил туда пулю. Бездельник узнал жажду убийства, поселившуюся в этом человеке. Порой на мужчину находит некое безумие, и тогда он становится смертельно опасным, совершая поступки, которые не под силу нормальному человеку. Бездельник лишь еще раз порадовался, что мельник понятия не имеет, когда и как умер один из его сыновей. Конечно, губернатор Билл не сказал своему подчиненному, кем был тот юноша, которому Бездельник переломал кости, но Финк — не маленький мальчик, он все понимает. Гаррисон ведет опасную игру. Он был готов на все, лишь бы возвыситься и захапать больше земли и людей под свою власть. И Бездельник Финк догадывался, что Гаррисон держит его под рукой, только пока нуждается в нем.

Видите ли, самое забавное заключалось в том, что Бездельник Финк не считал себя убийцей. Жизнь для него была состязанием, и смерть становилась наградой тем, кто приходил вторым. Это ведь не убийство, это честная драка. Так он убил Рвача — Рвачу не следовало терять бдительность. Рвач мог заметить, что среди работников

на берегу Бездельника нет, Рвач мог вести себя осмотрительнее, не доверять никому, и тогда бы, вполне возможно, печальный исход постиг не его, а Бездельника Финка. Но Рвач проиграл состязание с Финком и вместе с тем лишился жизни.

Однако тот парнишка вчера — он в игре не участвовал. Он ни с кем не состязался. Он просто хотел вернуться домой. Бездельник Финк никогда не боролся с человеком, который отказывался драться, и ни разу он не убивал мужчину, который не намеревался убить его. Вчера он впервые убил человека по чьему-то приказу, и ему это не понравилось, совсем не понравилось. Очевидно, губернатор Билл подумал, что Рвача Бездельник убил потому, что ему приказали. Но это было не так. Так что сегодня, увидев разъяренного отца юноши, Бездельник Финк сказал ему — молча, чтобы никто не услышал: «Я на твоей стороне. Я согласен, что убийца твоего сына должен умереть».

К сожалению, тем убийцей был Бездельник Финк. Поэтому ему было стыдно.

И те краснокожие в Граде Пророка… Что же это за состязание такое? Их разбудит шрапнель, ворвавшаяся в их вигвамы, дома загорятся, их тела будет разрывать металл — тела детей, женщин,

стариков…

«Нет, эта драка не по мне», — в который раз подумал Бездельник Финк.

Неба коснулся первый луч солнца. Град Пророка покрывали тени. Пришло время наступать. Элвин Миллер нацелил мушкет в гущу домов и выстрелил.

Несколькими секундами спустя грохотом отозвались пушки. Прошла еще пара-другая секунд, и в городе заполыхал первый пожар.

Пушки снова выстрелили. Однако из вигвамов не донеслось ни единого вопля. Даже из тех, что горели.

Неужели никто ничего не заметил? Неужели они еще не поняли, что краснокожие покинули Град Пророка? А раз они ушли, значит, были готовы и сейчас, может быть, лежат в засаде. А может, они в страхе бежали или…

Амулет Бездельника Финка чуть не обжег его, так он раскалился. Финк знал, что это означает. Пришло время уходить. Если он останется, с ним случится что-то очень, очень плохое.

Он незаметно выскользнул из шеренги солдат — так называемых солдат, воинскому искусству этих фермеров обучали всего день или два. Никто не обратил внимания на Бездельника Финка. Всех

занимало зрелище пылающих вигвамов. Кое-кто в конце концов заметил, что, похоже, в городе краснокожих никого нет. Люди зашушукались, обсуждая предположение. Но Бездельник ничего не сказал — он молча пробирался к речке.

Пушки стояли на холмах, и их грохот сотрясал окрестности. Бездельник выбрался из леса на лужайку, которая прилегала к реке. При виде открывшегося зрелища он замер на месте. Рассвет лишь серой черточкой озарил горизонт, но ошибиться он не мог. На лугу плечом к плечу стояли тысячи и тысячи краснокожих. Некоторые тихо плакали — шрапнель и случайные пули наверняка долетели и сюда, поскольку две пушки были установлены прямо на противоположной стороне города. Но краснокожие даже не пытались защищаться. Это была не засада. У них не было оружия. Эти краснокожие специально собрались здесь, чтобы принять смерть.

На берегу реки лежала дюжина каноэ. Бездельник стащил одну из лодок в воду и свалился в нее. Он поплывет вниз по течению, вниз по Воббской реке к Гайо. Сегодня здесь творилась не война, здесь творилась бойня, а в подобных драках Бездельник Финк не участвовал. У каждого человека есть черта, которую тот никогда не переступит.

В погребе царила тьма, поэтому Мера не видел Элвина. Но слышал его голос, мягкий и одновременно настойчивый, заслоняющий собой боль:

— Я пытаюсь излечить тебя, Мера, но мне нужна твоя помощь.

Мера не смог ответить. Речь ему была не по силам.

— Я исцелил твою шею, зарастил несколько ребер и вернул на место порванные внутренности, — говорил Элвин. — И левой рукой ты уже можешь действовать, с ее костями все в порядке, чувствуешь?

И правда, левая рука Меры больше не болела. Он пошевелил ею. Боль эхом прокатилась по телу, но рука свободно двигалась.

— Твои ребра, — сказал Элвин. — Они сломались и проткнули кожу. Ты должен поставить их на место.

Мера нажал на одно ребро и чуть не потерял сознание от боли.

— Не могу.

— Ты должен.

— Убери боль.

— Мера, этого я не умею. Но если я не поставлю ребра на место, ты не сможешь двигаться. Ты должен выдержать. Я потом все залечу, и ничего

болеть не будет, но сначала ты должен немножко потерпеть, должен.

— Сделай это сам.

— Я не могу.

— Протяни руку, Элвин, и сделай. Ты уже большой мальчик, у тебя получится.

— Я не могу.

— Однажды я резал твою кость, спасая тебе жизнь. Я как-то смог.

— Мера, я не могу, потому что меня рядом с тобой нет.

Бессмыслица какая-то. Мера понял, что ему снится сон. Но неужели ему не мог присниться сон, в котором бы не было столько боли?

— Надави на кость, Мера.

Элвин не отстанет. Поэтому Мера надавил. Боль ударила его своим кулаком. Но Элвин сдержал слово. Вскоре вправленная кость уже не болела.

Это заняло целую вечность. Он был так искалечен, что, казалось, конца мучениям не будет. А в промежутках, пока Элвин исцелял вправленные на место кости, Мера рассказывал, что с ним случилось, а Элвин объяснял, что видел он, и вскоре Мера понял, что на кон поставлено нечто большее, нежели жизнь искалеченного юноши, валяющегося в земляном погребе.

Наконец пытки закончились. Мера не мог поверить. Его тело болело столько часов, что сейчас он испытывал весьма странные ощущения, поняв, что больше ничего не болит.

Он услышал глухие «бух-бух» пушек.

— Слышишь, Элвин? — спросил он.

Элвин ничего не услышал.

— Начали стрелять. Пушки.

— Тогда беги, Мера. Беги со всех ног.

— Элвин, я в погребе. А дверь заперта.

Элвин выругался. Мера даже не подозревал, что его младший брат знает такие слова.

— Элвин, я у задней стенки дыру выкопал. Ты умеешь обращаться с камнем, так, может, ты разрыхлишь немножко землю, чтобы мне легче копалось?

План сработал. Мера забрался в туннель, закрыл глаза и принялся прокапываться наружу. Только на этот раз он вовсе не копал, хотя еще вчера стер пальцы до мяса, пытаясь выгрести землю. Сегодня почва сама падала на него, скатывалась комьями ему под ноги, а он лишь проталкивался вперед. Теперь можно было не выгребать землю из тоннеля, она сама падала вниз. Он упирался в нее ногами и лез вверх.

«Да я плыву по земле», — с изумлением поду-

мал он и принялся хохотать, так легко это было, легко и необычно.

Заходясь от смеха, он выбрался наружу и очутился рядом с задней стеной погреба. Небо на горизонте уже горело — солнце должно было появиться через минуту-другую. Буханье пушек стихло. Означает ли это, что бойня уже закончилась, что он опоздал? Хотя, может, они просто дают пушкам остыть. Или передвигают их на другое место. Или краснокожим удалось захватить орудия…

Но хорошо ли это? Как-никак его братья и его отец первыми напали на краснокожих, и, если те победят в бою, кто-то из его родственников может погибнуть. Одно дело знать, что краснокожие правы, а бледнолицые поступают несправедливо, и совсем другое — желать, чтобы твои близкие проиграли сражение, встретив на поле боя свой конец. Он обязан остановить побоище, поэтому он побежал так, как не бегал никогда в жизни. Голос Элвина пропал, но Мера уже не нуждался в понуканиях. Он чуть не летел по дороге.

По пути он встретил двух людей. Сначала он наткнулся на миссис Хатч, которая ехала на своей телеге, доверху нагруженной провиантом. При виде Меры она заорала от ужаса — на нем была

надета одна набедренная повязка, да и вымазался он с ног до головы, поэтому женщина, естественно, приняла его за краснокожего, надеющегося поживиться ее скальпом. Не успел Мера окликнуть ее по имени, как она резво соскочила с козел и опрометью бросилась прочь. Ну и ладно. Он выпряг лошадь из повозки и, вскочив ей на спину, галопом помчался по дороге, молясь про себя, чтобы лошадь не оступилась и не сбросила его.

Вторым человеком оказался Армор Уивер. Армор стоял на коленях посреди луга, прямо напротив своей лавки, и бормотал какую-то молитву под гул пушек и мушкетные выстрелы, доносящиеся с другого берега реки. Мера окликнул его. Лицо Армора вытянулось от изумления, словно он увидал воскресшего Иисуса Христа.

— Мера! — закричал он. — Стой, стой!

Мера хотел было объехать его, объяснив, что нет времени, но Армор выбежал прямо на середину дороги, и лошадь сама затормозила.

— Мера, ты ангел или на самом деле жив?

— Жив, жив, но кому я не скажу за это спасибо, так это Гаррисону. Он пытался убить меня. Я жив, и Элвин тоже. Это все Гаррисон подстроил, и я должен его остановить.

— Ты не можешь ехать в таком виде, — окинул

его взглядом Армор. — Подожди, я сказал! Если ты появишься там в набедренной повязке и весь облепленный грязью, кто-нибудь может принять тебя за краснокожего и пристрелить на месте!

— Тогда садись за мной на лошадь, а по дороге отдашь одежду!

Мера помог Армору взобраться на лошадь, и они поскакали к переправе.

У парома дежурила жена Питера Паромщика. Только взглянув на Меру, она сразу поняла, что к чему.

— Быстрее! — крикнула она. — Там такое творится, река вся покраснела от крови.

Пока Мера окунался и смывал кровь и грязь, Армор быстро скинул с себя одежду. Вымыться дочиста не удалось, но во всяком случае Мера стал похож на белого человека. Не обтираясь, он надел рубашку и брюки, а наверх — жилетку Армора. Одежда пришлась не совсем впору, поскольку Армор был меньше Меры, но юноша все равно умудрился влезть в сюртук.

— Извини, что пришлось оставить тебя в одних подштанниках, — кивнул он Армору.

— Да я в церковь голышом войду, лишь бы остановить эту бойню, — ответил Армор.

Может, он еще что-то сказал напоследок, но

Мера его уже не слышал. Он во весь опор скакал к полю сражения.

Все оказалось совсем не так, как представлял себе Элвин Миллер-старший. Он-то думал, что будет стрелять из мушкета по тем самым дикарям, которые похитили и убили его сыновей. Но город оказался пуст — все краснокожие собрались на Луге Речей, как будто ожидая от своего Пророка очередной проповеди. Миллер и не предполагал, что в Граде Пророка живет столько краснокожих, потому что никогда не видел всех разом. Но это же краснокожие, значит, какая разница? Поэтому он, как и все остальные, продолжал палить из своего мушкета — выстрел, перезарядить, — даже не смотря, попадает в кого-нибудь или нет. Да и как он мог промахнуться, если все краснокожие сбились в кучу? На него нашла жажда крови, он ничего не соображал от ярости и желания убивать. Он не заметил, что некоторые из его соседей вдруг перестали стрелять. Выстрелы раздавались гораздо реже. Но он перезаряжал и стрелял, перезаряжал и стрелял, после каждого выстрела делая шаг или два вперед. Постепенно он вышел из леса на открытый луг. И только когда пушки заняли свои позиции, он перестал стрелять, давая поработать огромным орудиям.

Пушечные выстрелы, словно огромным плугом, пробороздили толпу краснокожих.

И тут он наконец заметил, как ведут себя краснокожие, что они делают и чего *не делают*. Они не кричали. Не стреляли в ответ. Они просто стояли — мужчины, женщины, дети, — просто стояли и смотрели, как бледнолицые убивают их. Ни один из них не повернулся спиной к шрапнельному залпу. Ни один родитель не попытался укрыть своего ребенка. Они просто стояли, ждали и умирали.

Залп картечью проделал в строе краснокожих огромные бреши, щитами от дождя смертоносного металла служили тела погибших. На глазах у Миллера дикари падали как подкошенные. Тот, кто мог, снова вставал на ноги, хотя бы на колени, или поднимал голову над кучей трупов, чтобы следующим залпом его добило.

Что происходит? Неужели они так хотят умереть?

Миллер оглянулся вокруг. Он и его товарищи по колено утопали в трупах — они уже дошли до того места, где когда-то стояли, прижавшись друг к другу, краснокожие. Прямо у его ног лежало тело маленького мальчика, возраста Элвина, — глаз малыша вырвало мушкетной пулей. «И

может быть, эту пулю выпустил я, — подумал Миллер. — Может, это я убил этого мальчика».

В перерывах между пушечными залпами до слуха Миллера доносился плач. Но то плакали не выжившие краснокожие, горстка которых еще жалась к реке. Нет, это плакали друзья и знакомые Миллера, поселенцы, стоящие рядом и позади него. Некоторые из них что-то бормотали, о чем-то молили. «Остановитесь, — говорили они. — Пожалуйста, хватит».

«Пожалуйста, хватит». Это они к пушкам обращаются? Или к тем краснокожим мужчинам и женщинам, которые стоят под шквальным огнем, высоко подняв голову, которые не пытаются бежать и не плачут от страха? Или же к их детям, которые встречают летящие пули с не меньшим мужеством, чем родители? Или они обращаются к ужасной всепожирающей боли в собственных сердцах, не в силах больше смотреть на то, что они совершили, совершают и еще совершат?

Миллер заметил, что кровь не впитывается в мягкую землю прибрежного луга. Вытекая из ран, она образовывала ручейки, реки, целые потоки, которые низвергались вниз по склону берега, вливаясь в Типпи-Каноэ. В этот ясный, светлый день солнечные лучи ярко-красными бликами

отражались от воды речки.

Внезапно, прямо у него на глазах, вода в реке превратилась в стекло. Солнечный свет уже не танцевал на ней, а ослепительно отражался, как от зеркала. И все же Миллер рассмотрел, как по воде, словно Иисус, идет какой-то краснокожий. Достигнув середины протоки, он остановился.

Плач вокруг Миллера прекратился. Теперь зазвучали крики, все больше и больше голосов присоединялось к хору: «Перестаньте стрелять! Остановитесь! Опустите ружья!» Кто-то закричал, указывая на человека, стоящего на воде.

Прозвучал горн. Все затихли.

— Давайте добьем их, парни! — заорал Гаррисон.

Он гарцевал на молодом жеребце и указывал на залитый кровью берег. Рядом с ним не было ни одного поселенца, но солдаты, получив приказ, сразу выстроились в шеренгу и, наставив штыки, двинулись вперед. Там, где когда-то стояли десять тысяч краснокожих, все поле было устлано трупами. Уцелела, может быть, тысяча, и все они собрались у воды, у края холма.

Но в этот самый момент из леса вдруг выскочил высокий бледнолицый юноша. Одежда на нем сидела вкривь и вкось, башмаки он где-то оставил,

а жилет и сюртук, видимо, забыл застегнуть. Его мокрые, взъерошенные волосы воинственно торчали во все стороны, а лицо выражало мрачную решимость. Но Миллер сразу узнал его, узнал и заорал во всю глотку:

— Мера! Это же мой сын Мера!

Отбросив мушкет, он побежал вниз по усыпанному трупами берегу навстречу сыну.

— Это мой сын Мера! Он жив! Ты жив!

И тут он поскользнулся в крови или споткнулся о чье-то мертвое тело, — как бы то ни было, он упал. Руки его по локоть ушли в кровавые лужи, забрызгав алым грудь и лицо.

В десяти ярдах от него раздался голос Меры. Юноша кричал, чтобы каждый человек на поляне услышал его:

— Краснокожие, пленившие меня, были наняты Гаррисоном. Такумсе и Тенскватава спасли нас. Когда я два дня назад вернулся домой, солдаты Гаррисона схватили меня, чтобы я не рассказал вам правду. Он даже пытался убить меня. — Речь Меры была ясной и взвешенной, чтобы до каждого человека дошел смысл его слов. — Гаррисон знал о нашем похищении. Он сам его спланировал. Эти краснокожие невиновны. Вы убиваете невинных людей.

Миллер поднялся на ноги и вздел руки над головой, кровь ручьем хлынула вниз по ало-красным кистям. Из его горла вырвался страдальческий, отчаянный вопль:

— Что же я наделал?! Что я натворил!

И крик тот подхватили дюжины, сотни голосов.

Но тут вперед выехал генерал Гаррисон, по-прежнему гарцуя на нетерпеливом жеребце. Даже его солдаты бросили оружие.

— Это ложь! — заорал Гаррисон. — Я никогда не видел этого мальчишку! Меня хотят оболгать!

— Это не ложь! — крикнул Мера. — Вот его платок — его засунули мне в рот вместо кляпа, чтобы я не кричал, пока мне ломают кости.

Миллер посмотрел на платок, которым размахивал его сын. В углу большими четкими буквами было вышито: «УГГ». Уильям Генри Гаррисон. Этот платок узнали все.

— Правда! — закричал кто-то из солдат Гаррисона. — Два дня назад мы привезли этого мальчишку к Гаррисону.

— Но мы не знали, что он из тех, из пропавших, которых, по слухам, убили краснокожие!

Над лугом разнесся громкий, завывающий стон. Все обернулись туда, где на затвердевших алых

водах Типпи-Каноэ стоял одноглазый Пророк.

— Люди мои, придите ко мне! — велел он.

Оставшиеся в живых краснокожие потянулись к нему. Перейдя речку, они остановились на другом берегу.

— Все мои люди, придите!

Трупы зашевелились, начали подниматься. Поселенцы, стоящие среди мертвых краснокожих, закричали от ужаса. Но то не мертвые поднимались — на ноги вставали только те, кто еще мог дышать. Шатаясь и цепляясь друг за друга, они двинулись к реке. Некоторые пытались нести детей, грудных младенцев, но силы их быстро убывали.

Миллер снова ощутил кровь на собственных руках. Он должен был что-то сделать. Поэтому он кинулся к раненой женщине, которая тащила на плечах умирающего мужа. Миллер хотел взять у нее из рук ребенка, хотел помочь. Но, приблизившись, он заглянул ей в глаза и увидел свое отражение — увидел изможденное белое лицо, забрызганное кровью, которая еще капала с его рук. Отражение было крошечным, но он различил все детали, будто ему поднесли огромное зеркало. Он не мог дотронуться до ее малыша — во всяком случае такими руками.

Другие поселенцы тоже бросились на помощь, но, похоже, увидели то же, что и Миллер. Поэтому они отпрянули, словно от огня.

С земли поднялась примерно тысяча раненых. По пути к ручью многие из них снова упали, чтобы не подняться уже никогда. Те же, что сумели добраться до воды, перешли, переползли на другой берег; им помогли оставшиеся в живых собратья.

Неожиданно Миллер подметил одну весьма необычную деталь. Как раненые, так и выжившие краснокожие шли по окровавленному лугу, по напитанной кровью реке, однако на их руках и ногах не осталось ни одного алого потека.

— Люди мои, те, кто умер! «Вернитесь домой», — приказывает земля!

Час назад луг был заполнен краснокожими, сейчас же его усеивали мертвые тела. Но, повинуясь приказу Пророка, трупы вдруг начали содрогаться и рассыпаться в прах. Превратившись в пыль, они впитались в луговую траву. Не прошло и минуты, как никого не осталось, и трава снова обрела былую свежесть и зелень. Последние капли крови, подпрыгивая, словно капли масла на раскаленной сковородке, скатились по берегу и влились в ярко-красную реку.

— Подойди ко мне, друг мой Мера, — тихо произнес Пророк и протянул руку.

Мера повернулся спиной к отцу и зашагал по поросшему травой склону к реке.

— Иди же, — сказал Пророк.

— Я не могу идти по крови твоих людей, — возразил Мера.

— Они отдали свою кровь, чтобы поддержать тебя, — объяснил Пророк. — Подойди ко мне или прими проклятие, которое падет на каждого бледнолицего, что находится сейчас на лугу.

— Тогда я останусь здесь, — поднял голову Мера. — Будь я на их месте, вряд ли бы поступил иначе, чем поступили они. Если они виновны, значит, виновен и я.

Пророк кивнул.

Собравшиеся на лугу поселенцы и солдаты внезапно ощутили что-то теплое, влажное и липкое на руках. Некоторые из них вскрикнули от ужаса, опустив глаза. От локтя до кисти руки были покрыты кровью. Кое-кто попытался стереть ее рубахой. Другие принялись искать раны, из которых она текла, но ничего не нашли. Просто из кожи сочилась кровь.

— Хотите ли вы, чтобы ваши руки очистились от крови моего народа? — спросил Пророк.

Он уже не кричал, но каждое его слово громом разносилось по лугу. Да, да, они очень хотели очиститься.

— Тогда возвращайтесь по домам и расскажите о происшедшем своим женам и детям, соседям и друзьям. Расскажите все, что здесь случилось. Не пытайтесь ничего скрыть. Не говорите, что кто-то вас обманул, — вы все знали, что стреляете в безоружных, беззащитных людей. Вы знали, что совершаете убийство. Может быть, вы считали, что мы преступники, но, стреляя в грудных младенцев, маленьких детей, стариков и женщин, вы убивали нас, потому что мы краснокожие. Поэтому расскажите все, как было, и, если вы будете правдивы, ваши руки очистятся.

Теперь на лугу не осталось ни одного человека, который бы не плакал, не дрожал или не побледнел от стыда. Рассказать о том, что сегодня случилось, женам и детям, родителям, братьям и сестрам — это невыносимый позор. Но если ничего не говорить, окровавленные руки сами все объяснят. Они и не думали, что их ожидает столь страшная кара.

Однако Пророк еще не закончил:

— Но если в ваш дом забредет какой-нибудь странник и вы не расскажете ему свою повесть

до наступления ночи, то на руках у вас снова выступит кровь. И пропадет она, только когда вы поделитесь с ним своей историей. Так будет продолжаться до скончания ваших дней — каждый мужчина, каждая женщина, которых вы встретите на пути, должны услышать из ваших уст правду, иначе ваши руки снова обагрятся кровью. А если вы когда-нибудь, по какой угодно причине, убьете человеческое существо, то с ваших рук и лица будет вечно течь кровь. Даже когда вы сляжете в могилу.

Они закивали, они согласились. Это было справедливо, поистине справедливо. Они не смогут вернуть жизнь убитым, но зато не позволят распространиться лжи о том, что сегодня произошло. Никто не скажет, что на Типпи-Каноэ войска белого человека, вступив в битву, одержали славную победу. Это была кровавая бойня, и повинен в ней белый человек. Ни один краснокожий не поднял на бледнолицых руку. Бойня была беспощадной, и о ней узнает весь мир.

Осталось только одно — вопрос наказания человека, сидящего сейчас на молодом жеребце.

— Бледнолицый Убийца Гаррисон! — окликнул Пророк. — Подойди ко мне!

Гаррисон потряс головой, попытался развер-

нуть лошадь, но поводья выскользнули из его окровавленных рук, и конь быстро спустился по берегу. Поселенцы молча проводили его взглядами — они ненавидели его за то, что он солгал им, за то, что поднял, вызвал в их сердцах жажду убийства и использовал ее. Жеребец подошел к самому краю воды. Гаррисон посмотрел на одноглазого краснокожего, который когда-то сидел у него под столом и слезно вымаливал глоток виски.

— Тебя постигнет то же самое проклятие, — сказал Пророк, — только твоя история намного длиннее и страшнее. И ты не станешь поджидать странников на пороге дома, чтобы рассказать свою повесть: каждый новый день ты обязан находить человека, который еще не слышал эту правду из твоих уст. Каждый день ты будешь пускаться на поиски нового слушателя, иначе твои руки будут вечно покрыты кровью. А если ты решишь спрятаться и предпочтешь жить с залитыми кровью руками, нежели отыскивать себе новых слушателей, то в полной мере ощутишь страдания моих людей. Каждый день у тебя будет прибавляться по ране, пока ты снова не расскажешь кому-нибудь свою повесть. И не пытайся убить себя — у тебя ничего не выйдет.

Ты будешь бесконечно скитаться по землям бледнолицых. Люди, увидев тебя, будут убегать и прятаться, страшась звука твоего голоса, а ты будешь умолять их остановиться и выслушать тебя. Твое старое имя останется в прошлом, а звать тебя будут именем, которое ты заработал сегодня. Типпи-Каноэ. Это твое новое имя, Бледнолицый Убийца Гаррисон. И ты будешь носить его, пока не умрешь, а умрешь ты очень, очень старым человеком.

Гаррисон склонился и, закрыв лицо окровавленными руками, разрыдался. Но то были слезы ярости, даже сейчас он не испытывал ни сожалений, ни стыда. Если б он смог, то убил бы Пророка. А теперь он пустится по всему свету на поиски ведьмы или мага, которые смогут снять с него проклятие. Он не может допустить, чтобы этот жалкий одноглазый краснокожий одержал над ним победу.

— Куда ты направляешься, Тенскватава? — спросил стоящий на берегу Мера.

— На запад, — ответил Тенскватава. — Мои люди, все, кто еще верит в меня, пойдут на запад от Миззипи. Когда вы будете рассказывать свою историю, передайте бледнолицым, что к западу от Миззипи простирается земля краснокоже-

го человека. Не ходите туда. Земля не вынесет ноги бледнолицего. Вы дышите смертью; ваше касание содержит смертельный яд; ваши слова сплошь лживы; живая земля не примет вас.

Он развернулся, подошел к своим собратьям, ожидающим на противоположном берегу, и, поддерживая раненого мальчика, побрел к начинающемуся неподалеку лесу. За его спиной воды Типпи-Каноэ вновь возобновили свое течение.

Миллер спустился по склону к своему сыну.

— Мера, — позвал он, — Мера, Мера…

Мера повернулся и протянул руки, чтобы обнять своего отца.

— Пап, Элвин жив, он сейчас на востоке. С ним Такумсе, и он…

Но Миллер знаком велел ему замолчать и, взяв руки сына, осмотрел их. С них, как и с его собственных, струилась кровь. Миллер покачал головой.

— Это все я виноват, — сказал он. — Это я виноват.

— Нет, пап, — прервал его Мера. — Здесь вины хватит на всех.

— Но ты, сынок, сделал все, что мог, чтобы предотвратить эту бойню. На тебе лежит *мой* стыд.

— Что ж, может, тебе будет легче, если мы разделим его и понесем вместе. — Мера взял отца за плечи и крепко прижал к себе. — Мы видели самое страшное, на что способны люди. И мы видели, какими они могут быть. Но это не означает, что в один прекрасный день мы не станем свидетелями обратному. И если после сегодняшнего мы никогда не обретем совершенство, мы все же можем стать значительно лучше.

«Наверное», — подумал Миллер. Но он сомневался. Может быть, он сомневался, что когда-нибудь поверит в это, даже если пророчество его сына исполнится. Он больше не сможет заглянуть себе в душу и не ужаснуться увиденному там.

Они подождали, пока подойдут остальные члены семьи. Их руки, руки Дэвида, Кальма, Неда и Нета, также сочились кровью. Дэвид держал ладони перед собой и плакал.

— Лучше б я погиб вместе с Вигором в Хатраке!

— Вряд ли бы ты чем-нибудь нам помог, — сказал Кальм.

— Но я был бы мертв — и был бы чист.

Близнецы ничего не сказали. Они молча держали друг друга за руки.

— Надо идти домой, — произнес Мера.

— Я не пойду, — заявил Миллер.

— Но они ж с ума сойдут от беспокойства, — напомнил Мера. — Мама, девочки, Кэлли…

Миллер вспомнил свое прощание с Верой.

— Она сказала, что если я… если это…

— Я знаю, что она могла сказать, но также знаю, что детям нужен отец, а значит, она не прогонит тебя.

— Я должен буду рассказать ей. О том, что мы натворили.

— Да, ей, девочкам и Кэлли. Нам всем придется рассказать им об этом, а Кальму и Дэвиду еще предстоит поведать свою историю женам. Лучше сделать это не откладывая, мы очистим наши руки и будем жить дальше. Все вместе. И я еще должен рассказать, что случилось со мной и Элвином. Но это уже после, хорошо? Договорились?

Армор встретил их на берегу Воббской реки. Паром стоял у противоположного берега, и люди молча сходили с него; лодки, на которых переправлялись через реку вчера вечером, уже разобрали. Поэтому они уселись на траву и стали ждать.

Мера снял с себя окровавленные сюртук и брюки, но Армор не стал надевать их. Армор не произнес ни слова в упрек, но все упорно избегали встречаться взглядом со своим родственником.

Мера отвел его в сторону и, пока паром медленно плыл через реку, рассказал ему о проклятии. Армор выслушал, затем подошел к Миллеру, который, стоя к нему спиной, внимательно изучал противоположный берег.

— Отец, — позвал Армор.

— Ты был прав, Армор, — понурив голову, признался Миллер, старательно отводя глаза. Он вытянул руки. — И вот оно, доказательство твоей правоты.

— Мера сказал, что я должен выслушать от вас повесть о случившемся, — сказал Армор, обводя всех взглядом. — После этого вы от меня и слова не услышите о том, что случилось сегодня. Я все еще ваш сын и брат, если вы примете меня, а моя жена — ваша дочь и сестра. Вы единственные родные мне люди в здешних местах.

— К твоему стыду и позору, — прошептал Дэвид.

— Мои руки чисты, но это не причина гнать меня прочь, — произнес Армор.

Кальм протянул ему окровавленную руку. Армор без малейших колебаний принял ее, крепко пожал и отпустил.

— Посмотри, — показал Кальм. — Ты коснулся нас, и тебя тоже запятнала кровь.

В ответ Армор протянул свою испачканную кровью ладонь Миллеру. Миллер, посмотрев Армору в глаза, пожал ее. Вскоре подошел паром. И они отправились домой.

Глава 15
ОДИН ЧЕЛОВЕК, ДВЕ ДУШИ

Сказитель проснулся на заре и сразу ощутил, что происходит что-то неладное. Такумсе сидел рядом, повернувшись лицом к западу. Раскачиваясь из стороны в сторону, он тяжело дышал, будто претерпевал некую ужасную боль. Может, он заболел?

Нет. Видимо, у Элвина ничего не вышло. Началась бойня. И Такумсе испытывал страдания своего народа, который умирал далеко отсюда. Он ощущал не сожаление и не жалость, его тело раскаленным прутом жалила смерть. Пусть Такумсе обладал намного более острыми чувствами, пусть он и Сказитель находились за много миль от Типпи-Каноэ, но раз вождь почувствовал страдания, значит, множество, огромное множество душ отправилось сегодня на небеса.

Как и прежде, Сказитель вознес молчаливую молитву к Господу. Как всегда, она сводилась к одному-единственному вопросу: «Боже, ты подвергаешь нас таким ужасным пыткам, когда же все это закончится?» Ведь все тщетно. Такумсе и

Элвин пробежали через всю страну, Сказитель торопился как мог, Элвин поднялся на Восьмиликий Холм — и что? Спасли они хоть кого-нибудь? Сейчас на берегах Типпи-Каноэ умирали люди, и Такумсе, находясь за много миль от реки, ощущал их страдания.

Как всегда, Господу нечего было ответить Сказителю.

Сказителю не хотелось беспокоить Такумсе. Более того, он догадывался, что сейчас Такумсе не особенно жаждет вступать в какие-нибудь разговоры с бледнолицым. Однако странник ощутил, как внутри него возникает видение. Не то видение, которое обычно является пророкам, и не то, которое видишь, заглядывая внутрь себя. Видение Сказителя обычно выражалось словами, и он не мог сказать, в чем его суть, пока не услышит собственный голос. Однако даже сейчас он понимал, что никакой он не пророк. Его видения не изменяли мир, они всего лишь описывали, *толковали* его. Впрочем, он ни минуты не колебался, стоит записывать свое видение или нет. Оно явилось, и он должен был занести его в книгу. Но поскольку в этом месте он писать не мог, ему ничего не оставалось делать, кроме как начать декламировать суть видения вслух.

И Сказитель заговорил, составляя из слов рифмы, потому что настоящее видение может быть выражено только в поэзии. Сначала он ничего не понимал, он не мог даже определить, чей ужасный свет ослепил его — Господа или Сатаны. Но слова катились вперед, и он знал, что кто бы это ни был, кто бы ни принес в этот мир страшную бойню, он заслуживает гнева Сказителя. Поэтому он не особенно заботился о том, чтобы подбирать выражения некультурнее.

В конце концов слова превратились в сплошной поток, Сказитель даже передохнуть не мог, чтобы не прервать стройные ряды рифм. Голос его становился все громче и громче; слова вылетали из его рта и разбивались о плотную стену окружающего воздуха, как будто сам Господь услышал его и обозлился на сии яростные речи:

Когда разразился я вызовом гневным,
Дрожь овладела светилом полдневным,
А луна, в отдален и и тлевшая, сразу,
Как снег побелев, получила проказу.
На душу людскую накинулись вдруг
И горе, и голод, и скорбь, и недуг.
На пути моем Бог пламенеет яро,

И солнце вовсю раскалилось от жара,
Что стрелы мыслей и разума лук, —
Оружье мое! — излучают вокруг.
Тетива — огниста, колчан мой злат!
Впереди выступают отец мой и брат.[22]

— Остановись! — перебил его голос Такумсе.

Сказитель замер с открытым ртом. Изнутри рвались новые слова, страдания ждали своей очереди, чтобы излиться из него. Но Такумсе нельзя было ослушаться.

— Все кончено, — сказал Такумсе.

— Все погибли? — прошептал Сказитель.

— Я не способен видеть отсюда жизнь, — объяснил Такумсе. — Я могу ощущать лишь смерть — мир разрывается, как старые, ветхие лоскуты. И его уже не залатать. — Отчаяние сменила холодная ненависть. — Но его еще можно очистить.

— Если б я мог предотвратить это, Такумсе…

— Да, Сказитель, ты хороший человек. Среди твоего народа много хороших и честных людей. К примеру, Армор Уивер. Если бы все бледнолицые были похожи на вас, если б все они стремились

---

[22] Примечания: 22
Уильям Блейк, «Грозный Лос»

познать эту землю, между нами не случилось бы войны.

— Но между тобой и мной нет войны.

— Можешь ли ты изменить цвет своей кожи? Могу ли я изменить свой цвет?

— Дело не в цвете нашей кожи, дело в наших сердцах…

— Когда на одной стороне поля выстроятся краснокожие, а на другой — бледнолицые, где ты встанешь?

— Посредине, и буду молить обе стороны не…

— Ты встанешь со своим народом, а я — со своим.

Сказитель не мог с ним спорить. Может быть, у него достало бы мужества отвергнуть подобный выбор. А может, и нет.

— Упаси нас Господи от подобного исхода.

— Это уже произошло, Сказитель, — грустно промолвил Такумсе. — С сегодняшнего дня никто не сможет помешать мне собрать армию краснокожих.

Сказитель не успел толком обдумать ответ, слова сами сорвались с его языка:

— Что ж за ужасную цель ты избрал, если смерть стольких людей лишь помогает тебе в ее достижении!

Такумсе ответил гневным ревом. Он прыгнул на Сказителя и повалил его на траву луга. Правая рука Такумсе вцепилась в редкие пряди седых волос странника, а левая схватила Сказителя за глотку.

— Тот бледнолицый, который не скроется за морями, умрет!

Однако не жажда убийства кипела в его венах. Хотя ему достаточно было лишь сжать руку, чтобы задушить Сказителя. Спустя мгновение краснокожий вождь оттолкнул от себя странника и упал в траву, прижавшись лицом к земле. Его руки и ноги были раскинуты в стороны, будто он хотел слиться с родной землей.

— Прости, — прошептал Сказитель. — Я был неправ.

— Лолла-Воссики! — вскричал Такумсе. — Брат мой, я не хотел оказаться правым!

— Он жив? — спросил Сказитель.

— Не знаю.

Такумсе повернулся и прижался щекой к траве, однако глаза его со смертельной ненавистью буравили Сказителя.

— Сказитель, те слова, что ты произносил… Что они означали? Что ты видел?

— Ничего, — пожал плечами Сказитель. И

вдруг, осознав всю правду, произнес: — Я передавал видение Элвина. Это явилось ему. «Впереди выступают отец мой и брат». Его видение, мой стих.

— Но куда подевался мальчик? — вдруг вспомнил Такумсе. — Он провел на Холме всю ночь, он что, и сейчас еще там?

Такумсе вскочил на ноги, повернувшись к Восьмиликому Холму и пристально вглядываясь в дебри.

— Никто не может оставаться там всю ночь, но солнце уже поднялось, а он не вернулся. — Такумсе посмотрел на Сказителя. — Он не может спуститься.

— Что ты имеешь в виду?

— Я нужен ему, — ответил Такумсе. — Я чувствую это. В его теле огромная рана, и его сила утекает в землю.

— Да что это за Холм такой?! Что, его ранило?

— Кто знает, что обнаружит бледнолицый мальчик на Восьмиликом Холме? — как бы про себя проговорил Такумсе. Затем снова повернулся к горе, как бы услышав еще один призыв. — Да, — решительно кивнул он и быстрым шагом направился к Холму.

Сказитель последовал за ним, решив не обра-

щать внимание Такумсе на некоторую несуразность его поведения. Только что он поклялся сражаться с бледнолицыми, пока не изгонит из этой страны всех до единого, а теперь бежит со всех ног к Восьмиликому Холму, чтобы спасти какого-то бледнолицего мальчишку.

Отыскав место, где поднялся Элвин, они остановились.

— Ты видишь что-нибудь? — спросил Сказитель.

— Тропа исчезла, — подтвердил Такумсе.

— Но ты же ее видел вчера.

— Вчера она еще была.

— Значит, надо подниматься другим путем, — решил Сказитель. — Пойдем на Холм своей дорогой.

— Поднявшись по другому склону, я окажусь в совсем другом месте.

— Да ладно тебе, Такумсе. Холм, конечно, велик, но не настолько же, чтобы там заблудился и пропал без вести мальчишка.

Такумсе пренебрежительно взглянул на Сказителя.

— Значит, чтобы оказаться в том же месте, надо обязательно подняться по той же тропе? — уже несколько менее уверенно уточнил Сказитель.

— Откуда я знаю? — фыркнул Такумсе. — Я никогда не слышал, чтобы люди поднимались на Холм по одной и той же тропке.

— Так вы что, ни разу не приходили сюда по двое, по трое?

— Это место, где земля говорит со всеми живыми существами. Речь земли — трава и деревья; драгоценности и перлы ее — птицы и звери.

Сказитель заметил, что Такумсе, когда захочет, может изъясняться на английском без малейшего акцента, совсем как белый человек. Причем как хорошо образованный белый человек. Перлы! Это он в Гайо набрался таких мудреных словечек?

— Значит, мы не можем подняться наверх?

Лицо Такумсе ничего не выражало.

— Ладно, подниматься все равно надо. Мы знаем, где он прошел, — давай пойдем там же. Да, тропинка пропала, ну и что?

Такумсе ничего не ответил.

— Ты что, так и будешь здесь стоять? Пусть он там погибает, да?

Не произнеся ни слова, Такумсе шагнул к Сказителю. Лица их оказались совсем рядом, грудью они едва не касались друг друга. Такумсе схватил его за руку, обнял другой Сказителя за пояс и прижал к себе, обвив своими ногами его ноги.

Сказитель на секунду представил, как они сейчас смотрятся со стороны. Наверное, не разобрать, чья нога кому принадлежит, так они сплелись. Он почувствовал биение сердца краснокожего, его стук отзывался в груди Сказителя куда громче, чем еле слышное постукивание его собственного сердца.

— Мы теперь едины, — прошептал Такумсе. — Мы были краснокожим и бледнолицым, нас разделяла кровь. Теперь мы один человек, у которого две души. Душа краснокожего и душа бледнолицего, но мы едины.

— Хорошо, хорошо, — согласился Сказитель. — Пусть будет так, как ты скажешь.

Не отпуская странника из объятий, Такумсе развернулся; их головы прижались друг к другу, в ушах Сказителя гулом океанских волн отзывался пульс Такумсе. Но теперь, когда их тела приникли друг другу так плотно, словно в груди у них билось единое сердце, Сказитель различил тропинку, поднимающуюся по склону Холма.

— Ты… — начал было Такумсе.

— Вижу, — успокоил его Сказитель.

— Не отпускай меня, — сказал Такумсе. — Мы теперь как Элвин — в одном теле уживаются душа краснокожего и душа бледнолицего.

Подниматься по тропинке в таком положении было очень неловко, как-то глупо. Но стоило им хоть немножко, самую капельку отодвинуться друг от друга, как сразу какая-то лоза попадала под ноги, какой-то корень возникал на пути, какой-то куст впивался в тело. Поэтому Сказитель как можно крепче прижимался к Такумсе, а тот — к Сказителю. В конце концов, преодолев долгий, трудный путь, они очутились на Холме.

Оказавшись на вершине, Сказитель изумился, увидев, что на самом деле Восьмиликий Холм — это не единая гора, а целых восемь отдельных холмов с восьмиугольной долиной посредине. Но, самое интересное, Такумсе тоже выглядел удивленным. Казалось, он не знал, что делать дальше. За Сказителя он держался уже не так крепко; очевидно, он не знал, куда идти дальше.

— Если белый человек очутится в таком месте, куда он направится первым делом? — спросил Такумсе.

— Вниз, конечно, — ответил Сказитель. — Увидев перед собой долину, белый человек сразу спустится вниз, чтобы посмотреть, что там такое.

— И что, вы всегда ведете себя подобным образом? — поинтересовался Такумсе. — Вы никогда

не знаете, где вы, что вас окружает?

Только тогда Сказитель понял, что, поднявшись на Холм, Такумсе лишился чувства земли. Здесь он был так же слеп, как и бледнолицый.

— Давай спустимся вниз, — предложил Сказитель. — И смотри-ка, нам уже можно не цепляться друг за друга. Это самый обыкновенный, покрытый травой холм, и тропинка нам не понадобится.

Они пересекли ручей и обнаружили Элвина лежащим на лугу; мальчика обволакивала легкая, туманная дымка. С виду Элвин был цел и невредим, но тело его сотрясала частая дрожь — как будто он лихорадку подхватил, правда, лоб у него был холодным. Как и сказал Такумсе, мальчик умирал.

Сказитель дотронулся до него, погладил рукой по голове, потом встряхнул, пытаясь разбудить. Элвин словно ничего не почувствовал. От Такумсе помощи было не дождаться. Вождь опустился рядом с мальчиком на траву, взял его за руку и принялся тихо, монотонно что-то напевать — так тихо, что Сказитель даже подумал, уж не кажется ли ему это.

Сам Сказитель не намеревался отступать, как бы ни горевал Такумсе. Он огляделся. Поблизости

росло дерево, цветущее, как весной; листья его были настолько зелеными, что в лучах рассветного солнца они казались выкованными из тонких пластинок золота. На дереве висел какой-то плод. Чисто белый плод. Внезапно Сказителю в нос ударил сладкий, пронзительный аромат, словно он откусил кусочек от этого необычного плода.

Он действовал без малейших раздумий. Подойдя к дереву, он сорвал плод и принес туда, где клубочком свернулся маленький Элвин. Сказитель поднес плод к носу Элвина, используя сладкий аромат как нюхательную соль. Почуяв запах, Элвин глубоко и резко задышал. Глаза его широко распахнулись, губы приоткрылись; сквозь плотно сжатые зубы послышалось еле слышное скуление, точно щенка ударили ногой.

— Откуси, — предложил Сказитель.

Такумсе потянулся к мальчику, положил одну руку на нижнюю челюсть Элвина, а другую — на верхнюю и, нажав, с трудом открыл Элвину рот. Сказитель просунул плод между зубов Элвина; Такумсе силой заставил Элвина откусить. Плод поддался, и светлый сок потек в рот Элвина, капая с его щек на траву. Медленно, с видимым усилием Элвин принялся жевать. Из глаз его ручьем хлынули слезы. Он проглотил. Неожиданно

резким движением он вскинул руки, ухватился одной за шею Сказителя, а другой — за волосы Такумсе и, подтянувшись, сел. Приникнув к вождю и страннику, прижав к себе их головы, Элвин рыдал, орошая своими слезами их лица, а поскольку Такумсе и Сказитель тоже плакали, вскоре уже нельзя было сказать, чьи слезы кому принадлежат.

Элвин рассказал очень немного, но и этого было достаточно. Он поведал, что произошло в тот день на Типпи-Каноэ, описал кровь, текущую в реке, упомянул, как тысяча спасшихся краснокожих перешли по затвердевшей воде на другой берег. Рассказал он и о крови на руках бледнолицых и о том, какая кара постигла человека, замыслившего эту бойню.

— Этого мало, — сказал Такумсе.

Сказитель не стал спорить. Вряд ли Такумсе будет слушать бледнолицего, который попытается убедить его, что убийцы были наказаны соответственно греху, который совершили. Кроме того, Сказитель сам не был уверен в этом.

Элвин рассказал о том, как провел здесь вечер и ночь, как спас Меру от неотвратимой смерти, как утром принял на себя неизмеримую агонию девяти тысяч невинных душ, которые вопили в

разуме Пророка — девять тысяч раз раздавался черный шум, который много лет назад свел его с ума. Что было сложнее — исцелить Меру или принять страдания Лолла-Воссики?

— Все оказалось так, как ты говорил, — прошептал Элвин Сказителю. — Я не могу возводить стену быстрее, чем она рушится.

Наконец, изнемогая от усталости, но несколько успокоившись, Элвин заснул.

Сказитель и Такумсе сидели лицом друг другу, а между ними, свернувшись, мирно посапывал Элвин.

— Теперь я понял природу его раны, — сказал Такумсе. — Он скорбит о своем народе, чьи руки обагрила кровь.

— Он скорбит о мертвых и живых, — поправил Сказитель. — Насколько я знаю Элвина, боль ему причиняло то, что он не успел, что у него не получилось, что если б он творил чуточку побыстрее, то Мера прибыл бы вовремя, еще до того, как прозвучал первый выстрел.

— Бледнолицые оплакивают только бледнолицых, — уверенно заявил Такумсе.

— Себе можешь лгать сколько угодно, — ответил Сказитель, — но меня ты не обманешь.

— Но краснокожие не поддаются скорби, —

продолжал Такумсе. — Краснокожие прольют на землю кровь бледнолицых, смывая сегодняшнюю боль.

— Я-то думал, ты служишь земле, — вздохнул Сказитель. — Неужели ты не понимаешь, что сегодня произошло? Неужели ты не помнишь, где мы находимся? Ты видел часть Восьмиликого Холма, о существовании которой даже не подозревал, — а все почему? Потому что земля пропустила нас сюда затем, чтобы…

Такумсе поднял руку:

— Чтобы спасти этого мальчика.

— Чтобы краснокожие и бледнолицые могли разделить эту землю и…

Такумсе приложил палец к губам Сказителя.

— Я не фермер, который любит слушать сказки о далеких краях, — произнес Такумсе. — Рассказывай свои истории тому, кто желает их слушать.

Сказитель отбросил руку Такумсе. Он хотел просто отвести ее, но удар оказался слишком силен, и Такумсе даже повалился на бок. Вождь сразу вскочил на ноги, странник тоже поднялся.

— Вот как все начинается! — выкрикнул Такумсе.

У их ног беспокойно заворочался Элвин.

— Ты рассердился на краснокожего и ударил его. В тебе, как и во всяком бледнолицем, нет места терпению…

— Ты приказал мне замолчать, сказал, что мои истории — это…

— Слова, я всего лишь произнес слова и легонько коснулся тебя, а ты ответил мне ударом.

Такумсе улыбнулся. То была ужасная улыбка, словно клыки тигра блеснули в ночных джунглях. Глаза вождя полыхали, кожа его казалась самим пламенем.

— Прости, я не хотел…

— Бледнолицые все время так себя ведут, ничего не могут с собой поделать, очередная *ошибка*. Вот что ты сейчас думаешь, Бледнолицый Лжец! Народ Элвина убил моих собратьев *по ошибке*, сочтя, что двое бледнолицых мальчиков погибли от руки краснокожего. И они напали на нас, совсем как ты, и убили девять тысяч моих соплеменников, детей и матерей, стариков и мальчиков, их пушки…

— Я слышал, что рассказывал Элвин.

— Что, не нравится моя история? Не хочешь слушать ее? Ты бледнолицый, Сказитель. Ты, как и все прочие бледнолицые, любишь вымаливать прощение, но сам его даришь весьма неохотно.

Вы всегда ожидаете от других терпения, а сами вспыхиваете, как искра, стоит подняться ветру — и сжигаете весь лес, в котором споткнулись о корень!

Такумсе повернулся и быстро зашагал туда, откуда они пришли.

— Но ты не сможешь уйти без меня! — закричал Сказитель вслед. — Мы должны идти вместе!

Такумсе остановился, повернулся, откинул голову и невесело расхохотался.

— Чтоб спуститься отсюда, мне не понадобится тропа, Бледнолицый Лжец!

И он бросился вверх по склону.

Элвин к тому времени уже проснулся.

— Извини, Элвин, — понуро произнес Сказитель. — Я не хотел.

— Погоди, — перебил Элвин. — Дай я сам догадаюсь, что он сделал. Он дотронулся до тебя вот так.

Элвин повторил движение Такумсе, коснувшись пальчиком губ Сказителя.

— Да.

— Так поступает мама-июни, когда хочет заставить замолчать маленького мальчика, который чересчур расшумелся. Спорю, если б один краснокожий поступил так с другим… Он специально

провоцировал тебя.

— Но я его ударил.

— Если б ты его не ударил, он бы сделал что-нибудь еще, но вызвал бы тебя на оскорбление.

Сказителю нечего было ответить. Похоже, мальчик действительно прав. Определенно прав. Сегодня Такумсе меньше всего хотелось, чтобы его поддерживал и успокаивал какой-нибудь бледнолицый.

Элвин снова заснул. Сказитель походил по округе, но не обнаружил ничего необычного. Полная тишина и покой. Он попытался отыскать дерево, с которого сорвал плод, но не смог. Все деревья вновь стали похожи друг на друга, все шелестели серебристо-зеленой листвой, и как бы долго он ни шел, обратная дорога к Элвину все равно занимала несколько минут. Странное место, место, карту которого не запомнить, место, которое никогда не подчинится человеческой власти. Здесь земля дает тебе только то, что сама пожелает дать, и не больше.

Элвин проснулся, когда солнце уже заходило, и Сказитель помог ему подняться на ноги.

— Я хожу точно только что народившийся жеребенок, — сказал Элвин. — Я так слаб.

— За последние двадцать четыре часа ты

совершил примерно половину подвигов Геракла, — усмехнулся Сказитель.

— Гер… кого?

— Геракла. Был такой грек.

— Я должен найти Такумсе, — вспомнил Элвин. — Нельзя было позволять ему уйти, но я ужасно устал…

— Ты тоже бледнолицый, — напомнил Сказитель. — Думаешь, он позволил бы тебе пойти с ним?

— Тенскватава предрек, что, пока я с Такумсе, вождь не погибнет, — объяснил Элвин.

Сказитель помог Элвину подняться вверх по поросшему нежной травой склону Холма. Достигнув гребня, они остановились и посмотрели вниз. Сказитель вгляделся в заросли сплетенных друг с другом лоз и кустарников.

— Нет, я здесь спуститься не смогу.

Элвин с удивлением взглянул на него:

— Вот же тропинка, неужели ты не видишь?

— Ты, может, ее видишь, — ответил Сказитель. — Но я — нет.

— Но ты ж как-то поднялся, — пожал плечами Элвин.

— Вместе с Такумсе.

— Но он ушел.

— Я — не краснокожий.

— Давай тогда я пойду вперед.

Элвин уверенно шагнул вперед, словно перед ним простирался чистый, ровный луг. Прямо на глазах у Сказителя тернии раздвинулись и, пропустив мальчика, тут же сомкнулись у него за спиной.

— Элвин! — крикнул он. — Не бросай меня.

Элвин вернулся и взял его за руку.

— Следуй за мной шаг в шаг, — сказал он.

Сказитель последовал за ним, но шипы по-прежнему вцеплялись в него, ранили и терзали его кожу. Пока впереди шел Элвин, Сказитель ясно видел бегущую вниз по склону тропинку, но пускать странника заросли упорно не хотели. Даже оленьи шкуры не могли препятствовать острым, словно отточенные клинки, шипам; ветви хлестали его, как пастуший хлыст. Он почувствовал, как по рукам, по спине, по ногам побежали ручейки крови.

— Элвин, я не могу идти дальше! — закричал Сказитель.

— Я вижу его, — в ответ произнес Элвин.

— Кого?

— Такумсе. Подожди здесь.

Он отпустил руку Сказителя и через мгновение

исчез. Странник остался наедине с терниями. Он старался не двигаться, практически не дышал, но шипы и колючки продолжали жалить его со всех сторон.

Элвин вернулся и снова взял Сказителя за руку.

— Иди прямо за мной. Всего один шаг.

Сказитель собрался с силами и сделал требуемый шаг.

— Теперь вниз, — указал Элвин.

Сказитель повиновался и опустился на колени. Посмотрев наверх, он понял, что снова ему не подняться, ибо колючки плотным навесом сомкнулись у него над головой.

Элвин поднес его руку к чьей-то руке, и заросли вдруг немножко отступили. На земле лежал Такумсе, из сотни ран на его обнаженном теле сочилась кровь.

— Он в одиночку дошел сюда, — объяснил Элвин.

Такумсе открыл глаза, в них по-прежнему горела ярость.

— Оставьте меня, — прошептал он.

В ответ Сказитель положил его голову себе на руку. Как только их тела соприкоснулись, шипы и колючки отпрянули еще дальше, и теперь

Сказитель увидел маленькую тропку там, где ее раньше не было.

— Нет, — выдавил Такумсе.

— Мы не сможем спуститься, если не поможем друг другу, — произнес Сказитель. — Нравится тебе это или нет, но если ты твердо решил отомстить белому человеку, тебе придется воспользоваться помощью одного из бледнолицых.

— Тогда брось меня здесь, — шепотом промолвил Такумсе. — Брось меня умирать и спаси свой народ.

— Мне без тебя тоже не спуститься, — возразил Сказитель.

— Это хорошо, — прикрыл глаза Такумсе.

Сказитель вдруг заметил, что ран на теле Такумсе заметно убавилось. А те, что остались, быстро покрывались новой кожей и зарастали. Затем он осознал, что его собственные царапины тоже больше не болят. Он оглянулся. Элвин, закрыв глаза, сидел прислонившись спиной к стволу какого-то деревца. На его изможденном лице проступила усталость.

— Смотри, чего ему стоит исцелять нас, — показал Сказитель.

На лице вождя проступило изумление, сразу сменившееся гневом.

— Я не просил исцелять меня! — закричал он.

Вырвавшись из объятий Сказителя, он попытался кинуться к Элвину. Но руки его мигом обвили терновые ветви, и Такумсе громко вскрикнул — не от боли, а от ярости:

— Я не подчинюсь силе!

— А чем это ты такой особенный? — поинтересовался Сказитель.

— Я поступлю так, как решил, и не иначе, что бы там земля мне ни твердила!

— Наверное, то же самое говорит кузнец в своей кузне, — усмехнулся Сказитель. — И фермер, валящий деревья, тоже, наверное, повторяет эти слова.

— Не смей сравнивать меня с бледнолицыми!

Но колючки крепко держали его, пока Сказитель, скрипя зубами от боли, не продрался к Такумсе и не обнял его. Снова Сказитель ощутил, как раны на его теле зарастают, увидел, как кровь, струящаяся по груди Такумсе, останавливается, а шипы отпускают их и отступают. Элвин с мольбой посмотрел на них, будто бы говоря: «Ну сколько еще вы заберете у меня сил, прежде чем наконец образумитесь?»

Издав стон отчаяния, Такумсе повернулся и обнял Сказителя. Вместе они спустились по

широкой тропинке к подножию Холма. Элвин, спотыкаясь и чуть не падая, брел следом.

Ночь они провели на той же самой лужайке, где ночевали вчера, но сон их был беспокойным и тревожным. Утром Сказитель, не говоря ни слова, сложил в котомку свои вещи, включая книгу, буквы которой сейчас ничего не означали. Поцеловав Элвина в лоб, он пошел прочь. Он ничего не сказал на прощание Такумсе, а Такумсе ничего не сказал ему. Они оба прекрасно знали, что повелела земля, но Такумсе впервые в жизни осмелился пойти против ее нужд, удовлетворяя свои желания. Сказитель даже не пытался спорить с ним. Он знал, что Такумсе все равно будет следовать своему пути, сколько бы кровоточащих ран ни осталось на его теле. Он надеялся только, что у Элвина хватит сил поддержать в Такумсе жизнь, когда надежда будет утеряна.

Целое утро он неуклонно шел на запад. Примерно в полдень Сказитель остановился и вытащил из котомки книгу. К его величайшему облегчению, слова снова обрели смысл. Тогда он открыл запечатанные две трети книги, те две трети, куда он заносил собственные мысли, и всю оставшуюся часть дня описывал, что с ним случилось. Он поведал то, что рассказал ему Элвин, и то, чего

он больше всего боялся в будущем. Также он записал поэму, которая явилась к нему вчерашним утром, — хотя слова ее, слетающие с его губ, на самом деле принадлежали видению Элвина. Поэма сохранила свою истинность и чистоту, правда, будучи перенесенной на бумагу, несколько утеряла силу. Вчера он почти стал пророком, но сегодня дар покинул его. Очевидно, пророчества все-таки не его удел. Вчера он и Такумсе бродили по лугу и даже не догадывались, что Элвин видел на нем карту целого континента; вот и сегодня, записав в книгу слова, Сказитель уже не ощутил силу, таящуюся за ними.

Сказитель не мог идти, как краснокожий, днем и ночью, отдыхая на ходу. Поэтому, пока он добрался до Церкви Вигора, прошло немало дней. В этом городе его ждало множество людей, чтобы поведать ему свою долгую, горькую повесть. Если и были на земле люди, которые нуждались в таком человеке, как Сказитель, это были жители Церкви Вигора. А если и была на свете история, которую Сказителю меньше всего хотелось услышать, это была история бойни на Типпи-Каноэ. И все же он шел вперед. Он вынесет эту повесть. И услышит еще множество темных сказаний, прежде чем Такумсе обретет покой. Чтобы поспеть за

всем, лучше не откладывать дело в долгий ящик.

Глава 16
ЛАФАЙЕТ

Жильбер де Лафайет сидел за своим громадным столом, тщательно изучая прожилки в дереве крышки. Перед ним лежало несколько писем. Одно из них было отправлено де Морепа королю Карлу. Видимо, Наполеон целиком и полностью завоевал любовь Фредди. Письмо было полно похвал коротышке генералу и комплиментов его незаурядной стратегии.

«А посему, Ваше Величество, вскоре мы одержим имеющую огромное значение победу, тем самым прославив Ваше имя. Генерал Бонапарт решительно отмел европейские традиции ведения войн. Он обучает наши войска сражаться, как сражаются краснокожие, так что, даже если нам и не удастся выманить так называемых „американцев» на открытое место и вести бой согласно европейским традициям, наши солдаты все равно успешно справятся с ситуацией. Пока Эндрю Джексон создает свою армию из пресловутых американцев, мы также набираем войска — но из тех людей, которые имеют куда больше прав

претендовать на принадлежность к американской нации. Против десяти тысяч, руководимых Гикори, мы выставим десять тысяч краснокожих под предводительством Такумсе. Такумсе таким образом отомстит за кровь собратьев, пролитую на Типпи-Каноэ, а мы уничтожим американскую армию и захватим земли от реки Гайо до озера Гурон. И всем этим мы обязаны гению Вашего Величества, ибо только благодаря Вашему гениальному прозрению генерал Бонапарт очутился здесь, дабы осуществить сии великие завоевания. Однако если Вы пошлете нам еще две тысячи французских солдат, чтобы укрепить наш строй и повергнуть американцев в большую панику, это Ваше деяние станет ключевым в нашей грядущей победе».

Со стороны обыкновенного графа, да к тому же еще и опального, было невероятной наглостью посылать подобное послание королю. Однако Жильбер догадывался, как примут это послание при дворе. Король Карл также находился под чарами Наполеона, а значит, с похвалами выскочке корсиканцу он только согласится и от души порадуется успехам Бонапарта.

Если б только Наполеон был заурядным позером, обладающим даром завоевывать располо-

жение высших мира сего! Тогда бы Лафайету не пришлось марать руки — рано или поздно выскочку ожидал бы неминуемый крах. Наполеон и де Морепа потерпели бы сокрушительный разгром, разгром, который мог бы повлечь за собой смену правительства и компрометировать королевскую власть. Монархия могла бы рухнуть, как это произошло в Англии полтора столетия назад. Все-таки эти англичане мудры…

Но, к сожалению, восторги Фредди и Карла по поводу Наполеона имели под собой почву. Наполеон и в самом деле был тем, за кого себя выдавал, — он действительно оказался блестящим стратегом и полководцем. Жильбер знал, что планам Наполеона, увы, суждено сбыться. Американцы ринутся на север, убежденные, что там их ожидают только краснокожие дикари. Но в самый последний момент на сцене появится французская армия, дисциплинированная, хорошо вооруженная и фанатически преданная Наполеону. У американцев не останется иного выхода, они будут сражаться, как и всякая европейская армия. Под их напором французы начнут медленно, осторожно отступать. А когда американские войска позабудут о всяком строе и ринутся в погоню за бегущими французами,

тут-то и нападут краснокожие. Американцы будут окружены со всех сторон. Ни один вражеский солдат не уйдет живым с того поля битвы, тогда как французская сторона если и понесет потери, то крайне незначительные.

Это дерзко. Это опасно. Подобная стратегия ставила французские войска под серьезную угрозу уничтожения, ибо американцы намного превосходили их числом. Нужно было обладать нерушимой верой в краснокожих. Но Жильбер знал, вера Наполеона в Такумсе вполне оправданна.

Такумсе добьется желанной мести. Де Морепа наконец-то выберется из Детройта. Даже Лафайет, пользуясь этой славной победой, мог бы испросить разрешения вернуться домой и зажить в уюте и покое наследных владений. А Наполеон обретет славу, любовь и вечное доверие со стороны короля. Карл наверняка пожалует ему титул, земли и пошлет покорять Европу. Богатства и власть короля Карла будут быстро расти, целые нации склонятся под властью его тирании.

Поэтому Жильбер разорвал письмо де Морепа на мельчайшие кусочки.

Второе письмо было послано самим Наполеоном и адресовалось Жильберу. Генерал не

стеснялся в выражении чувств, иногда бывал даже чересчур резок в своей оценке ситуации. Наполеон понял, что на Жильбера де Лафайета его чары не действуют, и сделал вывод, что этот человек его искренний поклонник и, конечно же, друг. «Я и в самом деле твой друг, Наполеон. Но превыше всех друзей для меня Франция. И тот путь, что я тебе проложу, куда более велик, нежели твое пребывание на службе у глупого монарха».

Жильбер перечитал основную часть письма Наполеона:

«Де Морепа, как попугай, повторяет то, что я ему говорю. Это успокаивает, но иногда раздражает. Как подумаю, что он может натворить, получив в свои руки войска, аж дрожь берет. Идею союза с краснокожими он мыслит исключительно следующим образом: надо одеть этих дикарей в форму и расставить, как кегли, в шеренги. Что за глупость! У короля Карла, должно быть, мозгов не хватает, раз он поставил меня *под начало* такого идиота, как Фредди. Однако в глазах Карла Фредди, должно быть, настоящий светоч разума — ведь он разбирается в балете. В Испании я одержал победу, которой Карл не заслуживал, однако по своей бесхребетности он допустил,

чтобы придворные завистники изгнали меня в Канаду, где моими союзниками будут выступать дикари, а все мои офицеры сплошь дураки. Карл не заслуживает славы, которую я ему завоюю. Увы, Жильбер, мой друг, королевская кровь уже не та, что была во времена Луи XIV. Прошу тебя, сожги это письмо, хотя Карл меня так любит, что, наверное, прочтя его, ничуть не оскорбится! А если и оскорбится, разве он посмеет наказать меня? Каково бы было его положение в Европе, если б я не помог своему дубоголовому командиру подхватить дизентерию? Если б не я, война в Испании была бы проиграна, а тогда…»

Тщеславие Наполеона поражало, но поражало в основном тем, что было полностью оправданно. Каждое слово в этом письме, пусть самое грубое, было правдиво. Эту искренность Жильбер сам воспитал в Наполеоне. Наполеон давно мечтал найти кого-нибудь, кто бы искренне восхищался им, кого не надо было бы одурманивать чарами. И он нашел такого человека. Жильбер и в самом деле был искренним другом Наполеона, такого преданного соратника у Наполеона никогда не будет. И все же… И все же…

Жильбер бережно сложил письмо Наполеона и спрятал его в конверт, добавив маленькую запи-

сочку, которая гласила:

"Ваше Величество, умоляю Вас, не будьте жестоки к этому одаренному юноше. Он самоуверен, как и все юнцы, но в его сердце нет места предательству, я это знаю точно. Тем не менее я поступлю согласно Вашему приказу, ибо лишь Вам одному ведома тонкая грань меж справедливостью и милосердием.

Ваш покорный слуга Жильбер".

Король Карл будет, конечно, рвать и метать. Даже если предсказания Наполеона оправдаются и Карл смилостивится, придворные лизоблюды не упустят подобной возможности. Вой поднимется до небес, головы Наполеона будут требовать все и вся, так что королю Карлу останется только отстранить наглого мальчишку от должности.

Жильбер взял в руки четвертое письмо, самое болезненное из всех. Оно адресовалось Фредерику, графу де Морепа. Жильбер написал его давным-давно, сразу после приезда Наполеона в Канаду. Вскоре наступит момент, когда придется послать это письмо.

«В канун столь судьбоносных событий, мой дорогой Фредди, я хочу, чтобы вы приняли этот амулет. Его подарил мне один святой, и амулет этот развеивает ложь и обман, наводимые Са-

таной. Носите его не снимая, мой друг, ибо мне кажется, что ваша нужда в нем значительно превосходит мою».

Фредди не стоило знать, что «святым» был Робеспьер, — тогда бы де Морепа в жизни не надел амулет. Жильбер вытащил золотую цепочку с амулетом из-под рубашки. Как поступит де Морепа, когда Наполеон лишится власти над ним? Он поведет себя вполне естественно и поступит так, как поступал всегда.

Жильбер сидел над письмами добрых полчаса, зная, что пришло время решать. Амулет пока посылать не стоит — Наполеон должен лишиться власти над Фредди, когда будет поздно что-либо менять. Но письмо к королю надо отослать немедленно, ибо оно еще должно достичь Версаля. Ответ вернется в Канаду как раз весной, перед битвой с американцами.

"Я, наверное, предатель, раз действую против короля и своей страны… Хотя нет, я никого не предаю. Ибо если б победа над американцами принесла моей любимой Франции хоть каплю добра, я бы сделал все, чтобы помочь Наполеону, пусть даже это повлияло бы на дело свободы, что вершится в этом новом свете. Ибо я фельян, демократ, даже якобинец в глубине своего сердца,

и, хотя моя любовь к Америке может сравниться лишь с преданностью к этой стране Франклина, Вашингтона, которые уже сошли в могилу, и Джефферсона, который жив и поныне, — прежде всего я француз, а какое мне дело до свободы в Божьем мире, если этой самой свободы не видит моя родная Франция?

Нет, я так поступаю, потому что ужасное, унизительное поражение в Канаде — это то, в чем сейчас нуждается моя страна. Тем более что в нашем поражении будет виновен непосредственно король Карл, поскольку это его вмешательство встанет на пути к победе. Отстраняя от командования популярного и блестящего полководца Бонапарта и заменяя его тупицей де Морепа, Карл пойдет на поводу у собственного тщеславия.

Ибо есть еще одно, последнее письмо, зашифрованное, совершенно невинное с виду. Самое обыкновенное письмо, наполненное пустопорожней болтовней об охоте и течении жизни в Ниагаре. Однако внутри него зашифрован текст писем Фредерика и Наполеона, и, как только новости о поражении Франции достигнут Парижа, оно будет опубликовано в газетах, чтобы усилить шумиху. Пока оригинал письма Наполеона будет добираться до короля, Робеспьер уже получит

шифровку.

Но как же та клятва, которой я присягнул королю? Что это за заговоры? Я должен быть генералом и вести армии в сражения или губернатором и управлять государственной машиной на благо народа. Вместо этого я докатился до заговоров, шпионажа, обмана и предательства. Я — Брут, предающий во славу народа. И все же я молюсь о том, чтобы история сжалилась надо мной, ведь, если б не я, Карл назвался бы Шарлеманем II и воспользовался талантами Наполеона, чтобы захватить и превратить Европу в новую Французскую Империю. Но благодаря мне, с Божьей помощью, Франция послужит примером всей земле, продемонстрировав всем, что такое мир и свобода".

Он зажег свечу, капнул воском, запечатывая послание королю и письмо своему доверенному соседу, после чего закрепил воск личной печатью. Его секретарь опустил оба послания в мешок с почтой, который вот-вот должны отнести на судно — это будет последний из кораблей, который в преддверии зимних холодов спустится вниз по реке и поплывет во Францию.

На столе осталось лишь письмо де Морепа и амулет. «Я сейчас очень жалею о том, что ты по-

явился у меня, — сказал Лафайет амулету. — Если б и меня Наполеон ввел в заблуждение, если б и я мог радоваться, глядя, как неотвратимо он шагает по истории… Вместо этого я расстраиваю его планы, ибо разве может полководец, даже такой блестящий, как Цезарь, процветать в демократии, которую мы с Робеспьером установим во Франции?»

Все семена посажены, все ловушки расставлены.

Еще целый час Жильбер де Лафайет сидел в своем кресле, его тело била дрожь. Затем он поднялся, оделся в свое лучшее платье и провел вечер в театре, созерцая пошлый фарс в представлении бездарнейшей труппы — на актеров получше у бедной Ниагары просто не было денег. В конце спектакля он встал и принялся аплодировать. Поскольку он был губернатором, это гарантировало труппе финансовый успех в Канаде. Он аплодировал долго и яростно, так что остальным зрителям тоже пришлось встать и присоединиться к нему; он хлопал в ладоши, пока не отбил себе все руки, пока амулет, висящий у него на груди, не покрылся потом, пока по плечам и спине не растекся пылающий жар. Пока не осталось больше сил.

Глава 17
СТАНОК БЕККИ

Элвину уже начало казаться, что зима никогда не кончится. Раньше он любил зимние холода. Он процарапывал в покрывающем окошко инее дырочку и часами смотрел на разноцветные солнечные искорки, танцующие на нетронутом снежном покрывале. Но в те дни, замерзнув, он всегда мог укрыться дома, там, где тепло, отведать маминой стряпни и свернуться клубочком в мягкой постели. Правда, нельзя сказать, что сейчас он претерпевал такие уж неимоверные страдания — Элвин показал себя достойным учеником, обучаясь путям краснокожих.

Просто слишком много месяцев они скитались. Минул почти год с того весеннего утра, когда Элвин и Мера покинули Церковь Вигора, направляясь к Хатраку. Путь, ожидающий их, был долог, но теперь по сравнению с теми пространствами, что Элвину пришлось преодолеть, он выглядел легкой прогулкой. Элвин и Такумсе побывали далеко на юге, где краснокожие, общаясь на языке бледнолицых, говорили по-испански, а не по-ан-

глийски. Они видели затянутые туманом низины Миззипи. Они говорили с криками, чоктавами и еще не познавшими цивилизацию черрики из болотистых областей. Они посетили самые верховья Миззипи, где было столько озер, что передвигались там исключительно на каноэ.

И в каждой деревне, в которую они заходили, повторялось одно и то же.

— Мы знаем о тебе, Такумсе, ты пришел говорить о войне. Мы не хотим войны. Мы будем сражаться, только если бледнолицые придут на наши земли.

После чего Такумсе объяснял, что, когда белый человек придет в их деревни, будет слишком поздно и никто их не поддержит, тогда как бледнолицые, словно ураган, сметут краснокожих с лица земли.

— Мы должны стать единой армией. И в таком случае мы будем сильнее.

Но одних слов было мало. Юноши пошли бы за ним, поддались бы на его увещевания, однако старейшины не хотели войны, они не искали славы, они желали лишь мира и покоя, а белый человек… Белый человек был слишком далеко, призрачной угрозой маяча на горизонте.

Тогда Такумсе поворачивался к Элвину и го-

ворил:

— Расскажи, что случилось на берегах Типпи-Каноэ.

После третьего раза Элвин уже знал, что произойдет, когда он расскажет историю в десятый, в сотый, в какой бы то ни было раз. Как только краснокожие, сидящие вокруг костра, поворачивались к нему, он знал, что последует дальше. В их глазах светилось отвращение, поскольку он был бледнолицым, и вместе с тем интерес, потому что он сопровождал Такумсе. Как бы Элвин ни упрощал свой рассказ, как бы ни напирал на тот факт, что поселенцы Воббской долины считали, якобы это Такумсе похитил и замучил его и Меру, краснокожие все равно проникались скорбью и мрачной яростью. Поэтому в конце старейшины царапали пальцами почву, набирая полные пригоршни земли, будто бы выпуская на волю некоего страшного зверя, скрывающегося там. Поэтому молодые воины, все как один, вытаскивали свои кремниевые ножи. Острые лезвия оставляли на их коже неглубокие порезы, из которых начинала сочиться кровь, — таким образом воины учили свои ножи жажде. Теперь их тела будут искать боль и любить ее.

— Когда с берегов Гайо сойдет снег, — в конце

концов говорил Такумсе.

— Мы будем там, — отвечали воины, и старейшины кивали в знак согласия.

То же самое повторялось в каждой деревне, в каждом племени. Иногда, правда, слышались голоса в защиту Пророка, кое-кто призывал к миру, но таких сразу высмеивали, обзывая «старухами», хотя, как заметил Элвин, старухи сильнее всех прочих выражали ярость и ненависть.

Однако Элвин ни разу не пожаловался на то, что Такумсе использует его, чтобы разжечь гнев краснокожих против расы бледнолицых. Ведь та история, которую приходилось рассказывать Элвину, была правдивой. Он не мог отказаться от нее, как не могла забыть о случившемся его семья, на которой лежало проклятье Пророка. Нет, если бы Элвин предпочел промолчать, руки его не обагрились бы кровью. Просто он чувствовал, что на его плечах лежит та же тяжкая ноша, что и на плечах всех бледнолицых, участвовавших в бойне на Типпи-Каноэ. История о случившемся там была правдива, и пусть даже каждый краснокожий, выслушивающий ее, проникался ненавистью и начинал искать мести, желая перерезать всех бледнолицых, которые не вернутся назад в Европу, у Элвина не было весо-

мых причин скрывать правду от обитателей этой земли. Ведь знать правду — это данное природой право каждого человека, куда бы эта истина его ни завела. И, уже зная правду, следует избирать путь добра или зла.

Конечно, вслух об этом праве Элвин не особенно распространялся. Тем более что для подобных разговоров не представлялось возможности. Он повсюду следовал за Такумсе, не отходя от него дальше, чем на расстояние вытянутой руки. Но вождь предпочитал не разговаривать с Элвином; единственное, что от него можно было услышать, это «Поймай рыбу» или «Пошли». Такумсе недвусмысленно давал понять, что между ним и Элвином не может быть дружбы и что он не ищет общества бледнолицых. Следуя сквозь леса, Такумсе даже не оборачивался, чтобы посмотреть, не отстал ли случайно Элвин. Присутствие мальчика он замечал только тогда, когда, взглянув на него, приказывал:

— Расскажи, что случилось на берегах Типпи-Каноэ.

Однажды, покинув деревню, обитатели которой настолько разозлились на бледнолицых, что начали с интересом поглядывать на скальп Элвина, мальчик не выдержал.

— Почему ты ни разу не попросил меня рассказать, как ты, я и Сказитель побывали на Восьмиликом Холме? — спросил он у Такумсе.

Но вождь в ответ лишь ускорил шаг, так что Элвину пришлось бежать за ним весь день, чтобы не отстать.

Так что если говорить о компании, то путешествовать с Такумсе было все равно что путешествовать в одиночку. Никогда в жизни Элвин не чувствовал себя так одиноко. «Так почему бы мне не бросить его? — размышлял он про себя. — Чего я таскаюсь за ним повсюду? Развлечения в этом мало, я лишь помогаю ему начать войну против своего же народа. Становится все холоднее и холоднее, солнце вообще перестало светить, а мир состоит из голых серых деревьев и слепящего бесконечного снега. Да и не нужен я Такумсе вовсе».

Тогда почему же Элвин продолжал следовать за ним? Отчасти из-за пророчества Тенскватавы, который предрек, что Такумсе не погибнет, если рядом с ним будет Элвин. Может быть, Элвин не был в восторге от компании Такумсе, но одновременно мальчик знал, что этот краснокожий — великий, хороший человек, а стало быть, раз Элвин каким-то образом может спасти ему жизнь, он обязан сделать все, что в его силах.

Кроме того, во всем этом крылось нечто большее. Элвин не просто чувствовал себя в долгу перед Пророком, пообещав заботиться о его брате; он не просто ощущал в себе нужду искупить постигшую его семью ужасную кару и разнести весть о происшедшем на Типпи-Каноэ по всей земле краснокожих. Следуя сквозь чащобы, затерявшись в полусне, отдавшись воле зелени леса и слыша в себе музыку земли, Элвин не мог выразить свои чувства словами. Нет, для слов будет другое время. Сейчас следовало понимать без слов, ощущать правильность того, что он делает, — Элвин осознавал, что сейчас он является смазкой на колесе повозки, которая песет на себе великие перемены. «Я могу весь стереться, сгореть в жаре, возникающем от трения колеса об ось, но мир меняется, и каким-то образом я стал неотъемлемой частью того, что помогает земле двигаться вперед. Такумсе строит нечто очень важное, сплачивая краснокожих и создавая из них то, чего никогда не было».

Впервые Элвин понял, что из людей тоже можно что-то построить. Он увидел, что, когда Такумсе уговаривает краснокожих чувствовать одним сердцем и действовать, руководствуясь единым разумом, люди, сплачиваясь, становятся чем-то

большим. Значит, он строит, значит, он действует против Разрушителя. Как Элвин, который сплетает из травинок маленькие корзиночки. Травинки, если их брать по отдельности, — это просто травинки, но, сплетенные вместе, они становятся чем-то иным.

«Там, где не было ничего, Такумсе создает величественное здание, но без моей помощи это здание не будет построено».

Такие мысли наполнили его страхом, потому что он творил нечто такое, чего не понимал, но также они пробудили в нем любопытство, ибо ему очень хотелось увидеть, что из этого выйдет. Поэтому он двигался вперед, продолжал давить и толкать. Он рассказывал краснокожим свою историю, ощущая сначала подозрительные взгляды, а потом — неприкрытую ненависть. Большую часть дня ему приходилось созерцать спину Такумсе, который углублялся все дальше в леса. Лесная зелень постепенно приобрела золотисто-красноватые оттенки, затем покрылась чернотой дождевых капель на голых ветвях и наконец подернулась сединой, замерев в холодном ожидании. И все беспокойства Элвина, вся его обескураженность, его смущение и скорбь по тому, что ожидает их в будущем и уже случилось

в прошлом, — все это превратилось в усталое отвращение к зиме. Он с нетерпением ждал, когда же наконец она закончится, когда растает снег и придет весна. За которой последует лето.

Лето, когда он сможет обернуться назад и понять, что все испытания уже позади. Лето, когда он будет знать, к добру или ко злу привели его деяния. Когда наконец уйдет этот отвратительный снежно-белый страх, поселившийся внутри и скрывший под собой остальные чувства, как снег укрывает от посторонних глаз землю.

И вдруг в один прекрасный день Элвин заметил, что воздух как-то потеплел, а растаявший снег обнажил траву и землю, каплями воды скатившись с ветвей деревьев. Неподалеку мелькнуло что-то красноватое — то некая птичка искала себе пару, чтобы свить гнездо и отложить яйца. В тот самый день Такумсе свернул на восток. Поднявшись на гряду холмов, расположенную в северной, освоенной бледнолицыми части Аппалачей, он остановился на скале, нависшей над небольшой долинкой, где виднелись несколько ферм поселенцев.

Такой деревни Элвин еще ни разу не видел. Она не походила ни на французский Детройт, где люди жили, сбившись в кучу, ни на редкие

поселенья Воббской территории, где каждая ферма казалась неровной заплатой на яркой зелени леса. Здесь деревья были ухожены и росли рядами, отделяя одно поле от другого. Лишь на склонах холмов, окаймляющих долину, лесные гиганты вновь возвращались к своему дикому состоянию. Поскольку земля уже оттаяла, на полях появились фермеры. Их плуги осторожно, бережно разрезали лик земли. Как краснокожий, проводя острием ножа по своему бедру, учит лезвие жажде, так плуг фермера учит землю плодородить. Только из-под лезвия плуга покажется не кровь, как из-под острого кремня, а пшеница, маис, рис или овес тонкой струйкой пробегут по коже земли. Эта открытая рана будет кровоточить, пока не наступит осень и серпы жнецов не снимут богатый урожай. Затем снова пойдет снег, укрыв землю белой повязкой и залечив ее до следующего года. Вся эта долина напоминала старую, больную лошадь.

«Я не должен так думать, — упрекнул себя Элвин. — Я должен радоваться, ведь я снова вижу землю белых поселенцев». Из сотен печных труб, торчащих по всей долине, курился дымок. Проведя в заточении четырех стен целую зиму, на улицу хлынули радостные ребятишки; фермеры,

потея в легких весенних заморозках, исполняли обязанности по дому; из ноздрей и от тяжело вздымающихся боков лошадей и быков валил жаркий пар. Вот он какой, дом. Вот какой Армор, отец и прочие белые поселенцы хотят видеть Воббскую долину. Это и есть цивилизация — одно хозяйство упирается в другое, локти упираются в бока ближнего, земля измерена и поделена, чтобы все знали, что кому принадлежит, кто что использует и кто лезет на чужую территорию.

Проведя целый год среди краснокожих и не видя из бледнолицых никого, кроме Меры и Сказителя, Элвин уже не мог смотреть на долину глазами белого человека. Он смотрел на нее, как краснокожий, и ему казалось, что видит он конец света.

— Что мы здесь делаем? — спросил Элвин Такумсе.

Такумсе ничего не ответил. Уверенным шагом, словно имел на это полное право, он принялся спускаться с холмов в долину белого человека. Элвин не понял его поведения, но, как обычно, последовал за ним.

К величайшему удивлению Элвина, когда они ступили на полувспаханное поле, фермер не заорал на них, чтобы они, мол, топтали землю

где-нибудь в другом месте. Подняв голову, он дружелюбно подмигнул и махнул рукой.

— Привет, Айк! — крикнул он.

Айк?

Такумсе помахал ему в ответ и зашагал дальше.

Элвин чуть не расхохотался. Фермеры, освоившие эту долину, прекрасно знали Такумсе, знали его настолько хорошо, что узнавали издалека! И Такумсе, самого ярого ненавистника бледнолицых во всей лесной стране, называли здесь именем белого человека!

Но Элвин решил подождать с расспросами. Он молча шагал следом за Такумсе, пока тот не пришел туда, куда изначально направлялся.

Этот дом ничем не отличался от остальных, разве что выглядел чуточку подревнее. Большой, с множеством пристроек, беспорядочно окруживших первоначальное строение. Наверное, вон тот уголок дома, под которым виднеется каменный фундамент, и был первой хижиной, построенной здесь. Затем к ней добавилась большая пристройка, так что времянка превратилась в кухню, после чего спереди было добавлено еще одно крыло — оно было уже двухэтажным, с большим чердаком. Впоследствии к хижине пристроили сзади еще

несколько комнат — резные балки, положенные в остов и когда-то сиявшие свежей белизной, уже потемнели и сквозь облупившуюся краску проглядывало серое дерево. В этом доме заключалась вся история долины: сначала лишь бы времянку возвести, чтобы укрыться от дождей, пока корчуешь лес; потом можно добавить комнату или две для удобства; затем достигаешь некоего процветания, рождаются дети, и вот уже возникает нужда в большом двухэтажном особняке. В конце концов в доме живет три поколения одной семьи, и здание разрастается не потому, что хозяин не хочет ударить в грязь лицом перед остальными поселенцами, а затем, чтобы обеспечить местом новых членов семейства.

Таким был тот дом, дом, который впитал в себя долгую повесть о победной войне белого человека против земли.

Такумсе обошел его вокруг и направился к маленькой, потрепанной дверце, что выходила на задний двор. Он даже не постучал — открыв дверь, он шагнул внутрь.

Все это Элвин видел собственными глазами, и впервые он растерялся. По сути дела, он должен был зайти в дом следом за Такумсе, как заходил в глиняные мазанки краснокожих. Но, будучи

бледнолицым, он знал, что нельзя входить в чужой дом вот так, с заднего входа. Надо подойти к передней двери, вежливо постучать и подождать, пока тебя впустят.

Поэтому Элвин так и стоял у задней двери, которую Такумсе, конечно же, даже не позаботился закрыть, — стоял и смотрел, как первые весенние мушки залетают в темный коридор. Он чуточку поежился, вспомнив мать, которая в таких случаях принималась кричать и ругаться, что вот, мол, оставляют двери открытыми, и в комнату набиваются мухи, которые потом жужжат и кусаются по ночам, мешая честному народу спать. Вспомнив об этом, Элвин поступил так, как требовала от детей мать: он вошел в дом и закрыл за собой дверь.

Но дальше идти не посмел, так и замер в темной передней посреди тяжелых накидок, висящих на деревянных колышках, и покрытых толстым слоем грязи башмаков, раскиданных по полу. Все было как-то странно, непривычно. Слишком много месяцев подряд он слышал зеленую песнь леса, но сейчас музыка скрылась вдали, отступив перед весенней какофонией жизни на ферме бледнолицего поселенца, и воцарившаяся тишина оглушала.

— Исаак, — произнес женский голос.

Один из шумов, издаваемых бледнолицыми, внезапно прекратился. И только тогда Элвин понял, что этот шум он слышал ушами, а не чувствами краснокожего человека. Он попытался вспомнить, что же так шумит. Ритмичное постукивание, повторяющееся раз за разом, это… это похоже на ткацкий станок. Он слышал стук ткацкого станка. Должно быть, Такумсе вошел в комнату, где ткала какая-то женщина. И Такумсе вовсе не был чужим в этом доме, поскольку женщина знала его под тем же самым именем, что и тот фермер в полях. Исаак.

— Исаак, — снова повторил женский голос.

— Бекка, — сказал Такумсе.

Самое обычное имя, но почему же сердце Элвина так заколотилось, так застучало? Наверное, потому, что Такумсе произнес это имя голосом, который заставляет людские сердца громко биться. Более того, ломаные гласные того английского, на котором обычно говорят краснокожие, вдруг сгладились, превратившись в чистейшую речь, будто Такумсе всю жизнь прожил в Англии. Теперь его произношение ничем не отличалось от произношения преподобного Троуэра.

Нет, нет, это не Такумсе, это говорит какой-то

другой человек, какой-то бледнолицый фермер, находящийся в одной комнате с той женщиной. Вот ответ на вопрос. И Элвин тихонько двинулся вперед, пробираясь сквозь темную переднюю туда, откуда доносились голоса. Сейчас он увидит, что это не Такумсе, и все разъяснится.

Подойдя к двери, он заглянул в комнату. Такумсе стоял посредине, сжимал руками плечи бледнолицей женщины и не отрываясь глядел ей в глаза, а она смотрела на него. Они не обмолвились ни словом, просто глядели друг на друга. И никакого фермера в комнате не было.

— Мой народ собирается на Гайо, — сказал Такумсе. Голос его звучал все так же странно.

— Знаю, — кивнула женщина. — Это уже появилось на холсте. — Она оглянулась и увидела стоящего на пороге Элвина. — Ты пришел не один.

Таких глаз, как у нее, Элвин в жизни не видел. Он был еще слишком юн, чтобы гоняться за юбками, — он помнил, как его братья, Нет и Нед, едва им стукнуло четырнадцать, словно с цепи посрывались. Поэтому, заглянув ей в глаза, он не ощутил того желания, которое преследует мужчину, видящего красивую женщину. Сейчас он испытал те же чувства, что испытывал, когда

смотрел на пламя, наблюдая за его переливами и игрой. Он не искал в огне смысл, лишь созерцал его переменчивость. То же самое он увидел сейчас. Она словно явилась свидетельницей всему происходящему на Земле, и события те, запечатлевшись внутри ее глаз, теперь кипели там, но никому не дано извлечь эти видения оттуда и рассказать о них.

Вспомнив, как Такумсе внезапно превратился в белого человека, Элвин напугался, подумав, что эта женщина обладает каким-то неведомым, могущественным колдовством.

— Меня зовут Бекка, — представилась женщина.

— А его — Элвин, — сказал Такумсе. Хотя нет, не Такумсе, Исаак, потому что этот голос больше не принадлежал Такумсе. — Он сын мельника из Воббской долины.

— Он — та ниточка, которая не согласуется с остальным рисунком холста. — Она улыбнулась Элвину. — Ну, заходи, я хочу наконец увидеть легендарного Мальчика-Ренегата.

— Кого? — не понял Элвин. — Какого гада?

— Мальчика-Ренегата. Вы что, не знаете? Аппалачи слухами полнятся. Народ только и говорит о Такумсе, который сегодня появляется в верхо-

вьях Ошконсин, а завтра уже сидит в деревне на берегах Язу, призывая краснокожих к убийствам и насилию. И везде его сопровождает бледнолицый мальчик, который толкает краснокожих на страшные жестокости, который учит их тайным пыткам, практиковавшимся когда-то папской инквизицией в Испании и Италии.

— Это все не так, — возразил Элвин.

Она улыбнулась. Вновь в ее глазах затанцевали огоньки.

— Меня, наверное, очень ненавидят, — сказал Элвин. — А ведь я даже не знаю, что такое инкивзиция.

— Инквизиция, — поправил Исаак.

Элвин ощутил, как сердце его холодными щупальцами сжал страх. Если о нем рассказывают такие истории, его, должно быть, считают преступником, чудовищем в человеческом облике.

— Но я только следую за…

— Я знаю, что ты делаешь и почему, — перебила Бекка. — Мы здесь хорошо знаем Исаака, поэтому не верим всяким лживым сплетням о вас двоих.

Но Элвину не было дела до того, чему верят и чему не верят «здесь». Его больше интересовало, что думают у него дома, в Воббской долине.

— Не беспокойся, — успокоила Бекка. — Никто

не знает, кто этот бледнолицый мальчик. Уж конечно, не один из двух Невинных, которых Такумсе разрезал в лесу на кусочки. Конечно, это не Элвин и не Мера. Кстати, который из двоих ты?

— Элвин, — сказал Исаак.

— А, ну да, — кивнула Бекка. — Ты ведь уже представил его мне. Мне что-то очень сложно стало запоминать людские имена.

— Такумсе никого не резал на кусочки.

— Как ты можешь догадываться, Элвин, этому слуху мы тоже не поверили.

— А-а…

Элвин не знал, что сказать, а поскольку он долгое время провел среди краснокожих, он поступил так, как обычно поступают краснокожие, когда им нечего сказать. Белый человек почему-то очень редко додумывается до подобного выхода из положения. Элвин просто промолчал.

— Хлеба и сыра? — спросила Бекка.

— С удовольствием. Спасибо тебе большое, — ответил Исаак.

Весь мир летит вверх тормашками. Такумсе благодарит, как истинный джентльмен. Конечно, среди своего народа он считался благородным, честным человеком. Но на языке бледнолицых он всегда изъяснялся скупо и очень холодно. До

сегодняшнего дня. Колдовство.

Бекка позвонила в маленький колокольчик.

— Еда очень проста, но здесь, в этом доме, мы живем незамысловато. И тем более я, в этой комнате. Впрочем, дом у нас действительно незамысловат.

Элвин огляделся вокруг. Она была абсолютно права. Он только сейчас понял, что эта комната была той самой первой хижиной-времянкой. Через единственное незаколоченное окно лился неяркий южный свет, стены были сложены из грубых старых бревен. Неожиданно Элвин заметил, что все вокруг покрывает холст — свисает с крюков, громоздится на мебели, лежит свернутым в рулоны. На этом необычном холсте смешивались всевозможные краски, но цвета не образовывали никакого рисунка, они лишь перетекали один в другой, меняя оттенки — широкий ручей голубизны сменялся потеками зелени, впуская в себя другие краски, переплетаясь и расходясь в стороны.

В комнату, откликнувшись на зов колокольчика Бекки, вошел, судя по голосу, какой-то пожилой мужчина; она послала его за едой, но Элвин даже не оглянулся, чтобы посмотреть, кто к ним заходил, — его полностью поглотил странный холст.

Зачем столько ткани? Кому могла понадобиться такая яркая, нелепая мешанина красок?

И где этот холст заканчивается?

Он пробрался в угол, где стояло не меньше дюжины рулонов холста, и понял, что все рулоны — это по сути дела один кусок ткани. Когда рулон получался слишком большим, ткань не обрезали, а просто отступали немного, складывали и начинали новый кусок, который потом перетекал в центр следующего, и так далее. На самом деле холст был единым, и ни разу ножницы не касались его, чтобы разъединить ткань. Элвин принялся ходить по комнате, пальцами водя по холсту и следуя течению ткани, свисающей с вбитых в стену крюков и складками громоздящейся на полу. Он шел, шел, пока наконец, как раз в тот самый момент, когда в комнату вернулся старик, принесший хлеб и сыр, не нашел конец холста. Холст привел Элвина прямо к ткацкому станку Бекки.

Все это время Такумсе разговаривал с Беккой — тем же странным, принадлежащим Исааку голосом, — а она отвечала ему. В глубокие мелодичные нотки ее речи вкрадывался какой-то легкий чужеродный акцент. Она говорила как некоторые голландцы, которые обосновались в

окрестностях Церкви Вигора и которые прожили в Америке всю жизнь, но сохранили в речи музыку своей родины. Добравшись наконец до ткацкого станка и оглянувшись на низенький столик с тремя стульями вокруг, Элвин прислушался к тому, о чем говорят Такумсе и Бекка. Да и то разговор его привлек только потому, что ему страшно захотелось узнать, зачем могло понадобиться такое количество холста, ведь он такой длинный, она, наверное, ткала его больше года, и тем не менее ножницы ни разу не коснулись ткани, чтобы использовать холст в хозяйстве. Увидев столько холста, мама наверняка назвала бы это «зряшней тратой», поскольку ткань валялась здесь абсолютно ненужная. Такой же «зряшней тратой» она называла голосок Дэлли Фрэймер, которому позавидовала бы любая певица, а Дэлли пела целыми днями дома и ни разу не спела ни одного псалма в церкви.

— Ешь, — приказал Такумсе.

Обращенная к Элвину его речь мигом утеряла английские нотки, и Такумсе вновь стал самим собой. Это сразу успокоило Элвина, поскольку он понял, что колдовство здесь ни при чем — просто Такумсе может изъясняться и так, и так. Но одновременно это породило еще больше вопро-

сов, например, где Такумсе научился настолько чисто говорить по-английски. Элвин слыхом не слыхивал, что у Такумсе среди бледнолицых есть какие-то друзья в Аппалачах, а такая сплетня мигом бы распространилась. Хотя нетрудно догадаться, почему Такумсе не хотел, чтобы о его знакомствах пошла молва. Что бы подумали поднятые им краснокожие, если бы увидели сейчас своего вождя? Что бы тогда стало с войной, затеянной Такумсе?

Но если хорошенько поразмыслить, то зачем Такумсе разжигать войну, если у него среди бледнолицых этой долины множество хороших друзей? Земля здесь мертва, любой краснокожий увидит это. Но как с этим мирится Такумсе? Эта земля разбудила такой голод внутри Элвина, что, даже набив свой живот до отказа сыром и хлебом, он по-прежнему ощущал внутри какое-то сосущее чувство — ему хотелось вернуться в леса и снова услышать песнь земли.

За едой Бекка рассказывала о событиях, происшедших в долине, называла имена, которые ничего не значили для Элвина, разве что любое из них точно так же могло принадлежать какому-нибудь поселенцу из Церкви Вигора. Здесь даже жила одна семья по фамилии Миллер. И это

было неудивительно — в такой большой долине, в которой наверняка множество полей, пшеницы хватит, чтобы загрузить работой не одного, а даже нескольких мельников.

Старик вернулся, чтобы убрать со стола.

— Ты пришел взглянуть на мой холст? — спросила Бекка.

Такумсе кивнул:

— И за этим тоже.

Бекка улыбнулась и подвела его к ткацкому станку. Присев на невысокую табуретку, она подняла с пола недавно сотканный холст.

— Вот, — сказала она, отыскав место на ткани ярдах в трех от валиков станка. — Это твой народ собирается в Граде Пророка.

Она провела рукой по скоплению нитей, которые резко сворачивали в сторону и, пройдя через весь холст, собирались у самого края.

— Краснокожие всех племен, — произнесла она. — Самые сильные представители твоего народа.

Зеленоватого оттенка нити были толще остальных волокон. Бекка немножко приспустила ткань на пол. Пятно собравшихся воедино нитей постепенно приобрело очертания, став ярко-зеленого цвета. Разве могут нити так резко менять цвет?

Что же это за станок такой, который может изменять оттенок холста по желанию мастерицы?

— А вот это бледнолицые, выступившие против Града Пророка, — продолжала объяснять Бекка, проведя рукой по другому скоплению нитей, узловатых и неровных.

В этом месте холст бугрился перепутанными узлами — вряд ли кто наденет рубаху, сшитую из такой материи, — а цвета беспорядочно сменяли один другой, не создавая даже видимости рисунка.

Такумсе взял из рук Бекки ткань и потянул на себя. Он тянул ее, пока не добрался до места, где ярко-зеленые нити вдруг истончались и обрывались, лишь немногие из них продолжали бежать по холсту дальше. Здесь материя была усеяна маленькими дырочками, поскольку из десяти нитей уцелела лишь одна. Этот кусок ткани весьма походил на сношенный, вытертый локоть старой рубахи — согнешь руку и увидишь сквозь материю кожу, по которой бежит дюжина истертых ниточек.

Если зеленые нити означают Град Пророка, стало быть, это…

— Типпи-Каноэ, — прошептал Элвин.

Теперь он понял, что обозначает лежащий пе-

ред ним холст.

Бекка склонилась над тканью, и слезы закапали из ее глаз.

Такумсе, ни жестом не выдавший обуревавших его чувств, снова потянул холст. Немногочисленные ниточки, уцелевшие в бойне на Типпи-Каноэ, свернули в сторону, подошли к краю холста, где и оборвались. Материя, лишившись множества нитей, стала заметно уже. Однако неподалеку уже виднелось еще одно скопление волокон, только на этот раз зеленого цвета не было и в помине. Все нити, собравшиеся в том месте, были жгуче-черного цвета.

— Они черны от ненависти, — сказала Бекка. — Ты пользуешься ненавистью, чтобы сплотить свой народ.

— А ты считаешь, войной правит любовь? — в ответ спросил Такумсе.

— В таком случае зачем вообще вести войны? — пожала плечами Бекка.

— Твои слова сейчас — слова белой женщины, — сказал Такумсе.

— Но ведь кожа ее белого цвета, значит, и она белая, — удивился Элвин, посчитавший, что Бекка абсолютно права насчет войн.

Такумсе и Бекка разом взглянули на Элвина,

в глазах вождя застыло равнодушие, тогда как Бекка посмотрела на него с… любопытством? С жалостью? Затем, не произнеся ни слова, мужчина и женщина вернулись к изучению раскинувшегося перед ними холста.

Вскоре они добрались до места, где ткань скрывалась в недрах ткацкого станка. Черные нити армии Такумсе сходились все ближе и ближе, бугрились узлами, переплетались. Тогда как другие нити, некоторые — голубого цвета, некоторые — желтого, другие — мрачно-черного, собрались с другого края холста. Ткань пошла волнами, становясь то плотнее, то тоньше. Но даже в самых плотных местах она выглядела как-то… ненадежно. Словно материя дала слабину.

— М-да, — заметил Элвин, — если такой холст пойдет и дальше, немного от него будет проку.

— Истинная правда, истиннее быть не может, малыш, — мрачно усмехнулась Бекка.

— Если на одном этом куске запечатлелась история целого года, — сказал Элвин, — то в этой комнате холста, наверное, лет на двести.

Бекка тихонько кивнула:

— Больше.

— Тогда, чтобы ткать такой холст, вы должны знать все-все, что происходит. Откуда?

— Ах, Элвин, если бы все можно было объяснить! Я просто исполняю свою работу — и все.

— Но если вы поменяете местами нити, значит, и вся история пойдет по-другому? — уточнил Элвин.

Он подумал было, а что, если немножко развести черные нити друг от друга, сделать холст более однотонным…

— Ничего не получится, — покачала головой она. — Это не я управляю событиями, сидя в этой комнате. Наоборот, то, что происходит, изменяет меня. Здесь ничего не поделаешь, Элвин.

— Но ведь белые поселенцы появились в этой части Америки не двести лет назад, а много позже. А вы сказали, что холста здесь больше чем на двести лет…

Бекка вздохнула и поглядела на Такумсе:

— Исаак, ты привел его сюда, чтобы он замучил меня вопросами?

Такумсе лишь хитро улыбнулся.

— А ты никому не скажешь? — снова повернулась Бекка к Элвину. — Обещаешь держать в тайне, кто я и чем занимаюсь?

— Обещаю."

— Я тку, Элвин. Вот и все. Вся моя семья, сколько мы себя помним, занималась ткацким ремеслом.

— Так вас зовут, да? Бекка Уивер, Бекка Ткачиха? Знаете, муж моей сестры, Армор, его отец тоже был Ткачом, Уивером, и…

— Нас ткачами никто не зовет, — перебила его Бекка. — А если нас и называют, то обращаются к нам, как к… нет[23].

Она не хотела говорить ему.

— Нет, Элвин, я не могу возложить на твои плечи такую ношу. Потому что тебе захочется вернуться. Вернуться и посмотреть.

— Посмотреть на что? — не понял Элвин.

— Ты станешь как Исаак. Не надо было ему говорить…

— Но он крепко хранит твою тайну. Даже словом никому не обмолвился.

— Но для него это уже не тайна. И он продолжает приходить, чтобы посмотреть.

— Посмотреть на что? — снова спросил Элвин.

— Посмотреть, сколько еще нити осталось в моем станке.

Элвин обратил внимание на заднюю часть ткацкого станка, откуда выходили нити. Самое

---

[23] Примечания: 23

поскольку Бекка, по сюжету, жила в Голландии, очевидно, Орсон Скотт Кард выводит под ее личностью одну из норн, скандинавских богинь судьбы, хотя на самом деле ей ближе греческий прототип богини судьбы — мойры Клото («прядущая»)

интересное, все они были чисто-белого цвета. Хлопок? Не шерсть точно. Может быть, лен. Заглядевшись на краски холста, он даже не заметил, из чего тот соткан.

— А как вы красите нити? — поинтересовался Элвин.

Но ответа не последовало.

— Некоторые нити ослабли.

— А некоторые закончились, — вступил в разговор Такумсе.

— Многие закончились, — подтвердила Бекка. — И многие только начались. Таков ход жизни.

— Что ты видишь, Элвин? — обратился к мальчику Такумсе.

— Раз эти черные нити означают твой народ, — сказал Элвин, — стало быть, как мне кажется, надвигается битва, в которой погибнет множество людей. Но не столько, сколько было убито на Типпи-Каноэ. Такого больше не повторится.

— Это я и сам вижу, — кивнул Такумсе.

— А что вот это за цвета? Это войска белых поселенцев?

— Говорят, человек по имени Эндрю Джексон с Теннизи собирает армию. Его еще кличут Гикори.

— Я знаком с ним, — усмехнулся Такумсе. — В седле он держится неважно.

— Он делает с бледнолицыми то же, что ты делаешь с краснокожими, Исаак. Он объезжает всю страну, поднимая народ, болтая о Краснокожей Угрозе. Это он тебя, Исаак, так называет. И на каждого краснокожего, что ты привлекаешь в свои ряды, он отвечает двумя рекрутами из белых поселенцев. Он считает, что ты пойдешь на север, чтобы воссоединиться с французской армией. Ему известны все твои планы.

— Ничего ему не известно, — поморщился Такумсе. — Элвин, скажи, скольким нитям из армии бледнолицых суждено оборваться?

— Многим. Я точно не знаю. Ваши войска потеряют примерно поровну.

— Это мне ни о чем не говорит.

— Это говорит о том, что ты получишь свою битву, — возразила Бекка. — Это говорит о том, что, благодаря тебе, в мире прольется больше крови, прибавится еще страданий.

— Но о победе — ничего, — промолвил Такумсе.

— Как всегда.

Элвин подумал, а что будет, если к концу истончившейся, закончившейся ниточки привязать

новую и спасти чью-нибудь жизнь. Он поискал глазами катушки, от которых отходили нити, но ничего не обнаружил. Туго натянутые нити, как будто на них висело нечто очень тяжелое, скрывались позади ткацкого станка. Но пола они не касались. Но и не обрывались. Элвин приподнялся на цыпочки — нет ни катушек, ни мотков. Он заглянул еще дальше и увидел пустоту — нити исчезли. Они появлялись из ниоткуда, и обычным человеческим глазом было не разглядеть, где и как они начинаются.

Но Элвин умел смотреть и другими глазами, своим внутренним зрением, при помощи которого он проникал в крошечные клетки человеческого тела и холодные внутренние течения камня. Он вгляделся в одну из нитей и проник внутрь нее — проследил ее форму, увидел, как сплетаются волокна, цепляясь друг за друга, чтобы создать единое целое. Теперь ему оставалось лишь следовать по этой ниточке. Что он и сделал. Она увела его за собой далеко в пустоту и наконец закончилась — если посмотреть обыкновенным глазом, она исчезала гораздо раньше. Но какую бы душу эта нить ни означала, человека, которого она представляла, впереди ждала долгая, хорошая жизнь, прежде чем придет время его

смерти.

Всем нитям был конец, который наступал со смертью человека. Когда же рождался ребенок, на свет каким-то образом появлялась новая нить. Еще одна нить, возникающая из ниоткуда.

— И это будет продолжаться бесконечно, — вновь заговорила Бекка. — Я постарею и умру, но холст и дальше будет ткаться.

— А вы свою нить нашли?

— Нет, — ответила она. — Я и не хочу ее искать.

— А я бы посмотрел на свою. Очень хочется узнать, сколько лет мне еще осталось.

— Много, — вдруг сказал Такумсе. — Или мало. Куда важнее, как ты распорядишься оставшимися годами.

— Но не менее важно, сколько именно я проживу, — возразил Элвин. — И не спорь, потому что ты сам считаешь также.

Бекка рассмеялась.

— Мисс Бекка, — повернулся Элвин, — а зачем тогда вы ткете, раз не можете влиять на ход вещей?

Она пожала плечами:

— Это работа. У каждого своя работа, и мое дело — ткать.

— Вы могли бы выйти отсюда и начать ткать для людей — одежду, например.

— Чтобы ее носили и снашивали, — улыбнулась она. — Нет, Элвин, я не могу выйти отсюда.

— Вы хотите сказать, что должны все время сидеть здесь?

— Да, я все свое время провожу здесь, — подтвердила она. — В этой комнате, за своим станком.

— Однажды я умолял тебя пойти со мной, — сказал Исаак.

— А я однажды умоляла тебя остаться, — улыбнулась она ему.

— Я не могу провести жизнь там, где земля мертва.

— А я не могу ни на мгновение оторваться от своего холста. В тебе живет земля, Исаак, а во мне — души людей Америки. Но я по-прежнему люблю тебя. Даже сейчас.

Элвин почувствовал, что он здесь лишний. Они словно забыли о его присутствии в комнате, хотя он только что разговаривал с ними. Наконец до него дошло, что Такумсе и Бекка, может быть, хотят побыть наедине. Поэтому он отошел в сторонку и снова принялся рассматривать холст. На этот раз он решил найти его другой конец. Элвин глазами проследил, куда ведет холст, — осмотрел

стены, куски, свешивающиеся с крюков, рулоны.

Но другого конца материи так и не нашел. Скорее всего он где-то что-то просмотрел, запутался, потому что вскоре ткань привела его обратно к станку. Но он не сдавался. Изменив направление, он снова стал отслеживать, куда идет ткань, но очень скоро опять вернулся на прежнее место. Как некоторое время назад он не смог отыскать, откуда берутся новые нити, точно так же сейчас Элвин не мог понять, куда подевалось начало холста.

Он снова повернулся к Такумсе и Бекке. О чем бы они там ни шептались, разговор их явно подошел к концу. Такумсе, склонив голову, сидел со скрещенными ногами на полу. Бекка нежно гладила его по волосам.

— Судя по всему, этот холст старше самого дома, — сказал Элвин.

Бекка не ответила.

— Его, наверное, ткали всегда.

— Этот холст ткут с тех самых пор, как люди научились ткать.

— Но не на этом станке. Он-то почти новый, — подметил Элвин.

— Время от времени станки меняются. Вокруг старого строится новый. Этим занимаются наши

мужчины.

— Похоже, этот холст даже старше первых поселений в Америке, — произнес Элвин.

— Когда-то он был частью большего холста. Но однажды, мы тогда еще жили на нашей родине, мы увидели, что целая группа нитей сворачивает в сторону и движется к краю ткани. Мой прапрапрапрапрапрадедушка построил новый ткацкий станок. Нужные нити у нас уже были. Они отошли от старого холста, и с того самого места мы продолжили ткать. Ты и сам можешь заметить, что наш холст по-прежнему соединен со своим прародителем.

— Только он находится здесь.

— Он одновременно и здесь, и там. Не пытайся понять это, Элвин. Я давным-давно отчаялась разобраться. Но разве не здорово знать, что все жизненные нити сплетаются в один огромный холст?

— А кто будет ткать холст для краснокожих, которые ушли с Тенскватавой? — спросил Элвин. — Их нити свернули в сторону и исчезли с ткани.

— Это уже не твое дело, — пожурила Бекка. — Скажем так, был построен еще один станок, который увезли на запад.

— Но Такумсе сказал, что больше ни один бледнолицый не пересечет реку, направляясь на запад. И то же самое сказал Пророк.

Такумсе медленно повернулся. Теперь он, сидя на полу, смотрел на Элвина.

— Элвин, — сказал он, — ты всего лишь маленький мальчик.

— А я была всего лишь маленькой девочкой, — напомнила ему Бекка, — когда полюбила тебя. — Она обернулась на Элвина. — Станок на запад повезла моя дочь. Ей было позволено идти туда, потому что она белая только наполовину. — Бекка снова взъерошила волосы Такумсе. — Исаак — мой муж. Моя дочь Виза — его дочь.

— Манатава, — произнес Такумсе.

— Некоторое время я считала, что Исаак предпочтет остаться здесь и жить с нами. Но когда я увидела, что его нить движется в сторону от наших, хотя его тело остается по-прежнему рядом, то поняла, что он уйдет к своему народу. Я поняла, почему он пришел к нам, пришел один, из лесной чащи. Его гнала жажда, жажда куда большая, нежели та, которую испытывает краснокожий, жаждущий песни живого леса, куда большая, чем та, которая терзает кузнеца, тянущегося к горячему, расплавленному железу, намного бо-

лее великая, чем та, которая ведет перевертыша к сердцу земли. Эта жажда привела Такумсе в наш дом. В те времена за станком еще сидела моя мать. Я научила Такумсе читать и писать; он перерыл всю библиотеку моего отца и прочел все книги, что смог отыскать в этой долине. Тогда мы заказали новые книги в Филадельфии, и он все прочел. После чего избрал себе имя — имя человека, который написал «Начала»[24]. Когда же мы повзрослели, он женился на мне. Я родила ребенка. Он ушел. Когда Визе исполнилось три годика, он вернулся, построил станок и забрал ее на запад, за горы, к своему народу.

— И вы отпустили собственную дочь?

— Точно так же одна из моих прабабок, сидевшая за старым ткацким станком, отпустила свою дочь за океаны, в эту страну, дав ей в наследство новый станок. Вместе с ней уехал и отец, который должен был заботиться о ней… Да, я отпустила свою дочь. — Бекка печально улыбнулась Элвину. — У всех нас есть своя работа, но у каждой

---

[24] Примечания: 24

под "человеком, написавшим «Начала» подразумевается Исаак Ньютон; «Начала» (полное название — "Математические начала натуральной философии (1687) — один из первых и основных трудов Ньютона, где великий ученый обобщил опыт всех своих предшественников и вывел единую систему земной и небесной механики, легшую в основу всей классической физики

работы есть своя цена. К тому времени, как Исаак забрал нашу дочь, я уже сидела в этой комнате. Все, что случилось, пошло только на благо.

— Вы даже не спросили у него, как живется вашей дочери там, куда он ее забрал! Вы ведь даже не спросили…

— А мне и не нужно спрашивать, — ответила Бекка. — Никто не может причинить зло хранителям станка.

— Но теперь, когда дочь покинула вас, кто займет ваше место?

— Может быть, сюда придет другой муж. Тот, который останется в доме, который сделает новый ткацкий станок для меня и для еще не родившейся дочери.

— А что будет с вами?

— Ты задаешь слишком много вопросов, Элвин, — встрял Такумсе.

Голос вождя звучал мягко и устало, но Элвин не страшился того Такумсе, который читал книги белого человека, поэтому не обратил внимания на этот упрек.

— Что случится с вами, когда ваше место займет дочь?

— Не знаю, — ответила Бекка. — Говорят, мы отправляемся туда, откуда появляются нити.

— А там что?

— Там мы прядем.

Элвин попытался представить мать Бекки, ее бабушку, всех ее праматерей; он попытался представить, сколько их может быть. Все эти женщины сидели за прялками и сучили отходящие от веретена чисто-белые нити, которые уходили в никуда, некоторое время тянулись, после чего внезапно обрывались. Может быть, когда нитка обрывалась, вся человеческая жизнь оставалась в руках пряхи, и тогда женщина подбрасывала ее в воздух, отдавая на волю игривому ветерку, который приносил ее в чей-то ткацкий станок. Полетав немного, жизнь вплеталась в холст человечества; появившись на свет — никто не знает когда и где, — она борется за свое место в холсте и вскоре находит желаемое, вплетаясь в великое полотно.

Представив все это, Элвин немножко разобрался, что за холст лежит перед ним. Он понял, что чем плотнее переплетаются в нем нити, тем толще, тем надежнее становится полотно. Те нити, которые шли по поверхности, лишь изредка ныряя в недра ткани, не добавляли холсту силы. Они давали только краски. Тогда как другие ниточки, чей цвет был практически незаметен, шли

внутри полотна, скрепляя, связывая все воедино. В этих связующих ниточках крылось истинное добро. Какой-нибудь тихий, незаметный человечек сплетал целую жизнь деревни, поселка или города, соединяя людей друг с другом. С этого момента, заметив такого человека, Элвин будет внутренне склоняться перед ним, почитать его в своем сердце, потому что сегодня он узнал, что именно благодаря таким людям холст не рвется и не распадается на отдельные лоскуты.

Он вспомнил, сколько нитей обрывается там, где должна будет разразиться битва Такумсе. Такумсе словно ножницами разрезал громадное полотно.

— Неужели нельзя как-то все исправить? — спросил Элвин. — Неужели нельзя сделать так, чтобы грядущее сражение не случилось, чтобы нити не оборвались?

Бекка покачала головой:

— Даже если Исаак не явится на поле боя, битва начнется без него. Нет, нити обрывает не Исаак. Они обрываются в тот момент, когда краснокожий избирает путь, который приведет его к неминуемой гибели. Смерть сеете не вы с Исааком. И Эндрю Джексона нельзя назвать ответственным за смерти людей. Вы лишь предо-

ставляете выбор. Вовсе не обязательно верить вам. Вовсе не обязательно выбирать смерть.

— Но эти люди не знали, что выбирают.

— Знали, — возразила Бекка. — Мы всегда осознаем свой выбор. Может быть, себе в этом не признаемся, пока не взглянем смерти в глаза, но в этот момент, Элвин, перед нами предстает вся жизнь. И тут мы понимаем, как выбирали, как каждый день в жизни делали какой-то выбор. Мы понимаем природу смерти.

— Ну а если камень какой-нибудь вдруг падает человеку на голову и тот погибает?

— Это означает, что человек сам избрал оказаться в таком месте, где может произойти нечто подобное. И не посмотрел наверх.

— Не верю я этому, — нахмурился Элвин. — По-моему, люди всегда могут изменить то, что ждет их в будущем, и мне кажется, иногда случается такое, чего никто не ждал и не выбирал.

Улыбнувшись, Бекка протянула к нему руки.

— Иди сюда, Элвин. Дай я прижму тебя к себе. Мне по душе твоя простая вера, дитя. Я тоже хочу приобщиться к ней, пусть даже не могу поверить в это.

Она задержала его в своих объятьях, ее руки, обвившие его, напомнили руки мамы, сильные

и мягкие. Элвин даже немножко всплакнул. По правде говоря, даже не немножко, хотя он вообще не собирался плакать, разве что совсем чуть-чуть. И он не стал просить посмотреть на собственную нить, хотя знал, что найти ее будет нетрудно — она должна была появиться там, где сосредоточились нити белого человека, а потом свернуть и стать зеленой. Стать ярко-зеленого цвета — такого же цвета были нити людей Пророка.

Было еще одно, в чем он был твердо уверен, уверен так твердо, что даже не стал спрашивать, хотя, видит Бог, он не стеснялся задавать вопросы, которые лезли к нему в голову. Он не сомневался, что Бекка знает, какая ниточка в холсте принадлежит Такумсе, и видела, что ниточки Элвина и Такумсе крепко сплелись друг с другом — по крайней мере на время. Пока Элвин будет сопровождать его, Такумсе будет жить. Элвин понимал, что у пророчества имеются два возможных исхода: в первом случае Элвин может погибнуть раньше вождя, тогда Такумсе лишится его поддержки и тоже погибнет; или же никто из них не умрет, и их нити будут тянуться и тянуться, пока не оборвутся сами собой. Правда, был и третий возможный исход: Элвин может взять и бросить Такумсе. Но тогда он уже не будет

Элвином, а следовательно, даже обсуждать такой вариант не стоит, потому что он невозможен.

Ночь Элвин провел на матрасе, расстеленном на полу библиотеки, заснув над книжкой, написанной неким Адамом Смитом. Где спал Такумсе, Элвин не знал, да и спрашивать об этом ему что-то не хотелось. Не детское это дело, что там происходит между мужем и женой. Однако интересно, что именно привело сюда Такумсе — желание взглянуть на холст или та жажда, о которой упоминала Бекка? А может быть, он помнил о том, что Бекке нужна вторая дочь, которая приглядит за ее станком? Во всяком случае, как показалось Элвину, оставить холст покоренной белым человеком Америки на попечение дочери краснокожего — не такая уж дурная идея.

Утром Такумсе увел его из долины обратно в леса. Они больше не говорили ни о Бекке, ни об остальном; снова все пошло по-старому, снова Такумсе обращался к Элвину, лишь когда возникала необходимость. Элвин больше ни разу не услышал голоса Исаака, поэтому вскоре даже начал сомневаться, а не привиделось ли ему все случившееся.

На северном берегу Гайо, неподалеку от места, где вливается в него Воббская река, собралась

армия краснокожих. Элвин и не подозревал, что во всем мире столько краснокожих. Элвин вообще никогда не видел, чтобы столько людей собиралось в одном месте.

Поскольку такому количеству народа необходимо было чем-то кормиться, следом за краснокожими пришли животные, которые чувствовали их нужду и исполняли данный им от рождения долг. Понимал ли лес, что топоры бледнолицых может отвратить лишь победа Такумсе?

«Вряд ли, — решил Элвин, — лес исполнял то, что исполнял всегда, — вскармливал своих питомцев».

В то утро, когда армия снялась с берегов Гайо и направилась на север, шел дождь и дул холодный ветер. Но что непогода краснокожему? От французов, из Детройта, прибыл гонец. Настало время объединить силы и заманить в ловушку стоящие на севере войска Эндрю Джексона.

Глава 18
ДЕТРОЙТ

Пришел момент славы Фредерика, графа де Морепа. Столько лет он провел в аду Детройта, столько времени он находился вдали прелестей Парижа, но наконец-то он нашел вдохновение вовне, а не в самом себе, как это было раньше. Надвигалась война, форт весь кипел, язычники-краснокожие повылезали из диких лесных закоулков, и вскоре французы под командованием де Морепа наголову разобьют американскую армию оборванцев, закрепившуюся в северных истоках реки Моми и возглавляемую Орешником. Или Ивой? В общем, каким-то там деревом.

Разумеется, где-то внутри он был несколько обеспокоен надвигающимся вихрем перемен. Фредерик не относился к активному типу людей, а сейчас его окружала такая суматоха, что он с трудом поспевал за происходящим. Не раз он про себя возмущался тем, что Наполеон позволяет дикарям пользоваться практикой нападений из засады. Европейцам, даже варварам-американцам, не следует дозволять краснокожим

прибегать к их звериным, сверхъестественным способностями прятаться в лесах — это нечестно. Хотя неважно. Наполеон не сомневался, что засады сделают свое дело. Да и что могло сорваться? Все шло именно так, как предсказывал Наполеон. Даже губернатор Лафайет, этот предатель, песфельян, выказывает необычный энтузиазм по поводу предстоящей битвы. Даже послал им на помощь еще одно судно с войсками — каких-то десять минут назад оно вошло в залив.

— Милорд…

В кабинет вошел… как там его зовут?… в общем, слуга, который отвечает за вечерний распорядок дня. Мало того что он побеспокоил Фредерика, так он еще осмеливается докладывать, что кто-то там прибыл.

— Кто?

Да, кто посмел беспокоить его в столь неурочный час?

— Посланец от губернатора.

— Впусти, — кивнул Фредерик.

Он был слишком доволен собой, чтобы позволить какому-то там слуге испортить ему настроение. Да и вечер уже — в столь поздний час можно не притворяться, будто донельзя загружен работой. Как-никак четыре часа пробило!

Вошел человек в ладно скроенном мундире. Офицеришка средней руки, майор. По идее, Фредерик должен помнить его имя, но помнить имена всяких сошек… У этого офицера даже брата с титулом не было. Поэтому Фредерик молча ждал, решив не приветствовать вошедшего.

Майор держал в руке два письма. Шагнув к столу Фредерика, он положил одно из них перед графом.

— Другое тоже предназначается мне?

— Да, сир. Но у меня имеется специальное распоряжение от губернатора. Сначала я должен вручить вам первое послание, подождать, пока в моем присутствии вы его прочтете, а затем уж решить, передавать вам второе письмо или нет.

— Специальное распоряжение губернатора! Я что, теперь должен читать его письма строго по порядку?

— Второе письмо адресовано не вам, милорд, — объяснил майор. — Следовательно, не вы его получатель. Но мне кажется, вы не откажетесь взглянуть на него.

— А что, если я, страшно устав от сегодняшней работы, решу прочесть письмо завтра?

— На этот случай у меня имеется третье письмо, содержание которого я оглашу перед вашими сол-

датами, если в течение следующих пяти минут вы не прочтете то послание, что я вам только что передал. Согласно последнему письму и приказу губернатора, вы освобождаетесь от командования фортом Детройт и на ваше место заступаю я.

— Неслыханная наглость! Да как вы смеете подобным образом разговаривать со мной!

— Я всего лишь повторяю слова губернатора, милорд. Умоляю, прочтите письмо. Вреда оно не причинит, зато, если вы отложите его в сторону, последствия могут быть непредсказуемы, катастрофичны.

Несносный тип. Да за кого губернатор себя держит?! Ну за маркиза, естественно. Но если король относится к Лафайету куда менее благосклонно, чем к…

— Пять минут, милорд.

Бурля от негодования, Фредерик вскрыл пакет. Конверт был тяжелым, и, когда граф распечатал его, на столешницу, громко звякнув, вывалился металлический амулет на цепочке.

— Это еще что?

— Письмо, милорд.

Фредерик быстро пробежал глазами строчки.

— Амулет! Святой! Что мне с ним делать? Лафайет что, ударился во всякие верования?

Но, несмотря на браваду, Фредерик изначально знал, что все равно наденет амулет. Оберег против Сатаны! Он слышал о подобных вещичках, им цены нет, поскольку каждый такой амулетик осенен касанием самой Божьей Матери и силой обладает неимоверной. Может, и этот из таких? Фредерик взял цепочку и повесил амулет на шею.

— Под рубашку, — сказал майор.

Пару секунд Фредерик ошеломленно глядел на офицера, но потом наконец понял, чего тот добивается, и спрятал амулет за ворот рубашки, скрывая вещичку от посторонних глаз.

— Ну вот, — развел он руками. — Я надел ваш амулет.

— Прекрасно, милорд, — ответил майор и протянул Фредерику второе письмо.

Это послание не было запечатано, вернее, было, но некоторое время назад, в прошлом. С изумлением Фредерик узнал большую печать Его Величества, выдавленную на воске. Письмо предназначалось маркизу де Лафайету. И содержало в себе приказ немедленно поместить Наполеона Бонапарта под стражу и в наручниках сопроводить в Париж, где тот должен предстать перед судом по обвинению в предательстве, наруше-

нии присяги, призывах к мятежу и должностных преступлениях.

— Неужели вы считаете, ваши мольбы тронут меня? — поинтересовался де Морепа.

— Я премного надеюсь, что справедливость приведенных мной аргументов заставит вас изменить принятое решение, — сказал Наполеон. — Завтра состоится битва. Такумсе ждет моих приказов; я один могу с умом использовать возможности французской армии в данных условиях.

— Вы один? А вы, оказывается, тщеславны! С чего это вы взяли, что вы один способны командовать армией, что только вы все видите и знаете?

— Милорд, вы неправильно меня поняли, конечно, вы способны оценить существующее положение куда лучше меня. Но пока вы будете заняты общей перспективой боя, я бы…

— Не сотрясайте зря воздух, — оборвал его де Морепа. — Меня вы больше не обманете. Ваше колдовство, ваше сатанинское обаяние больше не действует на меня. Я сильнее, чем вы думали. Мне даны скрытые силы!

— Слава Богу, что эти скрытые силы у вас все-таки имеются. Поскольку в глазах общественности вы полный идиот, — заявил Наполеон. — То по-

ражение, что вы без меня потерпите, принесет вам славу величайшего глупца за всю историю французской армии. Каждый раз, когда человек по собственной глупости будет навлекать на себя неприятности, над ним будут смеяться и говорить, что он «свалял Морепа».

— Довольно, — приказал де Морепа. — Предательство, призывы к мятежу, должностные преступления и, если этого вам мало, неподчинение приказам. Думаю, месье Гильотину будет о чем перемолвиться с вами, мой тщеславный, задиристый петушок. Давайте попробуйте остроту своих шпор на Его Величестве, посмотрим, насколько глубокую могилку вам выроют, после того как ваша голова распрощается с туловищем.

Предательство обнаружилось только утром. Все началось, когда интендант французской армии отказался выдавать порох воинам Такумсе.

— У меня есть на то приказ, — мотивировал он.

Когда же Такумсе попытался встретиться с Наполеоном, его высмеяли.

— Он не встретится с тобой ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Никогда, — сказали ему.

— А как насчет Морепа?

— Он граф. Он не ведет переговоров с дикарями. В отличие от малыша Наполеона, его зверье не привлекает.

Тогда-то Элвин и обратил внимание, что все французы, с которыми им пришлось сегодня общаться, в свое время были смещены Наполеоном с постов, тогда как тех офицеров, которым Наполеон всецело доверял, нигде не видно. Наполеон пал.

— Пользуйтесь луками и стрелами, — посоветовал офицер. — Во всяком случае, с ними твои люди умеют обращаться. А из ружей вы скорее друг друга перестреляете, чем во врага попадете.

Разведчики Такумсе доложили, что американские войска достигнут поля сражения в полдень. Такумсе немедленно двинулся навстречу, чтобы занять позиции загодя. Но теперь находящаяся в пределах досягаемости вражеских мушкетов армия краснокожих могла только раздразнить войска Гикори. Вместо того чтобы встретить американцев стеной ружейного огня, краснокожие вынуждены были отвечать на мушкетные выстрелы жалкими укусами стрел. А поскольку лучникам, чтобы лучше прицелиться, приходилось подбираться к армии бледнолицых почти вплотную, большинство из них быстро погибли.

— Не стой рядом со мной, — приказал Такумсе Элвину. — Пророчество Тенскватавы известно всем. Мои люди решат, что я смел только потому, что знаю — смерть мне не грозит.

Поэтому Элвин отошел немножко в сторонку, сохраняя, однако, расстояние, с которого в мгновение ока мог мысленно дотянуться до тела Такумсе и исцелить в нем любую рану. Чего он не мог исцелить, так это страха, гнева и отчаяния, которые уже успели завладеть душой Такумсе. Без пороха, без Наполеона несомненная победа стала не столь явной.

Основная тактика была успешной. Гикори сразу заметил ловушку, но особенности поля боя оставляли ему всего два выхода из положения — либо угодить в расставленные сети, либо отступить. Понимая, что отступление будет равносильно поражению, он решительно двинул армию меж холмов, удерживаемых краснокожими. В конце концов армия американцев должна была очутиться в узкой лощине, где французские мушкеты и пушки встретили бы ее шквальным огнем, тогда как краснокожие проследили бы за тем, чтобы никто из солдат Гикори не спасся. Победа была бы полной. Только предполагалось, что американцы достигнут лощины полностью де-

морализованными и падшими духом. Не говоря уже о том, что число их должен был значительно сократить ружейный огонь со стороны краснокожих.

Тактика была успешной и хорошо продуманной, но когда американская армия, завидевшая дула девяти заряженных шрапнелью пушек и две тысячи нацеленных на нее мушкетов, готовых залить все поле смертоносным свинцом, в нерешительности остановилась, французы, повинуясь каким-то необъяснимым приказам, почему-то принялись отходить. Как будто сами не верили в неуязвимость собственных позиций. Они даже не попытались забрать с собой пушки. Они отступали, бежали, как будто страшились, что с секунды на секунду на их головы падет страшная гибель.

После случившегося предсказать исход битвы было несложно. Гикори, естественно, не упустил представившуюся возможность. Не обращая внимания на уколы краснокожих, его солдаты ударили в хвост отступающим французам, безжалостно убивая тех, кто не успел убежать, и захватывая пушки и мушкеты, порох и пули. Спустя час они воспользовались французской артиллерией, чтобы разрушить в трех местах сте-

ны форта; американцы бурной рекой ворвались в Детройт; кровавая битва закипела на улицах крепости.

Вот тогда-то Такумсе и нужно было уходить. Пускай бы американцы разрушали Детройт, он бы тем временем отвел свои войска в безопасное место. Но, наверное, он чувствовал себя обязанным помочь французам, хотя те и предали его. Может быть, он еще видел проблеск надежды, считая, что армия краснокожих сможет разбить американцев, увлеченных сражением за Детройт. А может, он знал, что больше никогда ему не удастся собрать воедино воинов всех краснокожих племен; и если б он сейчас отступил, так и не приняв участие в битве, кто бы в будущем последовал за ним? Если краснокожие не пойдут за ним, значит, они не пойдут ни за одним другим вождем, и белый человек одержит неминуемую победу, покоряя племена по очереди, одно за другим. Наверняка Такумсе понимал, либо сегодня краснокожие победят, что было очень сомнительно, либо их борьба будет навеки закончена и всем его оставшимся в живых воинам придется бежать на запад, в незнакомые земли, и скрываться там в лесах. Или же они подчинятся бледнолицым, сами станут бледнолицыми, и голос леса навсегда

замолкнет. Надежда на победу была бесконечно мала, но Такумсе не мог безропотно смириться с подобным будущим. Он должен был сражаться, пока это возможно.

Поэтому вооруженные луками и стрелами, дубинками и ножами краснокожие напали на американскую армию сзади. Они пожали кровавую жатву — бледнолицые валились под ударами дубинок на землю, острые кремневые ножи легко входили в живую плоть. Такумсе закричал своим воинам, чтобы те забирали у мертвецов мушкеты, порох и пули, и многие краснокожие последовали его приказу. Но тогда Гикори пустил в дело свои самые дисциплинированные части. Ружья повернулись в противоположную сторону. И армия краснокожих, оказавшаяся на открытом месте, начала быстро редеть под залпами крупной картечи.

К вечеру, когда солнце уже садилось за горизонт, Детройт пылал; едкий запах дыма заполнил окрестности. Посреди дымной мглы стоял Такумсе с несколькими сотнями воинов-июни. Редкие островки рассеянных по полю краснокожих еще держались, но большинство воинов уже бежали в леса, туда, где белый человек их никогда не найдет. Гикори лично повел свои войска в

последний бой против Такумсе, отобрав тысячу человек из тех, что сейчас грабили французский форт и громили идолов в папистском соборе.

Пули, казалось, сыпались со всех сторон. Но Такумсе стоял, продолжая отдавать приказы своим воинам, призывая их отвечать на ружейный огонь выстрелами из мушкетов, которые краснокожие забрали у погибших американцев в начале боя. Пятнадцать минут превратились в вечность, Такумсе дрался, словно обезумев, воины-июни сражались с ним плечом к плечу и умирали у его ног. Тело Такумсе расцвело пурпурными ранами; кровь струилась по спине и животу; одна рука бессильно обвисла. Никто не знал, откуда у него столько сил, каким образом он еще держится на ногах. Но Такумсе, как и остальные люди, был сделан из обыкновенной плоти, поэтому в конце концов он упал, скрывшись в дымной пелене. На теле его красовалось не меньше полудюжины страшных ран, каждая из которых сама по себе была смертельна.

Когда Такумсе упал, ружейный огонь сразу стих. Как будто американцы понимали, что важнее всего убить вождя, и тогда дух краснокожих будет сломлен — раз и навсегда. Дюжина уцелевших в бойне воинов-шони, пользуясь ды-

мом и сумерками, выбрались с поля сражения, чтобы разнести горькую весть о гибели Такумсе по деревням шони, откуда она постепенно распространится по хижинам всех краснокожих. Великая битва закончилась поражением; бледнолицым нельзя верить — ни французам, ни американцам, поэтому великий план Такумсе был изначально обречен на провал. И все же краснокожие запомнили, что по крайней мере один раз они объединились под началом одного великого вождя, стали единым народом, мечтая о будущей победе. Имя Такумсе часто звучало в песнях, пока семьи краснокожих двигались на запад, переправляясь на другой берег Миззипи, чтобы присоединиться к Пророку. Имя Такумсе звучало в рассказах у сложенных из кирпича печей, среди краснокожих, которые носили одежду и работали как бледнолицые, но которые еще помнили, что когда-то они жили иначе и самым великим из краснокожих был человек по имени Такумсе, который погиб, пытаясь спасти лесную страну и древний, обреченный на забвение способ жизни.

Такумсе запомнили не только краснокожие. Даже американские солдаты, стреляющие по его затянутой дымом фигуре, восхищались

мужеством вождя. Он был мифическим героем, явившимся из древних времен. В душе все американцы были фермерами и лавочниками, тогда как Такумсе прожил жизнь, как Ахиллес и Одиссей, как Цезарь и Ганнибал, Давид[25] и Макавеи[26].

— Он бессмертен, — бормотали солдаты, видящие, как в его тело входят пули, а он все стоит.

Когда же он наконец упал, его тело долго искали, но так и не нашли.

— Шони утащили его с собой, — заявил Гикори, подводя итог.

Он даже не позволил солдатам поискать труп Мальчика-Ренегата, посчитав, что этот предатель наверняка струсил, как и французы, и давным-давно сбежал. «Пусть его», — сказал Гикори, и никто не посмел спорить с ним. Он ведь одержал славную победу. Ведь именно он сломал хребет краснокожему сопротивлению, сломал раз и навсегда. Это все сделал Гикори, Энди Джексон, —

---

[25] Примечания: 25

под Давидом подразумевается библейский герой Давид, одолевший великана Голиафа

[26] Примечания: 26

библейское семейство, вставшее на защиту истинной веры и отечества (в 167 г. до Р.Х); они восстановили богослужение по закону Божию, защищали от врагов свое отечество и стали впоследствии правителями Иудеев

его даже хотели сделать королем, но потом, после долгих споров, сошлись на президенте. Однако Такумсе не забыли, и по стране продолжали распространяться слухи, что он еще жив, что его страшные раны отчасти излечились и что он теперь только ждет подходящего момента, чтобы вновь возглавить вторжение краснокожих, которые хлынут из-за Миззипи, из южных болот или из какой-то таинственной маленькой долинки посреди Аппалачей.

На протяжении всего сражения Элвин поддерживал в Такумсе жизнь. Каждый раз, когда новая пуля разрывала плоть вождя, Элвин тут же залечивал разорванные артерии, не давая Такумсе истечь кровью. У него не оставалось времени, чтобы справиться с болью, но Такумсе, казалось, не замечал страшных ран. Элвин заполз в небольшую пещерку среди корней, образовавшуюся, когда одно дерево упало рядом с другим, съежился там и, закрыв глаза, принялся наблюдать за Такумсе своим внутренним зрением, проникнув в его тело. Элвин не видел того великого, могучего человека, чей образ запечатлелся в легендах. Элвин не замечал, как пули свистят в нависшей над ним листве и осыпают его мелкими щепками, вонзаясь в деревья. Он практически не ощутил

укол острого жала, когда одна из пуль попала ему в руку, — он был слишком занят тем, чтобы удержать Такумсе на ногах.

Но кое-что Элвин все-таки заметил. Где-то рядом, на границе зрения, прозрачной тенью маячил Рассоздатель, протягивая свои дрожащие щупальца сквозь лес. Такумсе Элвин излечить мог. Но кто излечит зелень леса? Кто излечит оторванные друг от друга племена, расставшихся друг с другом краснокожих? Все, что создал Такумсе, распалось на части в течение какого-то часа, а Элвин только и мог, что поддерживать жизнь в одном-единственном человеке. Да, этот человек был велик, он изменил мир, он построил нечто величественное, пусть даже это нечто в конце концов привело к еще большим страданиям. Такумсе был строителем, но, поддерживая в его теле жизнь, Элвин понимал, что дни, когда Такумсе занимался созиданием, остались позади. Скорее всего Разрушитель не отнимет жизнь друга Элвина. Кто такой Такумсе по сравнению с той тризной, которую сейчас справляет Рассоздатель? Как заметил когда-то давным-давно Сказитель, Рассоздатель способен разрушать, рассоздавать, расчленять, разъедать куда быстрее, чем человек умеет строить.

Элвин даже не следил за перемещениями Такумсе, больше беспокоясь о том, что происходит внутри тела великого краснокожего, но постепенно Такумсе подходил все ближе и ближе к тому месту, где прятался Элвин. Поэтому, когда пули посыпались настоящим смертоносным градом, когда из дюжины ран сплошным потоком хлынула кровь, которую Элвин уже не смог сдержать, Такумсе упал именно в ту небольшую пещерку, где нашел убежище Элвин. Обмякшее тело вождя, свалившееся на Элвина, чуть не вышибло из мальчика дух.

Вокруг долго ходили американские солдаты, ищущие тело Такумсе, но Элвин их не видел. Он залечивал раны, сращивал разорванную плоть, соединял сухожилия, излечивал сломанные кости. В конце концов им овладело отчаяние — жизнь Такумсе надо было как-то спасать. Тогда он открыл глаза и принялся вырезать из тела краснокожего засевшие там пули, тут же исцеляя раны. Все это время будто дымная завеса держалась над ними, не давая постороннему глазу разглядеть, что происходит в маленькой пещерке меж корнями, куда Рассоздатель загнал Элвина.

Элвин проснулся лишь к полудню следующего дня. Такумсе лежал рядом с ним — ослабевший,

обессилевший, но живой. Элвин был с головы до ног покрыт грязью и кровью, кроме того, ему срочно требовалось облегчиться. Он осторожно выбрался из-под Такумсе, чье тело стало настолько легким, словно воин был наполовину сделан из воздуха. Дым рассеялся, но Элвин по-прежнему чувствовал себя невидимкой, хотя и бродил в одеждах краснокожего посреди бела дня. Со стороны американского лагеря, разбитого на руинах Детройта, доносилось пьяное пение. Изредка откуда-то тянуло дымком. И повсюду Элвин натыкался на тела краснокожих, разбросанные по лесной земле, словно намокшая солома. Пахло смертью.

Элвин набрел на ручеек и от души напился, стараясь не думать, что где-нибудь выше по течению может лежать чей-нибудь труп. Он вымыл лицо и руки, опустил голову в воду, чтобы остудить пылающий ум, — так он обычно поступал дома после тяжелого рабочего дня. А затем вернулся в пещерку, чтобы разбудить Такумсе и привести его к воде.

Такумсе уже проснулся. Он стоял над телом одного из павших на поле боя воинов. Его голова была запрокинута назад, а рот широко открыт, словно он кричал так громко, что человеческое

ухо отказывалось воспринимать этот звук, лишь земля тряслась под ногами от громового вопля. Элвин подбежал к Такумсе и обнял его, приникнув к краснокожему, как испуганное малое дитя. Только это Элвин успокаивал Такумсе, а не наоборот, это Элвин шептал:

— Ты сделал все, что мог, ты сделал все возможное…

Но Такумсе не ответил ему, хотя его молчание могло послужить ответом, как будто он говорил: «Я жив, а значит, я сделал недостаточно».

Они ушли днем. Они даже не прятались. Позднее, проснувшись с чудовищным похмельем, некоторые американские солдаты клятвенно заверяли своих товарищей, что собственными глазами видели фигуры Такумсе и Мальчика-Ренегата, бредущие среди трупов павшей армии краснокожих, но солдатам этим никто не поверил. Даже если Такумсе и уцелел, что с того? Он теперь не представлял угрозы для бледнолицых. Он разбился о них, как огромная волна разбивается о мол, и они выстояли; он думал разнести их на кусочки, но вместо этого разбился сам, его огромное войско расплескалось каплями. Пусть некоторые брызги былой волны еще витают в воздухе, это ничего не изменит. Краснокожие ли-

шились силы. Вся сила сгорела в одном мощном, гибельном ударе.

На протяжении пути к Май-Амми Элвин не сказал Такумсе ни слова, да и сам Такумсе ни разу не заговорил с ним. Молча они вытесали каноэ. Элвин, когда требовалось, размягчал дерево, поэтому каноэ было готово за полчаса. Еще полчаса ушло на то, чтобы сделать весло. Затем они подтащили каноэ к берегу реки. Только когда нос лодки коснулся воды, Такумсе остановился, обернулся к Элвину, протянул руку и, коснувшись щеки мальчика, произнес:

— Если б все бледнолицые были похожи на тебя, Элвин, я бы никогда не стал их врагом.

Медленно подгребая веслом, Такумсе направился вниз по реке. Провожая его взглядом, Элвин вдруг подумал, что Такумсе вовсе не выглядит отчаявшимся, павшим духом человеком. Словно это не Такумсе вел битву. Битву вел белый человек, отстаивая свое право на эту землю. Бледнолицые могут сколько угодно считать, что они победили, они могут думать, что краснокожие отступили, склонили свои головы, но на самом деле проиграл белый человек, потому что Такумсе, плывущий вниз по Воббской реке к Гайо, а оттуда к Миззипи, чтобы перебраться сквозь речные

туманы на другую сторону великой реки, увозил с собой землю и ее зеленую песню. Проливая реки крови и обманывая, белый человек приобрел не живую землю, на которой когда-то жили краснокожие, но ее труп. Бледнолицые завоевали разлагающиеся останки. Которые, оказавшись в их руках, вскоре превратятся в пыль.

«Но я белый человек, а не краснокожий, что бы там ни говорили, — думал Элвин. — И гниль у нас под ногами или твердая почва, эта земля — все, что мы имеем, а наш народ — это тот народ, который у нас есть».

Повернувшись, Элвин зашагал вниз по берегу Воббской реки, зная, что там, где в эту реку вливаются воды Типпи-Каноэ, он найдет своих папу и маму, своих братьев и сестер, которые ждут не дождутся его, гадая, что же случилось с ним за целый год, который прошел с тех пор, как Элвин направился в Хатрак, чтобы стать подмастерьем у кузнеца.

Глава 19
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Вопреки всем ожиданиям Наполеон прибыл во Францию не в оковах и не в цепях. Спал он во второй каюте и ел за одним столом с губернатором Лафайетом, который с радостью делил общество генерала. В один из жарких полдней, пока судно пересекало Атлантику, Лафайет поделился с Наполеоном, лучшим другом и товарищем, планами готовящейся революции, а Наполеон, в свою очередь, выдвинул ряд очень ценных предложений, которые помогут революции свершиться быстрее и обеспечить ей успешный исход.

— То, что случилось, весьма прискорбно, — сказал Лафайет в тот день, когда впередсмотрящий заметил на горизонте берег Бретани, — но во всем этом есть и хорошая сторона. Мы теперь друзья, и революция непременно удастся, поскольку к ней присоединились вы. Подумать только, однажды я не верил вам, считая вас инструментом в руках короля. Инструментом Карла! Но вскоре вся Франция узнает о ваших подвигах и проклянет короля и Фредди, которые отдали американцам

Детройт. Вся территория очутилась в руках протестантов и дикарей, но мы предложим народу Франции новый, лучший путь, по которому наших сограждан поведут настоящие вожди. Ах, Наполеон, сколько лет я ждал такого человека, как вы, сколько лет я составлял планы прихода своей родной страны к демократии. Чего нам, фельянам, недоставало, так это вождя, человека, который сможет направить нас, который приведет Францию к истинной свободе.

Лафайет вздохнул и удовлетворенно откинулся на подушки кресла.

Однако к удовлетворению, с которым Наполеон воспринял эту речь, примешивалась капелька грусти. Он-то думал, что Лафайет не поддается его чарам, поскольку внутри этого человека кроется какая-то неведомая могущественная сила. А оказалось, все дело в каком-то глупом амулете. Когда дело дошло до честного противостояния Наполеону, Лафайет держался не дольше остальных. Но теперь, когда амулет упокоился в общей могиле на окраинах Детройта, надетый на разлагающуюся шею Фредерика де Морепа, Наполеон понял, что нет ему равных в этом мире, за исключением самого Господа Бога и Природы. Ни один человек не сможет противостоять ему. Поэтому

болтовню Лафайета Наполеон воспринимал с едва заметной горечью — он мечтал о том человеке, которым Лафайет когда-то себя показал.

Матросы на палубе засуетились, забегали, что-то зазвенело, застучало, затрещало — судно коснулось берега. Наполеон наконец-то вернулся во Францию.

Такумсе не было нужды опасаться плотной пелены тумана, в которую он вошел, достигнув устья Гайо и оказавшись в водах Миссипи. Сильное течение закружило его каноэ и увлекло за собой. Но река не обманет его. Такумсе знал, куда надо держать путь, — надо неуклонно плыть на запад, и та земля, что встретится вскоре, подарит ему убежище и кров. Там Такумсе проведет последние дни своей жизни.

Ибо впереди его уже ничего не ждало. Земля к западу от Миссипи принадлежала его брату, и ни один бледнолицый не посмеет ступить на нее. Земля, вода, всякая живая тварь будет препятствовать бледнолицым, если те по глупости решат, что краснокожих можно разбить снова и отогнать еще дальше. Однако теперь краснокожим скорее нужен дар Пророка, нежели искусство воина, которым всю жизнь был Такумсе. Может быть, на востоке, среди падших

краснокожих и глупых бледнолицых, о нем ходят легенды, но здесь, на западе, он тот, кто есть на самом деле. Неудачник, человек, чьи руки по локоть в крови. Человек, который обрек собственный народ на бессмысленное уничтожение.

В бок каноэ плеснула вода. Неподалеку раздалась песенка иволги. Туман приобрел ослепляюще белый цвет и вдруг расступился; ударившее в глаза солнце на некоторое время ослепило Такумсе. Три удара веслом, и каноэ ткнулось в берег, где сидел и ждал его какой-то человек, чей силуэт длинной тенью протянулся по траве в лучах клонящегося к горизонту светила. Краснокожий поднялся, ухватил каноэ Такумсе за борт и подтащил лодку к берегу, после чего помог Такумсе выбраться на землю. Такумсе не видел его лица, яркие лучи солнца еще слепили его, но он понял, кто его встречает. Понял по касанию руки. И по голосу, произнесшему:

— Пусть каноэ плывет себе. На другой берег нам больше не переплывать, брат мой.

— Лолла-Воссики, — воскликнул Такумсе.

Расплакавшись, он встал перед братом на колени. Все страдания, вся скорбь выплеснулись из него рекой слез, тогда как возвышающийся над ним Лолла-Воссики, Тенскватава, Пророк пел

песнь печали, песнь, в которой оплакивалась смерть пчел.

Еще на подходе к городу Элвин заметил постигшие эти места перемены. На видном месте, на обочине Воббского тракта, была установлена огромная доска со строчками:

Мимо пройди, чужеземец, коль сможешь,

Или услышишь сказанье, что душу твою растревожит.

Элвин сразу понял, о чем предупреждает доска. Но он не был здесь чужим.

Не был, но, может, стал таковым? Завернув за поворот, он увидел новые строения, появившиеся в городе, новые дома. Люди теперь старались жаться поближе друг к другу, и Церковь Вигора превратилась в настоящий город. Но никто не поздоровался с ним, и даже дети, играющие на общинных лугах, не окликнули Элвина. Видно, родители научили их не здороваться с незнакомцами, а может, ребятишкам страшно надоела одна и та же ужасная повесть, которую приходилось рассказывать их отцам и старшим братьям зазванному в дом прохожему. Поэтому лучше здесь ни с кем не здороваться.

Прошедший год изменил и самого Элвина. Он не только сильно вытянулся, изменилась его

походка — теперь он ходил как краснокожий, ощущая пятками непривычную твердь проложенных белым человеком дорог и скучая по песне зеленого леса, которая почти смолкла, стоило ему войти в город. «Может, я и в самом деле стал здесь чужим. Может, я слишком много видел, слишком много дел переделал за прошлый год. Может, я уже не могу вернуться и быть прежним Элвином-младшим».

Хоть город и изменился, Элвин сразу нашел знакомую дорогу. Здесь все осталось по-старому; над каждым, даже самым маленьким ручейком нависали крепкие крытые мосты. Элвин попытался вспомнить ярость воды, которую ощущал раньше, проходя над ручьями. Но черное зло, некогда бывшее его лютым врагом, не узнавало его, поскольку теперь он ходил как краснокожий, теперь он был един со всем живым миром. "Ничего, — подумал Элвин. — Когда эту землю приручат, когда леса умрут, я снова стану белым человеком, и тогда Рассоздатель найдет меня. Он изгнал из этих краев краснокожих, которые исцеляли страну, точно так же он попытается сломать меня. Если даже Такумсе не смог выстоять, если мудрый Тенскватава и тот не сумел одолеть древнего Разрушителя, что делать мне?

Я должен жить, день за днем, как гласит псалом. Должен жить. О Господи, исполни меня своим светом и любовью, утоли мою печаль, наполни чашу мою, вознеси меня, исцели душу мою, верни мне целостность. Аминь. Аминь".

Кэлли, ничего не делая, торчал на крыльце дома, как будто высматривая, вдруг Элвин-младший решит вернуться домой именно сегодня. Может быть, он действительно ждал его. В общем, как бы то ни было, именно Кэлли заорал на всю ферму, именно Кэлли сразу узнал Элвина, хоть тот очень изменился.

— Элвин! Элли! Элвин-младший! Он вернулся! Ты вернулся!

Первым на его зов откликнулся Мера, выбежавший из-за угла дома, — рукава рубахи высоко закатаны, в одной руке топор. Увидев, что перед ним действительно Элвин, он выронил топор, взял Элвина-младшего за плечи и оглядел с головы до ног, проверяя, цел ли он, невредим ли. Элвин в свою очередь оглядел Меру, ища глазами шрамы. Нет, ни одного шрама не видно, все раны исцелились. Зато Мера сразу углядел раны Элвина.

— А ты повзрослел, Эл, — мягко сказал он.

Элвину было нечего ему ответить, поскольку

Мера сказал чистую правду. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, понимая, сколь долгий путь они преодолели, встав на дорогу страданий и гонений краснокожего человека. Ни один бледнолицый не узнает того, что известно им.

Затем на крыльцо вылетела мама, прибежал папа с мельницы, и тут началось. Объятия, поцелуи, слезы, смех, крик, молчание. Теленка, конечно, резать не стали, но один из поросят так и не увидел следующего восхода солнца. Кэлли помчался на фермы братьев и в лавку Армора, разнося радостную весть, так что вскоре вся семья собралась поприветствовать Элвина-младшего, который, насколько они знали, был жив-здоров, но которого они уже отчаялись вновь увидеть.

Вскоре спустились сумерки. Папа сунул руки в карманы, мужчины, заметив это, разом замолкли, вскоре замолчали и женщины. Кивнув, Элвин сказал:

— Я знаю ту повесть, что вы должны рассказать. Так что начинайте, а потом я поведаю, что произошло со мной.

Они рассказали о случившемся ему, а он — им, вслед за чем последовали слезы, слезы скорби, не радости. Теперь Воббская долина стала им веч-

ным приютом; только здесь могли жить люди, участвовавшие в бойне на Типпи-Каноэ; они жили рядом друг с другом и избегали странников и прохожих. Разве могли они уйти отсюда и жить в мире, в котором всем новым знакомым придется рассказывать одну и ту же ужасную повесть о том, что они когда-то натворили?

— Поэтому мы останемся здесь, Эл-младший. Но ты и Кэлли свободны. Может быть, тебя еще можно будет устроить подмастерьем, как ты думаешь?

— Поговорим об этом после, — перебила отца мать. — Времени на расспросы хоть отбавляй. Он вернулся, и это сейчас главное. Мой сын, которого, как я думала, мне никогда не доведется увидеть, вернулся. Слава тебе, Господи, что ты не сделал мои слова пророческими, когда я сказала, что никогда больше не увижу своего милого, славного малыша Элвина.

Элвин обнял маму так же крепко, как она обняла его. Он не стал говорить ей, что ее пророчество сбылось. Домой вернулся вовсе не тот славный малыш Элвин, которого она знавала когда-то. Но пускай она сама узнает правду. А сейчас хватит того, что прошел целый год, в течение которого на глазах у Элвина происходили великие переме-

ны. Теперь жизнь, как бы горька, как бы чужда она ни была, войдет в привычную колею, и земля не будет больше качаться под ногами.

Той ночью, лежа в собственной постели, Элвин слушал далекую зеленую песню, по-прежнему теплую и прекрасную, все такую же яркую и исполненную надеждой, пусть лес становился все реже и реже, пусть будущее было затянуто тусклой пеленой. Ибо песнь жизни не страшится будущего, она вечно радуется настоящему. «Именно этого мне сейчас и не хватает, — подумал Элвин. — Я должен радоваться настоящему, ведь оно так чудесно».

ГЛОССАРИЙ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Некоторые имена, используемые Орсоном Скоттом Кардом, двусмысленны и не подлежат переводу на русский язык. Чтобы лучше уловить характеры персонажей, был составлен данный краткий глоссарий.

Армор (Armor-of-God) — в переводе на русский язык это имя должно звучать как «Броня Господня».

Бездельник Финн (Mike Fink) — в общем-то, обычное английское имя Майк у Орсона Скотта Карда несет в себе несколько значений, ибо в переводе с английского оно означает «бездельник; человек, отлынивающий от работы». Фамилия также несет в себе подтекст — fink с английского языка переводится как «штрейкбрехер; бунтовщик», что весьма подходит характеру Бездельника, который не особенно любит работать.

Вера (Faith) — это имя дословно переведено на русский язык, и понимать его следует буквально.

Вигор (Vigor) — в переводе с английского имя

Вигор означает «сила», «мужество», что полностью соответствует характеру персонажа, пожертвовавшего жизнью ради своей матери и брата Элвина.

Кальм (Calm) — как и многие другие имена, это имя отражает характер персонажа. Calm — «спокойный».

Мера (Measure) — данное имя также несет в себе черты характера, присущие герою. «Мера», «мерило» — юноша обладает верным глазом и никогда не ошибается.

Миллер (Miller) — многие английские фамилии, как, впрочем, и русские, произошли от названия известных профессий. Миллер означает «мельник», поэтому в тексте книги фамилии Миллер и Мельник чередуются.

Нед (Wantnot), Нет (Waistnot) — перевод имен братьев-близнецов весьма волен. В дословном переложении на русский их имена будут звучать как «Не-захоти» и «Не-трать-даром». Нед и Нет — это сокращения: Нед — от «не-дозволь» (по словам одного из персонажей книги, этот брат всегда оказывается там, где должна произойти беда, и предотвращает ее), а Нет — от «не-трать».

Рвач Палмер (Hooch Palmer) — имя этого персонажа несет в себе множество зашифрованных

аллюзий. Дословно английское слово «hooch» переводится как «спиртной напиток, добытый незаконным путем; вид самогона, изготовляемый американскими индейцами». Имя Рвач было образовано от названия нашего родного самогона, первача, и приобрело одновременно несколько иной оттенок, описывая рвущегося вперед, к власти человека. Что же касается фамилии персонажа, то ее не следует понимать в буквальном переводе с английского, ибо она означает «паломник». На самом деле Орсон Скотт Кард образовал ее от глагола to palm, который переводится как «прятать в руке; подкупать». В рукаве у Рвача действительно припасено несколько фокусов, да и на подкуп он всегда готов.

Смит (Smith) — самая распространенная английская фамилия произошла от слова «кузнец».

Троуэр (Thrower) — эта фамилия несет в себе множество оттенков, образованная от английского глагола throw, некоторыми значениями которого являются «менять (кожу — говорится о змее)», «набрасывать (например, сети)», «проигрывать».

Уивер (Weaver) — на первый взгляд данная фамилия, переводящаяся как «ткач», не имеет отношения к герою. Впрочем, можно вспомнить,

что Армор Уивер мечтал стать губернатором штата. Давая людям в долг, он обязывал их и ткал сети, оплетая Воббскую долину.